Алексей Александрович Маслов
Путь воина. Секреты боевых искусств Японии

«А. А. Маслов. Путь воина. Секреты боевых искусств Японии»: Феникс; Ростов-на-Дону; 2004
ISBN 5-222-04990-6

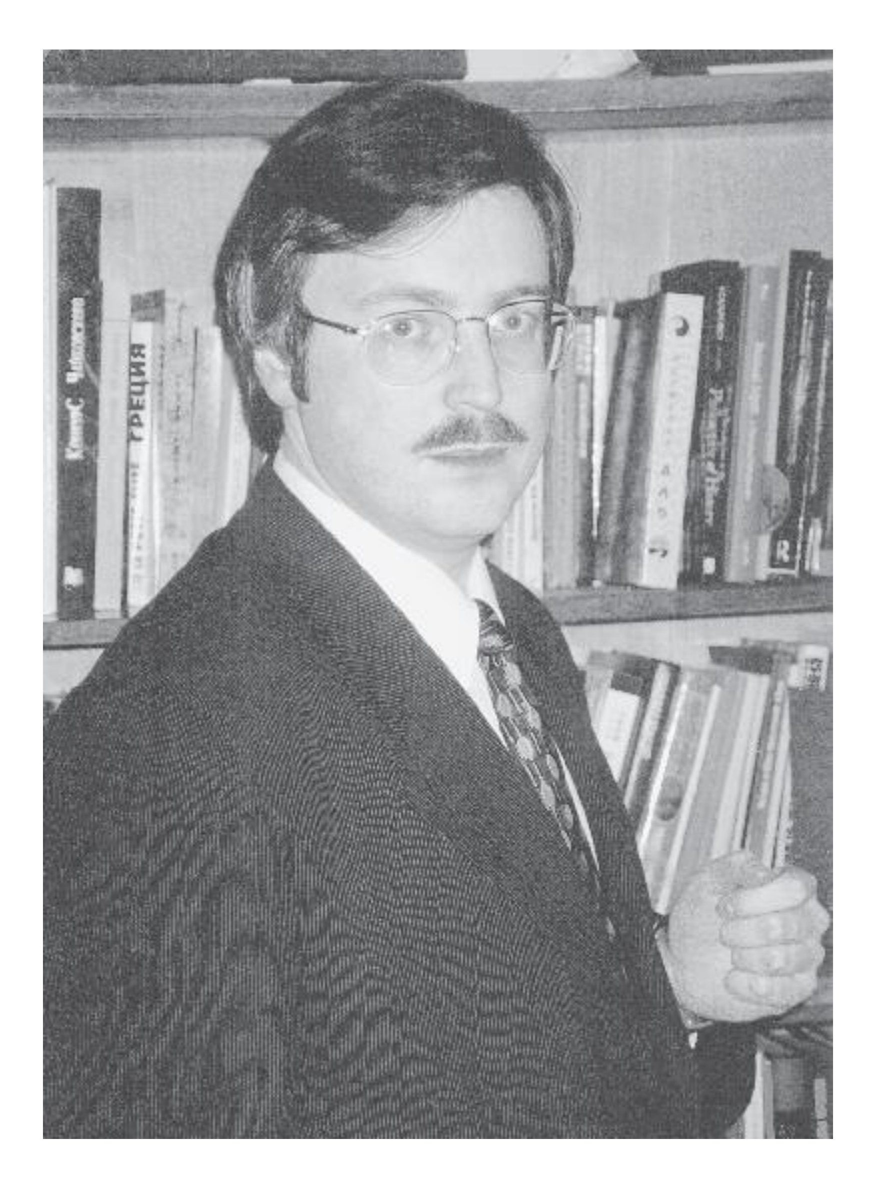
Аннотация

Из переплетения местной боевой традиции и китайского ушу, самурайского кодекса чести «Бусидо» и тайных народных методов боя родился уникальный мир боевых искусств Японии. В нем роза была неотделима от меча, а поэзия – от искусства боя. В книге собраны редчайшие материалы о воинской практике самураев, методах тренировки в дзюдо и айкидо, каратэ и сериндзи кемпо, искусстве боя на мечах кэндо, системах боя подручными средствами кобудо и таинствах тренировок горных монахов Ямабуси.

Почему жители Окинавы не признавали японских боевых искусств и изобрели свое; о чем думал перед смертью «отец каратэ» Гитин Фунакоси; как китайцы «изобрели» каратэ; что такое «удар мыслью»; сколько медитировал по утрам Масутацу Ояма; как тренировался основатель айкидо Морихэй Уэсиба; почему истинный вид традиционного дзюдо не известен даже чемпионам мира

Все это и многое другое в новом бестселлере Алексея Маслова.

А.А. Маслов
Путь воина. Секреты боевых искусств Японии



Маслов Алексей Александрович родился в 1964 году в Москве. Закончил Институт стран Азии и Африки при Московском Государственном Университете, историк-востоковед, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского Университета Дружбы Народов, академик РАЕН, профессор нескольких зарубежных университетов. Автор целого ряда книг по истории, теории и практике боевых искусств и восточным традициям, изданных на русском и иностранных языках.

ВВЕДЕНИЕ

Речь в этой работе пойдёт об истории японских боевых искусств (***бу-дзюцу)*** и о той культуре, которая породила всю воинскую традицию Японии. Японские боевые искусства самым непосредственным образом связаны с ушу, особенно с его армейским вариантом, хотя сегодня они превратились в абсолютно самостоятельные направления. В противоположность китайскому **ушу** , возникшему стихийно и формировавшемуся тысячелетиями, бу-дзюцу постоянно изменяясь внешне, именно «создавались». Это значит, что основателем любого стиля или школы в Японии был реально существовавший человек, а не легендарная личность, как в Китае.

Ушу практически не было связано с политикой, мастера боевых искусств не участвовали в политических кампаниях, хотя нередко и страдали от них. В Японии же не было ни одной школы боевых искусств вне политического течения – это можно наблюдать на примере таких знаменитых направлений, как *каратэ, айкидо, дзюдо* . Если история китайского **ушу** – это история духовных и мистических школ, то история японских боевых искусств, в особенности каратэ, – история личностей. О них в основном и пойдёт речь на страницах этой книги.

Мы будем рассматривать исключительно традиционные виды боевых искусств, причём в их традиционной форме. Это не тавтология: сегодня существуют японские виды боевых искусств, которые весьма косвенно связаны со своими старыми формами. Например, если описывать дзюдо как современный высокотехничный вид спорта и дзюдо как сложную этическую систему воспитания японцев, то получатся две разные книги. Даже каратэ, возникшее в XX столетии, ныне живёт отнюдь не по тем законам, которые разработал один из его создателей Фунакоси Гитин. Как только боевые искусства, будь то дзюдо или каратэ, становятся видом спорта, к тому же спорта больших достижений, они уходят от традиционной духовной культуры и начинают жить по спортивным законам.

Мы же, подчёркиваю это особо, будем говорить о японских боевых искусствах как о части духовной культуры Востока и как об особом мире внутри японской традиции.

КНИГА 1. ПОД ЗНАКОМ БУСИДО

«ДУША ЯПОНИИ»

ВОЙНА В ОДИНОЧКУ

В начале 70-х годов страницы газет заполнили удивительные сообщения. В джунглях Лубанга на Филиппинах обнаружен лейтенант японской императорской армии Онода Хиро, которого все считали погибшим. Небольшая группа Оноды была заслана сюда во время Второй мировой войны для организации диверсий против американских солдат. Товарищи Оноды погибли – были убиты или умерли от голода, и Онода, имевший специальную подготовку, в том числе и психологическую, сражался один, считая, что война продолжается,

и веря в победу Японии. Когда Оноду посылали в Лубанг, он получил приказ ни при каких условиях не сдаваться в плен и любым способом сохранить свою жизнь для выполнения задания. Поэтому он не вышел из джунглей, даже когда к нему через мегафон обратилась мать. Ему зачитали указ императора о капитуляции Японии в войне – Онода счёл это провокацией, ибо великий император не может обречь страну на позор. Ему сбрасывали с вертолёта журналы с фотографиями современного процветающего Токио – Онода делал вывод, что раз город так изменился, значит, война идёт в пользу Японии.

Наконец в 1974 г. был найден бывший командир Оноды. Уже старый человек, он приехал на Филиппины, чтобы лично отдать Оноде приказ закончить 30-летнюю войну. Лишь его приказу подчинился Онода, истинный носитель самурайского духа.

Мы не случайно рассказали эту историю. Именно здесь, в самурайской культуре, в особой системе воспитания человека-воина – берут начало все виды японских боевых искусств, будь то *дзю-дзюцу, дзюдо, каратэ или айкидо* . А это значит, что книгу о них надо начинать с самурайской древности.

САМУРАЙСКИЕ ИСТОКИ БОЕВЫХ ИСКУССТВ

История Оноды может показаться фантастической европейцу или американцу, но только не японцу. Для японца в ней нет ничего необычного – это вполне традиционное проявление особого самурайского духа, который прививается с детства.

В переводе с японского «самурай» означает «воин» или «человек, занимающийся боевым искусством». Именно это слово стало привычным для европейца. Но в Японии те же иероглифы читают иначе – «**буси** ». Никакого дополнительного оттенка слово «самурай» (буси) не несёт, оно просто обозначает человека, который профессионально занимается воинскими искусствами или принадлежит к воинской среде. (Последнее я подчёркиваю особо, поскольку с XVIII в. многие потомственные воины вообще не занимались боевыми тренировками, носили меч лишь по традиции и всё своё время посвящали развлечениям и изящным искусствам). Самураев объединяла не только принадлежность к ратному делу, но и особая идеология, которая в свою очередь диктовала определённый тип поведения – преданность господину, верность слову, презрение к смерти, беззаветное служение интересам своего государства или клана. Всё это в совокупности стало называться *Бусидо* – «Путь воина».

Самураев называют «душой Японии». Ничто, наверное, не повлияло на японскую культуру и тем более на культуру боевых искусств так сильно, как самурайский дух. Чтобы постичь его, чтобы понять истоки дзюдо, каратэ и прочих современных боевых дисциплин, нам предстоит прежде всего углубиться в историю и культуру японских самураев.

Зачем? Не проще ли лишь описать методы воинской подготовки и хитроумные приёмчики, начиная от самурайских искусств и кончая *каратэ* ? Но в этом случае вряд ли удастся понять, на наш взгляд, странное поведение многих незаурядных личностей, прославивших японские боевые искусства. Почему, например, знаменитые ниндзя, придерживаясь самурайского кодекса чести – а большинство из них и принадлежали к самураям, – были в основном наёмниками, выполнявшими самые тёмные дела, в том числе убийства? Почему «отец каратэ» Фунакоси Гитин, неизменно подчёркивавший свою приверженность духу предков, сломал традицию, которая существовала до него, и почему он бросил на произвол судьбы свою семью?

Какой же он – классический японский самурай? Мы сразу представляем себе благородного, немногословного воина. Он неизменно следует кодексу воинской чести Бусидо – вежлив, дисциплинирован, предан своему господину и милосерден к побеждённым. Самурай никогда не нападает со спины, заранее предупреждает противника о своём желании вступить с ним в бой и даже даёт время подготовиться к поединку. Измену и предательство он считает величайшим и позорнейшим преступлением. В обыденной жизни строго следует установленным ритуалам. В перерывах между воинскими тренировками и битвами самурай

не прочь заняться стихосложением и живописью, любит предаваться философским рассуждениям. И вообще он не только храбрый воин, но и духовно развитый, утончённый человек. Такой или приблизительно такой стереотип мы без труда обнаружим почти во всех кинофильмах о самураях и в книгах, посвящённых японским боевым искусствам. Именно ему подражают сегодня многие последователи каратэ, айкидо и других боевых искусств.

Идеальный образ самурая возник не случайно – его тщательно лепила сама японская культура. Но, как известно, культура не всегда способна адекватно отразить действительность. Самурайская реальность существенно отличается от наших представлений о ней. Воины сплошь и рядом были вероломны, легко нарушали данное слово, предавали своих господ, убивали из-за угла, были откровенно жестоки, а многие к тому же и не столь образованны. Образ благородного воина, созданный традицией японских боевых искусств, резко отличался от существовавшего на самом деле.

Итак, самурайская культура оказывается более сложной и неоднозначной, чем может показаться на первый взгляд. Следовательно, эту неоднозначность и «неидеальность» нам предстоит обнаружить в японских боевых искусствах, как древних, так и современных.

ВЕТЕР ИЗ КИТАЯ

Практически все самурайские искусства уходят своими корнями в Китай. Именно здесь истоки особого отношения к воинской практике, когда воин считал, что он не столько совершенствуется в боевом мастерстве, сколько занимается особого рода священнодействием. Из Китая в Японию пришли все основные трактаты по теории и практике боевых искусств, в Китае обучались многие японские военачальники древности и создатели современного *каратэ.*

Наиболее заметным такое влияние было в период правления китайской династии Тан (618 – 907 гг.). В Японию приезжали китайские наставники, обучавшие каллиграфии, классической литературе, комментаторы конфуцианских канонов. За ними потянулись буддийские и даосские монахи, инструкторы воинских искусств. В Японии тщательнейшим образом отбирались специальные посланники из числа наиболее образованных людей (*кэнтоси*) для поездки в Китай, где они должны были обучаться наукам и высоким искусствам – от философии и каллиграфии до боевых искусств.

Воинская культура Китая с её сложными философскими и стратегическими построениями сразу же привлекла внимание японцев. Не случайно одной из первых китайских книг на Японских островах стал трактат знаменитого стратега Сунь-цзы, входящий в каноническое воинское «Семикнижие». В Японию трактат Сунь-цзы (в японском чтении – Сонси) привёз Киби Макиби (693 – 775 гг.), дважды посещавший Китай во главе японского посольства. Киби был настолько восхищён теоретическими работами китайских военачальников, что счёл своим долгом познакомить с ними и Японию, поэтому в его багаже оказалось несколько десятков трактатов, принадлежащих школе *бинцзя* – военных стратегов. В 747 г. вышел японский трактат «Сёку Нихонги», где уже можно встретить многочисленные цитаты из трактата Сунь-цзы.

Порядки и нравы Китая периода Тан стали в Японии моделью для подражания. Учиться было чему. Правление династии Тан ознаменовалось в Срединной империи небывалым взлётом культуры, созданием новых поэтических и художественных форм, формированием чань-буддийской философии и эстетики, тщательной разработкой теории подготовки воинов в армии. Не случайно с тех пор многие китайские привнесения стали именоваться в Японии не иначе как «танские способы», например, ушу называли – *тодэ* – «танская рука», что при другом чтении тех же иероглифов превращалось в знакомое нам *каратэ* .

И всё же японская культура, безусловно, не может быть сведена только к отображению китайской культурной традиции. Например, в Китае вполне конкретная боевая практика воинов в армии именовалась «ушу» или «уи». Но точно так же назывались и танцевально-

магические представления на деревенских праздниках, народные боевые танцы, даже религиозные обряды тайных сект, имевшие достаточно косвенное отношение к технике боя. В Японии такого мы не встретим, хотя в японских боевых искусствах есть место и для символики, и для особой воинской идеологии. Весь комплекс боевых искусств бу-дзюцу – это как бы японские одежды, сшитые по японским меркам и фасонам, но из материи, изготовленной в Китае.

Такуан Сохо (1573-1645) знаменитый дзэнский монах из храма Дайтокудзи. Преподавал дзэнское учение и чайную церемонию мастеру меча Миямото Мусаси, а также был наставником императора Го-Мидзуно и другом сёгуна Токугавы Иэмицу

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ САМУРАЕВ

Когда же началась собственно японская традиция боевых искусств? Где её истоки? Японская воинская культура моложе китайской почти на тысячелетие. В то время как в Китае регулярно проводились экзамены по ушу среди чиновничества, существовали десятки школ боя с оружием, которого насчитывалось свыше сотни разновидностей, в Японии только-только начинали формироваться основы регулярной воинской подготовки. И естественно, многое в практике японских воинов было скопировано с китайских образцов, в основном VI – VII вв. Так появляются ранние японские методы упорядоченной боевой тренировки и первые армейские кодексы. Собственно, ещё до письменной фиксации таких законов существовали их прообразы – устные уложения, племенные заповеди, правила воинской морали. Но уже в VII в. в государстве Ямато составляются два сборника законов – «Омирё» (668 г.) и «Киёмигахарарё» (682 г.). История не донесла их до нас, они были уничтожены временем. Зато сохранился другой документ, именуемый «Свод законов Тайхо» («Тайхо ёрё рё» или «Тайхорё»), опубликованный в 702 г., где немало внимания уделено предмету, весьма актуальному для той эпохи, – воинской подготовке. В основе этого сборника – несколько сводов законов, пришедших из Китая, в частности «Тан лин» – «Административный кодекс династии Тан». Таким образом, даже истоки законодательных актов Японии находились в Поднебесной империи.

Кем же были предшественники знаменитых самураев? В подавляющем большинстве простолюдинами, одинаково хорошо владевшими и мотыгой, и дешёвым мечом, а то и просто заострённой палкой, которой они пользовались для защиты своих поселений. Один из самых первых письменных законов Японии «Манифест Тайка» (646 г.), предписывал каждому военнообязанному вносить в казну меч, латы, лук со стрелами, боевой флажок и малый барабан [23]. По-видимому, всё это хранили на особых складах и раздавали с началом боевых действий. Позже стала формироваться профессиональная армия, и как логическое завершение этого процесса через несколько столетий сложился класс самураев.

Дисциплина в древней армии была на удивление жёсткой и досконально разработанной. Уже тогда складывается специфический подход к военной службе как к особому почётному долгу.

Тот, кто попадал в столицу, служил всего лишь год. Таких столичных солдат называли *вэйси* , т. е. «дворцовые стражи», и они несли службу по охране дворцовой территории. Значительно сложнее приходилось тем, кого направляли в пограничные войска (*бодзин*): там солдаты находились три года, причём проезд до места назначения в срок службы не засчитывался, хотя поездка в дальние гарнизоны. Например, на острове Кюсю порой занимала несколько месяцев. Правда, из отдалённых районов в армию старались не призывать, к тому же при наборе следовали правилу: от одного двора из трёх взрослых мужчин после 21 года в войска брали лишь одного, чтобы не разорять сельское хозяйство.

Воинов делили на пятёрки (*го*) и полусотни (*тай*). Тех, кто владел искусством стрельбы из лука и верховой езды, брали в кавалерийские части, остальные становились обычными пешими воинами. Смешивать конников и пеших в составе одной части запрещалось. Существовали ещё и особые отряды, например снайперов-стрелков из больших луков (*досю*).

Особое положение занимали царские гвардейцы (*хёнэй*) и стражи внутри дворца (*тонэри*). Когда кандидаты в гвардейцы прибывали в столицу, сначала проводилась тщательная проверка их документов, устанавливалась личность – среди приближённых к высочайшей особе не должно оказаться предателей. Рядом с правителем находились наиболее преданные и умелые воины – его личная охрана (*удонэри*).

Стражники охраняли ворота, склады и арсеналы, следили за тем, чтобы не выбрасывали и не сжигали зловонные предметы, проверяли путь императорских выездов.

Правитель жил в постоянном страхе перед покушением и заговором со стороны своих же ближайших подданных. На территорию дворца пройти было непросто. Всех служащих и чиновников, включая самых высокопоставленных, вносили в специальные списки, которые

находились при входе во дворец. И если имени министра или его помощников в таких списках не оказывалось, то для них возможность пройти к правителю сводилась к нулю. Даже на слуг и мастеровых, что работали на территории дворца, составлялись такие списки; они утверждались министерством центральных дел и передавались в штаб охраны дворца. Особо следили за большими группами свыше пятидесяти человек – ведь это вполне могли быть заговорщики. Поэтому о них всегда докладывали правителю [25]. На территорию дворца нельзя было проносить без особого разрешения больше десяти комплектов боевого или церемониального оружия.

Экипировка рядового воина также строго регламентировалась. Обычно он был вооружён двумя мечами – большим и малым, луком с пятьюдесятью стрелами. Помимо этого воин, следуя закону **Гумборё** («О военной обороне», VIII в.), обязан был иметь при себе точильный брусок для мечей, мешочки для тетивы, сухой рис, флягу для воды, солонку, запасную тетиву и пару соломенных сандалий (*варадзи*).

В походе воины были скромны и непривередливы. На десять воинов приходилась простая подстилка (*конфумаку*) для отдыха, медные сковородки, котелки и ещё массу подручных средств: топоры, ручные пилы, долота, труты и огнива для разведения костров. Брать в походы женщин (как жен, так и наложниц) строго запрещалось.

Именно эти люди, одетые в соломенные сандалии и обмотки (*хабаки*), превратились через несколько веков в грозных и гордых самураев, создавших свою неповторимую культуру.

САМУРАИ ВЫХОДЯТ НА АРЕНУ ИСТОРИИ

Когда же появились в Японии самураи, известные сегодня как великие воины? Отдельное воинское сословие самураев начало складываться приблизительно к VIII в. В отличие от *кугэ* – родовых аристократов, стоявших в то время у кормила власти в Японии, первые самураи не были образованными людьми. Подавляющее большинство не умело ни читать, ни писать. Их трудно даже назвать профессиональными воинами; в основном это были рекруты, отряды которых дислоцировались на востоке и северо-востоке страны для борьбы с местными племенами *айнов* . Нередко к ним присоединялись беглые крестьяне и даже разбойники. Нравы были просты и жестоки: выживал тот, кто лучше других умел держать в руках меч. В таких отрядах господствовало не уважение к «голубой крови» и древности рода, как у аристократов-кугэ, а принцип сильнейшего.

За охрану границ и военные подвиги им жаловали небольшие земельные наделы (*лены*), которые позже стали основой огромных самурайских владений. Никакой политической или культурной роли эти люди долгое время не играли – разве могут повлиять на цивилизацию, погружённую в конфуцианские, буддийские и синтоистские ритуалы, разрозненные группы вооружённых плохо образованных людей? Оказалось, могут – но сначала самураям пришлось доказать свою жизненную необходимость для Японии во время кровопролитных войн X – XII вв., когда их стали нанимать различные аристократические дома для выяснения отношений между собой.

К XII в. вся политическая история Японии начинает определяться противостоянием двух крупнейших аристократических кланов – **Минамото и Тайра** . Связанные с этим события настолько потрясли жизнь страны, что о них слагались эпические повествования, особые «военные романы» – *гунки* . Дом Тайра долгое время фактически правил всей Японией, и его история превратилась в сознании последующих поколений самураев в грандиозную драму. Род Тайра принадлежал к высшей аристократии Японии и генетически по боковой линии восходил к принцуКамму (782 – 805 гг.). Тайра прославились как замечательные воины, которые не жалели ни своих ни чужих ради исполнения долга; не случайно их образы всегда связывались с исполнением законов Бусидо. Например, в X в. один из представителей рода Тайра – Масакадо, стремясь самостоятельно занять трон,

сформировал дружину из необузданных, неорганизованных воинов, покорил всю восточную часть Японии – область Канто – и поднял мятеж против западных областей, на которые простиралась власть рода Фудзивара. Он уже заранее провозгласил себя правителем страны Ямато. Душе воина была непереносима утончённая манерность периода Хэйан (898 – 1185 гг.) и его правителей из рода Фудзивара. Но мятеж Масакадо был разгромлен другим представителем клана Тайра – Садамори, который тем самым проявил полную лояльность к правящей династии.

В 1181 г. умер глава Тайра – Киэмори – и клан, лишившись вождя, быстро утратил свой авторитет. Дружина Минамото, напротив, крепла, и именно она стала основой будущего самурайского корпуса Японии. Много лет между Минамото и Тайра длилась изнуряющая война, получившая название «Гэмпэй». Наконец воины Минамото подошли к столице страны, и вожди Тайра в 1182 г. бежали из Киото. В 1186 г. этот клан был окончательно разбит.

Победителем вышел род Минамото, во главе которого стоял блестящий воин и хитроумный стратег Минамото Ёритомо. В 1192 г. он принял в городе Камакура титул *сёгуна* , т. е. военного правителя, и, таким образом, стал полновластным военным лидером Японии.

Минамото смогли лучше, нежели Тайра, организовать самураев, пообещать им больше наград и земель. По логике вещей симпатии самураев должны были оказаться на стороне Минамото. Но нет. Как только величие Тайра превратилось «в предутреннюю дымку», самураи горестно преклонили колени перед образом главы дома Тайра – великого Киэмори (1118 – 1181 гг.) – человека, чьи поступки, с нашей точки зрения, были далеко не всегда благородны. Как нам ещё предстоит убедиться, самурайская мораль – явление особого порядка, и именно личность этого великого воина привлекает внимание самураев многих последующих поколений.

Да, дом Тайра проиграл войну, да, он растоптан боевыми конями Минамото. Но сам деспот и диктатор Киэмори не проиграл ни одного сражения, а крушение некогда великого клана – не символ ли это мимолётности славы и удачи, да и всей нашей жизни? Киэмори был фактически правителем всей Японии во второй половине 70-х – начале 80-х годов. XII в. По его приказу сам император покорно сменил свою резиденцию, столицей был объявлен город Фукухара, а затем своевольный Киэмори лишь по одной своей прихоти вновь возвратил столицу в Киото. Этому человеку безропотно подчинялись и воины, и аристократы. Он – воплощённая необузданная сила, идеал самурая. Не случайно в «Повести о доме Тайра» говорится:

Гордые – недолговечны,
Они подобны сновидению
весенней ночью.
Могучие в конце концов погибнут,
Они подобны лишь пылинке
перед ликом ветра.

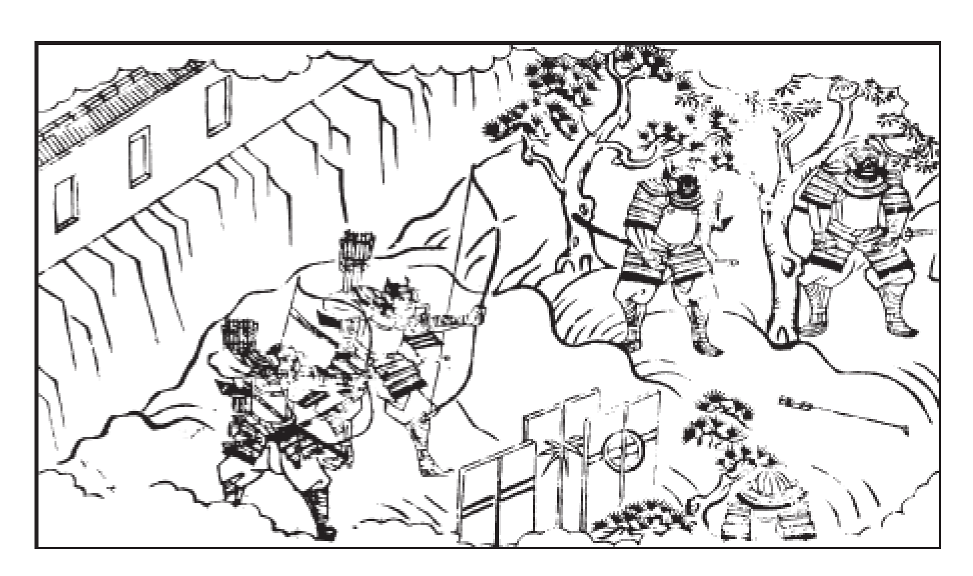
Такова суть едва ли не всей эстетики самурайского взгляда на мир: быть непобедимым, мужественным и гордым, покорить много княжеств и всё же уйти бесследно в небытие – ничто не удержит даже самого великого воина в этом суетном мире.

Киэмори стал воплощеним самурайского идеала. Он воевал и наслаждался поэзией, был неудержим в битвах и непобедим в поединках, он испытал любовь сотен женщин и страдал от разлуки с любимой. Он сочетал в себе два на первый взгляд противоречивых начала – монаха и воина. Однажды он тяжело заболел и, желая получить божественное исцеление, постригся в монахи, оставаясь при этом фактическим правителем Японии и безжалостным воителем.

Киэмори умирал страшно – кажется, сами духи решили наказать его за дерзость и неудержимую гордыню. Этот отважный воин тяжко мучился от нестерпимого жара, его даже поливали холодной водой, но, как гласит предание, струи, попадая на тело, тотчас испарялись, а весь дворец наполнялся удушливым чёрным дымом.

Было бы преувеличением считать, что именно такая смерть – цель каждого самурая. Но тем не менее она содержит все компоненты идеального ухода воина из жизни. Какие последние слова произносит Киэмори. Просит прощения, раскаивается? Может быть, как буддийский монах вспоминает о Будде? Нет. Вот его завещание: «После моей смерти не

надо никаких панихид! Не нужно ни храмов строить, ни часовен! Но сейчас же отправьте войска в Камакуру, отрежьте голову у Ёритомо и повесьте её на моей могиле! Таково моё желание!». Что ж, желание мало подходящее смиренному монаху, но вполне достойное самурая. Не случайно считалось, что самурай даже умирает непобеждённым. Именно эта черта – потенциальная непобедимость, воля к продолжению боя даже после смерти – как бы обожествляла персону самурая в глазах простых смертных, заставляя простить ему все грехи и злодеяния.



Уход Киэмори из жизни превратился в символ некоей вселенской катастрофы. После его смерти лидеры клана Тайра подожгли построенный Киэмори величественный дворец в Фукухаре с его роскошными покоями, десятками павильонов и прекрасными садами. Логика этого действия ясна: из жизни ушёл мистический лидер, никто больше не сравнится с ним, никто даже не имеет морального права жить в его дворце. Интересно, что дальнейший крах клана Тайра, поражения искусных воинов в битвах с Минамото мистически связываются именно с этим событием. Клан Тайра покинул не просто гениальный военачальник, но из него ушёл сам дух войны – не случайно Киэмори часто сравнивали с покровителем воинов божеством Хатиманом. Нарушилась связь с космосом, оборвались связующие нити с миром Будды и духов, которые держал в своих руках Киэмори. А без духов разве возможна победа на поле брани? Для японца в данном случае не существует огрехов в планировании битвы или тактике боя – просто духи отвернулись от некогда славного рода.

Поэтому флот Тайра проиграл морское сражение против Минамото, а восьмилетний наследник – император, как то предписывал ритуал, покончил жизнь самоубийством, бросившись в бушующие морские волны. Род Тайра сходит с подмостков истории, чтобы навсегда остаться в умах самураев символом мимолётности славы и величия в этом мире.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ САМУРАЙСКОГО ДУХА

Новые правители Японии были истинными воинами, людьми, вся жизнь которых прошла либо в сражениях, либо в подготовке к ним, что и предопределило развитие страны на ближайшие полтораста лет, которые стали именоваться периодом Камакура (1185 – 1333 гг.).

Теперь развитие культуры и социальной жизни проходило под знаком самурайства. Новые военные правители Японии перенесли столицу в Камакуру – в то время небольшой провинциальный город на востоке Японии. Отсюда правил страной Минамото Ёритомо, всячески стремясь оградить своих воинов от разлагающей обстановки императорской столицы Киото.

Минамото создал такую систему, что благосостояние самурая находилось в прямой

зависимости от уровня его воинской подготовки. Каждый умелый воин мог рассчитывать на получение земельного надела, причём надел был тем больше, чем выше мастерство воина.

Военное дело постепенно превращалось в профессию; появилось осознание того, что каждый удачный взмах мечом или бросок копья может принести небольшие, но стабильные деньги, а точнее – несколько мер риса в год. Положение самураев Минамото было ещё выгоднее – они имели земельные наделы и готовы были идти за своим господином в огонь и в воду.

Со времени прихода к власти сёгуна Минамото Ёритомо Японией стали управлять наследственные сёгунские династии. Правда, абсолютного наследования никогда не получалось: самурайские кланы постоянно враждовали между собой, и нередко титул сёгуна получали не по наследству, а в результате войн или коварных убийств, совершённых лазутчиками – *ниндзя* . Их искусство «тайного поединка» как нельзя лучше вписалось в эпоху.

Хотя Минамото Ёритомо и объявил себя верховным военным правителем Японии, в то время он ещё не обладал всей полнотой власти в стране – власть принадлежала правящему императорскому дому. Значительно позже император станет лишь формальным лидером страны. Пока же сёгун был просто «первым из равных» – наиболее авторитетным воином и военачальником, не более того. Вокруг сёгуна формировался его штаб, который впоследствии стал выполнять функции правительства, – *бакуфу* . Личное мастерство в бою здесь нередко играло едва ли не решающую роль. Первоначально понятие «бакуфу» означало всего лишь временную полевую ставку сёгуна, где находились его полководцы и советники. Но чем более усиливалась роль самураев в жизни страны, тем больше функции бакуфу начинали напоминать функции правительства.

Земли побеждённых противников Минамото были розданы его самураям, что в одночасье сделало простых воинов довольно состоятельными людьми. Однако далеко не все они умели обращаться с землёй, десятилетия сражений и походов уже отучили их от повседневной крестьянской работы, а зачастую они вообще считали её «низменным занятием». В этом состояла одна из причин будущего разорения бесстрашных воинов. В конце концов система кормления самураев с земли потерпела крах. Им стали назначать содержание, измеряемое в особых мерах риса (*коку*) в год. Такая система «самурайских дотаций» просуществовала вплоть до начала XX в.

После смерти Ёритомо реальная власть отнюдь не возвратилась к императору, а продолжала оставаться в руках клана Ходзё, родственного императрице. В 1205 г. был основан институт регентства, в соответствии с которым император оставался не более чем номинальным правителем Японии, подчинённым самурайскому клану. Эти события позволили ряду исследователей заметить, что сформировался особый, непрямой, скрытый тип правления, оказавшийся весьма характерным для Японии, например, когда император, уходя в монахи, продолжал активно управлять страной [144].

Воинскому мастерству нового объединённого самурайства и его боевому духу, как никогда сильному в период Камакура, суждено было подвергнуться серьёзному испытанию, которое японские воины с честью выдержали. Этим испытанием стали в 1281 г. походы монголов, которые после успешного завоевания Китая и воцарения там монгольской династии Юань решили захватить и Японские острова. На операцию были брошены силы двух армий. Первая в составе почти 50 тыс. монгольских и корейских воинов должна была переправиться из Кореи, другая в 100 тыс. китайцев двинулась с территории Южного Китая. Таким образом Япония должна была оказаться в клещах. Сначала операции сопутствовал успех, армии удачно высадились в заливе Хаката на острове Кюсю, без труда сломив не очень упорное сопротивление японцев. Но дальше положение удивительным образом начало меняться.

Используя лазутчиков-*синоби* (т. е. ниндзя), японские войска оказались в курсе практически всех планов захватчиков. К тому же на помощь японцам пришла сама природа – сильный шторм разметал монгольский флот, посеяв панику. Самураи же, не дав нападавшим

возможности оправиться от нежданного удара, ринулись в наступление. В течение пятидесяти дней японцы очистили свою территорию, причём потери противника были чудовищны – по некоторым сведениям, они составили почти 4/5 монголо-корейско-китайских сил, хотя это может быть и преувеличением. Так или иначе, могучий отпор со стороны самураев остался в памяти народов сопредельных с Японией стран. Больше на самостоятельность Японских островов не покушался никто.

Хотя самураи происходили из неаристократической среды, уже в ранний период своего правления они стали уделять внимание искусству. Сам Минамото Ёритомо тратил немалые суммы на реставрацию храмов и синтоистских кумирен, разрушенных во время грандиозных сражений конца периода Хэйан. И всё же приход самураев к власти был значительным шагом назад в области культуры (ср. периоды Нара и Хэйан).

САМУРАЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Самураями назывались совершенно разные люди: богатые и бедные, благородные воины и наёмные убийцы, люди, которые привыкли лишь командовать, и те, кто мог лишь подчиняться. Объединяло их одно – все они так или иначе были связаны с военным делом. Единство внутри «военного начала» (*бу*), на первых порах противостоявшего в их сознании «гражданскому началу» (*бун*), было скорее символическим, нежели реальным, – слишком разными были эти люди по своему достатку и статусу. Но уже сама приобщённость к чему-то, что недоступно обычному человеку, сформировала у самураев особые психологию и стиль жизни, которые они сохранили даже после того, как в результате реформ Мэйдзи в конце XIX в. все привилегии у самураев были отобраны.

Начиная с XVI в. не было такой области жизни, которой бы не коснулась самурайская культура, хотя сама каста воинов составляла в Японии к XVII в. немногим более 10% от всего населения – приблизительно 2 млн. человек, включая членов семей [27]. Для сравнения укажем, что крестьяне во времена токугавского сёгуната (XVII в.) составляли 80 – 87% [4]. Именно эти 10% и сформировали всю средневековую цивилизацию Японии.

Самурайство никогда не было единым. И тем не менее все самураи по своему общественному положению стояли выше любого горожанина и тем более крестьянина. Долгими веками формировалась сложная самурайская иерархия, пока не достигла своего завершения к XVII в., когда к власти в Японии пришёл сёгунский дом Токугава.

На высшей ступени самурайской иерархической лестницы находился сам сёгун со

своей семьёй. По сути он был богатейшим землевладельцем и командующим крупнейшей армией, хотя под началом других высших самураев также находились немалые вооружённые отряды. Сёгуны рода Токугава с XVII в. владели от 13 до 28% всего дохода страны, и никто не мог соперничать с ними в богатстве. Только благодаря колоссальному состоянию и можно было поставить под своё начало большое количество воинов.

Сёгун принадлежал к высшему самурайскому слою, который назывался *даймё* – дословно «большие имена». Считается, что понятие «имя» (*мё*) в этом слове происходит от понятия *мёдэн* – «именные поля», т. е. наследственные владения.

Сам высший слой даймё никогда не был однороден. Наибольшей властью располагали три ветви фамилии Токугава – *госанкэ* , или *санкэ* , которые именовались по их владениям: Кии, Овари и Мито. Именно из этих трёх кланов мог быть выбран сёгун, если прежний не оставил прямых наследников. Эти три фамилии имели свои замки, большие земельные наделы, вооружённые отряды, являясь фактически удельными князьями. Остальные же категории даймё таких возможностей были лишены. Например, представителям трёх других ветвей семьи Токугава – Таясу, Хитоцубаси и Симидзу – приходилось постоянно жить в столице сёгуната Эдо и нести службу в государственных структурах.

Ещё ниже стояли представители *фудай-даймё* (16 чел.) и, наконец, *тодзама-даймё* (86 чел.). Слой даймё, как видно, был замкнутым, количество его представителей поддерживалось практически на одном и том же уровне, что ещё больше укрепляло иерархическую структуру бакуфу. Лишь из числа даймё могли назначаться генералы и командиры воинских частей, именно им давались наиболее ответственные поручения. Правда, они же, располагая деньгами и влиянием, в XVI в. чаще всего выступали против сёгуната, пока Токугава весьма жёсткими методами не объяснил всем категориям самураев, какое место они занимают на иерархической лестнице сёгуната. Таким образом он на несколько сотен лет успокоил страну.

Именно этой категории самураев – даймё – суждено было сыграть основную роль в истории формирования боевых искусств и воинской культуры Японии. Именно они содержали в своих замках школы боевых искусств, финансировали школы ниндзя, посылали в далёкие районы страны гонцов, чтобы разыскать наиболее искушённых инструкторов боя на мечах *кэн-дзюцу* .

Всего в истории Японии принято выделять четыре основные категории даймё. Первая – это *сюго даймё* , которую представляли провинциальные правители, первоначально назначаемые сёгуном. Но во время войн Онин (1467 – 1477 гг.), которые вели за власть сёгуны рода Асикага, многие сюго без особых угрызений совести изменили своему долгу и обрели известную самостоятельность. Именно эта категория даймё оказалась особенно активной в конце XIV – XV вв.

Другая категория представляла собой несколько меньшую, но значительно лучше организованную группу даймё так называемых «Годов Войны» (**Сэнгоку-дзидай** , 1450 – 1615 гг.). И наконец, две последние категории – «секио» даймё периода Момояма (1573 – 1615 гг.) и «секио» дайме периода Эдо (1615 – 1867 гг.) [94].

Мелкопоместные самураи относились к более низкой категории – *семё* («малые имена»). За ними шли самураи, обычно не имевшие земельных владений, но подчинявшиеся непосредственно сёгуну, – *хатамото* и *гокэнины* .

Представителей даймё и семё было немного, основную же массу составляли обычные самураи, которые жили довольно бедно. Большая часть их находилась в услужении даймё, а несколько десятков тысяч – в личном подчинении сёгуна. В любом случае «независимый» самурай считался скорее нечастым исключением, нежели правилом. Все самураи, которые имели господина, получали жалованье, измеряемое в особых мерах риса – *коку* . Кстати, именно рисом самураи расплачивались, если нанимали ниндзя, на него же приобретали себе снаряжение, вооружение, кормили семью.

Каждый самурай был ориентирован на служение господину и выполнение по отношению к нему сложного комплекса правил поведения (*гири*), в частности «долга

преданности» (*он*). При всей своей горделивости внутренне эти воины никогда не были самостоятельными, они находились в плену сложной ритуальной действительности, которая ставила самураев именно в отношения соподчинения. Лишь имея господина, самурай обретал психологический комфорт и равновесие и испытывал страшное потрясение, когда терял его. Он становился *ронином* – самураем, утратившим своего господина.

Положение ронина было довольно плачевным. Своего земельного надела ронины не имели, жалованье им никто не выплачивал. При этом самураи считали ниже своего достоинства заниматься какой-либо работой и хранили себя лишь для ратных подвигов. Без войны, не имея господина, ронины жили в нищете. Не случайно, заслышав звуки боевых труб в любом княжестве, они с радостью бросались туда предлагать свои услуги. Только война давала им возможность для существования. Даймё нанимали этих умелых воинов фактически за бесценок, иногда менее чем за 30 коку риса в год, в то время как «постоянные служащие» получали от 150 до 600 коку. Но другого выхода у ронинов не было.

Несколько лучше было положение самураев, которые находились в личном подчинении сёгуна. В основном это были люди смелые и умелые в бою, именно благодаря им сёгуны Токугава и держали в страхе многие княжества. Гвардию сёгуна составляли хатамото; их было немного, около 5 тыс., но обучены они были значительно лучше, чем обычные самураи. Да и жалованье у них было приличным – от 500 до 10 тыс. коку риса в год, что позволяло хатамото к концу жизни скопить неплохое состояние и даже перейти в разряд семё. Когда войны в Японии стали редкостью, сёгуны не решились расстаться со своей преданной гвардией, и хатамото стали выполнять чисто административные функции.

Чуть ниже на иерархической лестнице находились гокэнины, которые также подчинялись лично сёгуну. Их насчитывалось около 15 тыс., а жалованье составляло менее 500 коку риса, что тоже считалось вполне достаточным.

Соподчинение в самурайской среде было жёстким, и нарушать его никому не позволялось. Если конфликт между двумя равными самураями заканчивался поединком, в результате которого один из них погибал, то в случае, если простой самурай оскорблял даймё, он сам должен был сделать себе *харакири* . Правда, даймё редко непосредственно общались с рядовыми воинами. Всем руководили *каро* – «старейшины», которые передавали воинам волю господина, планировали операции, управляли землями даймё.

На что мог рассчитывать обычный самурай, не принадлежащий ни к даймё, ни к семё, не принятый в сёгунскую гвардию? Мало кому удавалось к концу жизни накопить нечто большее, чем многочисленные шрамы и долги. Лишь некоторые счастливчики получали в подарок от даймё небольшой надел земли, который обеспечивал им спокойную старость.

Система набора в армию сёгуна в случае начала боевых действий была проста. За основу брался средний годовой доход риса. С каждой тысячи коку риса в армию сёгуна, в разряд хатамото, шли пять человек. Воины постепенно начинали чувствовать свою исключительность, презирая нравы и тот образ жизни, который вела наследственная аристократия.

Главное, что отличало сословие воинов (*букэ*) от потомственных аристократов (кугэ), был сам их образ жизни, ориентированный на занятия боевыми искусствами (*будзюцу*). Без знания будзюцу самурай просто не мыслился; более того, воинские тренировки по сути становились его единственным занятием в жизни. Самурай мог ничего не знать и не уметь, кроме владения оружием. Не случайно гражданские занятия считались для воинов чем-то низким, недостойным. Даже когда самурайское сословие начало стремительно разоряться (а в отсутствие постоянных сражений и, потеряв своего господина, самурай лишался стабильного рисового пайка), эти люди предпочитали идти в бандиты, нежели заниматься гражданскими делами, например торговлей. Самураи были неплохими администраторами. Многие даймё и семё выполняли различные обязанности в государственном аппарате и при дворе сёгуна. Несложно понять, что дисциплина и порядок в стране держались не столько на «мудром правлении», сколько на отлично организованных военных мерах подавления. Воины могли править лишь по-военному, и это накладывало особые черты на всю культуру

традиционной Японии.

ИЭМОТО – ВОПЛОЩЁННЫЙ ИДЕАЛ ТРАДИЦИИ

В каждой культуре есть люди, которые являются живым воплощением её традиции и передают эту традицию из поколения в поколение. В Японии таких людей называли *иэмото* – «мастер». И хотя их было крайне мало, сам по себе институт «мастеров» оказал огромное влияние на формирование всех граней традиции боевых искусств.

Мастера-иэмото не были исключительной принадлежностью бу-дзюцу. Как раз в боевых искусствах понятие «иэмото» появилось сравнительно поздно; сначала оно существовало в религиозной среде, потом стало употребляться в искусстве каллиграфии, музыке, традиционной поэзии (*вака*), в гадании (*бокусэн*), игре в *го* , традиционной игре в мяч (*кэмари*), соколиной охоте (*такадзё*) [4]. Впоследствии «иэмото» стали называть классного специалиста в любой сфере человеческой деятельности: в архитектуре, педагогике, кулинарном искусстве, фехтовании на мечах и дзю-дзюцу. Они воплощали всю полноту того дела, которым занимались, знали его секреты и традицию; мы бы назвали их «мастерами», но само их мастерство имело чисто духовный, сокровенный смысл.

Иэмото может стать лишь носитель традиции, который сам обучался у такого же мастера. Авторитет иэмото непререкаем. Считалось, что настоящие иэмото не берут денег с учеников, а довольствуются лишь тем, что ученики приносят им в качестве бескорыстного дара. Действительно, нередко случалось, что иэмото, например, в театре или в старых школах боевых искусств вообще не получали никакого вознаграждения, так как обучали лишь бедных учеников. К тому же иэмото иногда сами содержали своих последователей, кормили и одевали их, видя свою основную задачу в передаче духовной сути мастерства. Насколько изменились нравы в современных боевых искусствах: коммерческий аспект становится нередко едва ли не решающим, практически уже никто не преподаёт бесплатно.

Сакума Сёгэн (1570-1642), считался одним из самых выдающихся воинов и знатоков чайной церемонии. Здесь он изображен в китайских одеждах с мальчиком-слугой. (Работа Кано Танью, XVII в.)

Понятие «иэмото» часто неверно толкуется на Западе. Например, некоторые мастера боевых искусств утверждают, что носят «высший воинский титул иэмото». Однако «иэмото» – не титул, не степень мастерства и не звание. Не существует формального присуждения «степени иэмото» – это прежде всего дань уважения по отношению к носителю традиции, признание его заслуг. Первоначально в самурайской среде так именовался руководитель главной ветви самурайской семьи (*хонкэ*), которая наследовала прежде всех остальных имущество и воинские звания. Для других членов семьи иэмото олицетворял как бы всё родовое древо и мудрость всех предыдущих поколений. Именно он должен был решать важнейшие вопросы деятельности клана. В отличие от понятий «даймё» или «семё», которые свидетельствовали о статусе в иерархии всего самурайского корпуса, понятие «иэмото» имело психологическое свойство. Оно отражало не столько место в социальной иерархии, сколько место в духовной традиции, ведь иэмото по своей сути – важнейшая веха в цепи «преемствования-передачи» мистического знания.

Эти представления о роли иэмото как носителя высшего Знания восходят к религиозной сфере, где «иэмото» называли лидера буддийской или синтоистской школы, руководителя группы монастырей или храмового комплекса [63].

В практике японского буддизма мы можем встретить выражение, которое наилучшим образом характеризует передачу знания учителями-иэмото: *исин дэнсин* , т. е. «от сердца к сердцу». Не случайно подчёркивается исключительно индивидуальная, потаённая форма обучения, которая именовалась в японской традиции *миккё* – «тайное», или «эзотерическое» учение. В то время как большинство людей познаёт лишь внешнюю оболочку мира, его обиходный и обыденный характер (*конгё* – «явленное учение»), иэмото способен передать непосредственно истину, а не набор информации или навыков.

В применении к боевым искусствам «иэмото» именовался лидер школы или даже целого направления. В частности, Миямото Мусаси считался иэмото в школе боя на двух мечах. Параллельно с ним Бокудэн Цукахара возглавлял школу фехтования на одном мече. Патриарх каратэ Фунакоси Гитин был иэмото для стиля Сётокан. При этом шли постоянные споры между его сторонниками и противниками; последние обвиняли Фунакоси в том, что он не является абсолютным носителем традиции окинавского боевого искусства (именно под этим названием сначала выступало каратэ), а следовательно, и не может считаться иэмото.

Постепенно в Японии сложилась строгая иерархическая система передачи мастерства, во главе которой стоял сам иэмото; она называется *иэмото сэйдо* . Эта иерархия основывалась на степени приближённости ученика лично к иэмото. В сущности это воспроизводило древнюю систему приближённости самурая к руководителю клана или самому сёгуну. Выше всех стояли непосредственные ученики иэмото – *дзики-дэси* , что для боевых искусств равносильно старшим инструкторам, которые после смерти самого иэмото по наследству возглавляли школу. Следующая ступень – *маго-дэси* , ученики, получившие знания у дзики-дэси. Далее шли ученики учеников в третьем поколении – *мата маго-дэси* .

Поскольку иерархия большинства школ возникла из структуры самурайских кланов, школы имели свои «генеалогические книги», где воспроизводилась цепь «учителей-учеников», а поэтому принадлежность человека к той или иной «истинной традиции», скажем, боевых искусств, можно было без труда проверить. В сущности эта система оценивала не техническое мастерство людей, а их приближённость к духовному центру школы – к иэмото. Первоначально она применялась и в каратэ, и в дзюдо, но затем была оттеснена чисто формальной системой оценки мастерства, при которой после прохождения технического экзамена присваиваются пояса и степени (*даны* и *кю*).

Для традиционной Японии иэмото всегда были той осью, вокруг которой формировалась вся культура боевых искусств с её характерным духовным климатом, особыми взаимоотношениями мастера и ученика и методами передачи воинской традиции. А поэтому практически все герои нашего повествования – это иэмото в том или ином направлении боевых искусств.

ВОИНСКАЯ ПОДГОТОВКА: К ТАЙНАМ ВСЕЛЕНСКОЙ ПУСТОТЫ

Простой трезвый взгляд на натуру человека показывает, что ему так же свойственно драться, как хищным зверям кусаться, рогатым животным бодаться. Человек – «дерущееся животное». Но поистине жестоко внушать нации или какому-нибудь классу, что полученный удар – ужасное несчастье, за которое следует отплачивать убийством.

Артур Шопенгауэр

«ПОЗНАТЬ ПУТИ ВСЕХ ПРОФЕССИЙ»

Воинская подготовка самураев была, пожалуй, наиболее разработанной частью жизни воинов. Огромное внимание обращалось не только на то, *что* делается, но на то, *как* делается, – с каким внутренним состоянием самурай пускает стрелу из лука или наносит удар мечом. А это значит, что здесь наряду с прикладной ценностью боевого искусства царили ритуал и символический жест.

Сегодня уже стало привычным называть самурайское фехтование на мечах «кэндо», стрельбу из лука – «кюдо», а весь комплекс японских боевых искусств – «будо». При этом авторы многих специальных работ не раз обращали внимание на то, что в этих терминах присутствует иероглиф «до» – «путь», а отсюда делался вывод о некоем мистическом смысле воинских искусств. Значительно менее известно, что термин «до», или в другом чтении «мити», стал использоваться для обозначения самурайских боевых искусств достаточно поздно – не ранее XVIII в. Вместо него практически на всём протяжении самурайской истории использовался иероглиф «дзюцу» – «искусство». До середины XIX в. весь комплекс боевых искусств Японии назывался «бу-дзюцу», что дословно и означает «боевые искусства» (по-китайски – «ушу»). Лишь затем под воздействием, с одной стороны, дзэнской эстетики и философии, с другой – благодаря приданию боевым искусствам духовного содержания стал использоваться термин «будо» – «боевой путь», или «путь воина».

Японский воин должен был владеть целым рядом обязательных дисциплин, прежде всего фехтованием на различных видах оружия, которые подразделялись на длинное и короткое. Из раздела короткого оружия каждый самурай с детства учился фехтовать на различных типах мечей (*кэн-дзюцу*) и сражаться на коротких дубинках (*дзё-дзюцу*). Из раздела длинного оружия самурай изучал бой на алебардах (*нагината-дзюцу*), копьях (*со-дзюцу*), длинных трезубцах (*содэгарами-дзюцу*), боевых вилах (*сасумата-дзюцу*) и шестах (*бо-дзюцу*).

Особым был раздел «тяжёлого оружия», который включал бой на железных палицах или молотах (*тэцубо-дзюцу*), огромных алебардах или железных посохах, стальных дубинках с крюком на конце для захвата клинка соперника (*дзиттэ-дзюцу*).

Отдельно от этих дисциплин изучались стрельба из лука (*кю-дзюцу*), вольтижировка и умение сражаться на коне (*ба-дзюцу*), плавание в доспехах (*суэй-дзюцу*).

Такую воинскую подготовку должен был пройти каждый самурай, но при этом существовали разделы, которые монополизировались высшим и средним воинскими сословиями – даймё и семё. Они изучали искусство фортификации (*тикудзё-дзюцу*), тактику ведения сражений (*сандзё-дзюцу*), способы подачи знаков во время боя и раскладывания сигнальных костров (*нороси-дзюцу*), использование артиллерии (*хо-дзюцу*).

Существовали и особые, «тайные разделы» боевых искусств, доступные лишь самураям высшего уровня. Чаще всего такие методы боя и воздействия на противника назывались «*отомэ-рю* » или «*госикиути* ». Эту технику не только нельзя было передавать членам другого самурайского клана, но даже демонстрировать перед чужаками. Лишь члены школы (*рюха*) высшего посвящения могли приобщиться к этим знаниям. Им преподавали не

только хитроумную технику, но прежде всего способы построения поединков, методы обмана, запугивания врага и даже методы выпытывания у него нужных сведений. Справедливости ради признаем, что далеко не всегда техника «отомэ-рю» действительно кардинально отличалась от обычных, «открытых» разделов самурайских боевых искусств. Некоторые разделы просто традиционно считались «секретными», а по сути ничем не отличались от обычной техники – таким чисто формальным способом высшие самураи отделяли себя от рядовых воинов. Например, долгое время к «отомэ-рю» причисляла себя школа айки-дзюцу клана Такэда, откуда позже вышло современное айкидо.

Китайский трактат «Энциклопедия боевой подготовки» («У бэй чжи») был очень популярным среди самурайского сословия и использовался как учебник для подготовки воинов в рукопашном бою. Текст в левой части рассказывает об «открытии» и «смыкании» энергетических каналов в теле человека в зависимости от времени дня и атаках по соответствующим точкам этих каналов. Картинки иллюстрируют метод защиты с *одновременной контратакой.*

В ряде школ также изучали дополнительные дисциплины, которыми гордились те или иные самурайские кланы, например искусство связывания противника (*ходзё-дзюцу*) или методы отбивания стрел руками, оружием и металлическим веером (*ядомэ-дзюцу*).

Все эти многочисленные дисциплины и методы боя объединялись единым термином «хэйхо» – «воинское искусство», «методы боя»; причём под этим названием фигурировали способы ведения как крупномасштабных сражений, так и индивидуальных поединков. Под этим же подразумевался и особый путь воспитания Воина в человеке.

Понятие «хэйхо» приходит в японскую культуру из Китая, из воинской науки «школы военных стратегов» (*кит* . «бинцзя»), к которой принадлежали такие великие теоретики и практики военного дела V – IV вв. до н. э., как Сунь-цзы, У-цзы и многие другие.

Путь боевых искусств «хэйхо» к XVI – XVII вв. стал восприниматься уже как универсальный способ существования и в принципе далеко вышел за рамки собственно воинских тренировок. Для многих он становился путём интуитивного прозрения, осознания высшей Истины, постижения вселенской Пустоты, о которой говорил дзэн-буддизм. Обратим внимание на то, как знаменитый фехтовальщик на мечах Мусаси Миямото, всегда отличавшийся невыдержанностью и исключительной жестокостью в поединках, объяснял своему ученику истинный смысл боевого искусства:

> «Вот заповеди для мужчин, которые хотят изучить моё воинское искусство:
> 1. Не допускай бесчестных мыслей.
> 2. Путь заключён в постоянных упражнениях.
> 3. Познакомься с каждым искусством (т. е. методом боя каждой школы).
> 4. Познай пути всех профессий.
> 5. Ясно различай выгоду и потерю в мирских делах.
> 6. Развивай в себе интуитивное понимание окружающего мира.
> 7. Прозревай невидимое.
> 8. Обращай внимание даже на самое заурядное.
> 9. Не делай ничего бесполезного» [147].

Принципу «познай пути всех профессий» следовали практически все самураи, хотя эти «профессии» понимались достаточно своеобразно. Для высокородного самурая не могло идти и речи о профессии, скажем, торговца или ремесленника – всё это были занятия для простолюдинов. Самураи же в период расцвета сословия занимались живописью и стихосложением, чтением древних трудов китайских стратегов и утончёнными философскими рассуждениями о «пустотном и невидимом», о «великом в малом». Правда, эти занятия были доступны лишь тем, кто располагал достаточным количеством свободного времени, в то время как простые ронины вынуждены были добывать себе хлеб (точнее – рис) постоянным трудом на полях сражений.

Так или иначе, вся эта философия, утончённая эстетика входили в понятие «воинского искусства», или «Пути Воина». Последний уже мыслился не как простой солдат, но как личность универсальная и вселенская. Это должен был быть человек, обладающий Знанием, соотносящий свои поступки со вселенской Пустотой, в которой он черпает вдохновение. Именно Пустота как высшее прозрение должна открыться воину в процессе овладения боевым искусством. Именно это, а не просто победа в бою становится пределом совершенствования самурая.

Мусаси Миямото – человек, который за свою жизнь убил противников, наверное, больше, чем кто-либо, – в старости уходит от людей и постигает эту Пустоту. Не случайно своё знаменитое произведение «Книга Пяти колец» («Горин-но сё») он завершает разделом «Пустота», где пишет: «То, что зовётся духом Пустоты, находится там, где не существует ничего. Это понятие стоит выше человеческого понимания. Постарайся впитать этот дух, приняв прямоту в качестве основы, а истину в качестве своего Пути. Используй воинское искусство повсеместно, правильно и открыто. И тогда ты начнёшь постигать сокровенную глубину явлений, а приняв Пустоту как Путь, постигнешь Путь как Пустоту» [147]. Здесь,

безусловно, отражён мистический опыт самого Мусаси, данный как ярчайшее переживание Вселенской Пустоты.

Но всё же утончённые философствования составляли лишь малую часть того, что занимало воинов. Их сознание больше тяготело к героическому эпосу и рассказам о любовных приключениях. Постепенно самураи создают свою культуру, пронизанную повествованиями о воинских подвигах. Например, формируется особый литературный жанр – «*гунки* », в основу которого легли сказания о соперничестве домов Тайра и Минамото. Буквальный перевод слова «гунки» – «военные описания». Четыре произведения причисляются к классике гунки: «Хогэн моногатари» («Повесть о годах Хогэн», 1156 – 1158 гг.), «Хэйдзи-моногатари» («Повесть о годах Хэйдзи», 1159 – 1160 гг.), «Хэйкэ-моногатари» («Повесть о доме Тайра»), «Гэмпэй-сэйсуйки» («Описание расцвета и гибели Минамото и Тайра»). Это была чисто самурайская литература – описания битв, подвигов, смертей, причудливого благородства, где реальность граничит с красочным мифом.

Самураи, хотя и представляли единое сословие и объединялись «воинским мифом», всё же были людьми разными. Состав самураев колебался от представителей аристократических фамилий до выходцев из простых крестьян. А эта пестрота порождала и изменения в характере культуры. «Изящные речения» (*гагэн*), с помощью которых объяснялись аристократы прошлого, начинают смешиваться с вульгаризмами (*дзокуго*) новых воинов. В языке самураев появляется много китаизмов, которые становятся полноправными речевыми единицами. Возникает даже смешанный японо-китайский язык (*вакан-конгобун*) – по сути именно такой смешанный характер имела и вся самурайская культура. То, что нам порой представляется чисто японской традицией, на самом деле может иметь китайские корни.

Принято считать, что самурайская культура – это нечто утончённое, прозрачное, изящное. Увы, ранние самураи – люди грубые и в основной своей массе плохо образованные. Культурный уровень Японии после прихода самураев к власти на первых порах становится ниже, это шаг назад по сравнению со взлётом культуры кугэ (аристократии). Не раз отмечалось, что художественный уровень самурайских гунки гораздо ниже по сравнению с литературой прежних эпох [11].

Воинские повествования и устные истории как бы отражают весь стиль самурайской жизни. В ней было много нарочитого, надуманного и, самое главное, – предельно ритуализованного. Тренировка в боевых искусствах обычно начиналась с поклонений духам в синтоистских кумирнях или с молитв буддийским божествам. Ритуальный характер носили и самурайские танцы – причудливое смешение боевых движений с элементами древних шаманских представлений. Весьма величественно выглядели медленные движения и статичные позиции танца с боевым железным веером. Великий воин и правитель Ода Нобунага предпочитал исполнять под удары барабанов и звуки флейт динамичный танец *ковака-маи* . Это был своеобразный танец-воспоминание, в пластической форме рассказывающий о героической истории дома Тайра. Ковака-маи быстро превратился в элитарный боевой танец, который исполняли известные полководцы Кимура Сигэнари (1594 – 1615 гг.) и Датэ Масамунэ (1566 – 1636 гг.), многие молодые воины, самураи в токугавском замке в Эдо [4].

Следование чисто шаманским ритуалам, поклонение духам и общение с потусторонним миром становятся обыденными чертами в жизни самураев. Духи не только покровительствуют самураям в битвах, они и сами могут являться в мир людей, воплотившись в умелого самурая, как, например, хитрая лисица Тадонобу, героиня многих японских легенд. Появляются и новые герои, которые вскоре становятся примерами для подражания. Например, великий воин и герой-любовник Сукэроку – завсегдатай весёлых кварталов, красавец, драчун и силач, готовый в любой момент обнажить свою катану (меч). Именно такой человек, а не благородный молчаливый воин являлся в реальности идеалом самурайской культуры.

«БУСИДО» – ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ ПУТИ ВОИНА

Некоторые вещи настолько постыдны, что не могут быть честными, как, например, месть за обиду, желание человеку зла. Такие вещи следует отбрасывать, с какой бы выгодой или мукой они бы ни связывались.

Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина

«НЕ ОПОЗДАЙ ВСТАТЬ НА ПУТЬ ВОИНА»

Как-то раз один из богатых даймё прислал посыльного к известному воину Хосокаве Сансаю (XVII в.), прославившемуся своим тонким вкусом в изготовлении доспехов. Посланник должен был заказать у Хосокавы особо изящный боевой шлем, причём такой, который бы поразил своим видом даже искушённых в этих делах самураев. Каково же было удивление приехавшего, когда Хосокава предложил сделать традиционный «рогатый» шлем, изготовив рога из дерева! Самурай был поражён выбором материала – ведь рога обычно выдерживают тяжёлые удары меча, а в случае необходимости и пробивают грудной доспех

врага. В ответ на недоуменные вопросы Сансай спокойно объяснил: пусть сломаются рога – лишь бы они не отвлекали внимание воина.

Но ведь каждый раз после сражения придётся долго чинить такой шлем, а как быть, если надо на следующий день вновь идти в бой? И тут Сансай по сути определил путь самурая: воин не должен надеяться прожить ещё один день. К тому же «если мысли воина заняты лишь тем, как бы не повредить орнамент на шлеме, как же он может сохранить свою жизнь? Навершие шлема, сломанное в бою, выглядит поистине великолепно. А вот если потеряешь жизнь, её уже никогда не вернёшь». Услышав это, посланник удалился, не задав больше ни одного вопроса .

Здесь речь идёт об особом нравственном идеале воинской традиции Японии – знаменитом кодексе самурайской чести Бусидо, или «Пути воина». Вероятно, не найдётся ни одной книги о японских боевых искусствах древности и современности, где бы он не упоминался. Но сколь ни разнились бы между собой трактовки Бусидо, все они сходятся в одном – именно Бусидо представляет собой саму душу самурайства, его внутреннюю суть.

Рассказ о Бусидо достоин отдельной книги, а поэтому здесь мы затронем лишь те его аспекты, которые будут важны для понимания сути японских боевых искусств.

Определение Бусидо как «кодекса самурайской чести» не совсем верно. Кодекса как такового не существовало (точнее, существовали десятки независимых друг от друга сборников правил поведения самурая), речь можно вести лишь о некоем глобальном идеале самурайской жизни, особом настрое воина. А сам этот идеал, во многом непостоянный и переменчивый, формировался столетиями.

Хосокава Сумимото (1489-1520), военный лидер в Оми.Здесь на нем латы типа харамаки и шлем с защитой в виде рогов – кувагата. К поясу прикреплен меч тати, а за поясом -малый меч косигатана

Когда же начала складываться эта доктрина – «Путь воина»? Естественно, точную дату назвать невозможно, но всё же некоторые отправные точки нам известны. В 792 г. в Японии была официально введена система воинского воспитания юношей, названная «Кондэй» («Надёжная молодёжь»). В специальные школы отбирали выходцев из благородных семей, где их в равной степени учили действовать мечом и кистью, т. е. пытались претворить в жизнь извечный идеал японской культуры – «Военное и гражданское сливаются воедино»

(«*бунбо ити* »). Идея эта обсуждалась давно. Ещё в правление императора Камму в 782 г. при императорской резиденции в Киото началось строительство монументального здания для специальной школы подготовки профессиональных воинов из числа молодых кугэ, т. е. аристократов. Так возник знаменитый Бутокудэн – «Зал воинских добродетелей», который сохранился (естественно, в реконструированном виде) и по сей день. Пройдя полный курс воинских наук, юноши отправлялись офицерами в войска.

Вскоре представился случай испытать эффективность реформированной армии. Её противником оказался отнюдь не внешний враг, а коренной народ Японских островов – айны. В результате сражений с самураями айны, несмотря на свою отчаянную смелость и немалую воинскую доблесть, оказались оттеснены на самую северную территорию Японии – остров Хоккайдо.

Постепенно совершенствование воинского искусства (постоянные тренировки в бое на мечах, копьях, в стрельбе из лука) становится по сути единственным занятием, которому воины посвящают своё время. А вслед за этим приходит и осознание особого статуса воина – в глазах своих соплеменников он становится носителем высшей истины воинских искусств. Так, в среде воинов возникает и особая идеология, отражавшая сознание своей почти мистической исключительности. Буси уже мало было ощущать себя «суперменами»; они претендовали на решение вопросов, далеко выходящих за рамки боевых искусств (управление территориями, организация земледелия и, наконец, власть в стране). Могло показаться, что наследственная аристократия, которая вела свои родословные едва ли не от богов и духов, вряд ли так легко отдаст власть отчаянным, но неграмотным воинам. Однако страшные битвы, развернувшиеся в Японии в XII – XIII вв., показали всю силу влияния малообразованного, но удивительно активного слоя воинов буси, противостоявшего наследственной аристократии кугэ. Политическая и культурная ситуация оказалась критической: кугэ, столетиями управлявшие государством, показали себя просто не приспособленными к активной жизни в эпоху непрерывных войн.

В стране устанавливается чисто военное правление, которое сначала осуществляет Минамото Ёритомо вместе с кланом Ходзё, а позже начинает формироваться особое «военное правительство» – бакуфу.

В этот ранний период существования самурайства сложился особый тип боевой морали, который позже нашёл своё воплощение в неписаном кодексе Бусидо. Эта мораль, выросшая из аристократической культуры кугэ, начисто отвергла не только её утончённость и изысканность, но и нравственные принципы. Возвращение к культуре кугэ произойдёт ещё не скоро – почти через пять столетий. Пока же Японию ожидали опрощение нравов, примитивизация культурных форм и расцвет боевых искусств – одним словом, всё то, что столь характерно для воинской среды во всех странах мира. Самурайский «кодекс чести» формировался и как своеобразный противовес морали старой аристократии, таким образом, самураи чисто психологически ощущали себя как некий единый институт или социальную группу, связанную общими принципами поведения и даже мышления.

Нравственной основой жизни самурая было выполнение его долга перед своим господином. Этот принцип сформулирован в известных *четырёх заповедях* . Миямото Мусаси перечислял их в таком порядке:

«Не опоздай встать на «Путь воина»;

стремись быть полезным господину;

чти своих предков;

поднимись над личными привязанностями и собственными горестями – существуй для других».

Пожалуй, главное в этих принципах – мысль об абсолютной лояльности к своему господину, мастеру, которая в буквальном смысле продолжалась до самой смерти. И даже собственную гибель самурай должен был посвятить господину, уходя из жизни с чувством выполненного долга и не опозорив предков.

Многие правила Бусидо представляли собой просто распространённые высказывания

или поговорки, большая часть которых была взята из китайских воинских трактатов или конфуцианских сочинений. Объединяться в компендиумы эти высказывания стали достаточно поздно – не раньше XVII в., а это значит, что идеальный образ благородного, мужественного и преданного самурая возник лишь в поздний период военной истории Японии. Большинство кодексов в определённом смысле копировали китайскую воинскую традицию составления «правил боевой морали» (*удэ*) и представляли собой в основном предписания известных даймё своим подданным.

В XVII – XVIII вв. возникло несколько сборников, в которых были собраны правила поведения идеального самурая, причём самым известным из них стал компендиум «Хагакурэ» – «Сокрытое в листве», созданный в 1716 г. Само название этого произведения призвано было намекнуть на тайную, «сокрытую» сущность «Пути воина», в то время как образ листвы, опадающей и пожелтевшей, в японской традиции напоминал о мимолётности человеческой жизни. Существовало и другое название этого сборника: «Набасима ронго» – «Высказывания Набасима». Набасима был лидером крупнейшего клана, главенствовавшего в провинции Хидзэн. Традиция считает, что Набасима наставлял своих самураев краткими афористичными высказываниями, которые потом и записали его последователи.

Но это – легенда. Скорее всего «Хагакурэ» был создан самураем Ямамото Цунэтомо. Всю жизнь Ямамото преданно служил своему господину, терпел с ним и опалу. И когда его мастер умер, боль утраты была столь сильна, что Ямамото удалился в небольшой горный храм и решил отдать последние почести тому, кому он был так сильно предан. Но как выразить искренность и полноту своих чувств? И Ямамото Цунэтомо решает написать краткие наставления всем последующим поколениям самураев, чтобы те стремились стать столь же великими воинами, как его господин. Так рождается «Сокрытое в листве». А чуть позже к названию этого произведения стали прибавлять слово «Бусидо»; и в самурайской среде появилось «Хагакурэ Бусидо» – «Путь воина, сокрытый в листве».

Вероятно, Ямамото не столько сам писал текст, сколько компилировал его из высказываний и наставлений, которые бытовали в то время среди самураев. Таким образом, перед нами – не авторское произведение, но отражение особой идеологии, особого мироощущения, идеала воинской традиции.

Но вот парадокс – чаще всего этот идеал расходился с реальными деяниями воинов. К тому же то, что самураям могло казаться вполне приемлемым, человеку западной традиции покажется недопустимым. А поэтому имеет смысл в равной степени рассмотреть как идеальную, так и реальную сторону воинской жизни Японии.

ИДЕАЛ ВОИНА

Влиятельный и образованный даймё Хосокава Сансай (1536 – 1646 гг.), один из самых известных коллекционеров оружия, прослыл также большим знатоком чайной церемонии. Он держал у себя дома богатую коллекцию принадлежностей для приготовления чая, состоявшую из самых изысканных и дорогих предметов.

Однажды к Хосокаве пришёл в гости не менее известный самурай Хотта Масамори (1608 – 1651 гг.) и обратился с просьбой показать коллекцию предметов для чайной церемонии. Но Хосокава в течение нескольких часов демонстрировал ему лишь оружие и латы, давая при этом подробные объяснения и отпуская остроумные замечания о технике работы старых мастеров. И не разу не показал ни одного предмета для чайной церемонии! Откуда такая невежливость – ведь его гость пришёл посмотреть именно на них? Позже сам Хосокава Сансай так объяснил своё поведение: когда один воин посещает другого, они не должны говорить ни о чём, кроме как об оружии и ратных делах.

Воин всегда должен думать лишь о воинском долге, выполнению которого подчинена вся его жизнь, поступки и помыслы.

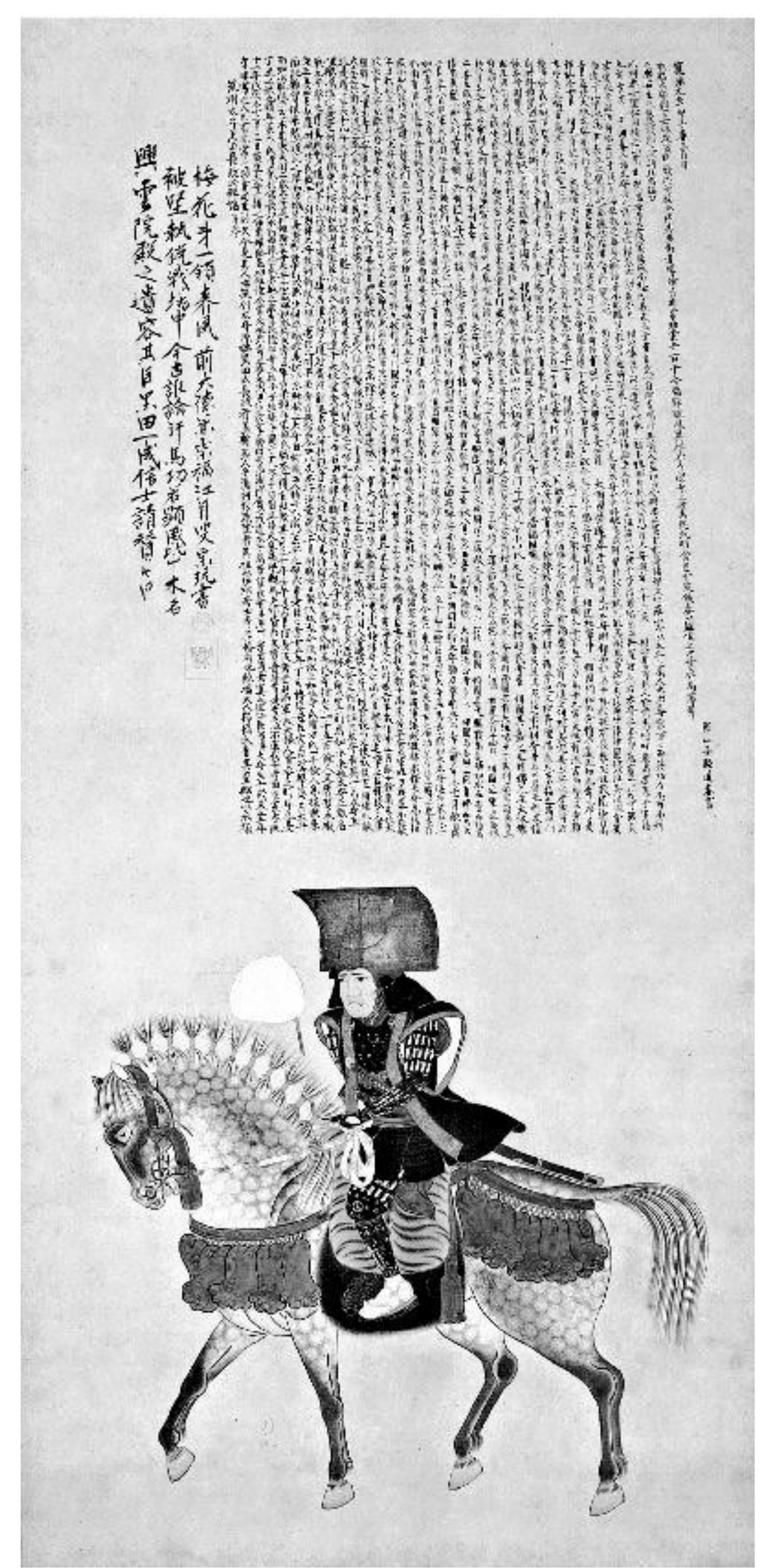
Поэтому и правила поведения, объединённые под названием «Бусидо», настраивали самурая, во-первых, на совершенствование в боевых искусствах, во-вторых, на преданное

служение своему господину. Ямага Соко (1682 – 1785 гг.), знаменитый наставник в боевых искусствах и конфуцианских науках, так описывает идеального самурая:

«Занятие самурая заключается в том, чтобы предаваться размышлениям над своим местом в этой жизни; в том, чтобы верно нести службу своему господину, если он имеет такового; в том, чтобы углублять свою преданность друзьям и, с должным вниманием относясь к собственному положению, посвящать себя прежде всего исполнению своего долга. Но в своей жизни самурай неизбежно вовлечён в исполнение обязанностей, связанных с взаимоотношениями между отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой. Конечно, это является основной моральной обязанностью каждого на этой земле, но крестьяне, ремесленники и торговцы не располагают свободным временем, а поэтому они и не могут постоянно действовать в соответствии с этими обязанностями и служить примером Пути (*до*). Лишь самурай избавлен от тех хлопот, которые выпадают на долю крестьянина, ремесленника и торговца, и должен занимать себя лишь следованием Пути. И если среди вышеперечисленных трёх групп людей найдётся тот, кто будет выступать против этих моральных принципов, дисциплинированный самурай должен наказать его и тем самым поддержать истинную мораль на земле. Самураю нельзя, зная о военном (*бу*) и гражданском (*бун*) началах, не проявлять их. И для этого случая самурай внешне всегда поддерживает себя в состоянии полной готовности выступить на службу по первому зову, а внутренне он стремится осуществить Путь (т. е. моральный принцип. – *А. М.*), что существует между господином и слугой, двумя друзьями, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой. В своём сердце он придерживается пути мира, но снаружи он всегда хранит своё оружие готовым к действию. Три класса обычных людей делают его своим наставником и уважают его. Следуя своему наставнику, они становятся способны понять, что является главным, а что второстепенным.

В этом и заключается «Путь воина» – Бусидо, благодаря которому он зарабатывает себе на еду, одежду и жильё и благодаря которому в его сердце приходит умиротворение и он становится способным до конца выплатить по всем своим обязательствам своему господину и воздать должное своим родителям» [177].

Таким образом, преданность, бесконечное ощущение долга перед своим господином – вот что составляет образ идеального самурая. В самурайских кодексах даже не допускается мысли о перемене хозяина или тем более об измене ему. Японцы вслед за китайцами делили образ человека на внешнее и внутреннее начало. При этом, как явствует из отрывка, внешним для воина было поддержание прекрасной боевой формы, а внутренним – выполнение морального долга. Видна здесь и идея универсального характера деятельности самурая – воин восстанавливает попранную мораль не просто в какой-то провинции или деревне, но «на всей земле», тем самым утверждая всеобщность норм Бусидо.



Курода Нагамасу (1568-1623) – известный воин и правитель области Фукока в провинции Сикудзэн. Возглавлял многие военные походы при Токугаве Хидэёси и Иэясу, был одним из генералов в корейском походе (1592-1597) и в битве при Секигахаре (1600).

Многие поклонники японских боевых искусств склонны приписывать понятию «до» («Путь») мистическое значение, с этих позиций трактуя названия таких направлений, как

каратэ-до, айкидо, дзюдо и т. д.

Обратим внимание на важную подробность – понятие «Пути» (до) приходит в Бусидо не столько из даосизма или буддизма, сколько именно из китайского конфуцианства. Там «Путь» (дао) обозначал не мистический принцип развития всех вещей, как в даосизме, но гармоничный божественный порядок, некий «Путь нравственного и должного», которому должен следовать каждый благородный муж («*цзюньцзы* » у Конфуция). А это значит, что положение Бусидо о том, чтобы «служить примером Пути», означает требование строго придерживаться морально-нравственных принципов, которое воинская культура предъявляла к самураям.

Несложно заметить, что весь приведённый выше отрывок выдержан в духе конфуцианской традиции. Например, пять типов взаимоотношений, о которых говорится в нем (старший – младший, отец – сын, государь – подданный, муж – жена и отношения между друзьями), превратившиеся в канон социальных связей на Дальнем Востоке, вышли из конфуцианства.

Во многом самурайская культура стремилась копировать идеал конфуцианского «благородного мужа», который «без гнева строг», «мало обещает, но много делает», «благороден внешностью и строг нравом». В частности, особо высоко ценилась твёрдость самурайского слова, а нарушение обещания было величайшим позором. В Японии широко распространялись рассказы о том, как самураи, не сумев по каким-то причинам выполнить обещанное, не задумываясь делали себе харакири. Даже произнесение клятвы считалось чем-то недостойным истинного воина – ведь самурай должен выполнять всё что он говорит, без всяких дополнительных и тем более письменных клятв.

Чувство собственного достоинства воспитывалось у самураев с детства: уже с пяти-шести лет будущим воинам подробно объясняли, как себя вести, как выполнять свой долг перед господином и даже как правильно одеваться. Многие жесты, движения входили в сознание самурая на уровне рефлексов – отсюда столь характерная «горделивая осанка» воинов.

Даже внешность самурая должна была соответствовать всё тому же принципу – служению господину вплоть до своей смерти и готовности в любой момент вступить в бой. Ухоженное лицо, опрятная одежда и даже маникюр (!) имели в своей основе не стремление к «красивости» (показные жесты вообще осуждались Бусидо), а чисто практическое назначение. «Хагакурэ Бусидо» приводит в пример некоего идеального самурая, который каждое утро принимал ванну, брился, душил волосы, стриг ногти, аккуратно шлифовал их пемзой и полировал хвощом (токусой). Так же тщательно ухаживал он за своим оружием: всегда содержал его в чистоте, старательно очищал от ржавчины.

По сути Бусидо регулировал не столько поступки, сколько сами мысли самурая. Основным помыслом воина всегда должно было оставаться желание умереть за своего господина. Вот характерный пассаж их кодекса «Хагакурэ»: «Где бы я ни был – далеко в горном ските или даже похороненным под землёй, везде моим долгом является соблюдение интересов моего господина. В этом – долг каждого человека из Набасимы. Это – позвоночный столб нашей веры, неизменная и вечная истина. Каждое утро настраивай свой разум на то, как правильно умереть. Каждый вечер освежай свой разум мыслями о смерти... Путь воина (Бусидо) – это путь смерти» [90].

Бусидо во всех его вариантах носил вполне конкретный характер практических наставлений. Он учил воина реагировать на ту или иную ситуацию в соответствии с традиционными представлениями о долге. Например, чувство мести считалось вполне отвечающим традиционной морали. Один из кодексов Бусидо давал такое наставление: «Самурай, имя которого осталось неизвестным, был однажды оскорблён. Не сумев оружием защитить свою честь, он был лично опозорен. Если случается такое, что требует отмщения, действуйте, не теряя времени, даже если бы это стоило вам жизни. Вы можете потерять жизнь, но честь – никогда. Если вы задержитесь, чтобы обдумать, как лучше отомстить, вы можете не дождаться другого шанса. Считая врагов, вы можете навсегда упустить удобный

шанс. Будь против вас хоть тысячи, решительно бросайтесь вперёд, разите каждого, и вы достигнете того, к чему стремитесь».

Западное представление о самураях, сильно идеализированное, рисует образ некоего универсального человека, способного в равной степени прекрасно фехтовать на мечах, управлять горячим боевым скакуном, слагать изящные строфы, составлять аранжировки из цветов и находить философскую глубину в чайной церемонии. В реальности же самурайские правила, сам дух Бусидо устанавливали приоритет именно военного, а не культурного начала. Важнейший воинский кодекс периода Токугавы «Букэ сёхатто» («Уложения о боевых лошадях», или «Княжеский кодекс»), являвшийся стандартом поведения самураев, требовал совершенствоваться в боевых искусствах даже в период мира.

«Необходимо постоянно упражняться в искусстве мира и войны, включая стрельбу из лука и вольтижировку на лошади. С глубокой древности правилом было «практиковать искусство мира левой рукой и искусство войны – правой», и в обоих следует совершенствоваться. Стрельба из лука и вольтижировка являются важнейшими для воина. И хотя оружие зовётся инструментом зла, бывает время, когда всё же следует прибегнуть к нему. И в мирное время мы не должны забывать об опасности войны. И разве не должны мы готовиться к ней?» [177].

Чтобы стал ясен подтекст этого пассажа, напомним, что во времена написания «Букэ сёхатто» и других знаменитых сборников воинских правил эпоха войн и заговоров давно минула. Япония, объединённая мощной рукой Токугавы Иэясу, пребывала в мире, никаких крупных войн даже и не намечалось, остатки оппозиции были разгромлены в середине XVII в. Самураи, лишённые своего единственного занятия, предавались обычным человеческим слабостям, воздавая должное вину, женщинам и азартным играм. Те, кому удалось получить сравнительно систематическое образование, действительно обратили взоры к изящным искусствам, но таких было меньшинство. Резко падала дисциплина в армиях местных даймё, уменьшалось количество школ кэн-дзюцу, по сути рушилась основная идея, на которой веками держалась самурайская культура. А следовательно, возникла необходимость напомнить воинам об их основном занятии.

Токугавский сёгунат, придя в XVII в. к власти, сразу же занялся строгой регламентацией жизни каждого сословия, особенно выделяя роль самураев. В 1615 г. сёгун Токугава Иэясу выпускает специально для самураев кодекс «Букэ сёхатто», содержавший 13 статей, в которых точно определялись занятия и формы жизни военной верхушки Японии. Фактически этот кодекс повторял большинство неписаных положений Бусидо. Самураи уже чувствовали себя полными хозяевами страны, причём поведение их было не всегда достойным. Положение становилось столь сложным, что «Княжеский кодекс» напрямую требовал от самураев соблюдения умеренности, ибо «главной причиной разорения княжеств служат чрезмерная приверженность женщинам и азартным играм» [22]. Правила Бусидо в отличие от наших представлений о них не столько говорили о поведении воина в бою, сколько о том, как ему «сохранить лицо» в условиях мира.

В конце периода Эдо особую популярность приобретают романы о подвигах самураев, созданные по мотивам знаменитых произведений. Так, например эпос «Гэндзи моноготари» (X в.) стал основой для повести «Нисэ Мурасаки Инака Гэндзи» самурая Рютэем Танэхико (1783 – 1843 гг.). Повесть разошлась небывалым для Японии тиражом в 10 тыс. экземпляров. Танэхико принадлежал к числу интеллектуальной элиты того времени и был хорошо знаком с воинской жизнью. В его романе самураи сражаются с ниндзя, участвуют в заговорах и без конца убивают друг друга. Главный герой повести принц Мицудзи, сын сёгуна Асикага Ёсимаса, действует как настоящий ниндзя – хитрый, безжалостный и коварный. Все его действия направлены против некоего весьма хитрого врага, который стремится лишить его права на сёгунский престол. Принц Мицудзи не может стерпеть такой несправедливости. Блестящий знаток боя на мечах и дзю-дзюцу, он, например, выслеживает в «весёлом квартале» шпиона-ниндзя, который работал на его конкурента, и повергает его на землю приёмом дзю-дзюцу.

При этом принц – автор подчёркивает это особо – обладает тонкой, аристократической душой. В повести есть такой эпизод. Как-то к Мицудзи был подослан убийца-ниндзя. Лунной ночью Мицудзи в одиночестве упоённо играл на струнном инструменте кото. Момент был прекрасный и романтический. Принц не замечал ничего вокруг, унесённый звуками музыки в даль космических сфер. И тут у него за спиной тихо появился убийца. Далее произошло то, что должно было вызвать у японского читателя восхищение не только самообладанием Мицудзи, но прежде всего соответствием его поведения всем ритуальным нормам: «Не сказав ни слова, загадочный человек, чьё лицо было целиком закрыто, вытащил свой меч. Мицудзи же без малейшего промедления протянул к нему левую руку, в то время как правой продолжал играть на кото. Вошедший, смутившись, вложил свой меч в ножны» [190]. Великий мастер боя Мицудзи сумел остановить убийцу лишь одним жестом, даже не прервав волшебную игру на кото! Мицудзи проявил не только колоссальную силу духа, но и соответствующую ритуальную сдержанность и строгость, абсолютную достаточность действия, что так высоко ценилось в самурайской культуре.

Но каким образом самурай мог сочетать приверженность конфуцианским идеалам гуманности, буддийской концепции милосердия ко всему живому и тонкий эстетизм с жестокостью и даже коварством? В японской культуре выработался достаточно чёткий ответ на этот вопрос – надо проявлять гибкость и воздавать каждому «по заслугам». Примечательно, что, объясняя этот принцип, самураи обращались не к дзэнским заповедям, а к словам самого Конфуция. Проследим, как тонко это делалось, на материале одного из кодексов Бусидо «Уложения в семьдесят статей», созданного в 1480 г. известным даймё Асакура Тосикагэ.

«Знаменитый монах однажды сказал, что тот, кто правит людьми, должен быть подобен двум буддийским божествам – Фудо и Айдзэну. Хотя Фудо держит в руках меч, а Айдзэн – лук со стрелами, эти предметы отнюдь не предназначены для ударов с плеча и стрельбы, но лишь для успокоения злых духов. В сердцах этих божеств живут только сострадание и осмотрительность. Подобно им, правитель самураев должен прежде всего очистить свой собственный путь и лишь затем вознаградить своих преданных вассалов и воинов и уничтожить среди них тех, кто неверен и вероломен. Если вы можете понять разницу между разумным и неразумным, между добром и злом и действовать в соответствии с этим, ваша система поощрений и наказаний может считаться управлением с состраданием. С другой стороны, если ваше сердце полно предрассудков и предубеждений, уже не важно, сколько писаний древних мудрецов вы знаете, – все они превращаются в ничто. Вы можете видеть, что «Речи и суждения» Конфуция содержат следующее высказывание: «Благородный муж, в котором отсутствует стойкость, не может вызывать уважение». Не стоит считать, что понятие «стойкость» означает лишь жёсткость. Самое важное – вести себя таким образом, чтобы жёсткость и снисходительность могли гибко применяться в случае необходимости».

Отрывок весьма примечателен. С одной стороны, речь ведется от лица некоего буддийского монаха, с другой стороны, в основе рассуждений лежит цитата из Конфуция. Такой буддийско-конфуцианский синкретизм достаточно точно отражает реальную ситуацию и тот настрой, который был характерен для японских воинов. Их мораль, их этика всегда были глубоко конкретными и прагматичными. Конфуцианское человеколюбие и буддийское сострадание являлись не столько целью самурая, сколько рычагами, благодаря которым можно добиться победы в борьбе за власть или подчинить себе других людей.

ПУТЬ ВОИНА – ПУТЬ СМЕРТИ

Свободный человек менее всего думает о смерти, мудрость же его основана на размышлениях о жизни, а не о смерти.

Бенедикт Спиноза. Этика

ТЕЛО КАМНЯ

Часто ли мы задумываемся о том дне, когда покинем наш суетный мир? Самурай думал над этим всегда, он фактически готовился к смерти с самого раннего возраста. Но надо было ещё уметь покинуть этот мир, чему следовало тщательно и долго обучаться, готовя свой дух к «истинному уходу».

Самурай намеренно искал встречи со смертью, точнее, с ощущением смерти. Он переживал свою смерть десятки, сотни раз, он знал уже это сладостно-томительное ожидание умирания, ухода в инобытие. Самурай при жизни учился умирать, учился постоянно и напряжённо. Он знал и как умереть, и когда умереть. Самурай тщательно ухаживал за своей внешностью, чтобы после смерти его одежды не были в беспорядке и он не подвергся бы насмешкам врагов. Самурай не должен был начинать таких дел, которые не смог бы закончить до заката дня, – иначе, если он погибнет, то предприятие окажется незавершённым, и он, таким образом, нарушит данное кому-то слово.

Бусидо начинался именно с осознания себя мёртвым, чтобы уже ничто не могло остановить его на Пути воина. В этом контексте Бусидо приобретает совсем иной характер – характер Кодекса смерти. Весьма показательно наставление Миямото Мусаси своим последователям:

«Путь воина есть решительное, окончательное и абсолютное принятие смерти, тщательное соблюдение кодекса Бусидо. Самурай обязан следовать Пути воина.

Я нахожу, что сегодня многие пренебрегают этим.

Кто же ответит сейчас: «Что есть Путь воина?».

Никто.

Потому что людские сердца закрыты перед истиной.

Под Путём воина следует понимать смерть».

Для великого Мусаси, равно как и для сотен самураев той эпохи, понятия «истина», «Путь воина» и «смерть» были абсолютно равноценны. Смерть – высшая истина...

Самураю нужно научиться «умереть истинно», т. е. уйти из жизни, следуя предписаниям и ритуалам. Умереть во славу своего господина, во славу своего рода – это ещё не всё. Здесь важно именно само внутреннее переживание смерти воином. Великий фехтовальщик Миямото Мусаси в своих рассуждениях о связи «истинной смерти» с Путём воина заметил: «Конечно, не только самураи, но и монахи, и женщины, и крестьяне, и даже совсем низкородные люди порой с готовностью умирают во имя долга или чтобы избежать позора. Но это всё не то. Воин отличается от этих людей, потому что изучение воинского искусства основано именно на одолении соперника. Добиваясь победы, скрещивая свои мечи с противниками-одиночками или участвуя в битвах, самурай добывает славу не для себя, а для даймё. И в этом – высшая добродетель воинского искусства» [147].

Итак, даже самим фактом своей смерти истинный воин должен был побеждать соперника, а абсолютная преданность мастеру и господину становилась принципом не только жизни, но и смерти всякого самурая. «Хроники дома Тэрао» («*Тэрао-ка ки* ») рассказывают историю о том, как Миямото Мусаси пытался растолковать некоему даймё один из принципов своего воинского искусства, который назывался «тело камня». Сам Мусаси так разъяснял его: «Когда ты, наконец, овладеешь воинским искусством, ты сумеешь уподобить своё тело камню, мириады вещей не смогут коснуться тебя». Даймё никак не мог уяснить, когда, наконец, можно считать, что ты достиг такого «тела камня». И тогда Мусаси пригласил своего ученика Тэрао Риума Сукэ и приказал ему без всяких объяснений сделать себе харакири. Ученик, не медля ни секунды, вытащил меч, встал на колени и уже поднес остриё к животу. Но в последний момент Мусаси остановил его руку и сказал, обращаясь к даймё: «Вот оно – тело камня».

Полная готовность умереть оказывается здесь равной совершенному овладению воинским искусством. Тот же Мусаси объяснял это достаточно просто и недвусмысленно:

«Под Путём воина понимается смерть. Он означает стремление к гибели всегда, когда

есть выбор между жизнью и смертью. И ничего более. Это значит прозревать вещи, зная, на что идёшь... В смерти нет стыда. Смерть – самое важное обстоятельство в жизни воина. Если ты живёшь свыкнувшись с мыслью о возможной гибели и решившись на неё, если думаешь о себе как о мёртвом, слившись с идеей Пути воина, то можешь быть уверен, что сумеешь пройти по жизни так, что любая неудача станет невозможной и ты исполнишь свои обязанности как должно» [147].

Самурай не только должен презирать собственную смерть, но столь же легко относиться и к жизни и смерти других. Классическими стали истории о том, как самураи испытывали новый меч на случайных прохожих. Сам сёгун Тоэтоми Хидэёси лично подписал эдикт о «*тамэсигири* » – праве самурая «на пробу меча». Конечно, до нас не дошло точных сведений о том, сколько невинных горожан и крестьян пострадало от новоприобретённой катаны. Но ясно, что самураи наносили свой удар ловко и точно, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Нам, людям, воспитанным в традициях европейского гуманизма и христианства, такая «проба меча» безусловно, покажется чудовищной жестокостью. Однако в рамках японской культуры она веками считалась вполне нормальной. Разве сама жизнь не есть всего лишь прелюдия к чему-то более высокому, более настоящему – к реальности вечного бытия? И самурая с детства приучали осознавать жизнь как нечто временное, некий случайный всполох в вечности. Это миросозерцание в равной степени может вести и к восхищению мельчайшей подробностью существования, например предутренней дымкой в полях, которая растает через несколько минут, каплей росы, падающим лепестком, и к пренебрежению жизнью человека – всё равно ей суждено осыпаться, как цветку сакуры.

Психика самурая закаливалась с малых лет. Детство будущего воина было окружено рассказами о подвигах Ямато, других легендарных богатырей. Обязательно звучали нравоучительные истории о преданных самураях, многие из которых совершили харакири ради своего господина.

Его учили сохранять хладнокровие в любой ситуации – даже будучи тяжело раненным, он не должен измениться в лице. Известно, что самураи в жизни редко улыбались, а тем более смеялись – сама роль мужественного воина не позволяла им делать это. Зато умирал самурай с лёгкой улыбкой на лице, радуясь, что выполнил свой долг на этой земле и уходит в сатори.

УЙТИ С УЛЫБКОЙ

В западной литературе широко распространилось слово «харакири» в качестве обозначения ритуального самоубийства, но всё же правильнее употреблять его синоним «*сэппуку* ». Самурай совершал сэппуку, если господин выражал сомнение в его искренности, если он сам считал себя не выполнившим свой долг или нарушившим ритуал. Классической стала история о том, как два самурая совершили сэппуку лишь потому, что по неосторожности зацепились мечами друг за друга.

С формальной точки зрения сэппуку связано с осознанием «потери лица» – собственного несоответствия ритуальным нормам «гири». Но сам акт сэппуку связан не столько с искуплением вины, сколько с абсолютным очищением, возвращением в лоно нормы поведения.

Японское понятие «*хара* » дословно обозначает «живот», но имеет при этом и более глубинное значение – «внутреннее начало», «душа», т. е. изначальные природные свойства человека, которые в данном случае противопоставлены внешнему, физическому, искусственному. «Хара» – это также вместилище внутренней энергии «*ки* » – «киноварное поле» (*тандэн*), поэтому, например, считается, что во время гнева «хара расширяется», а «покой в хара» равносилен полному умиротворению души.

«Харакири» в своём первом, поверхностном значении переводится как «вскрытие живота», но в японской традиции под ним подразумевается более сложное понятие:

«раскрытие внутренних свойств», «выражение душевной искренности». Не случайно считалось, что самурай после харакири, которое он совершал стоя на коленях, должен был упасть обязательно навзничь, чтобы видны были его внутренности. Это символизировало искренность поступка. Падение на живот, ничком понималось как недопустимая скрытность и нарушение эстетической стороны ритуала.

Самурай, скинув доспехи, выполняет ритуальное харакири

Сэппуку как особый тип самурайского ритуала возникло в эпоху Хэйан (898 – 1185 гг.), т. е. в период формирования самурайского корпуса. Долгое время ритуальное самоубийство было исключительной привилегией буси. Поэтому в первый период реформ Мэйдзи 1868 г.,

когда сэппуку было запрещено, многие самураи сочли себя обделёнными и даже после официального упразднения самурайства как отдельного привилегированного сословия продолжали практику ритуальных самоубийств. Сотни офицеров и солдат японской армии сделали себе харакири, узнав, что император подписал акт о капитуляции Японии во Второй мировой войне.

В научной литературе высказывались мнения, что сэппуку связано с древними шаманистскими верованиями айнов, которые, например, делали особый надрез или соструг с живота деревянной куклы, куда якобы переселялась душа человека. Точного истока ритуала мы не найдём, но по своей внутренней сути ритуал сэппуку явился логическим завершением всего миросозерцания самураев. Разве добровольная смерть не означает предельную власть над самим актом жизни? Разве завершение земного существования воина не есть возможность для его нового, истинного рождения? Разве принесение самого дорогого, что есть у человека, в жертву своему господину не высший символ выполнения своего долга и искренности души?

К XIV в. сэппуку превращается в сложный ритуал, логически вытекающий из всей самурайской идеологии и эстетики. Сэппуку нередко выполняли воины высокого ранга на полях сражений, не желая попадать в плен. Известны даже случаи, когда самурайские командиры предварительно обезображивали себе лицо, дабы враги не могли узнать их и насладиться победой. Преданные юноши-самураи вспарывали себе живот, если не могли отомстить за смерть отца. И естественно, самурай был готов в любой момент совершить сэппуку, если его господин высказывал недовольство им, недоверие или если господин умер, был убит в бою либо сам совершил сэппуку. Ритуал сэппуку становился средством и внешним знаком сохранения всеобщего гармоничного порядка, основанного на конфуцианских понятиях «долга», «искренности», «верности». Учение Конфуция, краеугольным камнем которого было «человеколюбие», парадоксальным образом превращается в Японии в идеологическую опору для самоубийства по малейшему поводу.

Накануне самоубийства самурай проводил время в весёлой пирушке, в лёгких беседах о непостоянстве и суетности жизни, восхищался этим «текучим миром» – *укиё* , а в день харакири вёл себя скромно и тихо, являя собой простоту как высший жизненный принцип.

Такаока Дэнгамои Такафуса, один из 47 преданных ронинов самурая Асано Такуми, правителя области Ано, которые отомстили придворному Кира Кодзуке-но сукэ, а затем сделали себе харакири (Утагава Куниёси, 1847г, Государственный Эрмитаж)

Сэппуку совершали обычно либо в доме господина, либо на своём дворе. В первом случае разыгрывалось целое ритуальное представление, которое символизировало непостоянный, ненастоящий характер всей нашей видимой жизни. Двор застилался циновками, на них клали большое атласное покрывало красного цвета, дабы на нём не была видна кровь. Посредине двора стелилась ещё одна небольшая циновка, на которую на колени вставал самурай, позади него становились два «секунданта» – обычно ближайшие его друзья, державшие меч. По углам двора рассаживались родственники, приглашённые гости, нередко – императорские цензоры, проверяющие. Самурай спускал с плеч лёгкое кимоно, надеваемое специально для этого случая, и после недолгой молитвы вонзал себе в живот небольшой ритуальный меч и делал разрез. В тот же момент один из помощников, что стоял у него за спиной, резким ударом меча сносил ему голову, прекращая мучения.

Акт сэппуку был наполнен десятком ритуальных мелочей. Например, помощник должен был так снести голову самурая, чтобы она повисла на лоскуте кожи, а не откатилась в сторону, что считалось весьма неэстетичным. Сам самурай обязан был умереть с лёгкой улыбкой на устах, без сожаления расставаясь с жизнью. Особое внимание обращалось на тип удара мечом, который наносил себе самурай. Всего насчитывалось около десятка различных надрезов некоторые из них были весьма сложны и болезненны, например по диагонали снизу вверх, или в форме буквы <Z>, или в два удара в форме <+>. Как самый простой

рассматривался разрез слева направо и сверху вниз. Был и особо изощрённый способ – удар себе в живот тупым бамбуковым мечом, что ещё больше подчёркивало абсолютное презрение самурая к жизни [27].

Описание такого идеального ухода из жизни в соответствии со всеми ритуальными правилами можно встретить в знаменитом произведении «Хэйкэ моноготари» («Повесть о Хэйкэ»). Ёримаса принимает деятельное участие в организации восстания против клана Тайра в 1180 г. и вовлекает в него принца Мосихито. Но восстание оказывается разгромленным, и Ёримаса считает своим долгом уйти из жизни. Он решает обставить это всеми необходимыми церемониями.

«Ёримаса призвал к себе Ватанабэ Седзицу Тонау и приказал: «труби мне голову!» Но Тонау не мог заставить себя сделать это, пока его господин был жив. Он горько зарыдал.

– Да как же я могу сделать это? – ответил он. – Я могу сделать это лишь после того, как вы совершите сэппуку.

– Я понял, – ответил Ёримаса.

Он повернулся лицом к западу, сложив ладони перед грудью, и пропел славу Будде Амиде десять раз громким голосом. Затем он сложил следующее стихотворение:

Словно засохшее дерево,
Что не подарило ни одного цветения,
Печальна была моя жизнь.
Печально стоит до конца моих дней,
Не оставив плодов после себя.

Произнеся эти строфы, он вонзил остриё меча себе в живот, уткнулся лицом в землю, как только клинок пронзил его, и умер. Обычный человек не смог бы сложить стихотворение в такой момент. Однако для Ёримасы стихосложение превратилось в истинное наслаждение ещё со времён его молодости. И поэтому даже в момент своей смерти он не забыл о нём. Тонау взял одной рукой голову своего господина, отсёк её и привязал к камню. Затем, скрываясь от врагов, он направился к реке и погрузил голову своего господина в воду в самом глубоком месте» [186].

Перед нами вновь предстаёт образ «идеального воина» в том виде, в каком он складывался в эпоху Камакура. В реальности же такие показательные случаи сэппуку, возведённого в акт высокого искусства, были скорее исключением, нежели правилом. Да и сам мучительный способ добровольного ухода из жизни не получил столь широкого распространения. По сути он и не был добровольным, поскольку сама логика взаимоотношений той эпохи ставила воина в безвыходное положение, его поведение было целиком подчинено ритуальным нормам.

Классическим примером смерти за своего господина стала история о 47 верных ронинах. Она и послужила сюжетом для представлений театра Кабуки, многих живописных изображений. По её мотивам создавались многочисленные «боевые повести», например, «Тюсингура» (XIX в.), проиллюстрированная известным художником Садахидэ (1807 – 1873 гг.).

В 1702 г. во время подготовки к приёму императорского посла знатный самурай Асано Наганори, правитель области Ако,был оскорблён другим не менее знатным и известным самураем Кира Кодзукэ-но сукэ. Честь Наганори Асано была столь сильно задета, что он выхватил меч и не раздумывая бросился на обидчика. Это был неслыханный по своей дерзости поступок – обнажить меч в сёгунских покоях! Наганори Асано приговорили к харакири, Кира Кодзукэ-но сукэ же избежал наказания. Пострадали и 47 верных подданных Асано. Они были распущены и превратились в ронинов, но поклялись отомстить за смерть своего господина.

Долго ронины выслеживали расчётливого и хитроумного Кира и в конце концов, ворвавшись ночью в его дом, убили обидчика. Затем все 47 ронинов совершили акт

харакири. Таким образом они исполнили самурайский долг, оставшись преданными своему господину даже после его смерти.

Естественно, сэппуку совершали не только как мщение за своего господина или по указу правителя. По сути харакири стало не только воплощением возвышенных самурайских отношений, но и частью национальной культуры. В качестве иллюстрации можно привести пьесу театра Кабуки «Отокодатэ Госё-но Горозо» («Благородный человек Госё-но Горозо»), где главный герой – небогатый, но честный и благородный горожанин Горозо – вынужден сражаться на дуэли с самураем и после этого совершить сэппуку. Считалось, что предел жизни достигается именно через полное выполнение морального долга. И после этого земное бытие теряет всякий смысл. Добровольная смерть через сэппуку лишь усиливала торжественность самого акта осуществления «гири».

Самурай обязан уходить из этого мира с лёгкой улыбкой на устах. Он должен быть благодарен жизни за то, что она позволила ему «истинно умереть».

КНИГА 2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВОИНЫ

САМУРАИ БЕЗ САМУРАЙСТВА: НА ПОРОГЕ БОЕВЫХ ИСКУССТВ СОВРЕМЕННОСТИ

Мы редко осознаем действительный пафос каждого периода жизни, покуда находимся в нем самом.

Ф. Ницше. Злая мудрость

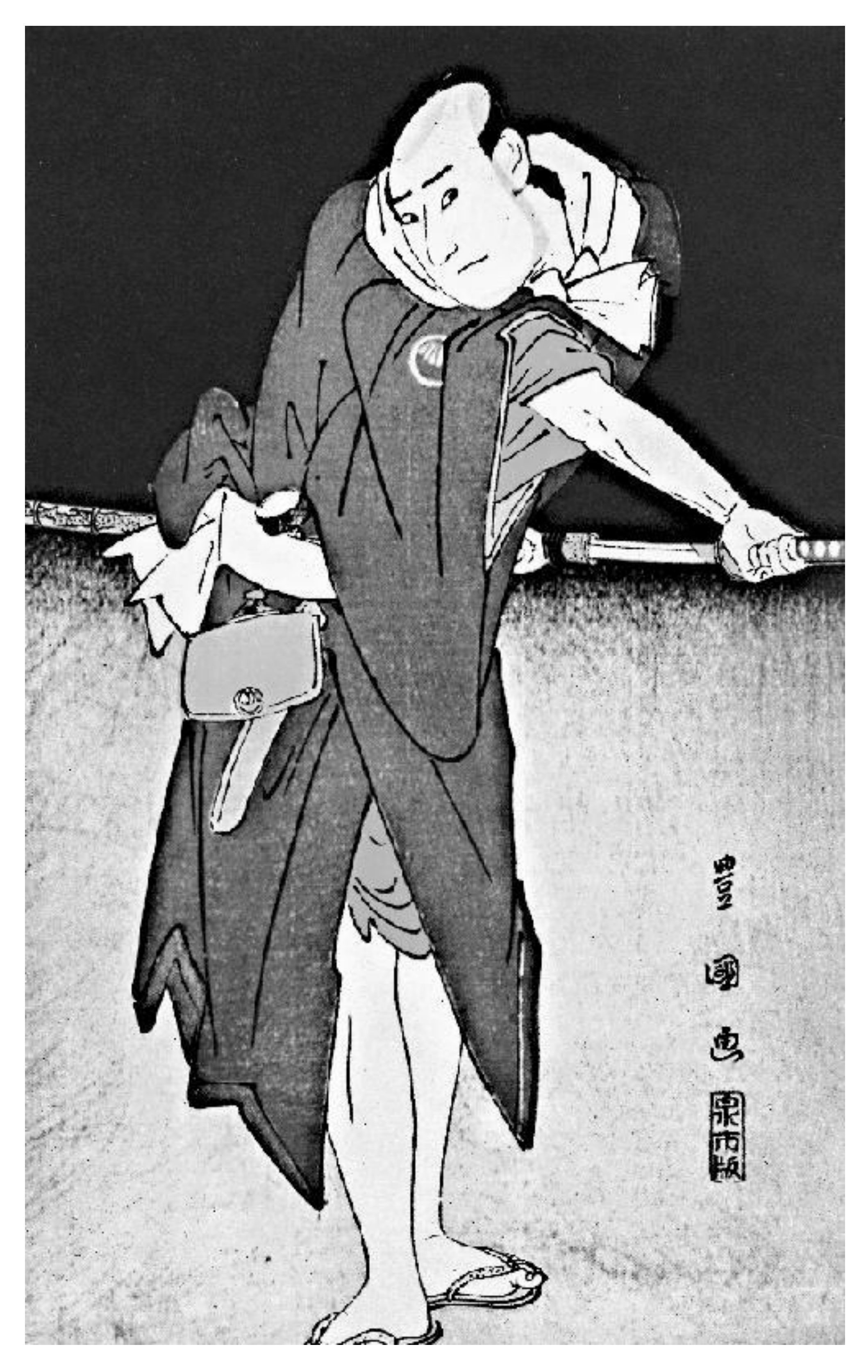
«ОБНОВЛЕНИЕ ГОДОВ МЭЙДЗИ И ЗАКАТ САМУРАЙСТВА»

Мы подошли, пожалуй, к самой интересной эпохе развития боевых искусств Японии. За какое-то столетие весь мир узнал о дзю-дзюцу и дзюдо, каратэ и айкидо; при этом новый импульс к развитию получили такие древние и во многом уже ритуальные виды единоборств, как кэндо или борьба сумо.

Все дальнейшее развитие боевых искусств Японии самым непосредственным образом связано с теми событиями, которые были названы «реформами годов Мэйдзи». Такие великие личности, как основатель дзюдо Кано Дзигаро, «отец каратэ» Фунакоси Гитин, патриарх айкидо Уэсиба Морихэи, вышли из эпохи Мэйдзи. Они были ее детьми, несущими в себе все противоречия, надежды и амбиции того времени.

В XIX в. большинство населения Японии оказалось недовольно существующим строем. Он не устраивал ни мелкое самурайство, ни нарождавшуюся буржуазию (которая в условиях тоталитарного сёгунского контроля не могла удовлетворить свои финансовые интересы), ни крестьянство, ни городскую бедноту. На этой почве возникает идея «*тобаку* » – свержения бакуфу.

Начинают возникать фракции реформаторов – «*кайкакуха* », состоявшие в основном из мелкого самурайства. Но простого недовольства режимом сёгуната и его важнейшей составной частью – институтом «больших семей» (даймё) – было недостаточно; требовалась еще положительная идея, вокруг которой могли бы сплотиться реформаторы. И она быстро находится.



Практически всякая революция, всякая крупная реформа на Востоке осуществляется не для создания чего-то кардинально нового, но как возврат к «золотой древности», к истокам. Это происходит и в Японии: идея восстановления императорского строя, точнее возвращения императору реальной политической власти – завоевывает умы реформаторов. Центр оппозиции, а вместе с ним и политической активности постепенно перемещается в Киото, где располагалась императорская резиденция. Сюда же стягиваются самурайские отряды, подходят ронины. В юго-западных княжествах Сацума, Тесю и Тоса разразилась настоящая гражданская война между силами сёгуната и оппозиции.

Император Муцухито (1852-1912)

Последний сёгун Токугава Кэйки (1837 – 1913 гг.) еще надеялся с помощью мощных военных операций в мятежных княжествах восстановить свое влияние в стране, но явно переоценил собственные силы. В 1866 г. последовал сокрушительный разгром войск Токугавы в княжестве Тесю, что было тяжелым моральным потрясением для многих даймё. Наконец в январе 1868 г. во дворце императора в Киото был оглашен императорский рескрипт. В нем говорилось об упразднении сёгуната, реставрации императорской власти, создании нового правительства.

Эта революция, а по сути политический переворот 1868 г., была названа «обновлением годов Мэйдзи» (Мэйдзи исин) по девизу правления тогдашнего императора Муцухито. Япония начинает открываться Западу. В 1872 г. издается закон о новой системе образования, построенной по французскому образцу. Провозглашается курс на создание в стране «просвещенной цивилизации» – «буммэй кайка», на основе чего предполагалось ликвидировать техническое отставание Японии от западных стран. Возникают первые военные академии и университеты, где читают лекции преподаватели из Голландии, Англии и Франции.

Но все же влияние самураев было по-прежнему велико, а потому реформы могли оказаться под угрозой. И тогда правительство решает разбить краеугольный камень самурайской касты – ее замкнутость, элитарность. В 1872 г. вводится всеобщая воинская повинность, а новая японская армия начинает формироваться по европейскому образцу. Теперь воинским искусствам обучались не только по наследственной линии – ими овладевал каждый, кто призывался в армию. Разрушение самурайского влияния осуществлялось

продуманно и изящно – по-прежнему идеологическую основу воинской подготовки составляли кодекс Бусидо и синтоистские идеи, а это означало, что самураи утратили монополию на мистический «Путь воина».

Самураи потеряли исключительное право на защиту страны, которым столь гордились перед простыми смертными. Был нанесен удар и по их имущественным правам, причем пострадали самые известные роды, прославившиеся своими заслугами перед государством. В 1872 г. официально отменяются все традиционные сословные категории, провозглашается равенство всех сословий перед законом.

Решения об ограничении прав самурайства следовали одно за другим. Сначала в 1871 г. им запретили носить традиционную прическу с пучком на голове – *тёммагэ* . Пучок было позволено сохранить лишь борцам сумо – частично благодаря покровительству ряда высокопоставленных особ, частично из-за того, что борцы (*рикиси*) воспринимались как живая, но все же музейная традиция. Чуть позже самураям запретили совершать ритуальное харакири. В 1876 г. им запретили носить мечи. Удар по самолюбию воинов был колоссален: меч издревле считался «душой самурая», с ним воин не расставался даже ночью. Самураи были возмущены, состоялись выступления протеста, но новое правительство решительно контролировало ситуацию.

Однако было бы нелепо полагать, что обаяние самурайского облика столь быстро угаснет в умах японцев. Да и вся японская культура того времени была по своей сути воплощением самурайской дзэнской эстетики. Вытравить все это из человеческих душ за пару десятилетий просто невозможно, и никакая прозападная система образования в школах и университетах не могла это сделать.

Куда же делись самураи, которых в то время в Японии насчитывалось не менее 400 тыс. человек? Самураи оказались единственной социальной группой, которая имела достаточное образование. Поэтому именно из их среды набирались учителя для многочисленных новых учебных заведений. Они же становились руководителями предприятий, администраторами; многие воины нашли свое дело в полиции, где активно преподавались боевые искусства, а с 1892 г. в качестве основной дисциплины было введено дзюдо. Таким образом, первое же из боевых искусств новой Японии – дзюдо – на раннем этапе оказалось монополизировано самураями.

Парадокс реформ Мэйдзи заключался в том, что указы, направленные на ограничение прав самураев, нередко писались ими же самими. Да и во главе реставрации 1868 г. стояло все то же самурайство, которое стремительно перерастало в новый государственный аппарат. Самураи оказались на ключевых постах в армии и полиции – только в армии их насчитывалось свыше 40 тыс. человек. Эти люди действительно были единственной категорией населения, которая могла профессионально организовать военное дело.

Самурай не может жить без идеала, без «великого света», который определяет все его нравственные устремления. Теперь самураи служили прежде всего императору, а не своему господину-даймё или сёгуну. Они же провозгласили лозунг «Богатая страна – сильная армия» (*Фукоку сёкэй*), поставив мощь государства в зависимость от военной подготовки его граждан. Сознание уже не части нации, а ее большинства приобщалось к священной традиции «преданных и честных воинов». На этой волне и рождаются новые боевые искусства – дзюдо, каратэ, айкидо.

НОВОЕ БУДО – ЖИВОЙ ИДЕАЛ ПРОШЛОГО

Когда же появляются собственно боевые искусства нового типа, которые мы тем не менее считаем традиционным наследием Японии? Они связаны со вполне определенным периодом «Дай Нихон» – «Великой Японии». Сознание японцев, а это в основе своей «самурайское» сознание, не выдерживает ни преклонения перед Западом, ни даже мягкого признания того, что Европа кое в чем существенно обогнала Страну восходящего солнца. Оно не может забыть великую идею «*ямато дамасий* » – «духа Ямато», на которой всегда

базировалось Бусидо и которая безапелляционно утверждала приоритет всего японского над «варварским».

В середине 90-х гг. XIX в. влияние «национальной идеи» резко усиливается; причем если раньше предпочитали говорить о «превалировании японского над западным и их взаимосочетании», то теперь «дух Ямато» стал носить явно выраженный агрессивный характер. Появилась идея объединения всей Азии под дланью японского императора, в результате чего могла бы возникнуть «Великая восточноазиатская сфера сопроцветания».

Ямагути медитирует перед стеклянным шаром (тама-гё)

С начала XX в. по всей Японии начали возникать небольшие общества – «*са* », которые занимались воспитанием молодого поколения в духе японской традиции. Энтузиазм обновления сменился глухой тоской по самурайским идеалам и традиционному консервативному духу. Старики справедливо считали, что молодежь не должна забывать самурайские традиции, и с удовольствием финансировали эти общества, где мальчики в возрасте до 18 лет изучали те традиционные предметы, которых им уже не могли дать ни школа, ни домашнее обучение. Естественно, одной из основных дисциплин в таких «са» были боевые искусства. Членов обществ приучали к жесткой дисциплине, уважению к старшим, беспрёкословному подчинению им.

В знаменитой своими воинскими традициями провинции Сацума, например, сформировался десяток таких «боевых обществ»: «Кэндзи-но-са», «Юхи-но-са», «Канран-са» и др. В одном из них обучался, в частности, патриарх японского Годзю-рю каратэ Ямагути Гогэн. Время от времени общества устраивали праздники, например «Собрания боевых искусств», «Испытание сильнейших». Каждый год в декабре проходил самый крупный фестиваль самурайских боевых искусств – «Месть сорока семи ронинов».

Людей, решивших посвятить свою жизнь занятиям будо, было немало. Многие из них шли в охранники, объединяясь в особые бригады или отряды (*гуми*). Они патрулировали

улицы, заключали контракты с торговцами на охрану магазинов и мелких лавчонок от хулиганов. Одна из самых известных таких групп, Синсэн-гуми, возникла в 1883 г. в Киото. Кстати, именно при этой группе Ямагути Гогэн открыл свою первую официальную секцию, которая так и называлась: «Зал-додзё школы Годзюрю группы Синсэн-гуми». Правда, такие гуми нередко сами занимались разбоем и наводили страх на торговые кварталы, поэтому отношение к знатокам боевых искусств, состоявших в них, было далёко не однозначным.

Итак, наступает новая эпоха в истории боевых искусств – яркая и очень противоречивая. В ней смешались тоска по самурайским идеалам и национализм, потребности японских разведслужб, интересы внутренней и внешней политики государства. Она же стала и эпохой Личностей, имена которых теперь известны во всем мире: Кано Дзигаро, Фунакоси Гитин, Уэсиба Морихэи, Масутацу Ояма и десяток других. История японских будо идеализировала имена живых людей, сделав их легендарными. Многие японские боевые искусства современности стали как бы «мостками» в самурайское прошлое Японии, точнее – в нёкое идеальное состояние духа, в котором, как кажется многим, пребывали самураи; бу-дзюцу превратились в живое воплощение национальных идеалов.

ЗАГАДКИ «ГИБКОГО ИСКУССТВА» ДЗЮ-ДЗЮЦУ

После реформ Мэйдзи интерес к традиционным бу-дзюцу разгорается с новой силой. Правда, теперь у боевых искусств появляются иные функции – передавать старый самурайский дух, прививать традиционные идеалы, осуществлять духовное воспитание. На рубеже XIX – XX вв. самым популярным боевым искусством становится *дзю-дзюцу* – «гибкое (или «податливое») искусство» (для многих читателей более привычно неправильное звучание этого слова – «джиу-джитсу»), представляющее собой довольно пестрый конгломерат школ, объединенных под общим названием.

Популярность дзю-дзюцу – до той поры не очень известного раздела бу-дзюцу – легко объяснить. Раньше основными занятиями самурая были кэн-дзюцу (бой на мечах) и стрельба из лука, но в ходе реформ Мэйдзи ношение мечей отменили, а прикладная ценность кюдо отошла на задний план. Зато те школы боевых искусств, в которых изучался рукопашный бой, естественно, обратили на себя внимание поклонников самурайских традиций.

Существовала и другая причина бурного роста школ дзю-дзюцу. Раньше это искусство, согласно распространенным версиям, хранилось «в глубочайшем секрете» и включало сотни тайных методов защиты и нападения. Как мы увидим позже, ничего подобного в действительности не было: не случайно дзюдоисты разгромили все школы дзю-дзюцу с их «тайными методами». Но до этого интерес публики к дзю-дзюцу, подогреваемый слухами, был огромен.

К середине XIX в. термин «дзю-дзюцу» становится универсальным понятием, под которым фигурируют сотни самых разных школ. Казалось бы, к дзю-дзюцу следует относить лишь системы боя без оружия. Но крупнейшие школы дзю-дзюцу, такие, как Кито-рю и Ёсин-рю, включали в свой арсенал отработку техники владения мечом и копьем. Дзю-дзюцу оказалось подобно огромному мешку, в который складывают никак не связанные между собой вещи.

Бой голыми руками, который позже лег в основу дзю-дзюцу. Входил в ежедневную тренировку самураев еще с XV в, однако.. использование оружия считалось и более эффективным, и более благородным (гравюра XVIII в.)

Японские историки, а за ними и западные поклонники боевых искусств стали относить к дзю-дзюцу любые упоминания о поединках, боях, драках. Например, началом дзю-дзюцу считался бой, состоявшийся в 220 г. до н. э. между Номи-но Сукунэ и неким Кэхаем из области Тадзима. Его подробности мы опишем в разделе, посвященном сумо; здесь же лишь отметим, что на этот бой как на исток собственной системы претендуют и дзю-дзюцу, и сумо, и каратэ! В реальности же нам неизвестно, практиковали ли эти два бойца какую-либо систему и существовала ли таковая вообще в то время.

Столь же расплывчаты упоминания о нёкоей самурайской системе, которая называлась «*ёрои кумиути* » – «бой в доспехах». Считается, что богатый наследственный аристократ Сакаэда Мурамаро, живший в VIII в., содержал при себе большую школу ёрои кумиути. Позже в таких школах самураев обучали, как защищаться от нападения в том случае, если их меч окажется сломан. В XVI в. эта система сменяется более разработанной – «*когусоку* », что означает «малый доспех». Именно так назывался один из видов облегченного снаряжения самураев, который позволял свободно вступать в схватку без оружия, так как в полном боевом облачении сделать это было затруднительно. Однако вызывает сомнение, что и ёрои кумиути, и когусоку были именно системами боя без оружия, а не просто обобщающими названиями каких-то отдельных приемов.

Число поклонников дзю-дзюцу резко возросло тогда, когда в Японии особых войн не велось. В XVIII – XIX вв. дзю-дзюцу превращается в метод физического воспитания, основанный на самурайской идеологии и воинских традициях. Многие самураи отдавали

детей в школы дзю-дзюцу, где им прививали «настоящий воинский дух» и учили правилам поведения. Естественно, в этой ситуации появилась потребность обосновать исконно японское происхождение дзю-дзюцу, поскольку существовали весьма серьезные версии о том, что корни дзю-дзюцу берут начало в Китае.

Тогда и возникает известная легенда о нёкоем самурае Такэноути Хисамори. Легенда даже называет точную дату знаменитого события – 1532 г. В тот год Такэноути ушел в горы, дабы совершенствовать свой дух в дзэнской медитации и боевых тренировках. Уже в течение нескольких месяцев самурай старался разработать самые эффективные способы боя с мечом и обезоруживания противника. И вот однажды, когда Такэноути заснул, ночью к нему явилось нёкое «темное божество» (или «сокровенный дух»), которое объяснило ему несколько хитростей боя с катаной и без оружия. «Сокровенный дух» посоветовал Такэноути в бою первым делом подрубать противнику ноги под коленями, чтобы обездвижить его. К тому же божество показало нёкоторые приемы залома рук, ударов и удушения. В результате якобы и родилась первая школа дзю-дзюцу.

Откуда произошло название «дзю-дзюцу»?

В Китае нёкое «гибкое искусство» – «*жоушу* » – существовало по крайней мере с XVI в. Как и дзю-дзюцу в Японии, это название объединяло множество внешне абсолютно несхожих школ. Но в их основе лежала объединяющая теория – «преодолевать жесткое при помощи мягкого», «одолевать твердое при помощи податливого».

Знали о существовании таких методов и в Шаолиньском монастыре. Например, в трактат «Способы шаолиньской школы» («Шаолинь-цзун фа») говорится: «Вспарывающие, рубящие, отводящие, подрезающие движения – все это распространенная техника опережающих и защитных действий руками из гибкого искусства провинций Гуйчжоу, Хунань и Хубэй». Правда, описание нам мало говорит о сути таких школ. Но есть основание считать, что распространение в Японии «гибкого искусства», или по крайней мере самого этого понятия, связано с китайской традицией.

Принято считать, что японское название «дзю-дзюцу» связано с особой мягкостью и податливостью в тактике ведения боя – это должно соответствовать знаменитому принципу «преодоление силы податливостью, грубости – мягкостью». Но внимательно приглядевшись к десяткам школ дзю-дзюцу, мы обнаружим, что в большинстве случаев особой «мягкости» здесь не видно, зато повсеместно встречаются жесткие удары, прямолинейные способы атаки. Лишь в очень незначительном количестве школ действительно существовали броски уступанием, т. е. уходы от атаки противника по кругу. Такие школы были редкостью, их можно перечесть по пальцам – *Дайто-рю, Кито-рю* (многие приемы Кито-рю легли в основу дзюдо); большинство же практиковало сравнительно простые методы рукопашного боя.

Так почему же именно «мягкое искусство»? Все объясняется значительно проще. Первоначально это название не имело никакого философского подтекста. Всякая работа с оружием у самураев считалась «жесткими методами боя» (*гопо*), или «жестким искусством», а приемы боя без оружия являлись, следовательно, «мягким искусством».

Понятие «дзю-дзюцу» применительно к боевым искусствам появляется в Японии никак не раньше XVI в. Зато в Китае в эпоху Мин, в годы Ваньли, (1573 – 1620 гг.) издается объемный трактат «Полная книга способов Фана» («Фанфа цюаньшу»), где мы встречаем самые подробные иллюстрации целого ряда бросков и заломов, поразительно схожих с техникой дзюдо. Итак, ситуация проясняется – какое-то «гибкое искусство», причем детально разработанное, существовало в Китае уже к началу XVI в., что совпадает по времени с распространением дзю-дзюцу в Японии.

Но кто конкретно мог принести эти способы на японскую землю? По одной из версий, таким человёком, вероятно, был выходец из китайской провинции Чжэцзян Чэнь Юаньюнь (1587 – 1671 гг.), с 1619 г. (или с 1621 г.) преподававший в городе Эдо японской придворной аристократии китайский язык, каллиграфию, конфуцианские каноны, древние ритуалы и этикет. Доподлинно известно, что Чэнь в 1625 г. начал преподавать основы ушу в Эдо, в храме Сёкокудзи, причем самыми талантливыми из его учеников были Исокаи

Дзиродзаэмон, Миура Еситацу и Фукуно Масакацу. Правда, ни о каком дзю-дзюцу тогда речь не шла. Его систему гордо называли «Искусство одоления врагов Великой династии Мин» («Дамин божэнь шу»), а основана она была на принципе «одоления жесткого через податливое». Об этом факте упоминают и китайские, и японские хроники. В последующем эти три ученика Чэня создали свои школы кулачного искусства – школы дзю-дзюцу. Их стали называть по именам патриархов боевых искусств: Исокаи-рю, Миура-рю и Фукуно-рю. В целом же это направление дзю-дзюцу, истоки которого лежали в технике китайского ушу, именовалось «Кито-рю дзю-дзюцу» – «Гибкое искусство отрывов от земли и бросков» [38].

С Китаем была связана и школа дзю-дзюцу, берущая начало от Акаямы Сиробэи (XVII в.), лекаря из Нагасаки. Он обучался в Поднебесной империи медицине, оздоровительным гимнастикам и ушу.

...В тот день Акаяма вышел прогуляться в свой сад. Вид заснеженного сада успокаивал его, помогал думать, приводил в порядок мысли. Ночью выпал снег, который маленькими сугробами лежал на ветках деревьев. Изящество сада каждый раз восхищало японского лекаря, видевшего в этом маленьком уголке природы саму суть жизни, сведенную к ее миниатюрному воплощению.

Из задумчивости его вывел какой-то треск. Он поднял голову и увидел, как ветка ели, не выдержав тяжести лежащего на ней снега, сломалась. Тут же внимание Акаямы привлекло другое дерево – ива. Ее ветка согнулась, сбросила с себя груду снега и сразу же вновь выпрямилась. «Сначала поддаться, чтобы потом победить», – пронеслось в голове у Акаямы.

Не надо сопротивляться более сильному сопернику, не надо пытаться противопоставить его силе свою. Наоборот, как учили Акаяму китайцы, «надо одолевать силу через слабость», «побеждать твердость гибкостью и податливостью» (*и жоу чжи ган*). Если могучий противник толкает тебя, то не следует упираться и пытаться перебороть его. Лучше поддаться его толчку, отступить, чтобы он «провалился» и потерял равновесие. А затем еще дернуть его на себя, т. е. в направлении его усилия, и бросить на землю.

Надо все время следовать за противником, за каждым его поворотом, за каждым движением его тела и напряжением мышцы. Именно здесь должен проявиться знаменитый принцип, который Акаяма узнал в Китае, – принцип «следования» (*суй*): начинать вместе с противником, но на какую-то долю мгновения опережать его.

В теории Акаямы, которую он увидел в момент прозрения, наблюдая за гибкой веткой ивы, не было ничего кардинально нового, но он сумел приложить ее к практике реального боя. Многие стили китайского ушу уже сотни лет базировались на принципе податливости, уступания и следования за противником. А предание о ветке ивы, связанное с именем Акаямы Сиробэи, есть просто образное изложение учения о дополнении противоположностей.

Собственную школу будо Акаяма разрабатывал на основе бросков, которые позволяли использовать силу противника против него же самого. Немало бросков выполнялось с предварительным надавливанием на болевые точки – здесь Акаяма использовал знание человеческого организма. В память о том откровении, которое посетило его в заснеженном саду, Акаяма назвал свою школу Ёсин-рю, что означает «Школа сердца ивы». Позже эта школа стала одним из основных направлений дзю-дзюцу, именно отсюда идет прямая дорога к современному дзюдо. Сам создатель дзюдо Кано Дзигаро нёкоторое время обучался у мастеров Ёсин-рю и от них взял присущие его детищу многочисленные броски и болевые приемы.

Методы дзю-дзюцу оставались в основном вспомогательными способами боя, и долгое время особого внимания им никто не уделял. Лишь в период правления дома Токугава, приблизительно с XVIII в., на дзю-дзюцу в Японии начинают смотреть как на эффективный метод – правда, не столько боя, сколько поддержания физической формы. Резко увеличивается количество наставников по дзю-дзюцу, большинство из которых, естественно, претендовали на обладание «уникальными секретами». Многим школам, которые возникли

совсем недавно, приписывалась древняя история, восходящая едва ли не к соперничеству домов Тайра и Минамото. Популярность приобретают школы Кито-рю, Ёсин-рю, Тэнсин синъё-рю, Ягью-рю, Рёи синъё-рю. Особенно активизируется школа Кито-рю, созданная, согласно легенде, Тэрадой Канаэмоном в 1670 г.

Подобных школ существовали сотни; зачастую мастера «одной школы» никак не были связаны между собой и просто использовали одно и то же популярное название, преподавая на самом деле абсолютно разные системы. Так, к началу XX в. возникло несколько несхожих друг с другом школ под одинаковыми названиями «Кито-рю» и «Ёсин-рю». Всего же школ дзю-дзюцу, в основном мелких и разрозненных, насчитывалось по всей стране свыше четырехсот. Руководили ими прёимущественно бедные самураи, ронины – преподавание дзю-дзюцу больших доходов не приносило.

В поисках клиентов ряд самурайских школ, например Кито-рю, Косю-рю, Дайто-рю айки-дзюцу, начали открывать для публики нёкоторые аспекты боевых искусств, которые доселе считались «секретными» (*отомэ-рю*) и доступными лишь самураям высших рангов. Большинство же школ дзю-дзюцу, сохранившихся к XX в., никаких особых секретов уже не содержали и свою популярность поддерживали лишь благодаря тем легендам, которые распространяли сами наставники.

Японцы быстро поняли, что дзю-дзюцу под видом «тайной японской борьбы» может стать хорошим товаром на западном рынке. Уже с начала XX в. во Франции и Англии предприимчивые японцы за умеренную плату с удовольствием раскрывали «многовёковые секреты борьбы без оружия», а одна из первых в России книг по дзю-дзюцу была опубликована в 1909 г. «Дзю-дзюцу» стало привлекательным названием, под которым удобно маскировать собственные изобретения.

К тому же история донесла до нас факт, достоверность которого оспорить невозможно, – практически во всех схватках школа дзюдо Кодокан, созданная Кано Дзигаро, обыграла все сильнейшие школы дзю-дзюцу своего времени. Моральный удар был столь силен, что школы дзю-дзюцу стали распадаться одна за другой, а их ученики переходили в Кодокан.

ДЗЮДО: ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ДОКТОРА КАНО

ЕЩЕ ОДНА ШКОЛА ДЗЮ-ДЗЮЦУ

«Я счастлив, что имею возможность представить вам имя моего учителя – человека, который в последнее время получил широкую известность в связи со своей новой системой дзю-дзюцу и который приложил самые ревностные усилия по ее воссозданию и рёконструкции» [180]. Так начал свою лекцию Т. Сидати, секретарь Банка Японии, выступая 29 апреля 1892 г. перед одной из самых взыскательных европейских аудиторий – «Япономедческим обществом Лондона».

Кано Дзигаро

Что это за «новая система дзю-дзюцу»? Чем оказался столь примечателен ее создатель, что один из крупнейших японских банкиров представляет его элитарным востоковедческим кругам Великобритании? Речь идет о ныне всемирно известной системе дзюдо и о ее создателе, докторе Кано Дзигаро. Сегодня это единственный вид японских боевых искусств, включенный в программу Олимпийских игр, вид спорта, практически полностью утративший связь с духовными и культурными традициями будо, от которых остался лишь легкий налет экзотики – белые кимоно, японские названия приемов, разноцветные пояса. А в ту пору, когда Сидати, один из учеников Кано, читал свою лекцию в Великобритании, дзюдо исполнилось всего десять лет. И этот вид борьбы представлял собой лишь одну из многочисленных школ дзю-дзюцу, которую в ту пору именовали просто Кано-рю – «стиль Кано».

Кано Дзигаро родился 20 октября 1860 г. в небольшом приморском городке Микагэ недалёко от Киото, в благородной семье. Отец будущего создателя дзюдо занимал солидный пост – он был директором морских складов Токугавского сёгуната, благодаря чему семья его жила безбедно, и своим детям он смог дать блестящее образование.

В семье Кано царило уважение к древним традициям, его отец, потомственный самурай, в течение многих лет оставался преданным слугой сёгуна Токугавы. В 1871 г. семья Кано, тяжело переживавшая все перипетии реставрации Мэйдзи, переезжает в Токио, а через несколько лет молодой Дзигаро поступает в престижную британскую частную школу – одно из тех модных нововведений, которые возникли после начала реформ Мэйдзи. Уже с тринадцати лет Кано получает вполне приличное европейское образование, неплохо говорит по-английски, а параллельно изучает под руководством китайских наставников премудрости каллиграфии. Таким образом, с юности в нем уживались традиционный японец, тщательно соблюдающий все древние ритуалы, и европейски образованный светский человек. Позже Кано Дзигаро поступает в Токийский Императорский университет (Токе тэйкоку дайгаку) – самое престижное учебное заведение того времени в Японии.

Университет, основанный в 1877 г., явился порождением реформ Мэйдзи в области образования, направленных на преодоление последствий двухвёковой изоляции Японии от мировой цивилизации. Это был первый университет в Японии, в котором широко и свободно преподавали иностранцы. Кано сначала учится на экономическом факультете, постигая

европейские экономические теории, а затем переходит на открывшийся позже педагогический факультет, и педагогика, воспитание людей становится его призванием.

Престижный университет дает молодому Кано и немало полезных связей, которыми он воспользуется в будущем. Так, один его университетский друг, Такааки Като, станет премьер-министром Японии, а другой, Кубадзо Цубои, – ректором Токийского университета. Именно его бывшие университетские друзья позволят вывести дзюдо, начинавшееся как небольшая школа дзю-дзюцу, на уровень государственного спорта. Вообще многое в жизни Кано и в его триумфальных успехах объясняется не только удивительным упорством и умом этого человека, но и его неплохими связями.

Всего лишь несколько лет университет, как и другие учебные заведения Японии, мог полноценно воспринимать западный опыт и приглашать преподавателей из Англии, США и Франции. С начала 80-х годов наметился резкий поворот идеологического курса в сторону национальных традиций. Иностранные учителя были заменены японцами; в 1890 г. издан императорский рескрипт о воспитании, в подготовке которого основную роль сыграли правые националисты. «Окно», через которое к студентам приходили свежие идеи западной науки, философии и политологии, захлопнулось.

Именно в университете Кано Дзигаро встретил этот возврат к национальной идеологии. С одной стороны, он узнал многое о западном мировосприятии, с другой – его все же вернули в лоно национального самосознания. Эта двойственность сказывалась на протяжении всей жизни «отца японского спорта», как уважительно именовали Кано: его дзюдо стало совмещением двух на первый взгляд несовместимых начал – японского традиционного воспитания бойца в духе национального этикета и западной системы физического воспитания.

В университете спорт был весьма модным увлечением, причем особенной популярностью пользовались вполне «западные» его виды, например бейсбол, гимнастика, баскетбол. В первое время и Кано решил приобщиться к бейсболу, но попытки этого хилого интеллигентного паренька нанести мощный удар битой вызывали лишь усмешки у его сверстников. Действительно, хорошими физическими данными Кано и в дальнейшем не отличался: его рост был 150 см, а вес никогда не превышал 48 кг.

И вот в 1877 г. семнадцатилетний Кано впервые переступает порог школы дзю-дзюцу. Его учителем становится уже престарелый Яги Тэйносукэ. Юный Кано делает блестящие успехи; все время, свободное от учебы в университете, он посвящает тренировкам, тщательно записывает и зарисовывает все, что показывает ему мастер. Но Яги Тэйносукэ умирает, и Кано остается без наставника. Правда, это печальное событие имело и свою оборотную сторону: к Кано как к самому способному ученику переходят все древние записи по дзю-дзюцу, которые хранил Яги, а вместе с ними, как и положено, Кано формально унаследовал традицию школы.

Дзигаро решает обратиться в самую прославленную в то время школу Тэнсин синъёрю. Его бывший учитель Яги Тэйносукэ принадлежал к этой школе, но, вероятно, из-за каких-то противоречий держался всегда в одиночестве. Тэнсин синъёрю отличалась строгой традиционной закрытостью в обучении. Но Кано все же принимают в эту школу, а его наставником становится патриарх Тэнсин синъёрю престарелый Фукуда Хатиноскэ. У него Кано изучает ту технику, которая через несколько лет легла в основу дзюдо. Эта школа дзю-дзюцу базировалась на бросках и защите от невооруженного противника. Мастер Фукуда объяснял, что правильно выполненный бросок воздействует на противника сильнее, чем удар, надо лишь точно рассчитать способ и место приложения усилия. На основе наставлений Кано позже сформулирует знаменитый принцип дзюдо «*сэйрёёку дзэнъё* » – «наиболее эффективное приложение силы».

Естественно, что броски в Тэнсин синъёрю значительно отличались от техники броска *нагэ-вадза* в современном дзюдо. Говоря об «эффективности броска», мастер Фукуда всегда имел в виду нанесение максимального урона сопернику – обычно перелом руки или смещение шейных позвонков. Никакой борьбы лежа (*катамэ-вадза*) Фукуда не признавал,

так как считал, что один бросок или комбинация приемов в стойке должны решить исход поединка. Первоначально Кано придерживался этого же принципа, и в дзюдо не было ни удержаний, ни способов борьбы в партере. Что оказалось, как выяснилось позже, крупной ошибкой.

Ученики Фукуды отрабатывали сложные способы защиты от повреждений: особую технику самостраховки при падениях (*укэми*), уходы от заломов при помощи сальто назад, контрприемы и многое другое. Именно здесь Кано познает все хитрости тренировки в свободном поединке – *рандори* , принцип которого был позже перенесен и в дзюдо. А вот в большинстве других школ дзю-дзюцу не существовало поединков – лишь парная отработка комбинации «нападение – защита»; эта черта старого дзю-дзюцу нашла наиболее полное выражение, например, в айкидо.

Жизнь Кано была полна неожиданностей и каких-то мистических совпадений. Внезапно уходит из жизни мастер Фукуда Хатиноскэ. Вместе с ним заканчивается эпоха величия школы Тэнсин синъёрю, которая долгое время считалась неофициальным лидером в мире дзю-дзюцу. Школу возглавляет старший ученик Фукуды – 62-летний Исо Масатомо, щуплый на вид, но виртуозно владеющий техникой бросков. Позже Кано признавал, что столь блистательной техники он не встречал ни у кого. И все же Кано чувствует, что со смертью Фукуды из школы ушла какая-то классическая атмосфера «внутренней жизни» боевых искусств, ее покинуло само дыхание традиции дзю-дзюцу. Не стало уже былых посещений мастеров, долгих бесед о самурайских обычаях и ритуалах. В Тэнсин синъёрю Кано считался одним из ведущих учеников, правда далёко не первым. Дальнейшее обучение блестящей перспективы ему не сулило, и Кано решает поменять школу. Да, кажется, и сама судьба подтолкнула Кано к уходу – через два года после смерти Фукуды, в 1881 г., умирает и его преемник Исо Масатомо. Теперь к Кано переходит весь архив школы, что явилось чисто формальным признанием его как одного из лидеров Тэнсин синъёрю.

В 1881 г. поиски приводят Кано к мастеру Икубо Цунэтоси, у которого он с увлечением начинает обучаться приемам новой для него школы – знаменитой Киторю, а затем и основам мастерства одной из древнейших школ – Ёсинрю «Школа сердца ивы». Киторю много внимания уделяла способам удушения (*симэ-вадза*), позже этот раздел вошел и в дзюдо. Икубо был человёком известным, неутомимым в преподавании, но при этом жил в крайней бедности. Реформы Мэйдзи, уничтожившие самурайские привилегии, привели к краху карьеры Икубо. Еще в период сёгуната Токугавы он служил инструктором дзю-дзюцу и имел хотя небольшой, но стабильный доход, а школа его славилась знанием многих древних приемов боя, которые она сохраняла, как гласили предания, еще с XVII в. Икубо рассказывал Кано о манерах великих самураев, которых ему довелось обучать.

Теперь в сознании Кано дзю-дзюцу накрепко связано с традиционными нравами, утонченным самурайским воспитанием конца эпохи сёгуната Токугавы. Пообщавшись с Икубо, он начинает замечать, что далёко не все школы дзю-дзюцу воплощают те самурайские идеалы, к которым приобщился Кано, – нёкоторые лишь учат драться. Кано же искал совершенства духа.

ТРЕСНУВШИЙ ПОЛ В ХРАМЕ ЭЙСЁДЗИ

Приближалось время окончания университета. В преддверии экзаменов Кано расстается с Икубо Цунэтоси, который, как утверждает традиция дзюдо, передал своему упорному ученику все, что знал. Летом 1882 г. Кано получает диплом преподавателя литературы. Университетское образование открывало ему новые возможности.

Кано понимает, что пора начинать свое дело. Конечно, он не признан многими патриархами будо как мастер, но по крайней мере считает себя истинным преемником традиции нескольких школ дзю-дзюцу, блестяще образован, обладает живым, ясным умом. Как полагает 21-летний Кано, у него есть полное право на самостоятельное преподавание.

Те, кто заходил в феврале 1882 г. в небольшой буддийский храм Эйсёдзи в Токио,

были, наверное, весьма удивлены. В одном из залов мирной буддийской обители раздавались странные звуки падающих тел, глухие вскрики, резкие выдохи. Там начались занятия первого клуба, открытого Кано. 1882 год отныне будет считаться датой рождения дзюдо.

Трудно сказать, чем Кано сумел очаровать настоятеля Эйсёдзи, который позволил ему начать здесь преподавание. Скорее всего своей блестящей образованностью и знанием буддийских канонов. Долгими часами Кано мог вести беседы с настоятелем о сути буддийской дхармы, о смысле существования человека в иллюзорном мире, о тонкости чувствования самой жизни.

У Кано катастрофически не хватало денег на содержание своего крошечного зала в монастыре, и, возможно, мир так никогда бы и не узнал о дзюдо, если бы Кано не получил от министерства образования Японии заказ на перевод с английского языка трактата по этике. На небольшую сумму, выплаченную ему за эту работу, Кано содержал свой первый зал, не беря денег с учеников. Для него важнее было другое – создать собственную полноценную школу.

Мифунэ Кудзо, один из первых учеников Кано. Всегда вежливый и улыбающийся, имел 10-й дан – высшее признание заслуг в дзюдо. Никто не мог одолеть Кудзо, даже когда тому исполнилось 70 лет

Каждый зал боевых искусств (*додзё*) в Японии имеет свое название, которое зачастую превращается в название школы. Мы еще не раз увидим, как название додзё отражает саму суть того, чему обучают в школе дзюдо, каратэ или айкидо. Причем необходимо, чтобы

«имя» (здесь – понятие мистическое) точно соответствовало сути «вещи». Кано, воспитанный в духе традиционного сознания, решил дать своему первому залу в монастыре Эйсёдзи емкое имя – Кодокан «Зал постижения Пути». Его последователи стали называть всю систему, которую преподавал Кано, «Кано-рю», либо «Кодокан». Именно под вторым названием дзюдо и вошло в умы людей сначала Японии, а затем всего мира. Сегодня в престижном районе Токио в спортивном парке Каракуэн высится огромное здание Кодокана; попасть сюда на обучение мечтают практически все дзюдоисты мира. В нем пять залов: один большой на 500 татами (около 1000 $м^2$) и четыре малых на 100 татами (около 200 $м^2$); там могут одновременно тренироваться около 900 человек.

Но современный Кодокан был построен уже после Второй мировой войны. А первый, ютившийся в монастыре, имел площадь лишь 12 татами (22 $м^2$), и занималось там только девять человек. Сегодня они стали легендой: Ёсиаки Ямасита, Исогаи, Сакудзиро Ёкояма, Сайго Хагути, Судзуки, Нагаока, Кудзо Мифунэ, Сиро Сайго и Цунэдзиро Томита. Двое последних считались старшими учениками доктора Кано.

Ямасита, ученик Кано. Давал уроки дзюдо президенту США Т. Рузвельту

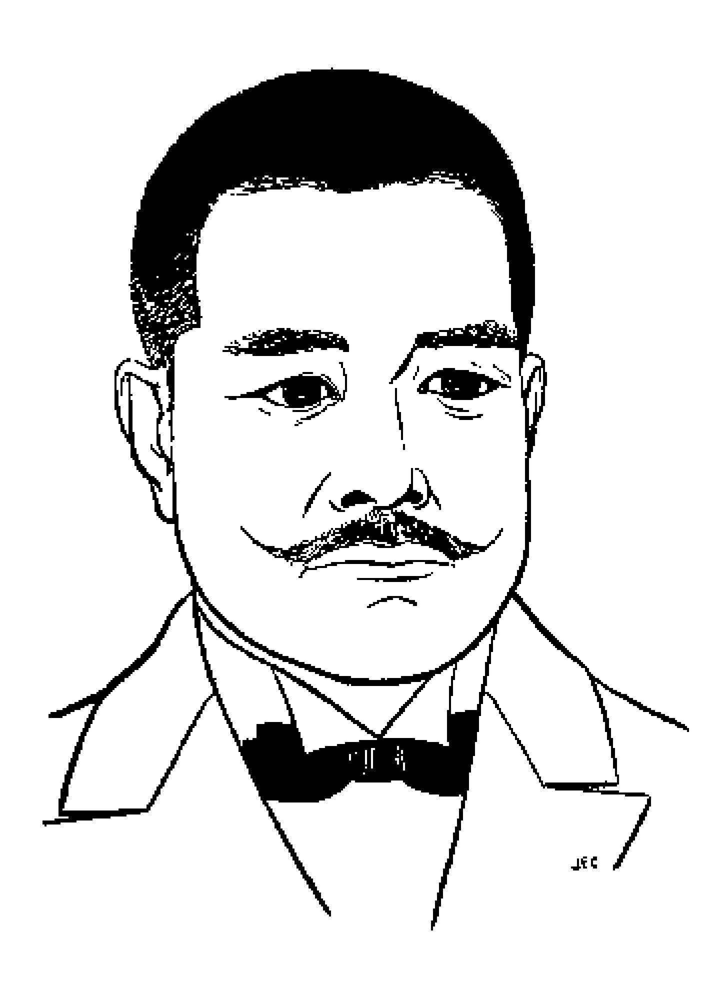
Сам Кано Дзигаро поселился при храме; здесь же он занимался переводами, изучал буддийские сутры. Он составлял первые пособия для своей школы дзю-дзюцу, сам обслуживал себя, стирал одежду, а ел нередко вместе с монахами.

Постепенно начали приходить новые ученики, среди них – выходцы из знатных семей. Кано привлекал людей своей образованностью, тонкостью в обращении. Он мог свободно вести беседы на самые различные темы, начиная от религии и кончая западной экономикой, чем изрядно поражал своих учеников и многих посетителей храма. Налаживалась и официальная карьера Кано – его пригласили преподавать в престижный колледж Гекусюин, где учились дети из знатных семей, и постепенно Кано познакомился со многими известными людьми тогдашней Японии.

И все же пока до большой школы было далёко, и Кано сам обслуживал свой зал. Нередко от бросков сотрясались стены главного зала храма, к которому примыкал его додзё, а половицы не выдерживали и трескались. Тогда выпускник Императорского университета и преподаватель знаменитого колледжа, обвязав голову полотенцем, чтобы уберечься от

паутины, лез под фундамент храма и укреплял балки, на которых держался пол.

По сути школу возглавлял сам Кано Дзигаро, но официально для руководителя школы дзю-дзюцу он был еще слишком молод. Чтобы не вызывать лишних разговоров, он сохранил хорошие отношения со своим последним учителем Икубо Цунэтоси, который два-три раза в неделю приходил в храм и проводил тренировки. Своим авторитетом Икубо как бы прикрывал Кано, и на первых порах маленький клуб в монастыре формально считался ответвлением школы Кито-рю с элементами Ёсин-рю. Однако уже тогда Кано мечтает о собственной школе со своим названием, правилами и ритуалами, четким арсеналом приемов и даже клятвой. И все его усилия направлены именно на это. Но одних ритуалов и технического арсенала было недостаточно; требовалась еще и новая жизнетворная идея, которая позволила бы молодой школе Кано-рю каким-то образом обойти все старые школы дзю-дзюцу, проявить себя и – самое главное – зарёкомендовать с лучшей стороны перед государством. Вскоре такая идея действительно появилась.



Исогаи, один из первых девяти учеников Кано в 1882 г. в Кодокане. Тогда он вряд ли мог предположить, что уже через десяток лет превратится в живую легенду

«ОЗДОРОВЛЕНИЕ НАЦИИ»

Практически все руководители школ дзю-дзюцу до Кано рассматривали дзю-дзюцу просто как прикладную систему самозащиты. Никто даже не мог подумать о том, чтобы поставить дзю-дзюцу в один ряд с великими традициями боя на мечах или стрельбы из лука. Но выпускник Токийского императорского университета, ныне попечитель ряда школ, Кано Дзигаро не мог смириться с таким отношением к той системе, которой он занимался. И Кано

как бы переносит на нее свой, исключительно личный духовный потенциал. «Посмотрите на меня, – как бы говорил он, – я блестяще образован, считаюсь признанным интеллектуалом, вхож в высокие религиозные и политические круги. В моем воспитании – немалая заслуга дзю-дзюцу. Просто я переосмыслил его, вывел за рамки собственно рукопашного боя, сделал системой духовного самосовершенствования».

Кано готов был часами рассказывать о «Пути» – До, о поэтапном восхождении к истине через единство духовного и физического в человеке, через занятия боевыми искусствами. Именно здесь, как считал сам Кано, пролегает явственная черта между его школой и старыми системами дзю-дзюцу.

Борьба за официальное признание дзюдо предстояла долгая, и сам Кано это прекрасно понимал. Те, в чьих руках находилось образование (а дзюдо, равно как и все системы будо того времени, подпадало именно под категорию образовательных дисциплин и спортом не считалось), не видели особой разницы между Кано-рю и любой другой системой дзю-дзюцу. Почему государство обязано брать под свое крыло именно школу господина Кано, а не какую-либо иную?

Все эти возражения мудрый и чрезвычайно расчетливый Кано предвидел заранее и решил не торопиться. Конечно, конкуренты у него были: десятки школ дзю-дзюцу по своему составу, да и по глубине традиции отличались от Кано-рю в лучшую сторону. Но лишь Кано понял, что клановая традиция закрытости, порой наигранной «секретности» не позволит добиться успехов в новую эпоху. И первое, что делает основатель дзюдо, – объявляет о том, что его школа широко открывает двери для любого желающего. Основой воспитания в ней является проповедь здорового японского национального духа и оздоровления нации. Не случайно одна из самых известных программных брошюр по дзюдо, написанная Кано, называлась «Принципы наибольшей эффективности и всеобщего благоденствия в физическом воспитании нации» [49].

Шаг оказался чрезвычайно ловким и изящным. Бороться политическими способами против школы Кано его завистники из мира дзю-дзюцу, конечно же, не решились – ведь это означало выступить против идеи «оздоровления нации». Кано вел умную и расчетливую политику, выбрав единственно верный путь к официальному признанию своей школы. Вероятно, в первое время Кано вообще собирался подчинить себе весь мир японского дзю-дзюцу. У Кано были основания рассчитывать на успех. Прежде всего он – преемник по крайней мере двух крупнейших школ дзю-дзюцу. Кано моложе всех руководителей школ дзю-дзюцу, но лучше образован, знаком с традиционной японской и китайской литературой и философией. Есть у него неплохие знакомства и в политических кругах – действовали старые студенческие связи по Токийскому императорскому университету.

Существовала еще одна личность, которая выпала из анналов истории дзюдо. Это немец Эрвин Бельц, преподаватель Токийского императорского университета, один из самых известных западных врачей в Японии. Как мы уже упоминали, Япония в то время стала ориентироваться на западную систему образования, и в университете работало немало преподавателей из Германии, Голландии, Франции. Они-то и познакомили молодого Кано, в частности, с западными представлениями об анатомии, физиологии, гигиены, основах спортивного воспитания. Дело в том, что спорта в нашем понимании в Японии не было. Никакой методической базы не существовало, учителя в основном передавали свой личный опыт, что имело как положительные, так и отрицательные стороны. Кано сразу уловил суть западных достижений в области педагогического и спортивного мастерства, знание которых он почерпнул из лекций Эрвина Бельца. Поэтому он обратился к немецкому врачу за помощью в разработке новой концепции преподавания дзю-дзюцу. Именно Эрвину Бельцу принадлежит немалая заслуга в формировании «нового дзю-дзюцу».

Теперь Кано с полным основанием мог утверждать, что он развивает свою систему в рамках новой японской идеологии, предусматривающей использование прогрессивных западных идей. Никто из других мастеров дзю-дзюцу даже не понял, какой мощной поддержкой заручился молодой Дзигаро.

Наконец, решает Кано, наступило время представить технику разных школ дзю-дзюцу широкой публике. Он проводит первые открытые показательные выступления, пригласив бойцов из знакомых ему школ дзю-дзюцу. При этом Кано сумел преподнести все таким образом, что бойцы будто бы принадлежат к одной школе – Кано-рю. И выступления состоялись в Токийском Императорском университете, что хотя бы частично символизировало признание Кано-рю как носителя новых идей и старых традиций в дзю-дзюцу.

Для показательных выступлений в Токио был приглашен 70-летний мастер дзю-дзюцу Тоцука из города Сиба, обучавший там полицейских. Вместе с ним приехал и его лучший ученик Сато. Тоцука не имел прямого отношения к школе молодого Кано, но счел за честь показать свое мастерство в столице, не догадываясь, что тем самым делает рекламу именно Кано-рю.

Выступления, проходившие в актовом зале университета, были обставлены с большой помпой: приглашения получили высшее руководство учебного заведения, члены правительства, представители императорского двора, армии, полиции, спорта. Одним словом, собрался весь цвет японской политической и интеллектуальной элиты. Лишь они могли решить судьбу боевого искусства в новой Японии эпохи Мэйдзи. Кано был на высоте – у многих сложилось впечатление, что он не просто организатор этого зрелища, но едва ли не лидер крупнейших японских школ дзю-дзюцу.

Сначала Кано Дзигаро произнес краткую вступительную речь, построенную тонко и умно. Он подчеркнул, что дзю-дзюцу – плоть от плоти японской традиции и в его основе лежат многие моральные заповеди самураев, в том числе «*гири* » – чувство долга, «*ги* » – ритуал и этикет. Сегодня же это древнее благородное искусство нужно «вывести на свет из старых закрытых школ», дать ему новую жизнь ради одной цели – воспитания молодого поколения.

Кано немного лукавил – дзю-дзюцу далёко не всегда имело отношение к морали и нравственности, более того, оно представляло собой жестокое боевое искусство, где каждый бросок или прием должен был заканчиваться смертью или максимально возможной травмой для противника. Но он все поставил на эти показательные выступления, на мнение тех высокопоставленных зрителей, которые чинно восседали в помпезном зале Императорского университета. Его судьба зависела от вердикта этих людей...

Тоцука начал выступление. Престарелый мастер голыми руками показывал защиту против меча и короткого ножа, против копья и даже пистолета, который тогда вошел в моду в Японии. Кано не случайно пригласил старого Тоцуку – седой человек как бы символизировал традицию, и для многих японцев это было лучшим доказательством «истинности» дзю-дзюцу.

Тоцука закончил выступление под бурные аплодисменты. Кано понял, что чаша весов начала склоняться в его сторону, но нужно было еще что-нибудь необычное... И тут ученик старого Тоцуки Сато предложил любому из присутствующих померяться с ним силами. Добровольцев после столь впечатляющих выступлений нашлось немного. Однако несколько человек, которые обучались кэндо и дзю-дзюцу уже не первый год, вышли в центр площадки. Сато без труда одолел их, стремительно реагируя на удары, отвечая бросками и заломами рук. Публика всем своим видом выражала полное удовлетворение новой системой дзю-дзюцу.

Правда, под конец Кано все же допустил небольшой промах – он вышел на поединок с Сато, желая подчеркнуть свою значимость в дзю-дзюцу, и... с позором проиграл. Но никто не обратил на это особого внимания – ведь система сама по себе доказала свою жизнеспособность. Вердикт, дающий право на жизнь, был вынесен.

КЛЯТВА НА КРОВИ

Читатель наверняка обратил внимание: ту дисциплину, которая преподавалась в зале у

Кано Дзигаро, мы пока никак не называли. И хотя друзья именовали ее Кано-рю – «Школа Кано», напомним, что именно открытие зала в храме Эйсёдзи в 1882 г. считается датой рождения дзюдо.

Название «дзюдо» – «Путь податливости» или «Путь гибкости» – сам Кано стал употреблять лишь спустя десятилетие после создания своей системы. Он никогда не изобретал слова «дзюдо» и даже не был первым, кто начал применять к своим дисциплинам понятие «До». Чтобы не быть голословными, приведем цитату из лекции Сидати, уже известного нам ученика Кано: «Слово „дзюдо« не ново. Оно уже употреблялось для обозначения одной из старых школ дзю-дзюцу. Оно обозначает доктрину культуры на основе принципов уступчивости и гибкости. Школа Кано предпочла это слово слову «дзю-дзюцу», так как изучала не только физические упражнения, но включала в себя также нравственную и интеллектуальную подготовку» ([180].

А пока Кано вполне удовлетворяло возвышенное «Кодокан». Дела у молодого интеллектуала и мастера дзю-дзюцу, по-видимому, шли неплохо. Это позволяет ему в январе 1883 г. покинуть Эйсёдзи и переехать в помещение, которое было несколько больше храмового зала (тот уже перестал вмещать всех учеников). Новый додзё по-прежнему был весьма скромным, к тому же холодным и сырым. Вскоре и этот зал становится тесен, и через год заметно разросшийся Кодокан переезжает в новый просторный зал в квартале Уэ-Нимбанхо, неподалеку от старого места.

Теперь можно было окончательно решиться на открытый отход от всех остальных школ дзю-дзюцу. Пожилой Икубо уже не мог одолеть в схватке подвижного и крепкого Кано и с удовольствием дал ему возможность проявить самостоятельность. Первым делом Кано в духе старых школ дзю-дзюцу составляет клятву Кодокана, которую должен принимать каждый ученик, получающий первую мастерскуюстепень в дзюдо:

– следуя по пути дзюдо, я никогда не сойду с него, не имея к тому веских причин;

– в своем поведении, манерах и речах я клянусь не уронить честь моей школы;

– я никогда не раскрою тайн своей школы непосвященным и лишь в случае крайней необходимости буду брать уроки в другой школе;

– клянусь никого не обучать без разрешения моего мастера;

– будучи учеником или наставником, если мне посчастливится им стать, клянусь, пока я жив, уважать и проповедовать принципы Кодокана.

Письмо-разрешение Такэды, выданное Морихэю Уэсибе на право преподавания стиля Дайто-рю айки-дзюцу с условием собирать обязательную плату с учеников

Клятва была составлена так, что ученик оказывался накрепко привязан к Кодокану. При этом ему давали понять, что он принадлежит к нёкоей тайной, закрытой традиции, посвящен в ее секреты. А секреты действительно были: Кано уже в течение нескольких лет разрабатывал эффективные способы противостояния в бою другим школам дзю-дзюцу, понимая, что конфронтация с ними неизбежна. Все это еще больше сплачивало Кодокан. Клятву писали собственной кровью, в которую обмакивали кисть, что очень напоминало древний ритуал клятвы ниндзя своему господину. Несложно понять, как это влияло на психику молодых адептов дзюдо, проходивших тайное посвящение. Именно так вступают в мир мастеров Кодокана два первых ученика Кано Дзигаро – Цунэдзиро Томита и Сиро Сайго, принесшие в дальнейшем славу Кодокану.

Без сомнения, лучшим учеником школы Кано был Сиро Сайго (1867 —

1922 гг.), который защищал честь Кодокана во всех поединках со школами дзю-дзюцу. Правда, первоначально Сиро Сайго был одним из лучших учеников знаменитого мастера айки-дзюцу Таномо Сайго. Другим последователем Таномо Сайго, о котором мы расскажем позднее, являлся Такэда Сокаку, а учеником последнего стал Уэсиба Морихэи – основатель айкидо.

Успехи Сиро Сайго в дзюдо были фантастическими: уже в 21 год он получает из рук самого Кано 5-й дан и становится его ближайшим доверенным лицом. Примечательно, что прием, которым Сиро Сайго «укладывал» своих противников, пришел не из дзюдо, а из старой системы айки-дзюцу. Назывался он Яма-араси («Горный вихрь») и представлял собой одну из разновидностей броска через спину. Кстати, Сиро Сайго не раз одолевал даже своего учителя Кано, чему тот лишь радовался, видя успехи ученика. Именно Сиро Сайго, регулярно выступавший за Кодокан против других школ дзю-дзюцу и неизменно выходивший победителем, стал прототипом главного героя знаменитого фильма Акиры Куросавы «Гений дзюдо».

СТОЛКНОВЕНИЕ С МИРОМ ДЗЮ-ДЗЮЦУ

Кано стремительно ворвался в консервативный мир японских боевых искусств. И хотя тогда его стиль еще не особенно отличался от того дзю-дзюцу, которое он когда-то сам изучал, Кано начинает активно говорить о «новой концепции» и о принципиальном различии между своей школой и остальными направлениями дзю-дзюцу. Основным Кано считал то, что в Кодокане делается упор именно на нравственное воспитание учеников, а техника является как бы вспомогательным, подчиненным фактором в формировании бойца.

Находятся первые недовольные из числа лидеров старых школ дзю-дзюцу. Столкновения с ними были лишь на пользу Кано, поскольку Кодокан выгодно отличался от других школ своей дисциплиной, строгим следованием клятве и уставам, тщательно разработанной структурой приемов, в то время как старые школы дзю-дзюцу были достаточно аморфны. Но это не мешало им иметь большие амбиции и смотреть на Кодокан как на конкурента, отбирающего учеников. Сам же Кано вначале вел себя достаточно скромно, уходил от всяких споров и продолжал разрабатывать технический арсенал и нравственные основы своей школы. Он понимал, что выстоит в этой конкуренции тот, кто победит своих соперников не столько на татами, сколько на уровне государственной поддержки. А то, что без нее ни одна школа дзю-дзюцу выжить не сможет, доктор Кано сознавал значительно лучше своих оппонентов.

Кано, ученик четырех школ дзю-дзюцу. Создал свою школу в возрасте 21 года; тогда никто не верил в его успех

Первое реальное столкновение, упоминающееся в истории дзюдо как большое достижение Кодокана, никакой серьезной угрозы не представляло. Однажды в зал к Кано, когда он сам отсутствовал, пришли Итикава Дайхати, Окуда Муцугоро и Отакэ Морикити – представители одной из школ дзю-дзюцу, которая располагалась в том же районе. В тот момент в додзё тренировались вместе с учениками старшие инструкторы Томита и Сайго. Завязалась словесная перепалка, гости явно хотели померяться силами, в то время как борцы Кодокана, следуя своей клятве, старались всячески избежать этого. Но в зале находились и

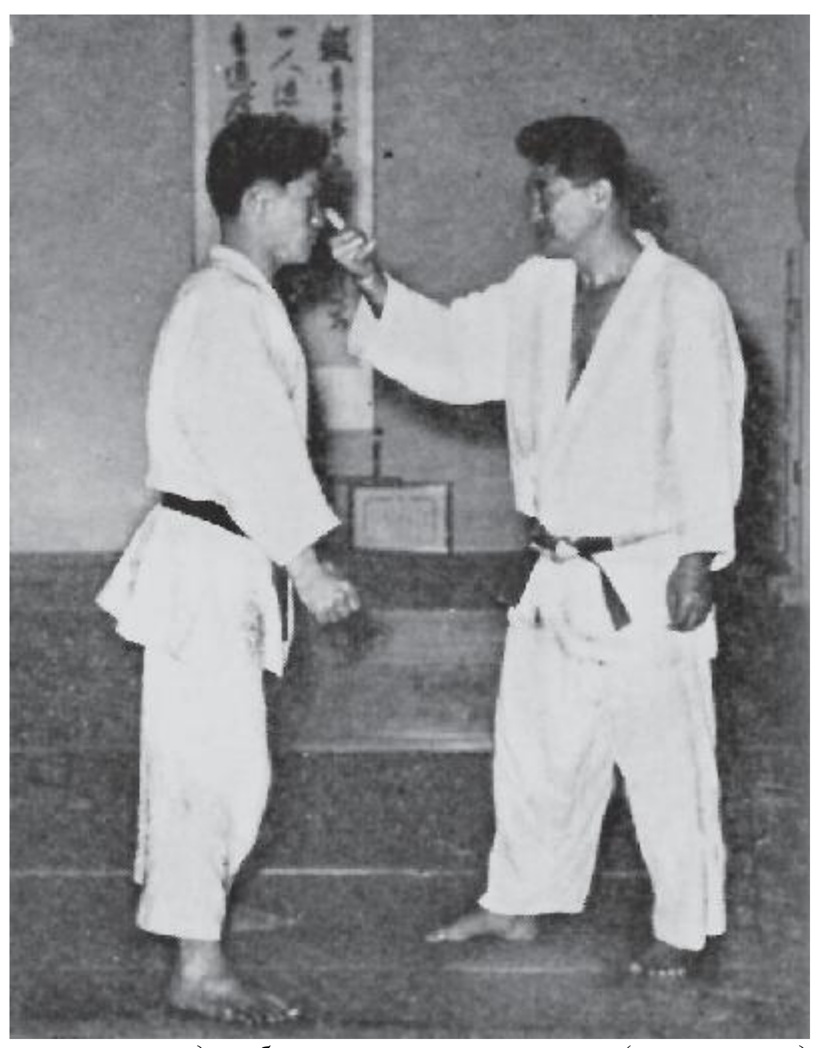
младшие ученики, с удивлением взиравшие на нерешительность своих инструкторов. И наконец, Сиро Сайго решил выйти против самого сильного и рослого из пришедших бойцов – Окуды Муцугоро. За несколько минут поединка Окуда не один раз оказывался лежащим на татами, пока не признал себя побежденным. Конфликт был разрешен, и пристыженные гости быстро удалились.

Казалось бы, можно было праздновать победу, но Кано, узнав о случившемся, строго отчитал своих учеников и в первую очередь – самого победителя Сиро Сайго. Прямое столкновение со школами дзю-дзюцу пока не входило в планы Кано, а в Токио и даже за его пределами стали поговаривать о непобедимых бойцах Кодокана. Вся эта шумиха могла иметь обратный эффект – она лишь усилила бы недовольство со стороны многочисленных школ дзю-дзюцу, которые могли на «молодого выскочку». Кано, вероятно, не был самым сильным из мастеров дзю-дзюцу того времени, но он был, безусловно, самым умным и расчетливым. Он понимал, что прежде всего надо закрепить свою школу в нескольких «опорных точках», пробиться не только на уровень престижных учебных заведений, но самое главное – полиции и армии. Тогда никакая конкуренция, никакие слухи и пересуды Кодокану были бы не страшны. И делать это надо было скорее дипломатическими и политическими методами, нежели путем прямого столкновения на борцовском татами.

Кано Дзигаро с женой

Многие школы дзю-дзюцу, история большинства которых насчитывала несколько столетий, оказались шокированы быстрым продвижением молодого Кано на олимп государственного признания. Его обвиняли во всех грехах: самозванстве, нарушении традиций, технической неподготовленности, карьеризме и многом другом. Даже в печати появились статьи, где ставилась под сомнение сама возможность того, что 25-летний Кано может руководить собственной школой. К тому же, когда он открыл Кодокан и провел первые показательные выступления в Токийском Императорском университете, ему едва

исполнилось 22 года. А он уже тогда взял на себя смелость говорить о себе едва ли не как о лидере японского дзю-дзюцу и рассуждал о глубоких духовных корнях будо. Да откуда он может вообще знать об истинном виде дзю-дзюцу – ведь он учился этому искусству лишь четыре года, в то время как другие мастера провели со своими учителями один-два десятка лет!



Инструктор показывает удар большим пальцем в глаз (из раннего дзюдо). Именно такая техника преподавалась в токийской полиции самим Кано Дзигаро

Действительно, положение Кано было незавидным, и хотя большинство обвинений в свой адрес он рассматривал как излишне резкие, нёкоторые из них все же нельзя было назвать полностью безосновательными. Разве не он – в сущности юноша – вдруг заговорил о реформе старого дзю-дзюцу, разве не он под вывеской своей школы Кано-рю организовал показательные выступления в университете и разве он не провел всего лишь четыре года у разных учителей дзю-дзюцу? Нёкоторые обвинения били прямо в точку, и ответить на них было весьма сложно.

Но Кано умен и изворотлив, он прекрасно знает, когда и каким образом отвечать на обвинения в свой адрес; и вскоре такой случай представился. Правительство решило навести порядок в мире традиционных боевых искусств. Дело в том, что в Японии на волне возвращения к национальной идее стали быстро расти различные школы бу-дзюцу, в которых в основном преподавалось кэндо. В большинстве из них занятия вели бывшие самураи, проповедовавшие идеи возвращения к самурайской культуре.

Следует вспомнить, что в 1871 г. по символике самурайства был нанесен ощутимый удар – запретили харакири, что не позволяло самураям с достоинством уйти из жизни; был

наложен запрет даже на ношение «чести самурая» – меча. Оказалось нарушенным само мироощущение самурайства, и первоначальная растерянность от реформ сменилась через несколько лет тихим протестом. Меч должен вернуться в руки самурая, считали они. Поэтому многие школы кэндо, где бои велись в основном на бамбуковых мечах (*сиай*), стали не просто центрами проповеди древней культуры, но представляли собой немалую опасность в социальном плане. На все это накладывалось лишение самураев части привилегий и уравнивание их с обычными горожанами. Самурайского восстания правительство, естественно, не хотело. И одним из способов разрешения напряженной ситуации было избрано мягкое реформирование будо. Оно сводилось к тому, чтобы в каждом виде боевых искусств главенствовала одна, в крайнем случае две основные школы, которые в той или иной мере находились бы под контролем государства.

Вскоре от этой концепции пришлось отказаться, так как воплотить ее в жизнь в стране, где практически в каждой деревушке были свои школы кэндо или дзю-дзюцу, оказалось просто нереально. Но на этой первоначальной волне реформирования смогли подняться несколько школ боевых искусств. И именно благодаря той весьма неудачной реформе мы сегодня знаем две официально признанные школы дзю-дзюцу – дзюдо и айкидо.

Но пока школа Кано была в сложном положении. Наиболее активные нападки на Кано-рю делались со стороны авторитетнейшей школы дзю-дзюцу – Ёсин-рю, которую тогда возглавлял один из самых замечательных мастеров своего времени Хикосукэ Тоцука (? – 1886 г.). Свое направление Ёсин-рю он называл Рёи синто-рю – «Истинное искусство боя и воплощенной добродетели». Хикосукэ Тоцука болезненно реагировал на высказывания молодого Кано, в том числе на его утверждения, что он, Кано, каким-то образом причастен к прямой традиции Ёсин-рю.

Первое столкновение со школой Рёи синторю произошло, казалось бы, случайно на празднике открытия в Токио нового додзё признанного старейшего мастера дзю-дзюцу Хатиани Могороку. На этот праздник получили приглашение и представители Кодокана. Старший ученик Цунэдзиро Томита продемонстрировал комплекс бросков (*ката*) под одобрительные возгласы многочисленной публики. Но затем произошло нечто неожиданное, нарушившее тщательно спланированный и годами отработанный ритуал представления нового додзё. На татами выскочил представитель Рёи синто-рю – огромный бородач Накамура Хансуко – и, подойдя к Томите, который все еще стоял на татами, дерзко предложил ему померяться силами. Публика затихла. Всем было хорошо известно, что Накамура, славившийся своей жестокостью и мастерством в поединках, является одним из ведущих инструкторов дзю-дзюцу в токийской полиции. Кано Дзигаро тотчас понял весь план своих оппонентов – не только опозорить Кодокан перед лицом публики, но, самое главное, дискредитировать его в глазах представителей власти, сидевших здесь же (среди них был и префект токийской полиции Мисима Цуо). Было ясно и другое – вся эта провокация проводится не без ведома префекта полиции.

Томита устал после активной демонстрации ката, но отказ от схватки означал бы полный крах Кодокана. И Кано, кивнув головой, дал команду к началу схватки. Быстро договорились о правилах. Борцы сошлись в центре татами, и сразу же стало понятно, что Накамура не собирается соблюдать никаких правил, превращая спортивную схватку в реальный бой. Накамура применял те же приемы, которые он преподавал в полиции для боя с опасными преступниками, – он пытался стащить Томиту на татами и провести удушающий прием. Но постепенно перевес оказывается на стороне представителя Кодокана, и, наконец, наступает кульминация: как только в очередной раз Накамура оказался на полу, Томита резко натянул ворот своего кимоно крест накрест и провел удушение – он победил представителя Рёи синторю его же излюбленной техникой! Зал взорвался аплодисментами – Кодокан в присутствии сотен людей доказал свое превосходство.

Но до окончательной победы было далёко. Как мы увидим позже, Кано Дзигаро не просто стремился сделать Кодокан первой среди всех школ дзю-дзюцу – он хотел, чтобы она стала единственной. Прекрасный стратег, Кано Дзигаро теперь решает сам подогреть

дальнейшую конфронтацию с миром дзю-дзюцу. Причем весь этот спектакль (в общем, вполне реальный, учитывая те жестокие поединки, которые регулярно проводились) был рассчитан на представителей государства, прежде всего на высших чинов полиции, армии, а также руководство высших учебных заведений. На этот раз Кано открыто, хотя и в присущей ему весьма вежливой манере, обвиняет все школы дзю-дзюцу в том, что они держатся за отжившие традиции, а в реальности уже практически не обладают действительными секретами и эффективной методикой обучения. И самое главное – лишь Кодокан представляет целостную концепцию «оздоровления нации», воспитания истинных японцев в национальном и патриотическом духе. В качестве другого немаловажного аспекта Кано называл уникальное совмещение традиционной японской техники боя и западных методов физического воспитания.

Теперь ряд учебных заведений, причем в первую очередь те, где у доктора Кано были хорошие знакомые и протекция, открывает перед Кано двери для преподавания дзюдо. Огромной победой в этом плане явилось открытие клуба при Токийском императорском университете (там хорошо помнили своего выпускника) и в колледже Гекусюин, предназначенном для детей высокопоставленных родителей. Кано упорно создавал себе лобби среди «сильных мира сего» и в этом значительно обошел всех своих конкурентов.

Кано Дзигаро продолжает активно критиковать всех без исключения; особенно достается Рёи синторю, которая по-прежнему удерживала сильные позиции в полиции и поэтому являлась как бы единственной официально признанной школой дзю-дзюцу. Затянувшийся спор был разрешен в 1886 г. в схватке между лучшими бойцами двух школ. Покровительствовал этому мероприятию сам начальник государственной полиции, который преследовал свои цели. Он стремился опереться на какую-то одну, наиболее эффективную школу дзю-дзюцу; было даже принято решение внедрить ее в приказном порядке во всех полицейских участках. К тому же вечные споры между школами, открытая полемика в газетах изрядно надоели токийским чиновникам. Поэтому победитель в схватке двух школ «забирал все»: он получал официальное признание в качестве аккредитации своих преподавателей в полиции и обретал звание «сильнейшего» в мире дзю-дзюцу.

С каждой стороны участвовало по 15 бойцов. Поединки были жестокими и тяжелыми, без четко определенных правил. Эти схватки мало походили на современные поединки дзюдо; в частности, разрешалось делать захваты за шею, заломы пальцев, душить, зажав шею противника в подколенный сгиб, «ставить» противника на голову, провоцируя тем самым смещение шейных позвонков. Поскольку было хорошо известно, что представители Ёсинрю блестяще борются лежа, расчетливый Кано настоял на том, чтобы схватки проходили по правилам, ограничивающим борьбу в партере и лежа. Таким образом, он лишил их основного козыря.

Кано сумел даже обратить традицию Ёсинрю против них самих. Например, в Ёсинрю практически не изучались комбинации бросков – считалось, что надо покончить с противником лишь одним мощным приемом. (Кстати, такой же недостаток был присущ и раннему каратэ: Фунакоси Гитин запрещал всякие поединки и принципиально не вводил изучение техники и комбинаторики свободного боя, ибо следовало «убить противника одним ударом».) Кано же тщательно отрабатывает принципы перехода от одного приема к другому. Он штудирует по западным учебникам физиологию, изучает рефлексы человека. Все это пригодилось ему при разработке принципов выведения противника из равновесия перед броском. В 1886 г. теория Кано о совмещении японского дзю-дзюцу с достижениями современной науки должна была пройти суровую проверку.

И она эту проверку выдержала. Борцы Кодокана одержали верх в тринадцати схватках, а две закончили вничью – полный триумф. Сам великий Хикосукэ Тоцука лично поблагодарил Кано за прекрасный урок. И все же престарелый мастер тяжело переживал поражение своей школы. В том же году Хикосукэ скончался. А Кано праздновал победу. Он сумел арендовать большийзал, его ученики начали преподавать в полиции, Кано уже писал закрытые учебники для полицейских и армии. Дзюдо превращалось в единственный

официальный вид боя без оружия, соперничая по популярности даже с кэндо.

Росла и популярность самого Кано. «Молодой выскочка» оказался человёком вполне серьезным и деловым. Под контролем Кодокана находилось все преподавание самозащиты в полиции, даже члены императорской фамилии приглашали к себе людей из школы Кано для занятий дзюдо. Многим нравились четкая, ясная структура дзюдо, совмещение изучения боевых аспектов с нравственным воспитанием. К нему приходят те, кто занимался дзю-дзюцу, и становятся самыми преданными его последователями. О Кано уже начинают складывать легенды, как когда-то об известных самураях. И все они так или иначе касались побед Кано Дзигаро над иностранцами – такова чисто психологическая форма мщения Западу за нарушенную традицию.

Рассказывали, что в 1899 г. на одном из пароходов русский здоровяк стал насмехаться над маленьким Кано. Кано без труда бросил беднягу, но при этом (будучи гуманистом) все же поддержал его за затылок, чтобы тот не ударился о стойку. В продолжение всего путешествия наш соотечественник оставался самым преданным учеником японца. В другой раз англичанин поспорил с Кано, что при всем его мастерстве он не сможет соперничать с боксером. Чтобы доказать это, англичанин принял боксерскую стойку. Но Кано стремительно бросил ему в лицо носовой платок, затем подскочил к противнику и, резко дернув его, вывел из равновесия, подхватил на бросок через бедро (*уки-госи*)... но тут же отпустил.

НА ВОЛНЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Кризис национального самосознания, поразивший в то время Японию, болезненно отозвался в душах многих простых граждан. С одной стороны, еще жили воспоминания о величии японского самурайского духа, по-прежнему были в ходу древние понятия долга и благородства. Но с другой стороны, западная культура стремительно врывалась в жизнь Японии, беспощадно указывая японцам на то, что во многом «варвары» значительно обогнали Страну восходящего солнца. И в Японии преклонение перед Западом сменилось проповедью идеи «нихонсюги» – японизма, мистического единства и величия японцев под сенью «ямато дамасий» – «духа Ямато».

Кано Дзигаро чутко улавливал все изменения в государственной идеологии. Власть предержащие активно заговорили о японской национальной идее? Прекрасно, Кано готов пропагандировать дзюдо как исключительно «национальную драгоценность». Он пишет несколько статей, в которых доказывает, что нет лучшего способа воспитания молодежи в духе «нихонсюги», чем дзюдо. Естественно, теперь о западном влиянии он мудро решил умолчать. В додзё должна царить атмосфера серьезности, «как в каждом храме для поклонений или духовных упражнений». Причем – самое главное! – эта атмосфера является «наследием самураев, духу которых мы верны до сих пор». Благодаря активной пропаганде национальной идеи дзюдо получает полную государственную поддержку и даже вводится в качестве обязательной дисциплины в средних школах.

Теперь Кано вплотную подходит к завершению формирования системы тренировки в дзюдо, ставшей каноном Кодокана. В ее основе два типа отработки приемов – свободные схватки (*рандори*) и формальные комплексы (*ката*). Одно без другого не может существовать: в ката вырабатывается особое состояние духа, «чистого, как поверхность озера в безветренный день», а в рандори проверяется, насколько способен боец сохранять такое состояние духа перед лицом противника.

Кано очень гордился своей отлично продуманной системой рандори, на которой базируется современное дзюдо; ката, в особенности среди западных дзюдоистов, сегодня уже почти не практикуются. Гордость Кано станет нам понятнее, если вспомним, что в дзю-дзюцу практически не было свободных поединков, все должен был решить один прием. Фактически в старом дзю-дзюцу отрабатывалась защита от конкретного нападения, например с мечом, копьем или голыми руками. Затем следовал мощный бросок или заломруки, на этом схватка заканчивалась. Точнее – должна была закончиться. Но реальность поединка нередко противоречила самым строгим расчетам: противник мог оказаться столь ловким, что его невозможно было свалить ни одним, ни двумя приемами. А Кано учит не столько бросать противника, сколько бороться; не случайно в его додзё схватки порой продолжались по нескольку часов без остановки. Правда, тут в немалой степени пригодился и опыт дзю-дзюцу. Для отработки бросков Кано перенимает систему *утикоми* – многократных подходов к броску без его завершения. Например, при броске через бедро борец резко подседал под противника, взваливал его на себя, отрывал от земли, но не бросал. В дзю-дзюцу утикоми позволяли отрабатывать самые опасные броски, например с падением партнера на голову.

По-видимому, Кано не сразу пришел к мысли вывести дзюдо на уровень спортивных соревнований. «Отец дзюдо» стремился прежде всего создать эффективную прикладную систему для полиции и армии, ряд разделов которой можно было бы использовать в целях

воспитания молодежи.

Принципы дзюдо Кано излагал ясно и просто, что привлекало к нему многих последователей. Он учил избегать прямого столкновения «силы с силой», использовать «путь мягкости, податливости» против грубого усилия соперника. Вот отрывок из его публичной лекции, сопровождавшейся показом приемов дзюдо:

«Предположим, что мы оцениваем силу человека в неких единицах. Скажем, что сила этого человека – в данном случае моего ассистента – составляет десять единиц, в то время как моя сила меньше его – всего семь единиц. Если он толкнет меня со всей своей силой, я, конечно же, отлечу назад или даже упаду, даже если я буду использовать всю свою силу против него. Это то, что должно случиться, если силу противопоставлять силе. Но если вместо того, чтобы противостоять ему, я не буду сопротивляться, а лишь уберу свое тело ровно настолько, насколько он толкает, сохраняя при этом свое равновесие, он, естественно, наклонится вперед и потеряет равновесие. В этом положении он окажется столь слаб (не в понятиях реальной физической силы, но из-за неудобства позиции), что уменьшит свою силу на какое-то мгновение, предположим, будет иметь три единицы вместо десяти. Обладая большей силой, чем мой противник, я, конечно же, смогу бросить его. Но перед тем как бросить, я не должен сопротивляться ему, что значительно сэкономит мою силу».

Такие объяснения могут показаться нам несколько примитивными, но надо учитывать, что Кано выступал перед японской аудиторией, у которой порой не было элементарных понятий о кинематике движений, даже известные мастера дзю-дзюцу до всего доходили интуитивно, эмпирически, путем проб и ошибок. Приходится признать, что это было единственное «научное» объяснение основополагающего принципа «податливости», или «мягкости», в дзюдо, которое могли воспринять в то время японцы.

Попасть в Кодокан было и трудно, и легко. Фактически туда мог прийти каждый, но в течение первых месяцев отрабатывались лишь способы самостраховки и падений. Учеников заставляли работать не только до пота, но и до слез – старшие ученики били их за неправильно проведенный прием. Новички боролись с заведомо более сильными противниками, которые просто использовали их в качестве мешка для отработки бросков. Одни после нескольких месяцев таких тренировок уходили сами; других, тех, кто обижался или впадал в уныние, выгоняли инструкторы – из ученика, который обижается на своего наставника, не выйдет хорошего дзюдоиста.

Но и дальше тренировки не становились легче. Многократный чемпион Японии по дзюдо мастер Ёсимацу, прошедший все испытания Кодокана, вспоминал: «Когда я останавливался на несколько мгновений, чтобы перевести дыхание, мой тренер немедленно подходил ко мне и указывал, с кем продолжить борьбу. Когда же, измученные, мы все же хотели отдохнуть, тренер говорил: „Берите пример с такого-то«. И мы начинали снова... Во время обязательных занятий садиться не разрешалось, и ученики должны были тренироваться с борцами более высокого класса или преподавателями. Когда мы пытались отдохнуть несколько секунд, руководители подходили к нам и спрашивали, чего мы ждем. Когда мы поправляли напульсники или одежду, они упрекали нас в том, что мы делаем это слишком долго. Когда мы тренировались с ними, мы ничего не могли сделать, настолько они были сильны. Мы плакали от унижения и досады. „Ты плачешь!« – говорили тренеры. „Нет, это пот«, – отвечали мы и продолжали тренировку. Иногда, недовольные нашей „работой«, они били нас по щекам» [13].

При этом патриархи Кодокана и прежде всего сам Кано Дзигаро не уставали ради популяризации своей системы повторять, что при овладении приемами дзюдо в особой физической силе или экстраординарной выносливости нет необходимости. Одним словом, «если сила нападающего равняется десяти единицам, а моя – всего лишь семи, то...».

Сам же «отец дзюдо» превыше всего ценил преданность системе. Он справедливо полагал, что главное – чтобы человек пришел в Кодокан и доказал искренность своих намерений изучать дзюдо, быть до конца жизни верным не только самой системе, но и ее первопатриарху. Проверить это было нелегко, так как в отличие от старых школ дзю-дзюцу в

Кодокан приходили сотни людей, а официальный прием молодого пополнения был вообще ежегодным. Для проверки лояльности в Кодокане ввели специальные скрытые тесты, причем автором многих из них был сам Кано. Вот, например, суть нехитрой, но эффективной системы отбора, которую Кано практиковал в 20-е годы.

Перед молодыми слушателями, сидящими стройными рядами на коленях в огромном додзё Кодокана, сам патриарх дзюдо читал многочасовую лекцию о сущности своей системы. Кому-то из новичков она могла, безусловно, показаться скучной или слишком заумной; они начинали крутить головой, ерзать на месте, проявлять другие признаки нетерпения. Сзади за всеми новичками наблюдали строгие взгляды инструкторов Кодокана, моментально определяя особо нетерпеливых. Таким путь в Кодокан был закрыт. Причем большинство новобранцев и не догадывались, что присутствуют на хитром экзамене, – они ждали испытания физической силы, а на самом деле испытанию подвергались их терпение и прежде всего уважение к традициям боевых искусств и к самому «отцу дзюдо».

Кано свято верит, что мастер рождается не из технического арсенала, но проявляется в гармоничном единстве физического и нравственного развития. Не случайно на одной из лекций обычно невозмутимый Кано порывисто воскликнул: «Да есть ли какой-нибудь принцип, который никогда не дает сбоев? Да, есть! Это принцип Максимальной эффективности использования тела и духа. И податливость – это всего лишь частный случай применения этого фундаментального принципа» [136].

Для Кано дзюдо превращается в Учение. «Принцип максимальной эффективности в использовании тела и духа» пронизывает все моменты бытия человека – его чувства, повседневную жизнь, его восприятие мира. Истинные ценности дзюдо Кано помещает как бы за рамки собственно боевого искусства – в сферу жизни сначала повседневной, а затем и духовной, внетелесной.

«Человек бывает зачастую весьма возбудимым и впадает в гнев по самым тривиальным причинам. Но когда он начинает осознавать, что возбуждение вызывает неоправданную трату энергии и никому не приносит пользы, а зачастую даже наносит вред ему самому или другим, то последователь дзюдо должен воздерживаться от подобного поведения. Другие падают духом от разочарования, становятся мрачными и теряют всякое желание работать. Дзюдо советует такому человеку попытаться найти и свершитьто лучшее, что он способен сделать в создавшихся условиях. Может показаться парадоксальным, но, по моему мнению, такой человек подобен тому, кто находится в зените своей славы. В обоих случаях существует лишь один путь, которому можно следовать, – тот, который считается лучшим именно в это время. Поэтому изучение дзюдо может вознести человека из бездны отчаяния к огромной активности со светлыми надеждами на будущее. Неудовлетворенный человек часто пребывает в угрюмом расположении духа и винит в этом других, не обращая внимания на свои собственные дела. Учение дзюдо дает возможность такому человеку понять, что это поведение противоречит принципу Максимальной эффективности в использовании тела и духа» [156].

И все же Кано рационалист и во многом – тонкий политик. У него мы не встретим рассуждений в духе синтоизма об общении с божествами или тонкостях внетелесной жизни (кстати, в противоположность многим мастерам каратэ). Кано, чье становление проходит под знаком «открытости Западу», – человек совсем иной эпохи, нежели все мастера дзю-дзюцу. Он носит одежду исключительно западного покроя, быстро перенимает все новшества, связанные с изменением образа жизни, – например, использует стулья, в то время как большинство японцев сидят по-прежнему на циновках.

Но даже рамки Кодокана становятся тесными для Кано. Ему помогают старые университетские друзья, в том числе Такааки Като, ставший премьер-министром Японии. И вот в 1909 г. Кано отправляется в поездку по Европе и Америке, где налаживает культурные и спортивные связи, пропагандирует дзюдо.

В 1911 г. он становится президентом Японского общества физического воспитания, а на следующий год вывозит двух спортсменов от Японии на V Олимпийские игры в

Стокгольме. Всего же он восемь раз возглавлял делегацию Японии на Олимпийских играх.

Вот и ответ на вопрос, почему дзюдо стало олимпийским видом спорта, – ему протежировал сам Кано, который являлся одновременно и руководителем Кодокана, и представителем Национального олимпийского комитета Японии.

«ПОРЫВИСТЫЙ РУЗВЕЛЬТ» И «РУССКИЙ МЕДВЕДЬ»

Уже давно Кано мечтает познакомить Запад со своим детищем. Это была своеобразная «агрессия» дзюдо в другие страны, причем Кодокан выработал особую, весьма гибкую стратегию, которая полностью доказала свою эффективность. Здесь не было случайностей; острый ум и железная рука маленького Кано жестко направляли все действия зарубежных представителей Кодокана.

Но на Западе знали о дзю-дзюцу как о «самой непобедимой системе», а вот о дзюдо практически никто не слышал. Кано это ничуть не смущает; он не собирается бороться с десятками клубов, которые выдают собственные выдумки за дзю-дзюцу. Наоборот, он соглашается на первое время поступиться названием «дзюдо» и выступать под маркой «еще одной школы дзю-дзюцу». Первые школы дзюдо в США, Франции, Англии и даже России назывались «метод дзю-дзюцу доктора Кано» или «школа дзюдо системы дзю-дзюцу».

Первоначально основную ставку Кано Дзигаро делал на США. Сюда в 1902 г. приезжает первый зарубежный посланец Кодокана, один из лучших учеников Кано Ямасита (10-й дан), который в 1907 г. вернулся в Японию. У Ямаситы брал уроки даже сам президент США Теодор Рузвельт. Президент оказался весьма прилежным учеником: он тренировался под руководством Ямаситы в течение трех лет по три раза в неделю и добился коричневого пояса, т. е. высшего ученического разряда.

Дзигаро Кано ест мороженное в Ванкувере. Рядом с ним С. Сасаки, руководитель дзюдо в Канаде. Май, 1936 г.

Сохранился интересный отзыв очевидца о том, как Ямасита обучал своего высокопоставленного ученика: «Он (Рузвельт) был очень тяжел и порывист, и это стоило бедному преподавателю многих синяков, массы волнений и бесконечных ушибов из-за спешки Теодора, так как наставник стремился уберечь от травм президента Соединенных Штатов» [88].

И все же распространение дзюдо в США нельзя назвать «победным шествием». В 1903 г. некий Кано (отношения к Кано Дзигаро он не имеет) открывает первый американский клуб дзюдо в Сиэтле, но через пару месяцев он развалился из-за недостатка клиентов. В том же году ученики Кодокана Миядзава (6-й дан) и Ито (3-й дан) открывают первый официальный додзё, который сохранился и по сей день. В 1915 г. Ито переезжает в Лос-Анджелес и основывает там учебный центр.

Наконец, в конце 20-х годов в США начинают работать первые официальные представительства. Мастер Куросака создает в Сиэтле Тэнтокукан – прямое ответвление Всеяпонского центра боевых искусств Будокукая в Киото. В 1935 – 1941 гг. в Сиэтле преподает последователь Кано Дзигаро Кумагаи (6-й дан).

В 1910 г. дзюдо появляется во Франции, куда вернулся из Японии Энсин Ле Прие, первый француз – обладатель черного пояса. Он несколько лет обучался в Кодокане под руководством одного из лучших учеников Кано мастера Йокоямы Сакудзиро (7-й дан). Йокояма прославился тем, что в 1908 г. написал первую в Японии солидную книгу о дзюдо и его создателе [44]. Ле Прие в 1911 г. переводит ее на французский язык под названием «Учебник дзюдо школы Кано из Токио», стремясь донести этическую сущность дзюдо до западной публики [215]. Но Франция не восприняла настоящее дзюдо, и книга успехом не пользовалась. И Кано Дзигаро, приехав во Францию с лекциями в 1932 – 33 гг., понял, что нужно коренным образом менять тактику презентации дзюдо на Западе.

В 1936 г. М. Фрелдэнкрэс основывает «Французско-Японский клуб», куда приезжает Каваиси Миконосукэ (7-й дан) из Кодокана. Именно Каваиси можно считать основателем европейского дзюдо – он вводит особую систему обучения, приемлемую для сознания западного человека. Например, Каваиси сразу заметил, что французы не в силах запомнить сложные японские названия приемов, и тут же ввел новые: «1-й прием бедром», «2-й прием бедром», «1-й бросок при помощи рук» и т. д. Через нёкоторое время французы привыкли к японским терминам, но на первом этапе остроумная классификация Каваиси принесла несомненную пользу в популяризации дзюдо. Чуть позже он вводит более разнообразную систему поясов, чем та, что была принята в Кодокане. Таким образом, европейские школы стали постепенно отдаляться от строгой системы Кано, что явилось предвестником первого надлома в едином здании дзюдо, полностью подчиненном Кодокану.

Дзюдо постепенно становилось модным, на нем уже можно было делать неплохой бизнес. Во Франции возникало три федерации дзюдо, одна из которых – под руководством Каваиси. Несколько ассоциаций дзюдо существует и в США. И каждая проводила соревнования по собственным правилам, что в реальности было мало похоже на дзюдо Кодокана.

Надо отдать должное великому Кано – он умел воспользоваться малейшей возможностью для пропаганды дзюдо, причем нередко был готов мягко и незаметно «сменить лозунг». Выступая перед японской аудиторией, особенно перед «власть предержащими», он обращал особое внимание на чисто национальный дух своего детища, на возможности использования дзюдо в армии, полиции, да и вообще для воспитания молодого поколения в духе любви к традиционным идеалам. А приезжая в другие страны, например в США, Канаду, Францию, он предпочитал говорить об интернациональном характере дзюдо, о его спортивных и нравственных аспектах. Кстати, обратим внимание, что чисто боевые аспекты дзюдо, пришедшие из дзю-дзюцу, Кано долгое время запрещал демонстрировать перед зарубежной аудиторией, оставляя «варварам» полную возможность изучать классический арсенал Кодокана из 40 бросков и 16 приемов борьбы лежа.

Благодаря точно выверенной и гибкой политике Кодокана дзюдо проникает в Россию.

В отличие от других стран, где пропагандистами дзюдо были японцы, в России носителем тайн «искусства податливости» становится русский – человек сложной и во многом трагической судьбы.

О дзю-дзюцу в России слышали уже с начала XX в., но изучали его по популярным брошюркам, переводам с французского и английского языков, которые прямого отношения ни к настоящему дзю-дзюцу, ни тем более к дзюдо не имели. И вот во Владивостоке при обществе «Спорт» в 1914 г. состоялись первые показательные выступления человека, который действительно изучал настоящее дзюдо. И не где-нибудь – а в Кодокане! Этим человёком был Василий Сергеевич Ощепков, в то время обладатель 1-го дана по дзюдо, который вручил ему сам Кано Дзигаро.

Те показательные выступления, за которыми чувствовалась твердая рука Кано, имели весьма сложный подтекст. Россия – близкий сосед, многообещающий и опасный одновременно. Проникновение в эту страну сулило дзюдо, пусть и под названием «дзю-дзюцу», мощную поддержку. Не случайно

В. С. Ощепков в 1914 г. проводил выступления не один, а вместе с выпускником Кодокана Хидэтеси Томабэци, обладателем черного пояса.

Сын каторжанки и неизвестного отца, Василий Ощепков появился на свет в декабре 1892 г. на Сахалине. Мать вскоре умерла, а Василия сразу же после окончания русско-японской войны отправили в русскую колонию при православной миссии в Киото. В дальнейшем он должен был стать православным священником в Японии. Но, как видим, судьба распорядилась иначе.

Долгое время рассказы об обучении Ощепкова в японском Кодокане считались чем-то вроде «гёроических легенд». Но наконец был обнаружен документ, который разрешил все сомнения, – в архивах Кодокана сохранилась запись о поступлении туда 29 октября 1911 г. Василия Ощепкова. На уровне «народных преданий» ходят рассказы о том, как он сумел сделать это. В то время юный Ощепков учился в японской школе, где в качестве одной из дисциплин преподавалось дзюдо. Преподавалось, правда, на весьма невысоком, «школьном» уровне, а Василий мечтал попасть в знаменитый Кодокан. И вот он отважился прийти на отборочный тур в младшую группу Кодокана. Может быть, и не смог бы этот русский мальчишка, один из будущих основателей самбо, поступить в легендарную школу, если бы один из его товарищей не поведал ему о нёкоторых хитростях проверки новых учеников в Кодокане.

Через несколько лет «русский японец» Василий Ощепков, которого за большую физическую силу называли «русским медведем», стал одним из четырех европейцев, получивших в то время черный пояс – 1-й дан Кодокана (чуть позже Василий получил и 2-й дан). Это было не только признанием несомненных заслуг Василия Ощепкова. Вручение ему черного пояса свидетельствовало о том, что его готовили стать руководителем официальной ветви Кодокана в России – стране, где вряд ли потерпели бы японца в качестве официального тренера. Да и начавшиеся показательные выступления Василия Ощепкова и его работа с первыми группами во Владивостоке наводят на мысль, что в Кодокане существовали хитроумные планы выхода на российскую публику. Ощепков преподавал в основном среди военных и сам работал в то время военным переводчиком.

Кто кого перехитрил, сказать сложно. Понятно, что в отношениях «Кодокан – Ощепков» была еще и третья сторона – разведка. Как Ощепков оказался в России в 1914 г.? Кто послал его сюда, как он сумел со своей биографией стать военным переводчиком? В какой мере японские спецслужбы стимулировали деятельность Ощепкова, хотя это и происходило неявно, за его спиной? Не будем забывать, что благодаря влиянию Кано дзюдо в Японии всегда обслуживало полицию, армию, а все японские разведчики проходили практику самозащиты именно в Кодокане.

Ощепкову приходилось не только разрабатывать систему самозащиты для бойцов Красной Армии, но и заниматься разведывательной деятельностью. Известно, что после установления советской власти на Дальнем Востоке и до 1925 г. Ощепков выполнял в

Японии и Китае спецзадания органов ЧК и НКВД. Кстати, в Китае он познакомился и с ушу, перенеся на русскую землю это слово в том звучании, в каком его услышал, – «у-ши».

Всю оставшуюся жизнь Ощепков занимался разработкой «советской» системы борьбы, взяв за ее основу то, что он лучше всего знал, – дзюдо Кодокана. Был он блестящим мастером и методистом, при весе более 100 кг двигался легко и стремительно, бросал противника из любого положения. Преподавал в Центральной высшей школе Рабоче-крестьянской милиции, на курсах для командного состава Красной Армии (рассказывают, что с ним сошелся как-то в схватке сам М. Н. Тухачевский), стоял у истоков самбо, скорее даже являлся его прямым создателем. Дзюдо уважал, но критиковал Кодокан за консерватизм, говорил, что надо поднять «нашу» систему борьбы на более высокий методический уровень, «обогатить ее нашими достижениями в смысле методики ее изучения и технического выполнения приемов» [14].

И все же японское прошлое Ощепкова сильно беспокоило советские органы безопасности – его подозревали в шпионаже в пользу Японии, неоднократно допрашивали и подвергали репрессиям. В октябре 1937 г. мастер умирает после загадочной болезни. Его архивы, в том числе неопубликованные записи о методике и арсенале дзюдо Кодокана, таинственным образом пропали. Злые языки поговаривали, что позднее все эти материалы всплыли под названием «советская система борьбы самбо». Но это уже другая, весьма запутанная история... [14].

«ЕГО МЕЧТЫ РАЗВЕЯЛИСЬ»

В 30-е гг. дзюдо занимаются в десятках стран мира. Многие западные мастера были не прочь ввести и собственные приемы, и свою систему аттестации в этот ставший популярным вид спорта. Уже без ведома Кодокана проводятся региональные соревнования во Франции и Англии, создаются новые правила. На Западе к дзюдо начинают относить практически любую японскую систему самозащиты, и, пользуясь такой ситуацией, многие японские инструкторы дзю-дзюцу, вытесненные политикой Кано Дзигаро из Японии, вновь открывают свои школы.

Кано Дзигаро начал осознавать, что дзюдо выходит из-под его контроля. Но Кано не случайно достиг значительных высот на государственной иерархической лестнице. Он был опытным политиком: ведущие мастера Кодокана садятся за разработку новых правил, делая дзюдо более похожим на современный спорт, оставляя старые способы самозащиты, выполнение ката и наиболее сложные ритуальные методы для любителей традиции.

Сколь бы часто ни критиковали Кодокан за консерватизм, единственная школа дзюдо все же умела улавливать дух времени. После смерти Кано Кодокан возглавил его сын Рисэи. Под его руководством в 1956 г. был проведен первый мировой чемпионат в Токио, где все призовые места взяли, естественно, японцы. А вот на третьем первенстве мира в Париже в 1961 г. японцев ожидал чувствительный удар – чемпионом стал голландец Антон ГеЁсинк. В то время в дзюдо не существовало весовых категорий: Кодокан жестко придерживался идеи, что при наличии мастерства вес не играет роли. И когда ГеЁсинк при росте 198 см и весе 118 кг положил на лопатки японцев, руководители Кодокана тотчас ввели весовые категории.

Кано на борту «Хикава мару» у причала в Ванкувере за несколько недель до своей смерти. Второй слева – И. Кумагаи, один из руководителей дзюдо в Сиэтле

Но еще при жизни Кано Дзигаро были введены единая система аттестации и общие нормативные требования, объединившие мир дзюдо. Так Кодокан вновь подтвердил свое главенство в мире дзюдо – единоличное и непоколебимое, основанное на внутреннем единстве школы.

Справедливости ради отметим, что отношения Кано и с ближайшими учениками складывались далёко не всегда ровно. Тяжелой потерей оказался разрыв с самым ярким последователем дзюдо – Сиро Сайго. Способности Сайго в области боевых искусств были просто поразительны: он не только имел все высшие звания по дзюдо, считался одним из лучших знатоков школы Дайторю айки-дзюцу, но и обладал 9-м даном в стрельбе из лука (*кюдо*). Этот удивительный человек, равного которому ни в дзюдо, ни в дзю-дзюцу так и не нашлось, по странным и до сих пор остающимся до конца неясным причинам внезапно оставляет Кодокан. Неожиданно он переезжает на юг Японии, где устраивается работать репортером, рвет все связи как с дзюдо, так и с айки-дзюцу. Боец-легенда уходит из жизни 23 декабря 1922 г., когда ему исполнилось 55 лет, унеся с собой тайну своего разрыва с Кодоканом.

Правда, такой скандальный факт не мог остаться незамеченным в мире боевых искусств; поползли самые противоречивые слухи, причем подавляющее большинство склонно было винить в конфликте самого Кано Дзигаро и оправдывать Сиро Сайго. По одной из версий, Кано в резкой форме потребовал от Сайго порвать все связи со школой Дайторю айки-дзюцу, где начинал когда-то обучаться Сайго и последователи которой не без основания считали его одним из своих лидеров.

Похороны Кано Дзигаро

Существовали другие, более конкретные версии ухода Сайго, подтверждающиеся газетными публикациями тех лет. Во время очередного отъезда Кано Дзигаро в Европу его обязанности в Кодокане выполнял Сиро Сайго. Будучи человёком весьма самоуверенным, Сайго вместе с нёкоторыми ведущими инструкторами Кодокана поссорился с борцами сумо, ссора закончилась потасовкой. Для разрешения конфликта была вызвана полиция. Дзюдоисты, отказавшись от переговоров с полицейскими, сбросили их в реку Сумида.

Вернувшись в Токио, Кано оказался в весьма щёкотливом положении: ведь он выполнял обязанности старшего инструктора полиции по дзюдо и в сущности являлся наемным служащим полиции. К тому же Сайго был явно неправ. После бурного разговора с Кано Сайго, спасаясь от крупных неприятностей (вплоть до тюрьмы) покинул Токио.

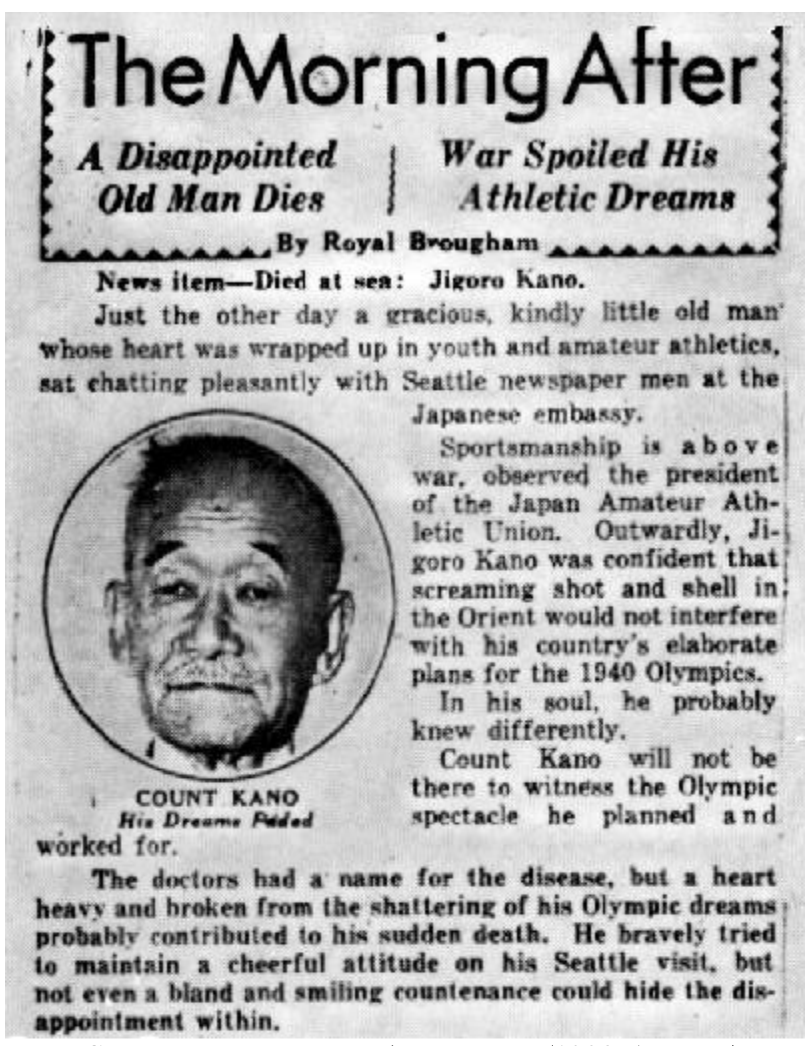
Так в лице Сайго Кодокан потерял не только блестящего бойца и инструктора – в

определенном смысле он утратил символ своей непобедимости. Но теперь Кано это не волнует: Кодокан уже вышел на международную арену, признан всеми высшими органами государственной власти Японии, а мир традиционного дзю-дзюцу, критикующий Кано Дзигаро, практически раздавлен хорошо продуманными мероприятиями «отца японского спорта».

Кано на протяжении всей своей жизни борется за чистоту дзюдо и за единоличное лидерство Кодокана. Он убежден, что лишь Кодокан, воплощающий дух своего основателя, способен преподать дзюдо не просто как метод борьбы или вид спорта, но как способ нравственного и этического воспитания. Кано уже отказывается от старой идеи воспитания «национального духа»; теперь он распространяет свои этические концепции на весь мир независимо от национальности учеников.

Кано воздал за обиды своим давним соперникам, которые в молодости так третировали его. Теперь Кано последовательно объясняет на всех уровнях, что, с одной стороны, старые школы дзю-дзюцу реакционны и опасны, а с другой – в техническом плане дзюдо разработано несравненно лучше. Разумеется, никаких гонений на школы дзю-дзюцу Кано не устраивал. Но далёко не без его влияния они стали потихоньку исчезать: старые мастера умирали, молодежь шла в дзюдо, на которое – что очень важно! – выделялись государственные дотации. Недаром Кано занимал столь высокие должности в государственных структурах и был близок ко двору! Первыми канули в Лету именно те школы, которые критиковали Кано-рю в 80 – 90-х гг. XIX в. Дзюдо выиграло не только технически, но и политически: теперь конкурентов и критиков у Кано больше не было.

Еще одно усилие – и дзюдо станет первым и пока единственным национальным японским видом спорта, окончательно признанным на международной арене. Но многим надеждам не суждено было сбыться. Кано сильно нервничал, принимая активное участие в подготовке к Олимпийским играм 1940 г. Мир чувствовал приближение войны. Япония уже вела боевые действия в Китае, еще в марте 1933 г. она вышла из Лиги Наций, что сильно осложнило ее положение на международной арене. Все это могло закончиться тем, что Япония была бы исключена из МОК и все надежды Кано на то, что дзюдо выдвинется на олимпийскую арену, пошли бы прахом.



The Morning After

A Disappointed Old Man Dies | **War Spoiled His Athletic Dreams**

By Royal Brougham

News item—Died at sea: Jigoro Kano.

Just the other day a gracious, kindly little old man whose heart was wrapped up in youth and amateur athletics, sat chatting pleasantly with Seattle newspaper men at the Japanese embassy.

Sportsmanship is above war, observed the president of the Japan Amateur Athletic Union. Outwardly, Jigoro Kano was confident that screaming shot and shell in the Orient would not interfere with his country's elaborate plans for the 1940 Olympics.

In his soul, he probably knew differently.

Count Kano will not be there to witness the Olympic spectacle he planned and worked for.

COUNT KANO
His Dreams Faded

The doctors had a name for the disease, but a heart heavy and broken from the shattering of his Olympic dreams probably contributed to his sudden death. He bravely tried to maintain a cheerful attitude on his Seattle visit, but not even a bland and smiling countenance could hide the disappointment within.

Некролог Кано в «Сиэтл Пост-интеллидженсер» (1938г.) с подзаголовком: «Умер старый разочаровавшийся человек»

Он вел бесконечные переговоры в США; в 1938 г., посещая Канаду,искал себе союзников там. Будучи президентом Японской ассоциации любительского спорта (ведущей спортивной организации страны), он бывал в Ванкувере и ясно видел, как в мире спорта одна за другой закрываются двери перед Японией. Война разрушила все надежды Кано; в нёкоторых городах Запада после подписания японо-германского договора 1936 г. занятия дзюдо были запрещены.

Люди, которые сталкивались с «отцом японского спорта» в последние месяцы его жизни, не могли не заметить того плохо скрываемого разочарования, которое испытывал престарелый Кано Дзигаро. Он был морально подавлен и растерян.

В мае 1938 г. на борту корабля «Хикава мару», возвращаясь с заседания МОК в Каире, умер 77-летний Кано Дзигаро. Великого мастера подкосила обычная пневмония. Человек, которого все газеты мира уважительно именовали «отцом японского спорта», прибыл на родной берег, в порт Йокогама, уже в гробу. В одной из центральных газет американского города Сиэтла под траурной фотографией создателя дзюдо стояла подпись: «Его мечты развеялись».

КАКУЮ СИСТЕМУ ХОТЕЛ СОЗДАТЬ КАНО ДЗИГАРО?

По сути Кано стремился создать целую этическую систему «обновленного самурая», выдержанную в классическом духе традиционной Японии. Говоря о достижении «максимума эффективности в использовании тела и духа», Кано последовательно объясняет,

в чем заключается «совершенствование тела», а в чем – «совершенствование духа». Эти две части соотносятся между собой, как «внешнее» и «внутреннее», земное и космическое, повседневное и вечное.

Первейшая моральная цель человека, который посвятил себя дзюдо, – «взаимное благоденствие» («дзита кеэй»). Истинный дзюдоист не может изучать высокое искусство дзюдо лишь для себя, он делает это для того, чтобы помогать другим людям. Лозунг «взаимного благоденствия» отнюдь не был изобретен самим Кано, – мастер воспользовался древней конфуцианской концепцией «взаимного воздаяния» и «взаимопомощи».

Дзюдоистский лозунг «взаимного благоденствия» японцы восприняли легко, практически сразу же. Это было новшеством лишь в отношении традиционного бу-дзюцу – до Кано никто не возводил принцип «взаимного благоденствия» в ранг философии боевых искусств. Скорее наоборот: старые школы дзю-дзюцу утверждали приоритет индивидуального, закрытого обучения, передавая свои тайны в личном общении. Но Кано сразу же после создания Кодокана объявил об «открытости» своей системы – в его школу мог прийти каждый. Многие, поняв, что дзюдо утверждает приоритет этического над чисто физической тренировкой, пошли за Кано.

Физический аспект тренировки заключался в принципе «наиболее эффективного приложения силы» *(сэйрёёку дзэнъё)* . Рассказывая об этом принципе, Кано вводил некие условные «единицы» силы, поясняющие, как потенциально слабый человек может одолеть физически более сильного соперника.

В залах Кодокана висят каллиграфические надписи – правила поведения учеников, свидетельствующие о единстве нравственного воспитания и физической эффективности в дзюдо:

– сохраняй свой разум холодным, воздерживайся от никчемных движений, будь терпелив и упорен;

– изучай сильные и слабые места своего соперника и самого себя, решаясь на тот или иной план действий; другими словами, действуй всегда по обстоятельствам;

– твое действие должно быть гармоничным и проворным, предвосхищающим действия соперника;

– даже если ты полностью уверен в победе, избегай любых комбинаций приемов, которые поставят тебя в невыгодную позицию, если тебе не удастся довести их до конца; это значит – выбирай наиболее эффективную комбинацию.

Взгляды Кано на дзюдо кардинально менялись на протяжении десятилетий, в течение которых система развивалась. То он хотел воплотить некую «идеальную и комплексную» школу дзю-дзюцу, то начинал делать основной за упор на этическое воспитание и использование западной науки, то говорил о дзюдо как об уникальной системе оздоровления нации, то стремился сделать его олимпийским видом спорта (что в конце концов и произошло).

Итак, поговорим о «дзюдо у истоков», о том дзюдо, что ютилось в тесном зале храма Эйсёдзи, что завоевало в начале XX столетия сердца японцев и высоко ценилось в полиции и армии.

К своему современному виду дзюдо шло почти целый век, причем в основном формирование технического арсенала происходило не только за счет приобретения каких-то новых приемов, но прежде всего за счет отказа от наиболее опасных технических действий классического дзю-дзюцу.

Тот вариант дзюдо, который преподавал Кано в первые годы существования Кодокана, был значительно более близок наиболее жестким школам дзю-дзюцу, в частности Кито-рю, нежели современному спортивному дзюдо. Первые иллюстрации приемов дзюдо, сделанные под руководством самого наставника, демонстрируют мощные удары по ногам, удары в живот, заломы пальцев, удушения, удары по глазам, надавливания на пах, даже захваты за нос.

Фактически дзюдо было в то время одной из школ дзю-дзюцу, где броски, заломы и

удушения в силу исторических обстоятельств ее формирования превалировали над ударами. При этом от ударов по болевым точкам *(атэми)* дзюдоисты отнюдь не отказались; более того, в одном из наставлений по дзюдо в 1906 г. давался следующий совет: «В определенных обстоятельствах атэми-вадза (нанесение ударов) может более более предпочтительным, чем нагэ-вадза (броски) или катамэ-вадза (приемы борьбы лежа), особенно когда вы сталкиваетесь с несколькими нападающими» [92]. Предисловие к этому пособию написал сам Кано Дзигаро, видимо целиком разделяя эту мысль – удары могут быть порой эффективнее, чем броски, – и рассматривая дзюдо все же как прикладную систему. Мысль о дзюдо как о международном виде спорта придет к нему несколько позже.

Весь технический арсенал Кано объединяет в девять комплексов (ката), часть из которых он создал сам, а часть пришла из старых школ дзю-дзюцу, где он когда-то обучался. Для Кано ката становятся не просто способом отработки приемов. «Ката – это этика дзюдо, – писал Кано. – В них заключается сам дух дзюдо, без которого невозможно достичь цели» [177]. Важнейшей заслугой Кано стало перенесение акцента на духовное и нравственное воспитание человека посредством занятий дзюдо.

Итак, какие классические ката включает Кодокан. То, что в современных учебниках по борьбе подразумевается под понятием «техника дзюдо», полностью вошло в первый комплекс – «рандори-но-ката» (комплекс свободной схватки). Он делится на две части: броски из стойки и приемы борьбы лежа; причем вторая часть вошла в ката на десять лет позже первой, когда Кодокан разрабатывал концепцию борьбы в партере и лежа. Рандори-но-ката построено таким образом, что от одного приема можно перейти ко второму, от второго к третьему и т. д.; таким образом, выполнение этого ката превращается не просто в формальный показ приемов, но и учит простейшим элементам комбинаторики. Классическое рандори-но-ката состоит из 40 приемов – именно тех бросков, которые являлись техническим фундаментом Кодокана.

«Ката податливости», или «ката гибкости» – «дзю-но-ката» воплотило в своем названии важнейший принцип дзюдо – противодействовать сильному противнику, уступая ему. В этом ката много чисто тренировочных, небоевых приемов; ему свойственны широко амплитудные вращения руками, плавные движения. Прием до конца обычно не проводится, его останавливают в последний момент, когда противник уже готов упасть или может повредить конечность. Этот комплекс полон внутренней грации и базируется на ощущении «внутренней энергии – ки», которое **(которая – ?)** развивается такими плавными движениями. Не случайно его практикуют даже пожилые люди и женщины.

Кано ввел в арсенал дзюдо комплекс, который современным спортсменам-дзюдоистам мог бы показаться весьма странным. Это «косики-но-ката» – «старинный комплекс», или «традиционный комплекс». Он целиком взят из школы Тэнсин синъёрю дзю-дзюцу. Кано сохраняет весь необходимый антураж: ката выполняется таким образом, будто на бойце тяжелые самурайские доспехи. Он имитирует движения вооруженного самурая, как бы придерживая тяжелый меч, поправляя шлем. И все приемы косики-но ката направлены против такого же самурая, облаченного в латы: например, «захват за шейные пластины шлема», а затем «скручивание шейных позвонков».

Этот комплекс позволялось изучать лишь на высших ступенях мастерства, по достижении 5-го дана. Здесь у «отца дзюдо» была своя логика: японец не должен забывать, что дзюдо корнями уходит в древнюю традиционную культуру благородного воина, который применял дзю-дзюцу на полях сражений. За цветистыми названиями технических действий косики-но ката («мельничное колесо», «бросок в ущелье», «погружение в воду», «волны, разбивающиеся об утес») скрываются приемы, широко используемые современными дзюдоистами. Но здесь важен не сам прием, а ощущение самурайского духа, живого прикосновения к древней традиции.

Еще одному ката Кано не успел дать название, и оно вошло в историю под рабочим наименованием – «ицуцу-но-ката» («ката пяти первостихий»). Его выполняет крайне ограниченное число дзюдоистов высшего уровня. Оно состоит из пяти широких круговых

движений и, вероятно, было рассчитано на работу с партнером. Позже его стали осмысливать как символику пяти первостихий китайской натурфилософии: каждый прием соответствовал одной из стихий – металлу, огню, дереву, воде и земле.

Два ката основываются исключительно на технике ударов, что является отголоском древнейшего вида дзю-дзюцу. Первое из них – «кимэ-но-ката» («ката решимости»), или «синкэн-нобуно-ката» («ката реального боя»), – сейчас выполняется для аттестации на 5-й дан по классической системе Кодокана и включает в себя технические действия в двух положениях – стоя и на коленях. Этот комплекс пришел из школы Кито-рю и долгое время считался абсолютно секретным, хотя он достаточно прост и может показаться примитивным по сравнению с комплексами в ушу и каратэ. Тем не менее он оптимальным образом подходит для самообороны, хотя и подразумевает чисто классическое осмысление этого понятия. Оба раздела – в положении стоя и на коленях – предусматривают три типа технических действий: нанесение голыми руками ударов по болевым точкам, приемы с коротким мечом и, наконец, приемы с длинным самурайским мечом (катаной).

Другое прикладное ката с длинным названием «сэйрёёку дзэнъё кокумин тайику-но-ката» («комплекс национального физического воспитания, основанный на принципе максимального использования силы») выполняется в стойке и в положении на коленях, как в одиночку, так и с партнером. Основные технические действия этого ката – удары ногами вперед и в стороны, удары различными частями кулака вперед, снизу вверх и крюком. Примечательно, что центральным движением ката, вокруг которого выстраивается вся структура комплекса, является движение «кагами-микаги» (в переводе – «полировать зеркало»), выполняющееся в медленном темпе и символизирующее приведение духа в состояние «чистого зеркала». Оно воплощает древнейший дзэнский принцип чистоты и незамутненности сознания, который Кано почерпнул из школ дзю-дзюцу, тесно связанных с самурайской эстетикой.

Бытует мнение о том, что Кано будто бы ввел «сэйрёёку дзэнъё кокумин тайику-но ката» в арсенал дзюдо после того, как в 1922 г. в Кодокане провел показательные выступления создатель каратэ Гитин Функоси. Видимо, это не более чем вымысел. Дело в том, что это ката существовало в школах дзю-дзюцу за много лет до рождения самого Фунакоси.

Наконец, два последних комплекса были разработаны инструкторами Кодокана для полиции и армии, поэтому приемы представляют собой сочетание бросков, защитных действий от удара ножом, палкой и дубинкой, а также включают простейшие удары руками в голову и ногами в пах. Первый комплекс «фудзёси-ё госин-но-ката» предназначен для женщин, второй, более сложный, «ипан-е госин-но-ката» – для мужчин.

Все броски, которые входили в классический базовый арсенал Кодокана, Кано переработал в виде приемов защиты против ударов ногами, руками, палкой, в результате чего возникло «Кодокан госин-дзюцу-но ката» – «ката самозащиты Кодокана». Сегодня владение им требуется для классической аттестации на 3-й дан.

В литературе часто встречается мнение, что Кано, создавая дзюдо, отбросил все опасные приемы, которые могли привести к травмам борцов. Это не совсем так; Кано просто разделяет весь арсенал дзю-дзюцу, который достался ему «по наследству», на «опасные» и «безопасные» приемы. Первые он решил преподавать в полиции, а также своим ученикам высшего уровня. Но он думал о дзюдо и как о системе воспитания молодежи. Поэтому Кано решительно отбрасывает все приемы, которые заканчивались падением на голову, смещением шейных позвонков, переломами и т. п. (речь идет, естественно, не о случайностях, а о вполне преднамеренном травмировании противника). Подобные приемы становятся достоянием «компетентных органов».

Оставшиеся приемы Кано Дзигаро распределяет на пять разделов по восемь в каждом – «гокю-но кайсэцу» («пять групп», или «пять ступеней»). Всего получается 40 приемов, ставших классикой Кодокана. Первую группу составляли броски подсечками и подножками, вторую – броски через бедро и спину и т. д. Приемы изучались один за другим в четкой

последовательности таким образом, чтобы в комбинации от первого приема можно было перейти ко второму, от второго к третьему и т. д. Если не удавалось провести первый прием группы – скажем, подсечку в стопу *(дэ-аси-бараи)* , то можно было перейти к подсечке в колено *(хидза-гурума)* , затем к подсечке с упором всей поверхностью ноги в ногу соперника *(сасаэ-цурикоми-аси)* , от нее, резко развернувшись спиной к противнику, – к броску через бедро *(уки-госи)* , а затем – к задней подножке *(о-сото-гари)* . Так из простых приемов вырастали более сложные, а дзюдоист учился комбинировать их в схватке.

Система «гокю-но кайсэцу» стала краеугольным камнем тренировки Кодокана. Пять групп приемов соответствовали и пяти ученическим разрядам *(кю)* . Например, чтобы получить самый низший, 5-й ученический разряд, необходимо было сдать экзамен по первой группе приемов, на четвертый ученический разряд – по второй группе приемов и т. д.

Когда в арсенал Кодокана была введена борьба лежа, все приемы были также разбиты по пяти группам. Однако из-за того, что раздел катамэ-вадза «запоздал» по сравнению с борьбой стоя, то здесь нет столь равномерной разбивки по пяти группам. Например, в первую группу для сдачи на 5-й кю входит шесть приемов – по два болевых, удушений и удержаний, а для сдачи на 4-й кю уже требуется показать лишь три приема – по одному из каждого раздела. Всего классический раздел борьбы лежа в Кодокане включает 27 приемов. Естественно, реальное число приемов в положении лежа превосходит эту цифру – каждый из них имеет до десятка вариантов; однако Кано правильно рассчитал, что ученики должны овладеть прежде всего принципиальной схемой приема, а потом уже разучивать его варианты.

В арсенал дзюдо был включен и «вспомогательный раздел», куда входят специальная разминка *(тэйсё)* , отработка позиций, методы падений *(укэми)* , методы захватов *(куми-ката)* , методы выведения из равновесия *(кудзуси)* .

Особые способы падения, которые преподавал Кано, предусматривали отработку полной самостраховки при бросках, причем методы тренировки в Кодокане были весьма жесткими. Например, два человека раскачивали борца, взяв его за ноги и за руки, а потом бросали как можно дальше – борец должен был приземлиться, не разбившись, на спину или на бок. Борцы прыгали с высокой лестницы спиной вниз на пол или преодолевали, кувыркаясь в воздухе, острый меч, находящийся почти на уровне человеческого роста. Сегодня рассматриваются две базовые формы самостраховки при падении – на спину *(ма-укэми)* и на бок *(ёко-укэми)* . Первые дзюдоисты боролись не на современных, сравнительно мягких татами, а на настоящих традиционных соломенных циновках, которые едва ли смягчали падение. Порой мощными бросками дзюдоисты Кодокана посылали своих противников в тяжелый нокаут.

Выведение противника из равновесия рывком было известно давно; способы кудзуси практиковались во многих школах дзю-дзюцу. Однако Кано именно их положил в основу всякого броска – без предварительного кудзуси нет броска. Он определял восемь базовых форм выведения противника из равновесия рывком за кимоно: на себя вниз, от себя назад, влево, вправо, влево назад, вправо назад, влево на себя, вправо на себя. Грамотное выведение противника из равновесия достигается путем сложения нескольких векторов силы. Например, при кудзуси «влево на себя» борец левой рукой тянет вниз на себя, а правой как бы приподнимает противника вверх и немного влево. В результате такого действия и небольшого поворота корпуса влево вес тела противника перемещается на правую ногу, и в этом случае несложно свалить его, скажем, подсечкой под эту ногу.

Кано учил, что уже благодаря одному лишь правильно проведенному выведению из равновесия противник должен упасть. Так появился специальный бросок *уки-отоси* (для сдачи на второй кю), который выполняется выведением из равновесия в сторону вниз.

После изучения базового раздела ученики Кодокана приступали к осваиванию техники бросков – *тати-вадза,* или *нагэ-вадза* . В техническом плане все броски разделялись на четыре большие группы. Первая – это броски, выполняемые в основном руками *(тэ-вадза)* , например бросок через плечо. Вторая – броски, выполняемые в основном бедрами *(коси-*

вадза) , например классический бросок через бедро, через бедро с подсадом ногой, бросок через спину. Именно эти броски считаются сегодня наиболее эффективными в дзюдо. Третья группа – броски при помощи ног *(аси-вадза)* , например подножки, подсечки. И наконец, четвертая группа – броски уступаниями *(сутэми-вадза)* , когда борец падает, утягивая за собой противника, и бросает его, например, с упором стопы в живот или подставив свою ногу под ноги противника.

Долгое время в Кодокане не изучалась борьба в положении лежа, хотя удушения и болевые приемы на суставы рук входили в прикладной раздел дзюдо (на соревнованиях они первое время были запрещены). Кодокан даже издал специальные правила, которые ограничивали борьбу лежа, свято придерживаясь традиции старых школ, в том числе Тэнсин синъёрю. За свое упорство Кано Дзигаро однажды пришлось сильно поплатиться.

Дело в том, что далёко не все школы дзю-дзюцу отвергали борьбу лежа – наоборот, нёкоторые из них всю тактику строили именно на этом. В частности, бойцы школ дзю-дзюцу из Киото в первые годы существования Кодокана неоднократно встречались с дзюдоистами и обыгрывали их, что вызывало большое раздражение у Кано. Еще бы – обойти знаменитую Ёсин-рю, выиграть политическую схватку за главенствование в дзю-дзюцу и регулярно проигрывать в общем-то не самым именитым школам!

Мастера из Киото прекрасно знали, что в бросках борцам Кодокана нет равных, и избрали иную тактику: они без броска стягивали дзюдоистов на татами и проводили удушение. Опытные ученики Кано не знали, как защищаться против этого.

Но Кано Дзигаро стал знаменит во многом благодаря тому, что был готов ломать устоявшиеся стереотипы, если это шло на пользу его системе. Он приступил к разработке *нэ-вадза* или *катамэ-вадза* – техники борьбы лежа, которая включает удержания *(осаэкоми-вадза)* , удушения *(симэ-вадза)* и болевые приемы *(кансэцу-вадза)* .

Большинство удушений проводится при помощи ворота кимоно, когда борец, натягивая отворот или обкручивая им шею, вызывает удушье у соперника. Удушения могут выполняться из любого положения – спереди, со спины, сбоку и даже из стойки.

В традиционном дзю-дзюцу раздел симэ-вадза был еще шире: душили, например, надавливая коленом или локтем на шею соперника, зажимая шею в локтевой сгиб руки, сжимая шею между предплечьями. Кано оставил такие приемы лишь в прикладном разделе дзюдо для полиции (есть они и в нёкоторых ката).

Изучение каждого приема, будь то броски или удержания, включало четыре стадии: *кудзуси* – выведение противника из равновесия, *цукури* – подготовительное действие или заход на прием, *какэ* – собственно проведение приема, *фусэги* – контрприем или уход от действия соперника.

Всего в классическом дзюдо 6 ученических степеней (кю) и 12 мастерских разрядов, или данов. Как только дзюдоист приходит в зал, ему присваивается 6-й кю, а чтобы подняться на другие ступени, надо сдавать специальные экзамены.

В реальности ни 11-й, ни 12-й даны не присваивались никому. В специальном реестре о степенях мастерства, выпущенном Кодоканом, особо оговаривается высший, 12-й дан, соответствующий званию «великого мастера» (Сихан). «Это звание фактически не было дано ни одному дзюдоисту, кроме покойного профессора Кано, нашего основателя, который сам себе его присвоил ». Трудно не заметить тактичный намек на то, что оно никому и не будет присвоено.

10-й дан присуждается за «величайшие заслуги в мастерстве и проповеди духа дзюдо». Таких людей за всю историю можно насчитать не более десятка. Обычно наиболее техничные дзюдоисты получают разряд не выше 5-го дана; остальные даны присваиваются за большой вклад в развитие дзюдо, написание книг, воспитание учеников.

Пять ученических степеней (кю) требуют показа на экзаменах пяти соответствующих групп приемов; при сдаче на пять первых мастерских разрядов (данов) надо также показать соответствующие ката «с полным соблюдением духа дзюдо». Ученики и мастера обязаны провести определенное количество схваток с борцами своего уровня.

Первая фаза броска через плечо сеои-нагэ в дзюдо

Примечательно, что для прохождения традиционной аттестации выступать на соревнованиях не обязательно. Более того, мужчины старше 40 лет, а также женщины не обязаны проводить поединки – надо лишь показать комплексы приемов. Интересно, что сегодня на международных соревнованиях практически все спортсмены носят черные пояса, хотя большинство из них вряд ли знает хотя бы два ката. Считается, что мастер спорта, региональный чемпион или тем более чемпион страны имеет право носить черный пояс. В какой-то мере это разумно, если судить с чисто технической точки зрения, – вряд ли можно поставить под сомнение мастерство чемпиона страны. Однако Кано, вводя систему градации мастерства, подразумевал проверку преданности человека традиционному духу дзюдо. Например, бывали случаи, когда даже способным борцам отказывали в аттестации из-за нарушения дисциплины или этики дзюдо.

Интересное явление произошло с градацией поясов в период введения дзюдо на Западе. Как известно, одними из первых дзюдо переняли французы. Им показалось, что градация поясов недостаточно дробная и из-за этого малопривлекательна. Например, по японской системе обладатели с 6-го по 3-й кю носят одинаковые белые пояса и внешне ничем не отличаются друг от друга. Но европейцам необходимы были звания, дипломы, внешние знаки отличия. На запросы западной публики тут же откликнулся Каваиси, официальный представитель Кодокана, руководивший развитием дзюдо во Франции с конца 30-х гг.. Он ввел большее количество цветных поясов; например, в тех случаях, когда японские

дзюдоисты носили белый пояс, французы, а за ними и все западные борцы стали подвязывать кимоно желтыми, оранжевыми, зелеными и синими поясами. Поэтому сегодня при наличии единой классификации мастерства в дзюдо японские и западные дзюдоисты могут носить разные пояса.

Ступень мастерства	Цвет пояса по японской системе	Цвет пояса по западной системе
6-й кю	белый	белый
5-й кю	белый	желтый
4-й кю	белый	оранжевый
3-й кю	белый	зеленый
2-й кю	коричневый	синий
1-й кю	коричневый	коричневый
1—5-й дан	черный	черный
6—8-й дан	красно-белый	красно-белый
9—11-й дан	красный	красный
12-й дан	широкий белый	широкий белый

Уже в преклонном возрасте Кано Дзигаро поразил своих последователей тем, что стал подвязывать кимоно белым поясом, очень похожим на те белые пояса, которые носят ученики, только чуть шире. Но вскоре они поняли смысл этого символа: великий Кано постиг все премудрости своего искусства. Теперь он по традиции дзэн может вновь «вернуться к истокам» и мистически пережить свою жизнь вновь.

ВОПЛОЩЕННАЯ ГУМАННОСТЬ АЙКИДО

Пока в человеческой душе живет зло, меч будет необходим для пресечения его внешнего действия – меч, сильный и в своей неизвлеченности, и в своем пресекающем ударе.

Иван Ильин

УЭСИБА МОРИХЭИ В ПОИСКАХ СИЛЫ

Жизнеописание основателя айкидо Уэсибы Морихэи (1883 – 1969 гг.) можно назвать, пожалуй, классической биографией восточного мастера боевых искусств. Казалось бы, он отстоит не столь далёко от нас: еще живы многие люди, которые получали наставления непосредственно от Уэсибы, сохранились даже видеофильмы с его лекциями и записями тренировок. Тем не менее биография мастера уже превратилась в традиционное описание

японского эпического героя. Его образ заключает в себе все, что ценит душа японца: физически слабый в детстве и непобедимый в зрелости, патриот, безжалостный к врагам Японии, участник войны (увы, с русскими), религиозный философ и мистик.

Мы привыкли говорить об Уэсибе как о «создателе айкидо». Безусловно, он – ключевая фигура этого направления боевых искусств, личность яркая и интересная. Но был ли он создателем айкидо? Сам Уэсиба с удовольствием соглашался носить это звание и именовал себя «*о-сэнсэем* » «Великим учителем», что было позволительно лишь признанному патриарху всего направления. Попробуем хотя бы в общих чертах разобраться в том, насколько неоспоримым было лидерство Уэсибы.

Морихэи родился 14 декабря 1883 г. и, следовательно, принадлежал к когорте «детей эпохи Мэйдзи». В чем-то биография Уэсибы являет собой как бы слепок с жизни Кано Дзигаро. Так же как и Кано, Уэсиба Морихэи принадлежал к некогда знатному, но полностью разорившемуся самурайскому роду. Его прадед служил в личной гвардии сёгуна. Отец будущего основателя айкидо долгое время был профессиональным инструктором боевых искусств и даже обучал личную гвардию даймё из провинции Кии. Его положение было весьма прочным, а место – доходным, но реставрация Мэйдзи, лишившая самураев их статуса, полностью разорила и семью Уэсиба. Древний род пришел в упадок. Единственное, что смог оставить Морихэи его отец, – самурайскую гордость и понятие воинской чести. Получив хорошее воспитание, приобретя тягу к классической поэзии, живописи – одним словом, к «хризантеме и мечу», Морихэи, к несчастью, был крайне беден.

Морихэи Уэсиба демонстрирует технику айкидо

В классической биографии Уэсибы рассказывается, что юный Морихэи был чрезвычайно слаб и болезнен. Нередко он подвергался насмешкам сверстников, а иногда его просто сильно колотили. И родители отдают его сначала в школу сумо, а затем и плавания, которое тоже считалось самурайским искусством. Плавать Уэсиба научился быстро, а вот сумо оказалось непосильным для него. Естественно, не все школы сумо воспитывали таких гигантов, каких мы привыкли видеть сегодня, но даже минимальный вес борца (70 кг) долгое время оказывался недостижимым для субтильного Уэсибы. Оплеухи и толчки в грудь от сверстников на тренировках просто сбивали его с ног, сам же юный Морихэи не мог даже

оторвать своего противника от земли.

В 1901 г. 18-летний Уэсиба приезжает в Токио, пробует себя в различных видах бизнеса и открывает мелкое торговое дело. Но детская обида продолжает жить в нем, Уэсиба все больше времени посвящает занятиям будо. Еще в родной Вакаяме он приобщился к дзю-дзюцу, считая, что человеку с его телосложением легче будет добиться успеха именно в «гибком искусстве», нежели в сумо. Уэсиба оказался прав: успехи его были столь значительны, что заставляли удивляться даже его учителей. Морихэи стал быстро набирать мышечную массу, и вскоре при росте 155 см он весил уже 74 кг. Теперь это был уже не щуплый юноша, но невысокий атлет с могучими предплечьями и широкой грудью.

Его первым серьезным учителем становится мастер Тодзава Токусабуро, у которого Уэсиба изучал искусство Кито-рю – школу с многочисленными выведениями противника из равновесия и болевыми приемами в стойках, в которой одно время учился и основатель дзюдо Кано Дзигаро. Затем он изучает локальные направления Ходзэи-рю, Дайто-рю, Ягъю-рю. В большинстве школ дзю-дзюцу того времени в равной степени изучали приемы и без применения оружия, и с применением его, поэтому через несколько лет Уэсиба уже блестяще владел длинным и коротким мечами, копьем, длинным шестом.

Дела в бизнесе у Уэсибы шли неплохо, радовался он и своим успехам в боевых искусствах, но тут случилось несчастье – он неожиданно заболел какой-то странной болезнью. Жар мучил его несколько дней, фактически он находился при смерти, и, возможно, лишь прекрасная физическая подготовка позволила ему вернуться к жизни. Уэсиба ослабел настолько, что с трудом двигался, ни о каких дальнейших активных тренировках не могло быть и речи. Свои дела в торговой конторе он совсем запустил. Как предприниматель Уэсиба потерпел крах. Страшная слабость и разорение заставили его вернуться в родительское гнездо в Вакаяме.

Там его здоровье быстро восстанавливается; Уэсиба вновь полон сил и энергии, но Токио со своими жесткими законами не очень привлекает его. В бизнес возвращаться не хотелось, и тут Морихэи овладевает новая идея, которую разделяли многие бывшие самураи. Что является высшей целью самурая, ради чего он тренируется целые дни и чутко спит по ночам, чему посвящает все свои помыслы? Конечно же, защите отечества! Место воина – в армии, решает Уэсиба. Там он вскоре становится инструктором рукопашного боя, а затем с большим энтузиазмом участвует в русско-японской войне. Первые навыки реального боя будущий создатель айкидо оттачивал именно на русских, а судя по тому, что он выжил и даже был награжден за отвагу, делал это Уэсиба весьма неплохо.

Домой он возвращается со славой, но его подстерегает новая болезнь, на этот раз энцефалит. Вновь Уэсиба сражается один на один со смертью. Он выходит победителем, но испытание не прошло даром – что-то изменилось в его душе. Морихэи становится задумчив, сторонится шумных компаний.

Это еще не было решающим переломом в жизни Уэсибы: он по-прежнему активно тренируется, даже предпринимает путешествие по Японии в поисках мастеров. Но теперь он ищет не новые приемы. Теперь Уэсибу влечет другое – неизведанная глубина в самом человеке, та, что порой открывается нам в процессе занятий боевыми искусствами.

Так занятия дзю-дзюцу стали для Уэсибы не просто изучением приемов, но мучительным поиском откровения, отклика Пути внутри себя. Циркуляция потоков внутренней энергии-ки, методы ее концентрации и управления – вот что теперь интересует Уэсибу. Он начинает изучать еще одну школу дзю-дзюцу – Кано-рю, более известную сегодня как дзюдо Кодокана. В значительной степени его привлекает и личность Кано – тонкого интеллектуала, знатока литературы и иностранных языков, человека, который добился величайших успехов уже в молодые годы.

В поисках духовного откровения Уэсиба приходит к старому наставнику дзю-дзюцу Такаки Киэти, который позже знакомит его с Такэда Сокаку – великим учителем школы Дайто-рю айки-дзюцу. Именно эта встреча и стала переломным моментом в жизни Уэсибы. Он обрел не столько учителя, сколько идею – идею гармонии, мира, равновесия, которая

лежит в основе столь жестоких и опасных боевых искусств.

Именно здесь Уэсиба знакомится с мистическим понятием «айки» («соединение энергии-ки», «гармония ки»), которое позже стало основой его собственной системы боевых искусств. Практически всю теорию будущего айкидо, равно как и его название, Уэсиба выносит из школы Дайто-рю, которая поразила его. С такой гармоничной теорией сочетания духовного и практического ему пришлось столкнуться впервые.

Но прежде чем продолжить рассказ о том, как следовал Уэсиба Морихэи по пути воина и мудреца, нам предстоит разобраться в знаменитой системе Дайто-рю айки-дзюцу – именно с нее Уэсиба и «лепил» свое айкидо.

ПРООБРАЗ АЙКИДО: ШКОЛА ДАЙТО-РЮ

Форма проведения приемов всегда выражает некую внутреннюю сущность системы единоборства. Например, прямолинейные, резкие движения каратэ носят явно агрессивный характер, приемы дзюдо воплощают переход податливости и мягкости во всесокрушающую силу. Истинный боец обучается не столько приемам, сколько их внутренней сущности; а следовательно, и его характер может измениться под воздействием того стиля боевых искусств, которому он отдает долгие годы. Он может стать прямолинейным, напористым и агрессивным, может приобрести хитрость и уступчивость, из которой возникает скрытая атака, а может и научиться мягко ускользать от любого столкновения, побеждая противника не за счет своей силы, но именно за счет его агрессивного напора.

В этой «победе без усилий» как в схватке, так и в жизни заключается важнейшая идея айкидо. Но чтобы достигнуть ее, Уэсиба должен был пройти через горнило многих школ дзю-дзюцу, большинство из которых, хотя и именовались «мягким искусством», базировались на жесткой силе и атаке на опережение.

Лишь в одной школе Уэсиба встретил тот арсенал приемов, который, кажется, искал всю жизнь. Нёкогда полузакрытая Дайто-рю в ту пору раскинула свои филиалы почти по всей Японии и широко принимала всех желающих. Но по-прежнему над школой витал дух таинственности. Именно из Дайто-рю айки-бу-дзюцу («Боевое искусство единения энергии-ки из усадьбы Великого Востока») и вышло современное айкидо.

Трактаты школы Дайто-рю и Кито-рю много внимания уделяли методам боя с колен. Начальная стадия приема (слева) именуется «Запад», завершающая – «Восток»

Большинство школ дзю-дзюцу редко распространяли свое влияние за пределы того места, где они возникли. В противоположность этому Дайто-рю сумела обрести сторонников во всех областях Японии. Частично это можно объяснить «царским» происхождением школы – согласно легендам, ее основал один из сыновей императора Сэйва (IX в.), принц Тэйдзюн. Принц якобы обучался у нёкоего буддийского монаха секты Тэндай, который получил свои знания во время паломничества в Китай. Там он познакомился с нёкоторыми разделами искусства *циньна* – «заломов и захватов», – которое базировалось в том числе и на использовании внутренней энергии-ки (*кит* . «ци»). Монахи, следуя буддийской заповеди «непричинения вреда живому», не могли травмировать и ранить людей, хотя буддисты-странники не раз подвергались нападениям во время своих путешествий. А поэтому в искусстве «заломов и захватов», которое перенял от монаха принц Тэйдзюн, практически не было ударов – только броски, которые заканчивались болезненным, но в сущности безопасным удержанием или временным обездвиживанием соперника.

Принц обучил этому искусству своего сына Цунэтомо. Тот решил, не изменяя самого«гуманного» характера движений, несколько расширить арсенал стиля: например, привнес сюда работу с мечом и копьем, а также способы обезоруживания противника. Судя по нёкоторым описаниям той эпохи, новое искусство Цунэтомо не нашло серьезной поддержки при дворе, поскольку многим оно показалось бессмысленным при наличии в руках воинов такого грозного оружия, как меч или трезубец.

Если бы не кровавое противостояние кланов Тайра и Минамото, благодаря которому и поднялось самурайство, может быть, и не возникла бы школа Дайто-рю, а позднее мир так никогда и не узнал бы об айкидо. Во время конфликта между двумя могучими домами Цунэтомо становится на сторону Минамото и начинает обучать лучших воинов этого клана, называя свое искусство «айки-дзюцу».

Таким образом, понятие «соединение ки» *(айки)* появилось применительно к боевым

искусствам еще в IX в. Само же это выражение возникло еще раньше. В Китае, например, точно так же (*кит* . хэци) называли нёкоторые даосские ритуалы, которые практиковались с III в.; позже это понятие перёкочевало и в буддийскую практику, обозначая мистическое слияние энергии человека с энергией всей Вселенной, т. е. с «телом Будды». Кстати, именно таким образом и понимал выражение «айки» сам Уэсиба.

Итак, искусство айки-дзюцу, правда, давно утратившее свой «гуманный» характер, переходит в монопольное владение дома Минамото, а поскольку именно он выходит победителем в междоусобице, то к айки-дзюцу начинают благоволить многие самурайские кланы. В конце XI в. патриархом новой школы становится член клана Минамото, блестящий воин и лекарь Синра Сабуро Ёсимицу, которого чаще звали Минамото Ёсимицу (1056 – 1127 гг.). Он прославился тем, что приглашал к себе лучших инструкторов со всей Японии, создав одну из крупнейших «академий», где занимались боевыми искусствами. Именно он способствовал рождению таких знаменитых школ, как Такэда-рю дзю-дзюцу и школа боя с оружием и военной стратегии Косю-рю-гунпо. Все эти направления чуть позже вольются в школу Дайто-рю, а часть их арсенала можно встретить и в современном айкидо.

Главная усадьба, на территории которой располагался центральный храм рода Ёсимицу, называлась Дайто – «Великий Восток». Здесь и проходили занятия айки-дзюцу, а поскольку в Японии было принято называть школу по имени того места, храма или дома, где занимались боевым искусством, то быстро прижилось название Дайторю – «Школа Великого Востока».

Благодаря своему знанию анатомии Ёсимицу привнес в айки-дзюцу немало методов воздействия на болевые точки, усовершенствовал систему заломов суставов и болевых удержаний.

С тех пор искусство Дайто-рю айки-дзюцу никогда не выходило за пределы этого рода. После смерти Ёсимицу патриархом школы становится его сын Ёсикиё, который переезжает в центральную провинцию Каи (где он унаследовал большой надел земли) и принимает имя, положившее начало новому клану, – князь Такэда. С тех пор клан Такэда стал носителем зачатков айки-дзюцу, и вся дальнейшая история этого боевого искусства связана с последователями Такэда.

Пожалуй, Ёсикиё был первым и последним удачливым Такэда. Этот клан участвовал во многих междоусобицах и даже поднимал восстания. Кончилось все довольно плачевно: в третьей четверти XVI в. князьям Такэда под ударами недоброжелателей пришлось покинуть родовое поместье в престижных центральных районах Японии. Теперь их удел был намного меньше и скромнее. Располагался он на северо-востоке, в области Айдзу. Туда и перемещается центр изучения айки-дзюцу, которое обрело новое название – *айдзу-тодомэ* («метод пресечения нападения из области Айдзу»).

Теперь самым большим знатоком айки-дзюцу стал Такэда Сингэн (Харунобу) (1520 – 1573 гг.), лидер всего клана Такэда. Бесстрашный воин, полный амбиций и жаждущий власти, он бросался из одной военной авантюры в другую. Всем своим воинам он предписал изучать айки-дзюцу, что в значительной степени обусловило его вначале многочисленные победы. В ту эпоху название «айки-дзюцу» объединяло весьма широкий спектр самурайских искусств: *со-дзюцу* (бой на копьях), *тай-дзюцу* (бой без оружия), *нагината-дзюцу* (использование алебарды), *ябусамэ* (стрельба из лука с коня), *гунпо* (тактика сражений), а также множество различных вспомогательных знаний и навыков, таких, как запруживание рек, рытье подкопов и многое другое.

Такэда Сингэн умел привлечь к себе на службу людей, которые в боевых искусствах были гораздо талантливее его. В частности, Ямамото Кансукэ, создателя дошедшего до наших дней замечательного труда «Хэйхо окуги се» («Внутренние секреты боевых искусств», 1580 г.), в котором изложены и даже проиллюстрированы нёкоторые тонкости древнего варианта айки-дзюцу. Самураи Такэда, вооруженные знанием айки-дзюцу, на первых порах были действительно непобедимы.

В 1572 г. клан Такэда под предводительством Такэды Сингэна выступает против

будущего сёгуна Токугавы Иэясу и даже разбивает в первом столкновении его войска. Увы, это оказалась «пиррова победа» – клан Такэда потерял так много воинов, что не мог продолжать борьбу, а сам Сингэн по дороге в Киото был смертельно ранен поджидавшими его ниндзя, которых подослал обидчивый Токугава Иэясу. Лидерство в клане захватил Такэда Куницугу.

И хотя слава клана Такэда по-прежнему гремела по всей Японии, а слово «айки-дзюцу» еще вызывало мистический страх у многих его соперников, в действительности клан сильно ослабел. Богатый правитель области Айдзу Асина Мориудзи уговаривает Такэду Куницугу вместе с его отрядами остаться в Айдзу и не поступать на службу к другим даймё. Выделяет ему огромное поместье и даже предлагает место старшего инструктора фехтования на мечах в своей личной свите.

Правитель Айдзу фактически содержал клан Такэда за свой счет, поддерживая тем самым и развитие айки-дзюцу. Особенно высоко он ценил блестяще вооруженную и отлично подготовленную 15-тысячную конную армию Такэда, которая в мае 1575 г. смяла объединенные войска Токугавы и Оды Нобунаги. Но через несколько лет, в 1582 г., когда клан Такэда возглавлял Кацуери, по приказу Оды Нобунаги против знаменитой конницы были применены кремневые ружья.

Разгром клана Такэда был полным. От знаменитой конницы остались лишь разрозненные отряды, а сам лидер клана Кацуери бежал в свой замок, где совершил харакири. Его примеру последовали все его военачальники – носители высших секретов айки-дзюцу.

Когда клан Такэда жил в области Айдзу, немало местных жителей сумело приобщиться к айки-дзюцу, хотя это боевое искусство прежде считалось исключительно родовым. В 1664 г. была организована первая официальная школа боевых искусств кланов Айдзу, названная Ниссинкан, где и преподавалось искусство Дайто-рю, а в 1674 г. построен огромный тренировочный зал Ниссинкан, где круглосуточно велось преподавание бу-дзюцу.

Хроники донесли до нас сведения о том, что в зале Ниссинкан обучали пяти стилям боя с мечом и двум стилям дзю-дзюцу: Мидзу-но синто-рю и Синме-рю – в сущности в то время это и было айки-дзюцу. В Айдзу существовало свыше сотни частных залов, принадлежавших местным семе, которые предоставляли самураям возможность практиковаться во всех видах боевых искусств, в том числе 22 зала боя на тренировочных (деревянных и бамбуковых) мечах, 14 залов боя на настоящих мечах, 16 залов дзю-дзюцу, 7 залов, где изучали кюдо, 16 полигонов для огнестрельного оружия [159].

Когда в Японии развернулись сражения между сторонниками сёгуната и теми, кто ратовал за восстановление реальной власти императора, кланы Айдзу, прежде всего Такэда, выступили на стороне сёгуна. Решающее сражение произошло осенью 1868 г. при Фусими; войска Айдзу возглавлял знаменитый мастер Дайто-рю айки-дзюцу Таномо Сайго (1830 – 1905 гг.). Практически все воины Такэда полегли на поле сражения, и им не помогло даже знаменитое айки-дзюцу.

Итак, клан Такэда был окончательно разгромлен. Пошли слухи, что многие видели Таномо Сайго убитым на поле боя, а более двадцати его лучших воинов совершили харакири вместе с женами и детьми. Многим казалось, что вместе с Таномо Сайго ушла в прошлое и традиция Дайто-рю айки-дзюцу.

Но Таномо не погиб. Тяжелораненый, он долго скрывался от преследователей из клана Сацума, а затем объявился в родных местах в Айдзу, вновь став во главе клана. Преподавание искусства Дайто-рю айки-дзюцу возобновилось, но в условиях новой Японии это был уже способ зарабатывать на жизнь.

На этом злоключения клана Такэда не закончились. Число его членов быстро уменьшалось, остались лишь воспоминания о былой славе и мощи. Реформы Мэйдзи 1868 г. застали нёкогда великих Такэда в состоянии почти полного обнищания; многие земли были распроданы уже десятилетия назад. Один из последних носителей Дайто-рю айки-дзюцу Такэда Сокаку в поисках средств к существованию переехал на Хоккайдо и объявил об

открытом преподавании искусства своей школы. Так начался совершенно новый этап в развитии древней системы.

СУРОВАЯ ШКОЛА ТАКЭДЫ СОКАКУ

Именно из области Айдзу, из ее знаменитых кланов мастеров дзю-дзюцу и кэндо вышел Такэда Сокаку (1860 – 1943 гг.) – будущий учитель основателя айкидо. Получив по наследству знание высших секретов боя, этот мастер одним из первых начал открывать платные группы айки-дзюцу. Дед Такэды, Соэмон, считался одним из величайших мастеров боя на мечах за всю историю самурайской Японии, а отец был блестящим борцом сумо и даже стал чемпионом среди кланов Айдзу. Сокаку быстро овладевает местными методами фехтования, и его клан решает послать юношу в Эдо, в знаменитую школу кэндо Итто-рю, которой руководил тогда Тома Сибуя.

Приехав в Эдо, Сокаку понимает, что попал к настоящим знатокам кэндо. Он тренируется каждый день, но и этого ему кажется недостаточно. Параллельно он начинает обучаться бою с мечом по школе Дзикисинкагэ-рю у Сакакибары Кэнкити. Мастерство самого Сакакибары Кэнкити было столь совершенным, что его называли «последним мастером истинного кэндо» эпохи Мэйдзи. Школа его была невелика – всего лишь несколько учеников, что объяснялось прежде всего чрезвычайно жесткими тренировками. Кэнкити, свято придерживаясь древней традиции, строго запрещал своим ученикам надевать какие-либо щитки, а поэтому ушибы да и более серьезные травмы здесь не были редкостью. Как ни странно, Такэду Сокаку привлекла именно эта безжалостность к себе во время тренировок: он считал, что только так должен воспитываться настоящий самурай. У Сакакибары Кэнкити он изучает знаменитый «тайный» удар мечом, которым славились воины Дзикисинкагэ-рю. Способ отработки этого удара, который наносился в голову противника по диагонали с небольшим проворотом меча, действительно хранился в секрете в течение 400 лет, и лишь ученики высшего посвящения могли узнать его.

Такэда Сокаку. Являлся наставником стиля Дайто-рю дзю-дзюцу. Отличался крайне суровыми правилами в воспитании учеников

Искусством такого «тайного» удара и овладевает в конце своего обучения Такэда Сокаку. А в 1886 г., когда ему едва исполнилось 26 лет, он получает официальное свидетельство об окончании школы Итто-рю. Теперь он становится носителем сразу двух

школ кэндо и уже решает продолжать обучаться бою с различными видами оружия в Эдо, но семейные обстоятельства заставляют его вернуться на родину. В Айдзу умирает его старший брат, и теперь большинство забот по поддержанию благосостояния клана Такэда ложаться на Сокаку.

В Айдзу он встречает старого друга своей семьи Таномо Сайго – человека, который руководил последним восстанием в поддержку сёгуната в Айдзу, а ныне считался высшим носителем мастерства Дайто-рю айки-дзюцу и был главным настоятелем в синтоистском храме Никко Тосегу в префектуре Тотиги, откуда в его боевую систему и пришли чисто религиозные идеи. В 1880 г. Таномо Сайго берет к себе в ученики Такэду Сокаку, безошибочно увидев в нем того, кто продолжит традицию Дайто-рю.

Обратим внимание на важную деталь: никакой жесткой формы у Дайто-рю не было. Многие мастера привносили в Дайто-рю лучшие элементы из других школ: например, Таномо Сайго стал в рамках Дайто-рю преподавать кэндо школы Итто-рю; методы боя с копьем, алебардой, посохом, защиту голыми руками из школы дзю-дзюцу Косю-рю; защиту голыми руками против меча из школы Ягъю-рю и многое другое.

Такэда Сокаку слыл человёком весьма суровым, порой безжалостным и строго придерживающимся всех традиций и обычаев древних самурайских кланов. Он никогда в жизни не давал себе поблажек ни во время тренировок, ни в обыденной жизни. Того же он требовал и от учеников, изгоняя из своей школы любого, кто проявит недопустимую слабость.

Жесткость и неподкупность Сокаку стали легендой. Рассказывают, что мастер весьма редко улыбался и никогда не смеялся, как и подобает истинному самураю. Нёкоторые привычки Сокаку поражали даже его современников. Так, Сокаку никогда не пользовался чужой посудой; пищу он принимал только из рук своего ученика, который специально готовил для Сокаку. Такой обычай, безусловно, существовал и раньше в самурайской среде, когда отравление известных воинов не было редкостью и приходилось принимать особые меры безопасности. Вряд ли кто-либо стремился отравить Такэду Сокаку – не обладая реальной властью, он никому не мешал, но тем не менее мастер тщательно соблюдал дух и букву всех самурайских предписаний.

После революции Мэйдзи Сокаку яростно осуждал самураев, нарушивших старинные традиции. Кто-то из них занялся торговлей, кто-то начал преподавать в средних школах. Миссия воина – изучать боевые искусства и передавать их секреты дальше; ничего иного Сокаку для себя не видел. Закончив у Таномо Сайго шестимесячное обучение технике Дайто-рю айки-дзюцу, Сокаку решил поддержать еще одну самурайскую традицию и отправился с 1880 по 1898 гг. путешествовать по Японии. В древности считалось, что самурай, завершив обучение основам школы кэндо, должен совершить особое паломничество в ряд наиболее опасных мест и вернуться оттуда живым.

Сокаку никогда не отличался хорошими физическими данными: его рост составлял лишь 150 см, а вес не превышал 52 кг. Однако это никогда не смущало отчаянно дерзкого Сокаку, который принципиально выбирал себе противников значительно выше и тяжелее его самого и сурово расправлялся с ними.

Казалось, Сокаку сам стремился максимально усложнить себе задачу. Например, он сражался с мастерами меча только мечом, с мастерами копья – только копьем, использовал длинный шест против мастеров шеста. Многие из этих поединков заканчивались гибелью противника. Лучшим способом разрешения спора о том, кто из двух соперников сильнее, Сокаку считал смерть одного из них.

Он реагировал на малейшие проступки людей, которые, как ему казалось, могли задеть его самурайскую честь. В анналы Дайто-рю вошла знаменитая история о том, как в 1904 г. Такэда Сокаку расправился с безобидным в сущности американцем Чарлзом Перри, который преподавал английский язык в школе Дайни Коку престижного колледжа города Сэндай в префектуре Мияги, в северной части Хонсю. Однажды Перри, отправившись куда-то на поезде, обратил внимание на пассажира-японца странного вида, довольно плохо одетого, но

при этом занимавшего место в вагоне первого класса и ведущего себя крайне вызывающе. Перри опасался такого соседства; к тому же американец решил, что вряд ли оборванный японец оплатил столь дорогой проезд. Ревнитель порядка обратился к контролеру, и тот проверил билет у маленького японца, которым был Такэда Сокаку. Сокаку же настолько оскорбился, что подскочил к Перри, сделал ему залом лучезапястного сустава так, что бедняге пришлось даже привстать на цыпочки (прием енкадзе), и препроводил его на заднюю, открытую площадку поезда. После этого он отправился обратно в вагон, заперев за собой дверь и оставив ошарашенного американца проводить время на свежем воздухе.

Достаточно было лишь намека на оскорбление (думается, Перри так и не понял, за что ему начали ломать руки), чтобы Сокаку в людном месте ринулся в бой! Нетрудно представить, чем заканчивались реальные попытки задеть честь потомка славного клана Такэда.

Кстати, эта история имела довольно интересное продолжение. Чарлз Перри оказался человёком не обидчивым и практичным, скорее всего предоставлявшим свои услуги не только языкознанию, но и разведке. Он тотчас сообщил в США, что обнаружил лучшую систему боевых искусств Японии – Дайто-рю. Из аппарата президента Рузвельта последовала просьба прислать в США инструкторов Дайто-рю для показательных выступлений с возможностью дальнейшего преподавания. Через нёкоторое время в США выехал один из лучших инструкторов Дайто-рю – Синдзо Нарада, служивший в отделе полиции города Сэндай.

Американцы были поражены эффективностью и жесткостью приемов Дайто-рю. Тотчас была сформирована специальная школа для агентов спецслужб и служащих государственного аппарата. По странной «случайности» в эту группу попал и скромный школьный учитель Чарлз Перри.

Однако через несколько лет преподавание искусства Дайто-рю в США было вытеснено могучим напором инструкторов дзюдо Кодокана во главе с умным тактиком Кано Дзигаро. И о технике айки-дзюцу забыли на десятилетия.

Но вернемся к необычной личности Такэды Сокаку. Его привлекли к работе в полиции в качестве старшего инструктора по боевым искусствам, и он с радостью согласился, поскольку считал, что именно там служил цвет самурайства. Официально преподавать в полиции Сокаку начал в 1898 г.; тогда же он открыл небольшую школу для «гражданских», принимая в нее только потомков самураев. Именно в то время к нему и попал Уэсиба Морихэи (но об этом чуть позже).

Жизнь Сокаку была окружена слухами и мифами, его считали виновником странной гибели многих мастеров дзю-дзюцу, а то и просто бандитом.

Следуя древним традициям самурайской тренировки клана Такэда, Сокаку стремился научиться в равной степени блестяще работать как всеми видами оружия, так и подручными средствами. Как-то раз в 1915 г., когда Сокаку возвращался домой, ему чем-то не понравились дорожные рабочие. В ту пору среди них было немало выходцев из самурайской среды. Сегодня трудно сказать, из-за чего начался спор, но Сокаку, как гласит предание, оказался один лицом к лицу с полусотней здоровенных мужчин. Сначала на него бросилось несколько человек, вооруженных баграми и железными ломами. Сокаку шагнул в самую гущу толпы и расшвырял нападающих. Тогда в руках нёкоторых рабочих появились мечи. Сокаку вырвал меч у одного из них и продемонстрировал древнюю технику кэндо клана Такэда. Девять человек упали замертво, остальные решили не рисковать и ретировались [159].

ПО ПУТИ АЙКИ-ДЗЮЦУ

Что же представляло собой Дайто-рю айки-дзюцу? Прежде всего многими своими чертами, например бросками по круговой траектории, заломами лучезапястных суставов противника, оно напоминало современное айкидо, но было значительно жестче. «Ни один

элемент не должен носить показной характер», – учили в школах Дайто-рю. Бой, ведущийся голыми руками, был всего лишь одной из составных частей техники школы; значительно больше внимания уделялось бою с мечом, боевым багром или клевцом, шестом и другими видами оружия. Из школы Ягью-рю дзю-дзюцу в Дайто-рю пришел раздел «*муто-дори* », который представлял собой способы защиты невооруженного бойца от нападающего с мечом.

К первой четверти XX в. о тайнах этой школы в Японии слышали уже многие, но мало кому воочию удавалось видеть ее и тем более изучать. К Такэде Сокаку начинают стекаться ученики из самых отдаленных районов Японии, а сам Сокаку благодаря неплохим доходам переезжает из скромного дома в роскошный особняк. И вот именно тогда к Такэде Сокаку приходит Уэсиба Морихэи.

За всю жизнь Уэсиба сменил добрый десяток школ дзю-дзюцу. Они превратились в профессиональные клубы, где переплетались древнейшее боевое мастерство и самый примитивный бизнес. Плату мастера дзю-дзюцу принимали не за весь курс обучения, а «по приемам», т. е. ученик платил отдельно за изучение каждого нового приема. В моду вошли дипломы, которые начали выдавать ученикам по окончании курса обучения, как символ уровня мастерства. Одной из таких древнейших школ дзю-дзюцу, быстро переросшей в доходный клуб, и стала Дайто-рю айки-дзюцу.

Школа айки-дзюцу была престижной, но полузакрытой, только для самураев. Уэсиба уже не застал чисто традиционного обучения, когда учитель передавал воспитаннику учение «от сердца к сердцу». Все теперь было по-другому. Уэсиба вынужден был платить за каждый прием, по 300-500 иен, выполняя еще и домашнюю работу в доме учителя. А обучался он около пяти лет. Правда, из этих пяти лет собственно занятиям айки-дзюцу было посвящено чуть более трех месяцев. Уэсиба неоднократно упоминал этот факт то ли как свидетельство собственных уникальных способностей (лишь за сто дней овладел всеми тайнами!), то ли как скрытый упрек своему учителю, далёко не лишенному корысти.

Обучение айки-дзюцу было строго кодифицировано и строилось по «кустовому методу». В основе такого «куста» лежал простейший прием – фактически базовый принцип, который все более усложнялся.

Ценилась не только прикладная значимость приема, но и его красота, изящество, даже замысловатость. «Кусты» приемов неимоверно разрастались, переходя в чисто показные элементы.

Уэсиба безропотно принял правила игры. В айки-дзюцу он нашел именно то, что его волновало: и красивую технику, и философские рассуждения о «гармонии в мире», и методы управления «ки». Чисто боевые аспекты дзю-дзюцу теперь его мало интересовали.

Какую же ступень занимал в иерархии Дайто-рю будущий создатель айкидо? В 1922 г. Уэсиба вместе с двадцатью тремя другими учениками проходит аттестацию у Такэды Сокаку. Он становится обладателем степени «*кёдзю дайри* » – третьей сверху, что означало получение всех базовых знаний школы Дайто-рю. Однако двое его сверстников, проходивших аттестацию вместе с ним, получили более высокую степень «*кайдэн* », а третий – Юкиеси Сагава, в будущем один из руководителей Дайто-рю, удостоился высшей степени «*содэн* », что означало полное знание техники. Разница между «кёдзю дайри», которую получил Уэсиба, и высшей степенью «содэн» была огромна: достаточно сказать, что Уэсибе полагалось знать лишь 118 базовых приемов, в то время как аттестация на высшую степень требовала знания уже 2884 приемов, что и составляло полный арсенал Дайто-рю айки-дзюцу! Помимо этого выпускник школы с высшей степенью должен был продемонстрировать владение длинным шестом, одним и двумя мечами, окованным посохом, копьем, металлическим веером, а также владеть нёкоторыми видами метательного оружия.

Таким образом, Уэсиба высших ступеней никогда не занимал и, как видно, исчерпывающих знаний традиции Дайто-рю айки-дзюцу не получил. Этот факт весьма важен для понимания логики его дальнейших действий.

В том классическом возрасте, когда святые и мудрецы входят в историю Уэсиба покидает остров Хоккайдо и школу айки-дзюцу. Шел 1916 год; 33-летний выпускник с дипломом от мастера Такэды Сокаку возвращался в родную Вакаяму, полный радужных надежд на продолжение обучения дзю-дзюцу...

Смерть отца вызвала настоящее потрясение у Морихэи. На какое-то время он впал в апатию и забросил все дела.

Но затем у Уэсибы появляется другой «отец» – его духовный учитель, синтоист Дэгути Онисабуро, лидер секты Омото-кё. Встреча с ним предрешила всю дальнейшую жизнь будущего создателя айкидо.

В ПОИСКАХ «ВЕЛИКОЙ ОСНОВЫ»

Уэсиба уже подходит к той грани, когда чисто боевые аспекты будо перестали удовлетворять его. Он ищет истину, стремится заглянуть в самую суть человека-воина. Уэсиба не раз слышал истории о великих самураях, которые, достигнув уникального мастерства, удалялись от людей в горы и там достигали просветления.

Кажется, что-то начало приоткрываться Уэсибе во время его обучения айки-дзюцу у Такэды Сокаку. Сам принцип достижения «гармонии ки» в процессе отработки приемов был ему близок и понятен – он сердцем чувствовал, что это его путь. Но школа айки-дзюцу была уже слишком коммерциализована.

Итак, Уэсибе нужен был Учитель – учитель настоящий, духовный, передающий Истину, а не приемы.

Однажды один из товарищей Уэсибы поведал ему, что в горном местечке Аябэ неподалеку от Киото начал преподавание синтоистский наставник Дэгути Онисабуро (в другом чтении – Ванисабуро) (1871 – 1948 гг.). Он проповедовал нёкое «Учение о Великой основе» – *Омото-кё* , которое немногим отличалось от классического синтоизма. К нему и отправляется Уэсиба.

Несколько последних лет Уэсиба метался между постелью больного отца и кумирней Дэгути, будучи не в силах сделать окончательный выбор. Но после смерти отца его уже ничто не удерживало. Вместе со своим учителем и еще несколькими последователями Онисабуро он направляется в скит в Аябэ, где проводит в медитациях и духовных беседах около четырех лет.

Согласно учению Дэгути, у которого к 1930 г. уже насчитывалось около 2 млн последователей, существует нёкое Единое, или Истинное, божество – «Великая основа» *(омото)* этого мира. Оно стоит над миром духов, которые замутняют разум человека, толкают его на неоправданную жестокость, торопливость в решениях, побуждают к желанию выйти победителем любой ценой. Единое божество обладает как бы тремя ипостасями – сущностью, энергией «ки» и душой.

Чтобы познать сущность Единого истинного божества, надо наблюдать за природными явлениями. Для постижения и овладения «ки» Истинного божества необходимо осознать суть вечных превращений и трансформаций в природе. И наконец, для постижения души, то есть высшего проявления Истинного божества, следует наблюдать за состоянием сознания и психики всех живых существ, животных и людей, так как в них и проявляется душа божества.

Дэгути, человек миролюбивый, не осуждал увлечение Уэсибы боевыми искусствами и, более того, считал, что через постижение внутренней сущности будо человек способен осознать высшую цель своего развития – достижение гармонии с Единым божеством.

Дэгути учил, что ответ воина должен быть всегда пропорционален нападению. В древности самурай мог убить такого же, как он, самурая за небрежный кивок, за неправильно вложенный в ножны меч, а простолюдин вообще мог лишиться головы без всякой причины – вспомним хотя бы правило «испытания меча». Дэгути же привил Уэсибе Морихэи другой подход: сопротивление злу должно быть адекватным нападению. Эта мысль и стала основной в идеологии айкидо.

Через несколько лет Уэсиба, пройдя путь от агрессивного воина до миролюбивого философа, решил принести миру новое учение, облеченное в одежды традиционного, а потому и всем привычного дзю-дзюцу.

Духовный наставник Дэгути, внимательно выслушав доводы и рассуждения своего ученика, дает ему благословение: пусть искусство боя служит созданию царства гармонии в этом мире. И вот в 1922 г. Уэсиба Морихэи объявляет об открытии собственной школы, которую он тогда еще традиционно именовал «айки-бу-дзюцу» – «боевое искусство гармонии (или «единения») ки». Но чтобы самому начать преподавание по традиционным правилам, Уэсибе необходимо было взять разрешение у своего наставника в боевых искусствах Такэды Сокаку. Сокаку не возражает и даже выдает Уэсибе официальный документ – «Представительство на преподавание», где поручает ему обучать искусству Дайто-рю айки-бу-дзюцу. Практичный Сокаку в этом документе, дошедшем до наших дней, особо оговаривает, что Уэсиба должен передавать своему учителю по три иены с каждого вступительного взноса ученика. Примечательно, что Сокаку потребовал «отбирать в ученики лишь тех, кто в своем поведении прям и праведен».

Но Уэсиба уже начинает постепенно трансформировать технический арсенал Дайто-рю, о чем, вероятно, Сокаку не знал. Именно тогда и формируется базовая техника айкидо, основанная на двенадцати важнейших способах воздействия на суставы и пяти методах работы корпусом. Ключевой техникой считались броски или заломы рук противника, в то время как удары рассматривались лишь в качестве вспомогательных элементов. Например, перед проведением броска можно было нанести удар по глазам нападающего, чтобы отвлечь его внимание. Так или иначе, весь арсенал айкидо был направлен именно на защиту, а не на нападение; практически все приемы можно применить лишь тогда, когда противник напал первым.

После броска обычно следовал залом руки в лучезапястном, локтевом или плечевом суставах, в результате чего противник не мог продолжать бой, но никакой травмы не получал.

Уэсиба, которому тогда едва исполнилось 40 лет, хотя и был известен в кругах мастеров дзю-дзюцу, отнюдь не находился в первых рядах, а поэтому на создание новой школы никто не обратил особого внимания.

Кано Дзигаро, находясь на посту председателя Комитета по развитию спорта, мог полностью контролировать ситуацию в дзю-дзюцу, особенно в тех школах, которые из небольших любительских клубов превращались в серьезные ассоциации, объединяющие организации в нескольких префектурах. Впрочем, Уэсиба в то время не задумывался над созданием подобной ассоциации и вряд ли полагал, что его стиль когда-либо приобретет всемирную известность. Он работал над структурой своей школы, обращая большое внимание именно на ее идеологию – именно этим его стиль и отличался от десятков

подобных направлений дзю-дзюцу.

Уже начали проводиться первые турниры по каратэ, уже соревнования по дзюдо собирали десятки тысяч зрителей, уже пышным цветом расцвели выдача дипломов и присуждение поясов, а Уэсиба неспешно размышлял над сущностью своей школы. Соревнований и свободных поединков в айкидо нет и до сих пор – сказывается философия самого патриарха Уэсибы. В этом смысле айкидо – уникальный вид боевых искусств.

И все же не стоит думать, что Уэсиба вообще не ориентировался в политических тенденциях будо того времени. Заметив, что школы боевых искусств одна за другой отказываются от термина «дзюцу» (искусство) в своем названии и включают в него иероглиф «до» (путь), подчеркивая тем самым свою духовную сущность, Уэсиба в 1938 г. перёименовывает свое детище из айки-бу-дзюцу в айки-будо. Школа Уэсибы, по-прежнему не очень известная, приобретает статус духовного Пути к «единству ки».

Долгое время сознание Уэсиба находится полностью под контролем его духовного отца. В преподобном Дэгути живет дух миссионерства, проповедничества. Создание на территории Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-го под контролем японцев он воспринимает как большую удачу. Не найдет ли там Дэгути новых поклонников и последователей?

И вот в 1934 г. Дэгути отправляется в Маньчжурию, решив основать там отделение своей секты Омото-кё. Вместе с ним в Китай едет и Уэсиба Морихэи, а также еще несколько учеников.

По-видимому, планы у сектантов были вполне мирными – обучать жителей Маньчжурии японской грамоте, открывать им истину о Едином божестве. Миссионеры развернули весьма активную деятельность, и уже в первые месяцы китайской эпопеи в районе города Мукдена они создали несколько небольших кружков, где обучали Дэгути и Уэсиба.

Неизвестно, познакомился ли там будущий создатель айкидо с методами ушу. Скорее всего нет – ведь он из той плеяды мастеров будо, которая с известной долей высокомерия относилась как к ушу, так и ко всей китайской культуре. К тому же Уэсиба Морихэи приехал сюда не как ученик, а как учитель.

Много странного было в том пребывании Уэсибы в Маньчжурии. О китайском периоде жизни мастера айкидо почти ничего неизвестно.

Япония готовилась к крупномасштабной войне с Китаем, рассматривая Маньчжурию в качестве плацдарма для дальнейшего продвижения как в глубь Китая, так и на территорию СССР. Несложно понять, что все мероприятия в этом районе были тщательно продуманы и спланированы. Создавались многочисленные «ассоциации сотрудничества», «просветительские общества», «под крышей» которых работали японские разведка и контрразведка.

Окончание миссионерской деятельности в Китае также оказалось весьма загадочным. Хотя дела у секты Дэгути шли неплохо и к ним приходило все больше и больше китайцев – жителей Маньчжурии, внезапно император Пу И лично издал указ о немедленном прекращении их деятельности.

Сектанты вернулись в Японию, где у них начались неприятности. Власти, вероятно напуганные ростом влияния Омото-кё, даже арестовывают в 1935 г. Дэгути (это был уже второй арест, первый состоялся в 1921 г.) и разрушают несколько храмов секты. Дэгути был освобожден лишь в 1942 г., но его ученики, в том числе и Уэсиба, вели тайную проповедь Омото-кё.

Если встреча с Дэгути стала переломным моментом в духовном развитии Уэсибы, то китайские приключения открыли новый этап в его организационной деятельности. Он сумел войти в «официоз», повторив тем самым путь Кано Дзигаро. Уэсиба вращается в высших военных и правительственных кругах, куда не допустили бы случайного человека. Примечательно, что за несколько лет Уэсиба сумел приобрести почти такую же славу, как и Кано Дзигаро после многолетних усилий. Конечно, их нельзя сравнивать – Кано уже

находился на вершине государственной спортивной иерархии, – но взлет Уэсибы был воистину поразителен. Примечательно и другое – он прославился сразу же после своей миссии в Китае, хотя, повторяем, многое в его деятельности того периода скрыто тайной.

МИСТИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК: УЭСИБА ПРОТИВ ТАКЭДА

Теперь ему открыт путь вверх по иерархической лестнице государственных структур. Уэсиба мог воспользоваться уникальной возможностью для пропаганды своих религиозных идей и собственной боевой системы.

В 1938 – 1939 гг. **(?)** Уэсиба открывает первую официальную школу айкидо, которую называет Кобукай. Располагалась она при небольшом синтоистском храме Ивами, который в наше время превратился в религиозный, духовный и боевой центр айкидо. Легенды, которыми окружена жизнь Уэсибы, утверждают, что мастер решительно отказывался преподавать в государственных организациях, так как айки-дзюцу можно передавать лишь ближайшим ученикам «от сердца к сердцу». В реальности же это было не совсем так; и когда в середине 1941 г. Уэсибе предлагают стать преподавателем боевых искусств в ряде полицейских школ и центров подготовки диверсантов, он не колеблясь соглашается. Во время войны он преподает сначала в академии для высшего командного состава Рикугун Нагано Гакко (там готовили и современных лазутчиков-ниндзя). Затем параллельно начинает давать уроки в военной школе Рикугун Тояма Гакко, где вводит систему боя с коротким мечом.

Странные отношения сложились у Уэсибы Морихэи с его наставником Такэдой Сокаку. Кажется, Уэсиба и любил его и соперничал одновременно.

Однажды наступил момент, когда Уэсиба уже почувствовал себя самостоятельным мастером. В 1941 г. Такэду тяжело заболел; заключения врачей не предвещали ничего хорошего. Школа Дайто-рю пребывала в глубоком унынии и даже растерянности.

На фоне этого всеобщего траура у предсмертного ложа Такэды весьма странным показалось поведение Уэсибы Морихэи, который был одним из старших учеников Дайто-рю. Воспользовавшись тем, что Такэда уже не мог контролировать ситуацию, Уэсиба резко расширяет самостоятельное преподавание боевых искусств и меняет традиционное название «айки-будо» на «айкидо».

Этот поступок можно было назвать по крайней мере невежливым. Многие нашли более жесткое определение – предательство. Мастер Такэда был еще жив, находился в полном сознании, хотя и не мог вести тренировок. И в этот момент один из его учеников вдруг дает его семейной школе новое название, фактически заявляя о себе как о создателе нового направления. Уэсиба грубейшим образом нарушал все правила традиционной морали.

Когда-то сам Такэда Сокаку выдал своему ученику «Представительство на преподавание», где дословно было сказано: «Предъявителю сего, члену школы дозволяется вести занятия по Дайто-рю айки дзю-дзюцу». Но ни словом не упоминалось о возможности открытия самостоятельного ответвления и тем более об изменении названия, которому к тому времени исполнилось почти 400 лет.

Обстановка стала весьма натянутой. К тому же дела Такэды пошли на поправку. Чтобы доказать, что он еще полон сил, Такэда даже сделал очередной выпад против дзюдоистского Кодокана, который сильно недолюбливал за то, что тот перетягивал у него учеников. В отделе полиции города Мурoран Такэда провел схватку с дзюдоистом 6-го дана и победил его! Последователи Дайто-рю айки-дзюцу были воодушевлены: казалось, к их школе возвращалась былая слава.

А что же Уэсиба? Выздоровление Такэды заставило Морихэи умерить свой пыл; к тому же Уэсиба через посредников получил жесткое предупреждение от лидеров Дайто-рю с требованием соблюдать обычаи.

И все же дни Такэды были сочтены. Вероятно, он и сам предчувствовал близкую кончину и готовился к передаче школы, распределяя обязанности между своими

последователями. Среди них были его сын Такэда Токимунэ, Сагава Юкиеси, Такума Хиса и другие. Уэсибы Морихэи среди первых персон по-прежнему не было. 25 апреля 1943 г. Такэда поехал на север острова Хонсю и там на небольшой станции Аомори вдруг почувствовал себя плохо. В гостиницу города Ито, где он тогда остановился, ученики принесли уже бездыханное тело своего учителя. Так ушел из жизни истинный патриарх айки-дзюцу, который ни разу не был побежден.

Теперь Уэсиба был окончательно освобождился от внутреннего комплекса, который явно испытывал по отношению к Такэде. Пока был жив великий Такэда, Уэсиба всегда чувствовал себя на вторых ролях. Но теперь он может – нет, он должен создать свою школу!

Примечательно, что Уэсиба даже умер в том же возрасте, что и Такэда Сокаку, за несколько дней до годовщины смерти патриарха. Мистический поединок учителя и ученика завершился.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ И УХОД

Обретший полную самостоятельность Уэсиба пользовался огромной популярностью не только среди мастеров боевых искусств, но и в полиции, армии и даже в школах подготовки диверсантов. Но постепенно такие занятия пересталиего удовлетворять. Оставив преподавание в военных школах, Уэсиба занимался только своими учениками и посвящал все больше и больше времени религиозной практике.

Далёко не всегда озарение (сатори) бывает окончательным. Оно может оказаться и одномоментным, но опыт этого переживания сохраняется на всю жизнь. Свое первое сатори Уэсиба испытал в 1925 г., в период окончания аскезы в горной деревушке Аябэ у Дэгути. Это первое переживание было очень ярким и живым. Вот как сам Уэсиба вспоминал о нем: «Однажды, прогуливаясь во дворе, я внезапно испытал странное ощущение, будто подо мной начала дрожать земля. Какой-то золотистый туман стал подниматься от земли и обволакивать меня. В тот же момент я и разумом и телом ощутил яркий свет, и мне показалось, что я понимаю язык птиц, что щебетали вокруг. Внезапно я ощутил близ себя присутствие Истинного божества, духа-творца в его духовном обличии. Тут меня озарила мысль: «Основой всех боевых искусств должна быть любовь ко всему сущему на земле». С того мгновения и на всю жизнь я понял, что весь мир отныне – мой дом, что и Солнце, и звезды принадлежат мне. Высокое положение в обществе, слава, почет, богатство – все это навсегда утратило для меня значение» [200].

Просветление ушло, но воспоминание о мистическом опыте осталось, равно как осталась и мысль о суетности славы на земле. И он удаляется от мира именно тогда, когда все пути к славе для него открыты. Он действует как великий самурай, принцип которого гласит: «Добившись славы – отступай».

Новой обителью Уэсибы стала маленькая деревушка в префектуре Ибараки. Ему уже под шестьдесят, надо подводить итоги своих исканий. И здесь, удалившись от людей, он испытывает второе, более сильное озарение.

У Уэсибы была своя небольшая школа – Кобукай, которую он создал в 1938 – 1939 гг. Новых учеников он брал к себе крайне неохотно, утомленный бесконечной суетой своей прежней жизни. Школа Уэсибы была построена по принципу небольшой религиозной секты. Почти пять лет не выходит он на люди, упорно тренируется, поражая учеников фантастическим мастерством. Тренировки проходили на горных террасах, на узких лесных тропинках, и первые ученики великого мастера приобретали уникальный опыт реального боя. Помимо рукопашного боя Уэсиба делает элементом обязательного обучения владение коротким и длинным мечами, шестом, т. е. все те аспекты, которые изучались в Дайто-рю.

Первоначально тренировки в его школе были чудовищно тяжелы, а порой и жестоки; не случайно ее называли «дзигоку додзё» – «дьявольская школа». Дух гуманности, столь характерный для позднего айкидо, еще не воцарился в залах Уэсибы, а потому травмы и ушибы, переломы и кровавые ссадины не были редкостью – в этом ощущалось влияние

могучего боевого духа Такэды Сокаку.

Теперь в его «дьявольской школе» тренируются люди, которым суждено будет в дальнейшем сформировать облик современного айкидо. Среди них, в частности, знаменитый Годзё Сиода (1905 – 1981 гг.), ставший лучшим учеником Уэсибы. Другой его ученик – Мотидзуки Минору позже стал пионером айкидо во Франции, где одновременно преподавал и «иай-дзюцу» – «искусство одного удара» мечом, причем заслуги Минору были отмечены особой наградой французского правительства.

Но он учит их не только сражаться. Его ученики долгими часами медитируют, постигают сложные ритуалы общения с духами, совершают в храме Ивами длительные церемониалы, не допуская к себе посторонних. Айкидо в ту пору существует в качестве закрытой мистической секты.

Из своего добровольного заточения в горах Уэсиба выходит лишь после окончания войны, переселяясь с ближайшими учениками в Токио. Он решает вернуться к людям и объяснить им духовную истину айкидо, причем не только японцам, но и всему миру. Уэсиба чувствует себя проповедником, духовным наставником, который посредством боевых искусств учит людей гармонии и разъясняет им суетность этого мира.

После войны, когда американские оккупационные власти сняли наконец запрет на занятия боевыми искусствами, школы будо начали бурно развиваться. Восстановило свою активность каратэ, проводились многочисленные турниры по дзюдо, готовились даже международные первенства под эгидой самого Кано Рисени. Американские «джи-ай» занялись дзюдо, узнали о каратэ; японское правительство стало считать боевые искусства неплохой «визитной карточкой» страны за рубежом, а также каналом притока финансовых средств. Уэсибу угнетала такая ситуация. «Будо – не для соревнований», – заявил он. Выход Уэсибы во внешний мир отчасти объяснялся и усилением профанации традиционных ценностей будо. Он считал, что в основе боевого искусства должна лежать «гармония ки», в то время как многие стремились лишь к противоборству. Уэсиба считал, что подлинное боевое искусство не должно иметь ничего общего ни с грубой физической силой, необходимой лишь для того, чтобы свалить противника, ни тем более с любым смертоносным оружием, которое приносит разрушение в этот мир. Подлинное боевое искусство призвано, избегая всякого противоборства, регулировать всеобщее ки, сохранять мир, позволяя всему в природе расти и развиваться.

В 30-е г. Уэсиба еще не мог определиться с названием школы. Сначала он придерживался традиционного названия «айки-бу-дзюцу», не добавляя при этом «Дайто-рю», что должно было одновременно продемонстрировать и преемственность, и отличие от старой школы. Затем он решает отметить собственные заслуги в создании системы – так

рождается название Уэсиба-дзюку айки дзю-дзюцу. Интересно, что у Кано Дзигаро школа Кано-рю дзю-дзюцу стала называться просто «дзюдо». Далее школа Уэсибы меняет еще несколько названий: Кобукай айки-будо, Тэнсин айки-будо (Боевое искусство гармонии ки тела и духа), Такэмусу айки.

Последний раз Уэсиба переименовывает свою школу на рубеже 1941 – 1942 гг. На этот раз школа приобретает окончательное название – «айкидо» (Путь гармонии ки). Его ученик Минору Хираи регистрирует название «айкидо» в центре боевых искусств Бутокукай, являвшемся высшей организацией в Японии в этой области, и с тех пор оно становится официальным наименованием школы. Из айкидо не исчезли эффективные приемы, ловкие заломы руки, мощные броски, но теперь все было подчинено единственной мысли – достижению внутренней гармонии в человеке и его равновесия с миром.

«ЗАБЫТЬ О БОЕВОЙ СУТИ»

Своя школа ко многому обязывает. Продолжение ли это традиции или разрыв с нею? Словно оправдываясь, Уэсиба пишет: «Дело в том, что понятия гармония, единение могут выражаться иероглифом «ай», поэтому я и решился назвать свою школу боевых искусств «айкидо». Действительно, понятие айки уходит своими корнями в глубокое прошлое. Но тот термин, который употребляли воины в прошлом, коренным образом отличается от того смысла, который я вкладываю в это слово. Вот какое значение я вкладываю в айки: айки – это не прием, с помощью которого побеждают врага, „айки« – это путь примирения всего мира, путь, который должен объединить всех живущих в одну семью»[137].

Итак – «свое значение». Наконец-то Уэсиба решился на «свое», хотя десятилетиями воздерживался от чего-то личностного, свято следуя традиции и в душе осуждая Кано Дзигаро. Но теперь можно – он общепризнанный мастер, к тому же годы позволяют ему выступать в области боевых искусств в роли «старца».

Уэсиба уже преодолел боевое начало в боевых искусствах, того же он требует и от других. Для него понятие «ки» – не просто внутренняя энергия человека. Это нёкое единое начало, которое пронизывает весь мир. С одной стороны, это энергетическая основа мира, с другой – его мельчайшие «кирпичики». «Единение ки» – это единение всего со всем, обнаружение мельчайшего в великом, возведение многообразия до Единого вздоха. Следовательно, «Путь единения ки» (айкидо) и есть возвращение к тому первозданному состоянию, состоянию «семени», когда весь мир еще неделим и гармоничен настолько, насколько может быть непротиворечива абсолютная пустота.

Это состояние «единения ки» невозможно объяснить на уровне слов, его можно лишь пережить как откровение, сходное с переживанием религиозного опыта. Мир, в котором «все есть Одно», видится как золотое сияние, как сияющая дымка – именно таким он предстал перед Уэсибой в его просветления.

Удивительное дело – будучи величайшим мастером управления «ки», Уэсиба не пытался никому объяснить, что это такое. Один из его ближайших учеников, Коити Тохэи, позднее основавший собственное направление, вспоминал: «Мастер Уэсиба часто использовал фразы типа «ки-но нагарэ» («ток ки») и „ки музуби« («гармония ки»), но он читал лекции только по текстам секты Омото-кё или использовал имена богов. Он никогда не объяснял, что такое „ки« или как его следует понимать. Он лишь выражал работу „ки« через свои прекрасные и мощные движения» [137].

Айкидо в сознании Уэсибы приобрело вид именно философского учения, и, пожалуй, ни в одном из видов японских боевых искусств духовный аспект не развит столь явно и сильно.

Тот настрой ума, который Уэсиба приобрел, обучаясь у синтоистского наставника Дэгути, он передавал и своим ученикам. Два базовых постулата – достижение единства с Великим Единым через «гармонию ки» и сопротивление без применения грубой силы – стали основой идеологии айкидо.

В идеале, учил Уэсиба, мастер айкидо вообще не должен использовать свою силу – он лишь «заимствует силу» у противника. В этом случае защита будет всегда адекватна нападению, а человек становится, как отмечал Уэсиба, «единым с волей Высшего божества». «Истинное боевое искусство заключается в том, чтобы быть единым со Вселенной. А это значит – объединиться с центром Вселенной», – писал он [137].

Для объяснения своей концепции «пассивного нападения» Уэсиба привлекает древнейшее понятие «мусин» («не-я»), которое пришло в Японию из китайского буддизма и даосизма. Речь идет о полном растворении человека во Вселенной. В состоянии «мусин» человек избавлен от страстей и от чувств. Он не беспокоится за свою жизнь, не страшится смерти, не радуется победам. Человек лишь следует естественному потоку событий. Он следует за движениями противника – и побеждает его, следует за током самой жизни – и не совершает ни одной ошибки. Сам Уэсиба так описывал это «предельное состояние»: «Когда на меня нападают, я остаюсь абсолютно спокойным, и ничто не связывает меня ни с жизнью, ни со смертью. Я все передаю в руки Единого божества Вселенной» [179]. Противника следует рассматривать не как врага, а как партнера, которого надо поставить в такое положение, чтобы он сам помог победить себя.

«Забыть о боевой сути боя» – именно так в конце концов сформулировал внутреннюю сущность своей системы Уэсиба Морихэи. «Я должен любить своего противника и испытывать к нему чувство величайшего уважения, как бы он ко мне ни относился» [179].

СПОРЫ ВОКРУГ ИСТИННОЙ СУТИ АЙКИДО

В том айкидо, которое создавал Уэсиба, существовало немало ритуалов поклонения духам, сложных синтоистских церемониалов и мистерий. Но о-сэнсэй «Великий учитель» – так называли самого Уэсибу – прекрасно понимал, что чисто духовная, полузакрытая сектантская проповедь уже не устроит современных японцев, все больше контактирующих с западной цивилизацией. Нужна иная форма организации, и Уэсиба создает первый массовый клуб айкидо – Айкидо хонбу, который открывает свои двери для всех желающих. А вскоре, в 1948 г., возникает и Ассоциация айкидо – Айкикай. Естественно, ее первым президентом стал сам Уэсиба Морихэи. Уже в это время рядом с ним встал его сын Уэсиба Кисэмару, который сначала был «теневым» президентом Айкикая, а после смерти патриарха уже официально занял высший пост.

В деятельности Айкикая стали принимать участие крупные бизнесмены, которых весьма привлекала внешняя сторона айкидо. Здесь нет соревнований, и многим казалось, что нет и необходимости в утомительных, иногда весьма болезненных тренировках. Здесь практически исключены травмы, а занятия порой напоминают интеллигентную беседу. Уэсиба, запретив соревнования, стремился сохранить духовный облик своей системы, но эпоха сыграла с ним злую шутку: в айкидо приходит все больше случайных людей; к тому же этот вид боевых искусств стал одним из предметов активной профанации за рубежом – во Франции, США, Великобритании.

Годзё Сиода, продолжатель традиций древнего айки-дзюцу

Правда, такое положение дел приносит неплохие доходы. Группа крупных бизнесменов вкладывает немалые деньги в строительство громадного центра айкидо – Ёсинкая, который возглавил один из первых учеников Уэсибы мастер Годзё Сиода. С момента своего открытия в 1955 г. Ёсинкай становится хранителем традиций айкидо и крупнейшей теоретической школой, где иногда читал лекции сам Уэсиба, а затем и его ближайшие ученики.

Сиода, один из самых преданных последователей Уэсибы, все же считал, что старая техника Дайто-рю айки-дзюцу значительно эффективнее новых «изобретений» учителя. И Сиода открыл собственную школу айки-дзюцу. С тех пор он считался основным носителем древней традиции Дайто-рю, причем его фантастическая техника поражала не только японцев, но и многих иностранцев.

В анналах айки-дзюцу осталась забавная история встречи Годзё Сиоды с сенатором Робертом Кеннеди – братом президента США. Когда Кеннеди посещал Ёсинкай, Сиода был представлен ему будущим премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ. Кеннеди сомневался в боевой эффективности айки-дзюцу, и тогда маленький Сиода без труда в одно мгновение уложил на землю огромного телохранителя Кеннеди, который попытался толкнуть его. Кеннеди, рассмеявшись, в шутку предложил разогнать всех своих телохранителей и набрать новых из школы Ёсинкая.

Рост популярности айкидо в 50 – 60-е гг. был поистине фантастичен. В июле 1954 г. многие высшие награды Всеяпонского фестиваля боевых искусств завоевывают представители не каратэ, как ожидали многие, а айкидо, в частности Годзё Сиода. Примечательно, что он выступил на фестивале как носитель собственной школы Ёсинкай айки-дзюцу, явным образом дистанцировавшись от айкидо; направление же Уэсибы было представлено талантливым мастером Коити Тохэи, который позднее стал шеф-инструктором Центра айкидо в Токио, а затем также создал свою школу.

Открываются университетские клубы айкидо. Первым принимает эту систему Университет Васэда, который ранее одним из первых принял у себя сначала дзюдо, а потом

несколько стилей каратэ. И здесь уже обучение становится поистине массовым: сотни студентов Университета, тысячи простых слушателей приходят на эти занятия. Детище Уэсибы стало уже неподконтрольным его создателю.

Уэсиба же в этом причудливом мире будо держался особняком. В айкидо уже правили бал другие; сам же Уэсиба Морихэи был живым воплощением духовного начала «гармонии ки». Единственное, чего требовал Уэсиба, – сохранения строгой иерархии и соподчинения. До сих пор во всем мире официальные национальные организации айкидо существуют исключительно как филиалы Айкикая и создаются лишь с его согласия. Остальные считаются «неофициальными» и стоящими вне истинной традиции айкидо. Все это – отголосок ранних исканий Уэсибы Морихэи, следствие религиозно-сектантского типа его организации.

Уэсиба Морихэи даже в семидесятилетнем возрасте без труда сваливал двух противников

В конце жизни Уэсиба активно общался с духами, считая, что они принимают участие в создании айкидо; а в префектуре Ибараки, в Ивами, где патриарх провел последний период своей жизни, был построен синтоистский храм Айки. Сюда каждый год 29 апреля приезжают поклонники айкидо со всего мира. В храме располагаются священные статуи сорока трех

духов-хранителей, которые оберегают мистическую сущность айкидо и дают последователям этой системы силу Вселенной.

Уэсиба провозглашает учение об «Истинном будо», основанное на проповеди «вселенской Любви, которая в равной степени распространяется по всей Поднебесной и была там во все времена». Исток этой любви – Высшее Божество, Верховный Дух. «Те, кто не согласен с этим (с принципом Любви. – *А. М.*), не могут пребывать в гармонии с Вселенной. Их боевое искусство представляет собой нечто разрушительное. Следовательно, совершенствоваться лишь в технике, побеждать и проигрывать – это не есть Истинное будо. Истинное будо не знает поражения». «Никогда не проигрывать» означает «ни с кем не бороться».

Образ самого Уэсибы как носителя «Истинного будо» канонизируется еще при жизни. Он превращается в живое воплощение айкидо, точнее – его мистического аспекта. Сохранились кадры: Уэсибу, убеленного сединами старца, выводят на помост под руки два ученика. И вдруг этот на вид немощный и бессильный старик в мгновение ока преображается. На него нападают несколько противников сразу, нёкоторые вооружены мечами и короткими ножами, и Уэсиба без видимых усилий разбрасывает их в стороны, сталкивает одного с другим, обезоруживает, а они оказываются совершенно беспомощными! Не случайно последователи основателя айкидо утверждали, что мастерство Уэсибы «не от мира сего» и его нельзя объяснить ни блестящим знанием техники, ни удивительным хладнокровием, ни боевым опытом. Коронным номером в показательных выступлениях 85-летнего Уэсибы была защита одновременно против трех огромных нападающих, вес каждого из которых был свыше 100 кг. В старости вес самого о-сэнсэя Уэсибы не достигал и 50 кг, и тем не менее нападающие непостижимым образом валились на татами или наталкивались один на другого. Перемещений самого Уэсибы никто заметить не мог; рассказывали, что порой он просто на мгновение исчезал из виду и появлялся в метре от того места, где только что находился.

Уэсиба Морихэи, последователь учения Омото-кё, многое привнёс из него в свою школу айкидо. Здесь он демонстрирует контратаку пальцем в шею перед броском

Годзё Сиода, один из лучших учеников Уэсибы, который, однако, так и не принял душой айкидо, придерживаясь старой эффективной техники Дайто-рю айки-дзюцу, тем не менее отдавал дань удивительной жизненной энергии своего учителя. Годзё рассказывал такую историю. Однажды к уже пожилому Уэсибе обратился адмирал Исаму Такэсита с просьбой провести показательные выступления по айкидо перед императорской семьей. Срок выступлений был уже назначен, но за несколько дней до этого Уэсиба заболел желтухой. Болезнь протекала очень тяжело. Передвигался он только при помощи своих учеников, которые уговаривали его отложить выступления. Но Уэсиба решил несмотря ни на что выйти на татами.

Как только нога старого учителя коснулась татами, он преобразился: его глаза заблестели, изменилась осанка, движения стали точными и уверенными. Он почти 40 минут в быстром темпе, ни разу не остановившись, показывал приемы. Его ассистент Юкава пытался сначала двигаться медленно, чтобы не утомлять учителя, но такая «помощь» закончилась для Юкавы весьма плачевно – Уэсиба не собирался играть в «поддавки», и в результате применения одного из приемов у ученика оказалась сломана рука.

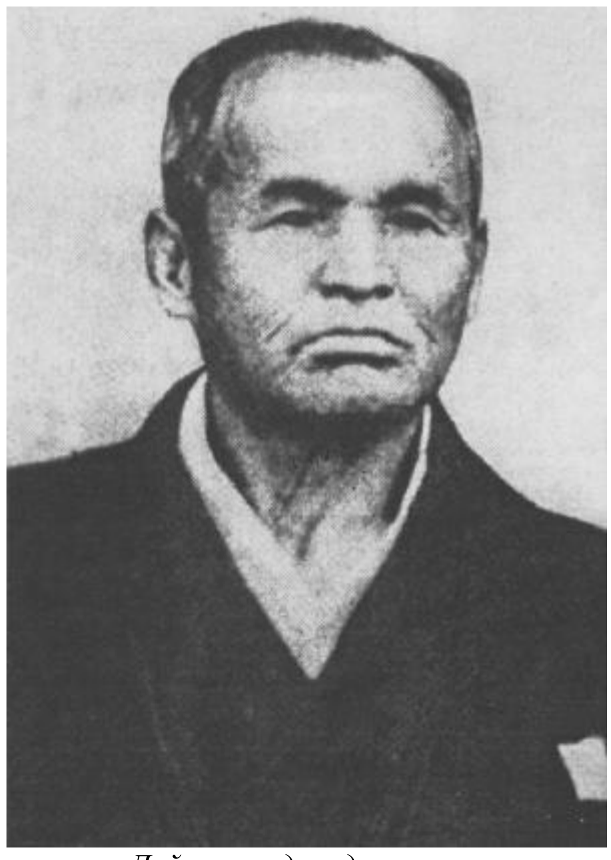
Показательные выступления не прошли для Уэсибы даром – больше недели он лежал с

высокой температурой. Но эффект был достигнут – самые высшие круги Японии были очарованы как самим Уэсибой, так и его системой.

Мистическая слава Уэсибы сопровождалась постоянной критикой в адрес его личности, которая не утихает до сих пор. Одни оказались недовольны тем, что Уэсиба приписал себе заслугу основания системы айкидо, патриархом которой следует считать все же Такэду Сокаку. Другие не одобряли поведение Уэсибы по отношению к учителю Такэде в последние годы жизни.

К тому же вызывала весьма серьезные сомнения и «боевая суть» системы, которую проповедовал Уэсиба. Многих мастеров дзю-дзюцу и дзюдо в немалой степени смущали многочисленные чисто ритуальные движения айкидо.

Уэсиба умел убеждать – под его магическое обаяние попадали сотни людей, как юных учеников, так и вполне зрелых последователей боевых искусств с многолетним опытом. И первоначально они не замечали, что подавляющее большинство приемов, изучаемых в залах Уэсибы, в боевой ситуации применить абсолютно невозможно. «Подобно тому, как ночь сменяет день, любое положительное явление может иметь и отрицательные стороны. Подобное произошло и с айкидо. При том, что система Уэсибы, возможно, и формировала лучшую „личность» за счет того, что делала упор на укрепление характера и духовные аспекты, многие приемы школы выродились до такой степени, что стали неприменимы на практике. Теперь выполнение многих из них стало возможным только в том случае, если противник «помогал» сам себя бросить» [159]. Если читатель подумает, что перед ним мнение какого-то ярого противника айкидо, то он ошибется. Это слова одного из самых известных современных мастеров айкидо Обаты Тосиро.



Такэда Сокаку, мастер школы Дайто-рю дзю-дзюцу

Отсюда становится ясен и запрет на проведение соревнований и вообще свободных поединков в айкидо – на основе той техники, которую преподавал Уэсиба, любой поединок был невозможен. Не существовало ни тактики построения поединка, ни реальной защиты от тяжелых ударов. Стоя на перепутье между боевым искусством и его ритуально-

танцевальным переосмыслением, Уэсиба все больше склонялся к последнему.

Патриарх ушел из жизни 26 апреля 1969 г. Но его последователи считают, что он превратился в одного из духов-хранителей, и теперь в храме Айки в Ибараки регулярно устраиваются молитвенные церемонии в его честь.

Итак, несложно сделать вывод: Уэсиба основал не столько школу боевых искусств, сколько религиозную секту, а точнее – продолжил традицию Омото-кё. Не случайно его ученики вспоминают, что все лекции Уэсибы базировались на классических текстах Омото-кё.

Айкидо времен Уэсибы держалось прежде всего на религиозном опыте одного человека. Он именно переживал айкидо, он смотрел на его приемы как на религиозное священнодействие; при этом истинный смысл движений был как бы скрытым, потаенным и открывался лишь во внутренней мистической реальности.

Но многие ученики искали в айкидо именно боевое искусство, пускай с существенным оттенком философии и духовной практики. Отчасти и сам Уэсиба был виноват в создавшейся ситуации. Пытаясь объяснить духовные истины, он использовал для этого лишь методы боевых искусств, в то время как сам прошел полный курс обучения в классической синтоистской секте.

Несмотря на железное организационное единство Айкикая, многие прямые и непрямые ученики Уэсибы сразу после смерти мастера стали быстро открывать свои собственные школы. Нёкоторые даже устремились за рубеж, в основном в США и Францию, где с удовольствием рассказывали о «магическом мастерстве управления энергией ки».

БОЙ КАК КОСМИЧЕСКИЙ СИМВОЛ

Учеников у Уэсибы оказалось немало – это в основном обнаружилось после его смерти. Далёко не всем из них нужна была религиозная традиция: ведь для ее постижения требовались немалое подвижничество, многие годы упорной внутренней работы. Человек вступал в сложный и весьма опасный мир духов (вспомним, что Уэсиба специально читал лекции об умении общаться с духами); он мог быть захвачен ими, испытывать сильнейшие галлюцинации, в том числе и иллюзии собственной силы и могущества. Не каждому это было по силам; к тому же в современном мире (особенно когда айкидо перешагнуло границы Японии) идеи синто и общения с духами многим казались просто курьезом.

Целые пласты классического айкидо начали утрачиваться, хотя практически все школы до сих пор строго придерживаются единого технического канона. Эта техническая сторона стала заслонять внутреннюю сущность айкидо. Многие предпочли айкидо каратэ или другим видам восточных боевых искусств лишь потому, что считали его более легким для освоения, так как в айкидо нет ударов, изнуряющих тренировок, опасных поединков – все изящно и эстетично.

Школа Айкикай, созданная Уэсибой Морихэи и возглавляемая затем его сыном, испытывала удары с разных сторон.

Прежде всего это традиционная школа Дайто-рю айки-дзюцу, которую до сих пор возглавляет Такэда Токимунэ – сын великого Такэды Сокаку, учителя Уэсибы. Активно действует школа другого лучшего ученика Такэды Сокаку – Хисы Такумы. Близок к ней как по духу, так и по технике ряд других школ айки-дзюцу. Годзё Сиода, руководитель школы Ёсинкай, тоже не принял новшества под названием «айкидо» и обучал исключительно старой боевой технике Дайто-рю айки-дзюцу. С другой стороны, стало популярным направление личного ученика Уэсибы Томики Кэндзи, который активно выступал за введение в айкидо показательных выступлений и постепенное превращение его в зрелищный вид спорта.

Безусловно, айкидо значительно изменилось за несколько десятилетий. Обладая огромным арсеналом приемов (лишь основных технических действий насчитывается около 3 тыс., а вместе с вариантами их существует более 10 тыс.), эта система в силу личных

пристрастий разных мастеров, их физиологии и менталитета не могла оставаться неизменной. К тому же активно развивались зарубежные школы айкидо, чьи руководители когда-то обучались у самого Уэсибы Морихэи, а затем оказались в отрыве от него. Именно таким образом развивались школы на Гавайях (там Уэсиба преподавал в 1961 г.), в Бирме, Австралии. При формальном единстве Айкикая существуют значительные различия и в технике приемов, и в трактовке ряда принципов. Коити Тохэи (род. 1920 г.) с болью писал об этом: «Когда он (Уэсиба Морихэи) ушел от нас в 1969 году, его последователи стали заниматься лишь техникой айкидо, забывая о принципах ки или работе ки, которая не может быть видна. Я же всегда говорил о тренировке ки, подразумевая под этим особый путь единения разума и тела для того, чтобы стать единым с ки Вселенной, и именно на этой основе обучал технике. Однако многие другие инструкторы не могли уяснить смысл ки. Поэтому я основал в 1975 году школу Синсин тойцу айкидо (айкидо единства души и тела)» [137].

Как видим, бывший шеф-инструктор Центра айкидо и личный ученик Уэсибы (с 18 лет) Коити Тохэи также решил создать свою собственную школу, объяснив этот факт все тем же «возвращением к истинному смыслу слов учителя». В основу школы Синсин тойцу айкидо легли четыре базовых принципа, которые так или иначе затрагивали работу «ки»: «вытягивание ки», «сохранение единой точки», «полное расслабление», «сохранение веса тела внизу».

«Продлению тока ки», или «вытягиванию ки», учил еще сам Уэсиба. Именно в этом и заключался секрет сверхмощи мастера айкидо. Например, если обычный человек вытянет вперед руку, то любой другой мало-мальски сильный человек без труда сумеет пригнуть ее к земле, хотя бы за счет веса своего тела. Мастера айкидо идут как бы от обратного: вместо того чтобы напрячь руку, они предельно расслабляют ее и представляют, как она наполняется могучим током «ки», доходящим до кончиков пальцев, словно шланг наполняется водой. Причем мало просто сознательно представить, как «ки» направляется в руку; необходимо еще и спокойное состояние сознания, или, как говорят мастера айкидо, «позитивное сознание».

Благодаря «продлению тока ки» боец не становится физически сильнее – он просто обретает иное качество силы, несопоставимое с силой мускулов. Здесь важен принцип «сохранения единой точки», который заключается в том, чтобы сохранять недвижимым центр равновесия, находящийся на несколько сантиметров ниже живота, – *тандэн* . Это скорее психологическое состояние, нежели физическое; не случайно говорят: «Недвижимое сознание и есть недвижимое тело». Боец представляет, что его центр равновесия – это и есть центр всей Вселенной. Если противник толкает мастера айкидо, то вместо того чтобы сопротивляться силе, мастер айкидо просто немного повернется, как колесо, и «снимет» усилие противника со своего тела, сохранив собственный центр равновесия («ось колеса») недвижимым.

Этому учил еще Уэсиба. Он говорил: «Тот, кто овладеет тайной айкидо во Вселенной и в самом себе, тот может сказать: «Вселенная – это я». Вот почему, когда противник пытается меня атаковать, он сталкивается с самой Вселенной, гармонию которой он желает разрушить. И в тот миг, когда он только решится померяться со мной силами, он уже побежден» [179].

При этом «вес надо сохранять внизу», т. е. представлять, как вес всего тела перемещается вниз, и тогда боец становится похож на куклу-неваляшку, которую можно наклонить, но она все равно обретет первоначальное положение.

В айкидо всякое действие и даже различные части туалета айкидоиста носят символический характер. Например, бойцов айкидо узнают по широким штанам черного цвета – *хакама* , которые надеваются поверх обычных белых штанов кимоно. Верхняя часть одежды – *доги* заправляется в хакама. Традиционно эти широкие штаны являлись обязательной частью самурайской одежды; они могли быть церемониальными, из дорогого материала, и повседневными. Хакама, заимствованные Уэсибой из самурайского туалета,

обрели в айкидо двойное назначение.

Прежде всего противник не может четко различить передвижения айкидоиста, одетого в такие широкие штаны, и разгадать его боевой план. Кроме того, не видны и небольшие ошибки в постановке ног бойца, что невыгодно сопернику. Сегодня хакама носят лишь обладатели высших ступеней в айкидо, а иногда еще и женщины. Практическая ценность хакама заключается и в том, что верхняя куртка доги не выбивается из-под пояса, как это часто бывает во время поединков у дзюдоистов.

Расширяющиеся книзу треугольные хакама вызывают ощущение устойчивости и, как считают сами мастера айкидо, чувство уверенности в собственных силах и спокойствие. Практическая и эстетическая функции хакама дополняются символической. Черный цвет хакама резко контрастирует с белым доги, а следовательно, пояс хакама является границей между двумя началами, которые в синтоизме могли пониматься как добро и зло, жестокость и гуманность.

Существует даже особый символический способ складывания хакама, причем каждое движение соотносится с магическим действием, характерным для самурайского ритуала. Например, когда хакама уже сложены в виде четырехугольника, остается еще и особая хитрость – складывание длинного пояса, продетого в штаны. Сначала оба конца пояса скрещиваются по центру – это называется «проходить через центр Вселенной». Затем один конец поддевается под другой – «управлять самим собой» – и завязывается сложным узлом – «идти по правильному пути». Таким образом, даже выполняя столь рутинную операцию, айкидоист переживает мистический процесс соприкосновения с Вселенной и овладения собственным сознанием.

Все, о чем писал в последний период своей жизни Уэсиба, представляло собой несколько упрощенное изложение учения Омото-кё. Правда, люди, незнакомые с синтоизмом, рассуждения о любви к Высшему божеству и «любящей защите», «высшем разуме, что служит миру между всеми человеческими существами», об айкидо как о «несопротивлении», о единстве с Вселенной воспринимали словно новые откровения. К тому же сам Уэсиба по практическим соображениям старался не подчеркивать религиозно-сектантскую суть учения айкидо («Истинного будо») и, более того, дерзко ставил айкидо выше всякой религии. Он специально отмечал: «Когда меня спрашивают, взяты ли мои принципы айки-будо из религии, я отвечаю – «нет». Мои принципы Истинного будо дополняют все религии и ведут к их совершенству».

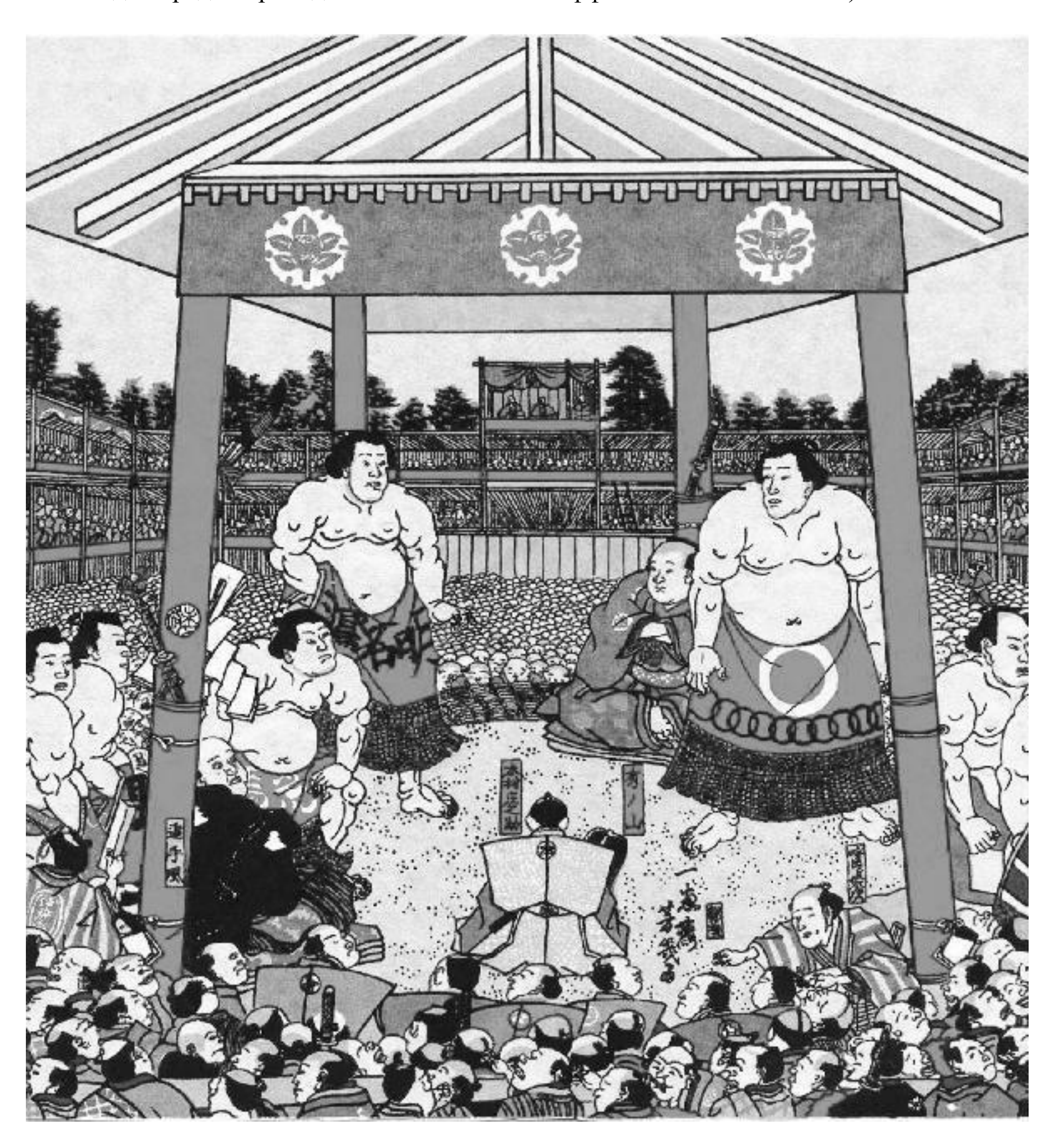
Если для Уэсибы многое в теории айкидо имело чисто религиозный смысл, то для множества его последователей нёкоторые понятия утрачивают свою мистическую и духовную подоплеку. Для них существует просто особая этика айкидо. Например, принцип «непричинения вреда живому» обращается в особую концепцию ненанесения вреда другому человеку.

В конце жизни Уэсиба провозглашает, что в основе айкидо лежит даже не использование «ки», а вселенская любовь *(аи)* . Правда, речь идет о любви не к людям (в японской традиции это не провозглашалось), а к Высшему божеству. Он пишет: «Истинное будо – это работа любви. Это особый труд давать жизнь всем существам и не убивать их, не бороться ни с кем. Любовь позволяет обнаруживать божественное во всем окружающем, и поэтому ничего не может существовать без этого. Айкидо – это реализация такой любви... Именно любовью мы способны очистить других» [137].

Сегодня в мире существует десяток систем, более приспособленных для самозащиты, для нужд реального боя, и схватка айкидоиста, например, с боксером будет весьма проблематична для первого. Но вряд ли такое сравнение можно считать корректным. Айкидо – это, несомненно, боевое искусство; просто по западным стандартам мы привыкли называть «боевым» лишь то, что можно реально применить в бою. Естественно, этот стереотип был перенесен и на айкидо. Но дальневосточная культура вообще и японская культура в частности знали немало видов боевых искусств «не для боя». Нелепо оценивать расписную вазу тончайшего фарфора по тому, сколько воды она может в себя вместить, или резной

столик, инкрустированный перламутром, – по числу тарелок, которые на него можно поставить. Существует ценность красоты вообще, и она стоит вне прагматики. Это подведение вещей к пределу красоты и изящества, за которым скрываются даже сами функции вещи, прекрасно освоили мастера восточной традиции.

Айкидо оказалось явлением того же порядка. Прикладная сущность приемов отошла на задний план, их эффективность стала неважна для ментальной и духовной практики (хотя публике айкидо нередко преподносится именно как эффективная система боя).



СУМО: БОЙ, ПЕРЕШЕДШИЙ В ПРАЗДНИК

КИТАЙСКОЕ «ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО»

То, что сразу вспоминают люди при упоминании о сумо, – это огромные фигуры борцов с чудовищными жировыми складками. Действительно, вес в сумо играет, пожалуй,

решающую роль, так как там весовых категорий не существует. Средний вес борца 110 – 120 кг, а у чемпионов вес нередко достигает 150 – 170 кг.

Мы не найдем в Японии другого явления столь же признанного всеми, как сумо. По популярности эта борьба намного превзошла даже дзюдо, не говоря уже о каратэ или айкидо, которые, без преувеличения находятся на задворках славы сумо. На первый взгляд, такая популярность сумо может показаться загадочной. Из-за огромного веса борцов (их называют «рикиси» – «силачи») схватка не столь зрелищна, как в дзюдо; здесь не увидишь эффектного броска через спину, когда ноги борца взлетают выше головы. Нет здесь и стремительных ударов, как в каратэ, хотя психологического напряжения в схватке борцов сумо никак не меньше, а то и намного больше, чем в любом другом виде японских боевых искусств.

Борцов сумо в Японии сегодня всего лишь две-три сотни, но их имена и подробные биографии (порой мифологизированные, умело составленные их менеджерами и промоутерами) известны каждому любителю сумо. Шесть раз в год – в январе, марте, апреле, июле, сентябре и ноябре – проходят грандиозные 15-дневные турниры по сумо, сопровождаемые уличными шествиями под громкие удары барабана и собирающие тысячи зрителей. Трансляция состязаний идет по всей Японии.

В древности большинство турниров по сумо было посвящено синтоистским божествам. Один из самых грандиозных «праздников борьбы» – соревнования в день знаменитого храма Компира в провинции Сануки (ныне префектура Кагава) в десятом месяце по лунному календарю. В храме почитали божество Компира, покровительствующее мореплавателям, и поэтому удачно проведенный турнир мог принести счастье морякам в их дальних странствиях.

Практически все традиционные самурайские боевые искусства в Новейшее время так или иначе утратили былое величие. И лишь сумо, уникальный вид боевых искусств, пережил все взлеты и падения самурайских будо. Ни один турнир по кэндо или дзюдо не собирает сегодня в Японии столько восхищенных поклонников, сколько соревнования по сумо.

Откуда же такая неимоверная популярность сумо; чем оно зачаровывает даже современных, весьма прагматичных японцев? Ответ здесь один: сумо является обобщенным символом японской традиции, идеалом мужества, чисто «мужским» занятием. И этот идеал есть противовес игровой утонченности дзэнской японской культуры средневёковья. Не случайно сумоист для японской традиции – не просто борец, но именно «силач» – рикиси.

Но вот парадокс – искусство, которое ныне превратилось едва ли не в символ японской нации, не является японским по происхождению.

Существует немало версий возникновения сумо, но сегодня историки так или иначе сходятся на том, что сумо пришло из Китая. Правда, вопрос о времени его вступления на Японские острова до сих пор остается открытым. Изданная в Японии книга «Начало сумо» называет дату первого упоминания об этой борьбе – 23 г. н. э.

Японские авторы неизменно придерживаются той точки зрения, что борцы сумо существовали в Стране восходящего солнца уже в VII – VIII вв. В частности, ссылаются на историю из японской хроники XIII в. «Кодзики», повествующей в том числе и о походе японцев («племени Ямато») на северо-восток острова Хонсю против местных племен. Один из племенных вождей Такэминаката-но ками вызвал на поединок предводителя другого племени – Ямато, заявив, что если тот одолеет его, то без боя получит всю территорию. Бойцы сошлись в рукопашной схватке, и японец выиграл бой.

Но никакого описания системы, хотя бы отдаленно похожей на сумо, мы здесь не встречаем – перед нами обычная схватка воинов, упоминаниями о которых изобилуют древние хроники всех народов мира.

Другую версию можно встретить почти во всех книгах, посвященных боевым искусствам Японии. Это первое исторически зафиксированное упоминание о борьбе без оружия. И поклонники каратэ, и последователи дзюдо, и тем более идеологи сумо относят его на свой счет.

А история, приведенная в древнем трактате «Нихонги» («Анналы Японии») такова. В

230 г. до н. э. в провинции Идзумо сошлись в поединке местный житель Номи-но Сукунэ и некий Кэхай из области Тадзима. Схватка продолжалась долго; наконец Номи-но Сукунэ мощным ударом ноги сломал ребра своему противнику, опрокинул его на землю и растоптал в прямом смысле слова. Многие авторы склонны считать, что это и было одно из первых состязаний по сумо [6]. Правда, не очень понятно, почему такой способ боя причисляют именно к сумо, где ударов не наносят, и тем более топтать противника не принято. Скорее всего это была схватка вне правил, как нередко практиковалось в древности, и ни к какой конкретной системе боевых искусств ее отнести нельзя.

Несложно заметить, что все эти версии так или иначе пытаются утвердить самостоятельность японского сумо, его независимость от Китая. И все же авторитетная японская «Энциклопедия спорта» однозначно признает: «Японское сумо, с одной стороны, и китайская борьба цзюэди и кулачный бой, с другой стороны, связаны между собой». Сказано весьма мягко и тактично, если учесть, что японское «сумо» есть практически полная калька с одноименной китайской борьбы (*кит* . «сянпу»). Этот факт настолько очевиден, что его не могут не признать серьезные японские ученые. Например, японские археологи, исследуя древние изображения на каменных барабанах и плитах, сумели установить даже то место в Китае, откуда сумо пришло в Японию, и определить, когда это произошло. Дело в том, что разновидностей борьбы сянпу в Китае было бесчисленное множество; фактически это название в древности являлось собирательным для всех типов боя без оружия. Первоначально, руководствуясь простой логикой, предполагали, что сумо вышло из приморских районов, так как именно оттуда легче всего добраться до Японии. Но в реальности все оказалось иначе. Истоки того варианта сянпу, который перёкочевал на Японские острова, находятся в китайской провинции Цзилинь, скорее всего в уезде Цзиань [36]. Именно в этом уезде в погребениях были найдены уникальные изображения, точно повторяющие позиции и приемы сумо. Относятся они к III – V вв., хотя это отнюдь не значит, что именно в то время сумо распространилось в Японии. Термин «сянпу» активно входит в китайский лексикон в эпоху Сун (X – XIII вв.), именно тогда сянпу и проникает в Японию.

Состязания по сумо, которые проводились при императорском дворе в Японии, абсолютно точно повторяли состязания по сянпу. Китайские летописи неоднократно упоминают о приезде в столицу на эти турниры японских визитеров, которые были не прочь поучиться сянпу. Именно тогда сумо и становится сначала частым гостем, а затем и полноправным хозяином японских национальных праздников.

К XVIII в. понятие «сянпу» практически полностью исчезло из китайского лексикона, хотя многочисленные разновидности этой борьбы продолжают фигурировать под другими названиями, например «шуйацзяо». (Кстати, борьба шуйацзяо сохранилась в Китае до сих пор.) А вот в Японии термин «сумо» прижился и пережил своего китайского прародителя.

Широкое распространение в Японии эта борьба получила лишь в XVII в., когда ее начали именовать «Дай сумо» – «Великое противостояние»; а спустя столетие, наконец, завершилось формирование того вида сумо, который нам известен сегодня. Именно в ту эпоху идеалом становится огромный борец чудовищного веса (во всяком случае, несопоставимого с ростом и весом средних японцев). Такими борцами (*рикиси)* начинают восхищаться, им выделяют значительное жалованье, они окружены почетом и уважением даже со стороны заносчивых самураев, а состязания по сумо любят посмотреть не только на народных праздниках, но и при императорском дворе. Несомненно, по популярности сумо заметно обогнало своего китайского предка, хотя по внешней форме недалёко ушло от него. При императорском дворе в Киото раз в год проводились особые турниры (*сэтиэ-дзумо*). Но по сути это было еще не сумо, а некий вид борьбы – дальний прообраз сумо.

Теперь нам становится ясно, почему древнее и современное сумо так отличаются друг от друга. Они просто «однофамильцы», так как в древности в Японии «сумо» называлась любая борьба. Это были и спортивные турниры по правилам, которые менялись от состязания к состязанию. Это могла быть и тренировка воинов, действо, развлекающее

аристократов при императорском дворе. Одним словом, под сумо подразумевалась всякая борьба без оружия, а поскольку без оружия вступать в то время в поединок было бесполезно, то сумо быстро превратилось, с одной стороны, во вспомогательное средство боя, с другой – в зрелище, в народное развлечение. Не трудно понять, что никакого конкретного арсенала у сумо первоначально не было. И лишь к XVII в. оно начинает обретать свою законченную форму.

Кто же становился борцом сумо? Первоначально в подавляющем большинстве – простолюдины. Самураи предпочитали любоваться сумо со стороны, считая унижением для себя лично подниматься на помост. Отношение к схваткам сумо прекрасно выразил известный новеллист, потомственный самурай Ихара Сайкаку (XVII в.) в рассказе «Кичливый силач»: «Люди основательные развлечения ради играют на кото (музыкальный инструмент. – *А. М.*) или в го (шашки. – *А. М.*), занимаются каллиграфией или рисованием, увлекаются чайной церемонией, игрою в кожаный мяч, стрельбою из лука или же пением „утая«. Все это вполне пристойные занятия. А что хорошего в развлечении, при котором надобно раздеться догола да еще всякий раз подвергать опасности свое здоровье? Право же, смотреть противно!». [9]. Как видим, отношение японцев к сумо не всегда было положительным, особенно среди интеллектуалов. Ихара Сайкаку откровенно называет сумо «дурацким зрелищем» и издевается над выходцем из благородной семьи, который решил заняться борьбой. Его родители даже предлагают парню прогуляться по «веселым кварталам» Симабара, лишь бы он не стал заниматься сумо!

Но позже под влиянием общих тенденций в японской культуре разительным образом меняется и отношение к сумо. Из деревенского прихрамового представления оно постепенно превращается в зрелище для «благородных воинов». Битвы, в течение столетий сотрясавшие Японию, уходят в прошлое, и самурайская душа жаждет «боевых развлечений». Самураи уже не только не считают зазорным выходить на ритуальные поединки, но и начинают гордиться этим.

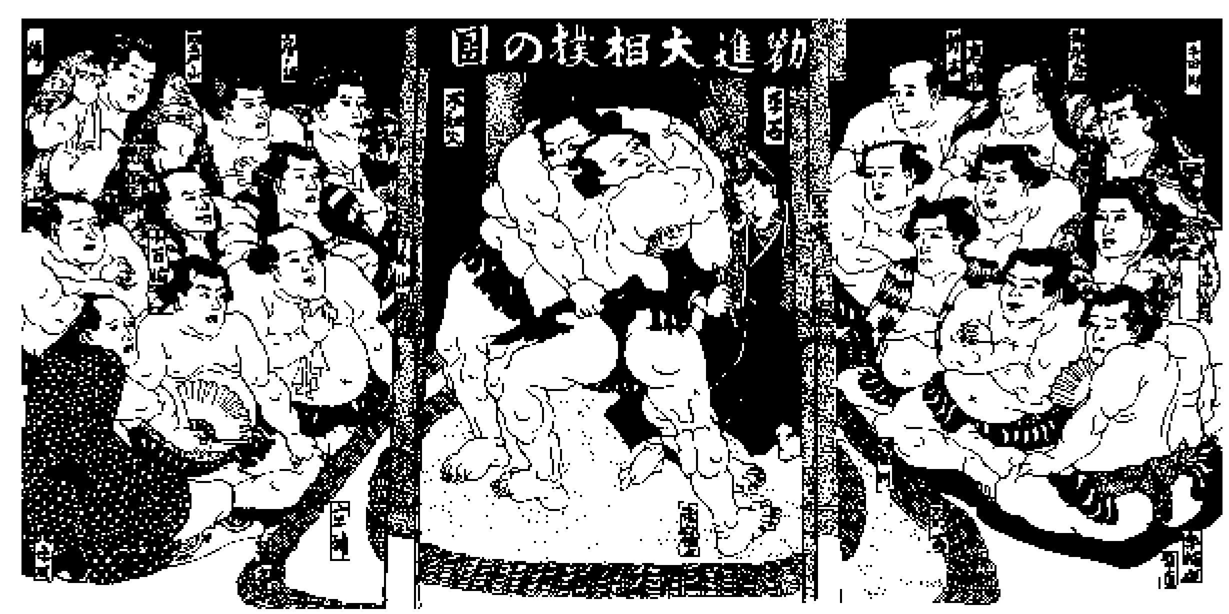
БОРЬБА С ПРОТИВНИКОМ – БОРЬБА С ДУХАМИ

Сегодня, как и в прошедшие века, перед выходом на площадку все сумоисты проходят своеобразный тест-контроль. Рост борцов до 20 лет должен быть не меньше 175 см, а старше 20 – не менее 170 см, вес рикиси – не меньше 70 кг. В реальности же рикиси весом меньше 90 кг вряд ли отважится подняться на помост – ведь большинство гигантов весит более 100 кг, и обладатель легкого веса может получить серьезные травмы. Нетрудно себе представить, что произойдет, если на семидесятикилограммового рикиси навалится туша в 150 килограммов!

Как и когда-то в Китае, рикиси борются на специальном квадратном помосте – *дохе* , приподнятом на 40 – 60 см над землей. Длина стороны дохе традиционно составляет ровно 727 см, но бороться можно только в центральном круге диаметром 455 см. Края помоста понижаются плавно под углом в 40 – 50°. Помост ставят на основание из мягкой глины. Такая конструкция помоста, покоящегося на глине, позволяет амортизировать удары от падения рикиси.

Особая хитрость в сооружении такого помоста заключается в том, что он должен выдерживать падение тел огромной массы, не проломиться и даже не дрожать. Весь секрет состоит в специальном составе глины, из которого делается основная опорная часть дохе, напоминающая слоеный пирог. Глину привозят из разных областей Японии и тщательно укладывают слой за слоем. Сверху настилается покрытие *(яката)* – сложная конструкция из досок, циновок, а сегодня и из резины. Японцы гордятся, что вес такого дохе среди всех площадок для боевых искусств – самый большой в мире. Глиняное основание весит около 40 тонн, а верхнее покрытие – яката – около 3 тонн! Действительно, с легким татами для дзюдо или каратэ не сравнить. Когда в 1991 г. японские рикиси выступали на фестивале в лондонском Королевском «Альберт-холле», пол знаменитого концертного зала пришлось

укреплять особыми подпорками, а состав глины для помоста исследовала особая группа английских специалистов.



Состязания посулю (с древне-японской гравюры). Это – схватка не для зрителей, поскольку помост для борьбы окружают лишь сами сумоисты.

Сумоистский поединок всегда напрямую связан с обрядами общения с духами и изгнания духов*(экзорсизма*). Например, над помостом строится специальная конструкция в виде крыши, напоминающая крышу синтоистского храма. Это значит, что злые духи должны покинуть священное место, дабы не мешать людям вершить свои дела.

Собственно схватка двух борцов – лишь малая часть того сложного ритуально-магического действа, которое сегодня называется «сумо». В Средние века под воздействием синтоистских традиций сложился досконально разработанный ритуал подготовки к поединкам. Обратим внимание: если основой всех самурайских боевых искусств была философия дзэн-буддизма, то сумо всегда находилось в лоне синтоизма. Поэтому даже по своим внешним признакам оно представляет собой как бы противовес самурайским будзюцу и тем не менее составляет важнейшую их часть.

Поединок борцов – лишь кульминация праздника, называемого сумо. До сих пор он проводится по синтоистским традициям, которые сложились когда-то на народных представлениях. Все начинается с шумного шествия по улицам под звуки гонга и барабанов с разбрасыванием бумажных полосок, на которых написаны заклинания против духов. Заодно это привлекает публику к предстоящему зрелищу.

Затем свою роль выполняют синтоистские служители, которые проводят церемонию *тата-сёги* – очищения помоста от недобрых духов. При этом надо суметь призвать и духов-покровителей, чтобы ни один из борцов не получил травмы, а бой был честным и красивым. Все это абсолютно точно копирует ритуал в синтоистских святилищах – не случайно сам помост с крышей над ним напоминает синтоистский алтарь. После очищения помоста освященной водой, сакэ, молитвами и прочими приемами на него могут входить только борцы и судьи, которые сами предварительно проходят обряд очищения. Чисто психологически и участниками, и публикой бой теперь воспринимается как особого рода священнодействие, схватка космических сил, и без преувеличения можно сказать, что в сознании японцев сумо имеет оккультный характер.

Перед боем борец проводит обряд очищения, в точности повторяющий древний синтоистский ритуал. Борцы вплетают в волосы «заговоренные ленты», призванные отогнать всякую нечисть, а мастера высшего уровня повязывают вокруг пояса еще и льняную веревку, снимая ее перед боем. К веревке приторачиваются полоски с иероглифическими надписями

для привлечения удачи и запугивания духов.

Да и сам помост рассматривается не как обычная площадка для схватки, но как место священнодействия. Помост строго ориентирован по сторонам света в соответствии с правилами геомантии – древнего искусства сочетания рельефа местности и движения духов, причем считается, что нарушение его расположения обязательно повлияет на результат борьбы. Традиционно фронтальной стороной помоста считается северная сторона; другие же стороны обозначаются цветными флажками, которые символизируют сезоны года и области неба в соответствии с синтоистской традицией. Черным обозначается северо-западная сторона площадки, синим – северо-восточная, красным – юго-восточная, белым – юго-западная. Благодаря этому площадка становится своеобразной проекцией Неба на земле. Не случайно борцы здесь сначала борются с духами, а уже потом друг с другом.

Борцы медленно поднимаются на помост с западной и восточной сторон, где в специальных кувшинах стоит так называемый «напиток силы» – обычная вода, над которой были совершены синтоистские ритуалы. Рикиси брызгают на себя водой и полощут ею рот, считается, это прибавляет им силы.

Далее исполняется своеобразное ритуальное действо, которое, на первый взгляд, можно принять за танец. На самом деле это отголосок древнейших шаманистских камланий. Борец, широко расставив ноги, громко топает ими, раскачиваясь из стороны в сторону, и оглушительно хлопает в ладоши. Считается, что духи боятся громких звуков (отсюда и традиция взрывов петард на восточных праздниках) и быстро покидают «шумное место». Затем борцы рассыпают по площадке соль, которой также не переносят духи, после чего строго ритуальными движениями отряхивают ладони.

Практически весь ритуал, выполняемый рикиси перед поединком, направлен на борьбу со злыми духами, которые могут помешать их победе. В древности были известны случаи, когда сумотори отказывался от поединка после исполнения предварительного ритуала, заявив, что духи сегодня явно настроены против него, а значит, победы не будет. Таким образом, в эзотерическом плане сумо сводится к своеобразному «договору» с духами.

Затем, когда с духами покончено, можно заняться друг другом. Но сразу бросаться в бой всегда считалось в Японии признаком плохих манер. Да и вообще, лучше заставить противника сдаться еще до боя, уничтожить его одним лишь взглядом! На это и рассчитана особая психологическая борьба – *сикири* . Борцы медленно сходятся, вперив яростные взгляды друг в друга, широко расставив ноги и выпятив вперед животы, стремясь своей невероятной массой запугать противника.

В традиционном сумо психологическое давление могло продолжаться бесконечно долго. Рикиси приседали на корточки, упирались кулаками в бедра и стояли так друг против друга порой часами. В древности время «психологического боя» не было ограничено; сегодня же по правилам это может продолжаться не более четырех минут.

Правда, для самой схватки до сих пор никаких временныхограничений не введено, рикиси борются до победы – лишь она учитывается при присуждении очередного звания или разряда. Если схватка затягивается и судьи замечают, что борцы устали, стали пассивными, поединок прерывают, позволяют рикиси отдохнуть, а затем бой возобновляется. Таково древнее правило боевого искусства – в поединке всегда должен быть победитель. Если трудно определить победителя, судьи могут назначить повторный поединок, но в реальности это исключительный случай – чаще всего поединки продолжаются несколько секунд.

Правила сумо неоднократно менялись. Первоначальный вариант представлял слепок с правил китайского сянпу – борцы имели право наносить удары кулаком в живот и грудь, сильно бить ногами по ногам. Но все же сумо было больше развлечением, нежели прообразом реальной схватки, – это понимала и публика, понимали и сами борцы. Поэтому вскоре удары и все опасные действия, например зажимы шеи, заломы суставов, захваты пальцев, были запрещены.

По правилам, которые сложились в сумо к началу XX в., победителем считается тот, кто заставит своего противника коснуться земли любой частью тела, кроме стопы, или

вытолкнет соперника за пределы площадки. Причем поражение засчитывается и в том случае, если за ограничительную линию выйдет лишь рука или даже стопа. Из древнего арсенала приемов сумо сохранились могучие толчки в грудь ладонью. Арсенал современного сумо включает около 70 приемов; в их числе 48 классических бросков. Можно делать подножки, бросать через спину, бедро, с прогибом через грудь. Но все это лишь в теории. Попробуйте оторвать от земли да еще и эффектно бросить через себя тело весом в сотню килограммов! К тому же рикиси борются почти обнаженными, надев лишь пояс, поэтому возможность эффективного захвата весьма ограничена. Зато толчок ладонью в грудь у рикиси поставлен так, что может проломить грудную клетку обычному человеку. Для этого во время тренировок борцы наносят сотни толчков ладонью по деревянной свае или железобетонной стене.

Проводить захваты можно за шею, корпус, руки и пояс; при этом запрещены захваты за гениталии, любые удары кулаками и ногами (хотя нёкоторые подножки, которые применяют борцы, вполне сойдут за тяжелый удар по ноге). Запрещено также хватать за волосы, уши, нажимать на область шеи или лица, осуществлять любые воздействия на суставы, в том числе заломы и выкручивания.

Считается, что самой важной является первая атака. Борцы низко приседают, упираются кулаками в пол, тем самым придавая более устойчивое положение своему телу. Затем резко бросаются друг на друга. В результате столкновения огромных тел противников один из рикиси вылетает за площадку.

Весовых категорий в сумо не существовало никогда, и сегодня это составляет предмет гордости рикиси – ведь они борются так же, как несколько вёков назад боролись воины в Японии и Китае. Особую роль в сумо всегда играли звания, или ступени мастерства, которые присуждались рикиси. Между собой имеют право встречаться сумотори, находящиеся примерно на одном уровне мастерства.

В сумо существует десять ступеней мастерства. Они были введены еще в XVII – XVIII вв. и сегодня носят традиционные названия: «начальный по порядку», «второй по порядку», «третий уровень», «полководец» (также можно перевести как «спускающийся с помоста»), «двенадцатый» (одно из высших званий в армии), «идущий во главе», «малая связка» («комусуби», что означает «на полпути к победе, к решению вопроса»), «главный пункт» (сэкивакэ), «великая застава» (одзэки) и, наконец, высшее, чемпионское звание – *ёкодзун* . Четыре первые ступени борцовского мастерства считаются начальными, остальные шесть – высшими, их называют «макуути». Борцов, обладавших одним из шести высших разрядов, всегда было немного – не более 200 человек, и они пользовались особым уважением. Всех их, начиная от ступени «двенадцатого», можно отличить по характерной прическе и особенно дорогому, со специальной вышивкой поясу. Поднимаясь на помост, они исполняют сложный ритуальный танец не в обычном борцовском поясе, а в дорогом златотканом кэсе-маваси, который снимают перед схваткой (далее об этом будет рассказано подробнее).

Высшей целью любого борца сумо является титул ёкодзуна, хотя достигают его единицы. Ёкодзун – это абсолютный, «великий чемпион». Он окружен ореолом мифов; его обслуживает более десятка человек, среди них личные повара, охрана, массажисты, секунданты, администраторы, личные секретари, водители. Его доход исчисляется сотнями тысяч долларов, он получает дополнительные гонорары за свои интервью, киносъемки, участие в рекламных кампаниях. Впервые титул ёкодзуна был присужден в 1632 г. Акаси Сиганосукэ.

На состязаниях публика всегда ожидает выхода ёкодзуна. Он появляется в сопровождении главного судьи и двух помощников, обычно известных борцов. Один из них несет ритуальный меч, который затем откладывает в сторону. Это символ того, что ёкодзун отказался использовать оружие и готов сойтись врукопашную с любым претендентом.

Ёкодзун – звание пожизненное; заслужившим его выплачивается государственная пенсия. Чтобы завоевать этот титул, надо выйти победителем по крайней мере из двух турниров высшего уровня, а также зарёкомендовать себя как высокоморального носителя

традиций. Последнее условие – весьма важное. История знает случаи, когда многократный победитель крупных состязаний оставался просто «чемпионом», а звание ёкодзуна ему не присуждалось (по моральным критериям).

Хотя на борцах во время схватки надето минимальное количество одежды, тем не менее любая мелочь даже в их скромном туалете играет свою, в основном ритуальную, роль. Например, если борцы высших категорий закручивают волосы в пучок тёммагэ, то представителям трех низших разрядов это делать запрещено – считается, что они еще не заслужили чести, которая была дарована сумоистам самим императором Мэйдзи.

Практически все, что входит сегодня в сумоистский ритуал, дышит воспоминаниями о Китае эпох Сун и Мин. Достаточно обратить внимание на одежду рикиси, (если ту тряпицу, что замысловато обхватывает чресла борцов, можно назвать одеждой).

Повязка, которую борцы обматывают вокруг пояса, бывает двух видов: обычная *(тори-маваси)* и церемониальная (*кэсе-маваси*). Бороться в кэсё-маваси невозможно: ее вес достигает 10 – 15 кг, а то и 25 кг. Традиционная длина кэсе-маваси около 6 м, ширина около 70 см. Эта часть сумоистского туалета недаром иногда зовется «драгоценной повязкой»: она изготавливается вручную из дорогих сортов шелка и прошивается золотыми нитями.

Самостоятельно надеть такой пояс борец не может, ему помогают по крайней мере три человека, совершая обряд по всем древним предписаниям. Два человека растягивают пояс, а третий помогает рикиси заматываться в него. Сначала пояс складывают в шесть раз, затем особым способом надевают на борца, продевая между ног и обматывая вокруг поясницы, а один конец оставляют свисать наподобие фартука. Изображения на этом «фартуке» должны символизировать характер борца; на нем делается вышивка, пишутся фамильные иероглифы рикиси, его псевдоним или «грозные надписи» для отпугивания духов и устрашения соперников.

В Средневёковье такими поясами пожизненно награждали наиболее известных мастеров. Получение расшитого кэсе-маваси было равноценно высочайшему признанию заслуг, и такой человек мог рассчитывать на пожизненную императорскую пенсию – 400 коку риса в год. Сегодня времена, естественно, изменились, но по-прежнему кэсе-маваси надевают лишь чемпионы, хотя никаких особых доходов, кроме обычного государственного пособия (правда, немалого), они не получают.

ГИГАНТ СУМО – ИДЕАЛ ЯПОНЦА?

Но почему сумо превращается в Японии именно в «борьбу гигантов» – людей с явно гипертрофированными жировыми отложениями, один лишь внешний облик которых противоречит всем канонам восточной медицинской науки? И почему именно в таком виде сумо становится «национальным достоянием», как его именуют в рекламных буклетах? Ответ прост: сумо – это прежде всего зрелище, «не бой, но забава», как сказал о прародителе сумо, борьбе сянпу, китайский историк I в. Японцам, людям в основном низкорослым и худым, интересно посмотреть на исполинов.

Поразительный факт – сумо, самое древнее боевое искусство Японии, да и Китая, не нашло активных последователей ни в одной стране мира. Нигде мы не встретим объявлений, приглашающих любителей заняться, скажем, «таинственным искусством борьбы сумо» или «самым эффективным методом оздоровления и самозащиты сумо». Лишь изредка можно обнаружить клуб сумо во Франции или США.

Действительно, ответ на вопрос о необычайной, почти фанатической увлеченности сумо в Японии (при полном отсутствии интереса к этой экзотической борьбе за рубежом) коренится в особом складе японцев, в этнической психологии этого островного народа. «Маленьким людям» приятно видеть «больших парней». Можно предположить, что на подмостках в лице могучих и не очень стройных рикиси японцы видят свой идеал мужчины – идеал, в существовании которого вряд ли решатся сознаться самим себе.

Мистическая мощь сумотори восхищает поэтов и художников: борцам-чемпионам посвящают стихи, их изображают на художественных свитках наряду с величайшими героями-самураями. В сознании самурайской Японии сумо перешагивает порог простого

развлечения, становится культурным достоянием нации и символом ее силы.

Японские живописцы XVII – XVIII вв. обычно предпочитали изображать артистов театра Кабуки, нередко мужчин – исполнителей женских ролей. В этих картинах несложно уловить странное сочетание мужских черт с несколько жеманными, чисто женскими манерами, одеждами и гримом, в чем исследователи нередко замечают неприкрытый гомосексуальный подтекст. В противоположность этому рикиси символизировали полноту мужской силы, причем нередко изображались они не в момент схватки, но в полном самурайском облачении, с мечом и слугой, что еще больше должно было подчеркнуть идеал мужественности, мужского воплощения Японии.

Все это легко заметить, взглянув, например, на серию картин блестящего художника Средневёковья Кацукавы Сюнэя (1726 – 1792 гг.), которую он посвятил сумотори [131].

Сложилась даже особая художественная форма изображения рикиси, призванная подчеркнуть их мощь. Большинство живописных изображений выполнялось обычно в формате какэмоно-э, на удлиненных свитках размером 58 х 21 см. Но борцы сумо изображались прёимущественно на свитках типа айбан, размером приблизительно 37 х 25 см, то есть на почти квадратных листах. Эта «квадратность» придавала еще большуюмощь героям изображений, причем их рисовали так, чтобы вся фигура не уместилась бы на картине – настоящий рикиси столь велик, что его нельзя даже охватить взглядом. Таковы борцы сумо на картинах великих художников Хокусая и Сюнэя.

Сумо всегда несло на себе оттенок народного праздника, карнавального представления. И в этом контексте магического праздника рикиси не столько воины, сколько актеры и маги. Они не столько борются друг с другом (это внешняя, показная сторона сумо), сколько участвуют в магическом действе, играют символическую роль «победителей духов»; и в этом смысле они стоят значительно ближе к актерам театров Кабуки и Но, нежели к самураям. Как и актеры, они берут себе псевдонимы или сценические имена (*сико-на*) и именно под ними становятся известны широкой публике. В этих псевдонимах мы обнаружим ярко выраженный магический элемент – принимая сико-на, рикиси как бы скрывают свои истинные имена и тем самым «обманывают» духов.

И даже сегодня псевдоним сико-на дают рикиси одновременно с первым выходом на помост, и он должен подчеркнуть мощь борца. Например, Незыблемая скала, Каменный зуб, Гром. С этого момента рикиси уже принадлежит «праздничной культуре», легенде; ему создают «биографию», изобилующую традиционными подвигами.

СОЗДАНИЕ ГИГАНТА

В первое время после прихода сумо на Японские острова методика подбора рикиси была достаточно проста: специальные посыльные ездили по всем районам страны и искали наиболее достойных кандидатов. Но вскоре оказалось, что физической силы в сумо недостаточно; сама логика борьбы требовала чего-то необычного, почти запредельного. Чему способствовал и синтоистский антураж сумо, который напоминал об эзотерическом, внеземном смысле этой борьбы. Значит, и сами последователи сумо должны резко отличаться от обычных людей и даже могучих самураев. Японская ритуально-карнавальная культура ждала чего-то экстраординарного, небывалого. Так на помосте появляются исполины.

Но таких людей в реальности существовало не очень много, и путем простых поисков вряд ли их можно было набрать больше десятка. Такого количества борцов было явно недостаточно для обширных представлений, красочных праздников на улицах крупнейших городов и в замках даймё. Постепенно вырабатывается особая методика подготовки рикиси. Теперь уже не просто искали здоровых парней, не ждали, пока они сами изъявят желание выступать на помосте. Борца готовили с малых лет, и такая система воспитания «силача», сформировавшаяся в XVIII в., сохранилась до сих пор.

Базируется она прежде всего на нёкоторых тонкостях в рационе питания – важно,

чтобы пища была, с одной стороны, высококалорийной, с другой – не мешала ни быстроте реакции, ни эластичности мышц. Нет ограничений в употреблении спиртного, хотя пьют не вино, а в основном пиво, реже – сакэ. Нет также и никаких особых ограничений в питании, хотя сами рикиси не прочь пустить слухи о неких «тайнах» приготовления пищи, которые известны только им. На самом же деле разные школы сумо использовали продукты, которые были характерны для той местности, где эти школы возникли. Таким образом, единой диеты для сумоистов нет, она имеет чисто региональные различия. Например, основу рациона в школах Токио составляет тянко – мясное блюдо с добавлением риса, овощей, острых приправ и трав, принесенное в Японию, как считается, китайскими борцами сянпу. Едят много лапши с мясом, риса, цыплят, моллюсков, рыбы, запивая все это высококалорийным пивом.

В сумоистской практике важен не столько состав пищи, сколько режим дня. Большинство школ предусматривает трехразовое питание и еще два легких приема пищи, чтобы не испытывать чувство голода. Существуют школы и с двухразовым питанием; но так или иначе, за один присест рикиси съедает столько же, сколько три-четыре обычных человека. Едят обычно сразу же после тренировки, к тому же обильно пьют воду, а после второго, самого плотного приема пищи спят два-три часа, за счет чего быстро набирается вес.

Сегодня распространено немало мифов об особо здоровом образе жизни рикиси; говорят даже о том, что после ухода из большого спорта они благодаря правильной диете снижают свой вес до нормального. Увы, это весьма далёко от реальности. На самом деле рикиси подвержены всем болезням, связанным с ожирением и высоким кровяным давлением от перегрузок. Нередки у них такие заболевания, как диабет, инфаркты; а о возврате к нормальному весу после многих лет питания (с детства!) калорийной пищей речь вообще не идет. Часто рикиси после окончания своей карьеры еще больше набирают вес, теряя при этом мышечную силу. У них нередко начинаются расстройства, связанные с половой сферой, – импотенция, сексуальные неврозы. Ходят слухи (не подтвержденные, но никем и не опровергнутые), что для набора фантастического веса и мышечной массы сумотори принимают различные гормональные средства, стёроиды и допинги. Один из борцов, уже ушедший «на пенсию», поделился с автором этих строк своими переживаниями – многие сумотори не способны иметь детей, что объясняется в сущности нездоровым образом жизни. Правду о своей реальной, «не сценической» жизни борцы рассказывают крайне неохотно. Дело в том, что как только рикиси принимают в профессиональный клуб сумо, с ним заключается жесткий контракт, где оговаривается любая мелочь. Например, ему запрещается рассказывать о тонкостях своей подготовки, давать интервью, жениться и тем более общаться с женщинами без разрешения менеджера. На подготовку профессионального борца затрачиваются огромные деньги, а поэтому менеджеры не желают терять такой «дорогостоящий товар». Такова цена популярности...

В принципе прийти заниматься сумо сегодня может каждый юноша. Существуют сотни любительских клубов, однако в профессиональный клуб, где можно сделать неплохую карьеру, попадают лишь единицы. Естественно, будущего чемпиона надо воспитывать с детства – ведь нормальный человек даже при хорошем питании и регулярных тренировках вряд ли наберет вес 150 кг. Издревле повелось, что кандидатов в борцы сумо начинали готовить с 15 лет, когда окрепнут основные связки и сухожилия. Японские тренеры научились по ряду признаков, например по строению мышц и лимфоузлам, определять тех, кто сумеет быстро набрать вес да к тому же будет обладать еще и немалой физической силой.

Самый высокий из ныне известных борцов сумо Оодзуцу Манъэмон (конец XIX в.) по прозвищу Большая пушка имел рост 197 см при довольно небольшом для борцов сумо весе – всего 131 кг. Правда, такие параметры не помогли Оодзуцу в его карьере, и чемпионом он так и не стал. Зато другой рикиси, Адзумафуса Кинъити, весивший 170 кг при росте 180 см, стал самым тяжелым чемпионом в сумо. Сегодня обычный вес чемпионов 140 – 160 кг;

борцы меньшего веса практически никогда не пробиваются на высшие ступени мастерства. Вывод прост – при наличии богатого технического арсенала основную роль в сумо играет все же вес.

Жить. обладая таким весом, конечно же, нелегко. Например, сегодня, когда команда рикиси отправляется в поездку по Японии или тем более за рубеж, заранее принимается ряд подготовительных мер. Испытывается на прочность оборудование туалетных комнат. Такой же тест проходят кровати, стулья, которые в случае необходимости укрепляются специальными подпорками.

Все эти подробности с удовольствием освещаются прессой, что еще сильнее подогревает интерес к гигантам сумо. Для каждого борца создается «легенда» – о том, как он тренируется, как побеждает бандитов, как любит читать классическую литературу. Обязательно подчеркивается высокоморальный облик рикиси, его преданность идеалам древности.

Вряд ли можно представить традиционную Японию без этих гигантов. Сумо является частью чисто народной, синтоистской культуры, живущей в известной степени по своим, несамурайским правилам. И все же воинская культура Японии неотделима от ее игровой части – сумо.

КНИГА 3. ЛЕГЕНДА, ЧТО ЗОВЁТСЯ «КАРАТЭ»

ОКИНАВСКАЯ ДОРОГА

Сюда часто прибывают корабли из Китая. Отсюда, с острова Окинава, начался путь самого известного в мире боевого искусства – каратэ, истинная история которого ещё не написана.

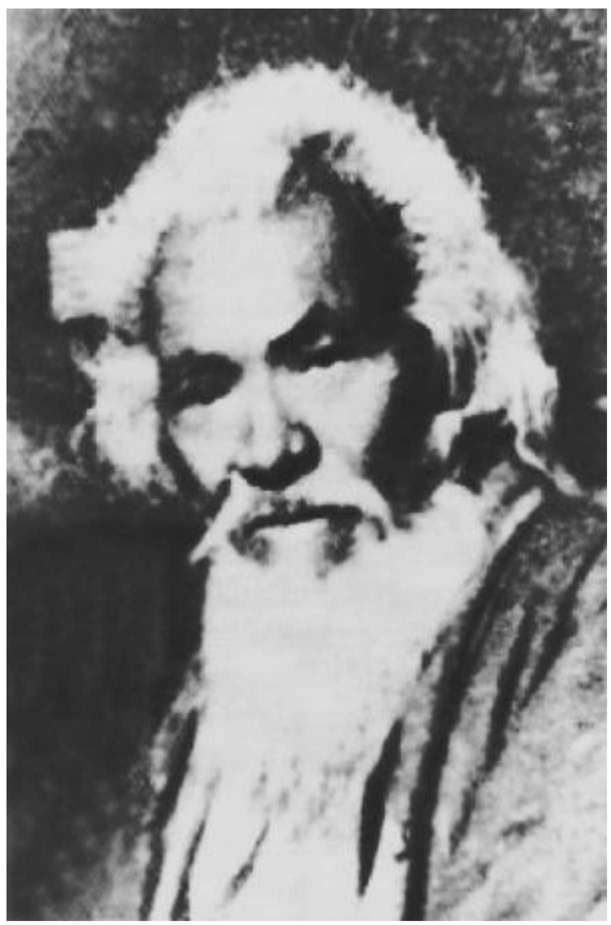
От берегов Китая остров расположен приблизительно на таком же расстоянии, как и от Японии. Неудивительно, что долгое время жители китайской провинции Фуцзянь, особенно её прибрежных районов, считали остров «своим», имели много родственников на Окинаве, часто ездили к ним в гости и нередко принимали их у себя. Влияние китайской культуры ощущалось на этом острове значительно сильнее, чем японской: местные жители поклонялись тем же богам, что и крестьяне в провинции Фуцзянь или на острове Тайвань, например почитали богиню Ма-цзу. И сегодня на небольшом острове Мэйчжоу, который находится в сотне километров от берегов провинции Фуцзянь, возвышается величественный

храм Ма-цзу. Каждый год в конце апреля в честь этого божества здесь устраивается грандиозное празднество, на которое съезжаются сотни паломников, в том числе и с Окинавы. Треск разрывающихся петард, ритуальные флаги, оживлённые и возбуждённые лица – всё это создаёт непередаваемый колорит восточной мистерии.

Возможно, именно через остров Мэйчжоу много веков назад следовали на Окинаву китайские переселенцы, познакомившие японцев с боевыми приёмами ушу, – люди, чьё искусство превратилось сегодня во всемирно известное каратэ. Остров Окинава входит в состав архипелага Рюкю. Рюкю невелик: длинная изогнутая цепочка островов, шириной в некоторых местах не более 4 км, растянулась в длину на 800 км, одним концом подходя к китайскому острову Тайвань, а другим – упираясь в южную оконечность Японии.

Остров Окинава большей частью покрыт горами, где невозможно ни жить, ни выращивать сельскохозяйственные культуры; зато в долинах встречаются живописнейшие уголки. В одном из таких мест на юге острова расположена столица Окинавы – город Наха. В конце XVIII – начале XIX в. Наха и некоторые другие поселения на Окинаве – Сюри, Томари – представляли собой небольшие посёлки, население которых едва ли превышало несколько тысяч человек. Сегодня Сюри и Томари уже стали частью города Наха.

...Узкая тропинка едва заметно идёт вверх. Даже в знойный день, когда южные травы никнут от жары, путник не испытывает неудобств – густая листва деревьев надёжно прикрывает его от лучей солнца. Дорога неровная и каменистая, как и вся местность. Иногда она выводит на открытое пространство, и перед нами предстаёт прелестный пейзаж в классическом восточном стиле: буйвол, тянущий за собой плуг, на который всем телом навалился тщедушный хозяин; позади – поднимающиеся уступами поля, зелёные горные террасы с заливными лугами – и всё это на фоне могучих гор, окутанных дымкой. В конце концов дорога выведет к какой-нибудь деревушке, а то и просто к нескольким нехитрым домам, окружённым квадратами полей. То здесь, то там встречаются полузаброшенные кумирни с небольшими алтарями, посвящённые местным духам и божествам. На алтаре иногда можно встретить фигурку Будды и небольшие горшочки для благовоний, но никто их не трогает, ибо эти предметы священны и горе тому, кто осмелится их украсть. Кажется, в эти полуразрушенные остроконечные каменные «домишки», куда с трудом может войти даже один человек, уже давным-давно никто не заглядывал. Но нет – вот в пустой кумирне догорает несколько курительных свечек перед полустёртой иероглифической надписью на деревянных дощечках, покрытых облупившейся красной краской. Значит, ещё полчаса назад сюда зашёл поклониться местному божеству какой-то путник, скорее всего из ближайшей деревушки, – даже на современной Окинаве духи всегда в почёте.



Канагусуку Санда (1841-1921), выходец из деревни Сюри, основатель стиля Ухутики кобудо. Был великим мастером боя на саи, нередко рассказывал ученикам о своих встречах с духами, которые его обучали. Он объяснял: «У истинного мастера никогда не возникает необходимость атаковать»

На этой дороге за целый час пути порой не увидишь ни одного человека, зато встречный, даже незнакомый, вежливо раскланяется с тобой. Здесь извечные простота и покой жизни сочетаются с глубинной культурой души. Вот встретились два человека, стоят в тени, соприкоснувшись краями широких соломенных шляп, и поставив свою поклажу на землю, ведут беседу. Здесь всё неторопливо. Кажется, сама история замедляет свои шаги, а время течёт вспять, заставляя возвращаться к «следам предков».

Этот маленький остров сегодня известен поклонникам каратэ всего мира. Остров Окинава, названный «колыбелью каратэ», – и реальный, и символический мост между боевыми искусствами Японии и Китая: именно здесь соприкоснулись две великие восточные культуры, здесь произошла встреча величайших мастеров совершенствования тела и духа.

ПЕРВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ТРЕНИРОВКИ

Существует традиционная версия, встречающаяся практически в каждой книге по истории каратэ, о том, как впервые окинавцы начали изучать боевые искусства. Стимулом к этому якобы послужили запреты на ношение оружия и притеснения жителей местными правителями. Насколько же версия соответствует реальности?

Одни относят начало этих событий к временам правителя Окинавы Сё Хаси (1429 – 1439 гг.), который перенёс столицу в город Сюри, другие – к более поздней эпохе правителя Сё Сина (1477 – 1526 гг.). Считается, что именно тогда появились первые запреты на ношение местными жителями оружия. О них сохранились лишь какие-то смутные воспоминания в устной традиции. Причина таких запретов была, на первый взгляд,

очевидна: правители опасались мятежа. Правда, трудно поверить, что угроза исходила именно от местных жителей, состоявших в основном из мирных и незлобивых крестьян. И Сё Хаси, и его преемники боялись другого: как бы руководители крупных местных кланов, подстрекая простолюдинов к восстанию, не захватили бы централизованную власть на Окинаве, которая только недавно перешла в руки к Сё Хаси.

Сё Хаси был, безусловно, человеком неординарным, хотя отличался крайней жестокостью, а порой даже свирепостью. Родом он был из центральной области Окинавы, именовавшейся Тюдзан (Средняя гора), и первоначально возглавлял один из местных кланов. Окинава была разделена между «большими домами», то есть представителями крупных кланов. Время от времени между ними происходили стычки. Но амбиции Сё Хаси оказались велики, и в 1429 г. путём переговоров, войн, запугиваний он впервые в истории Окинавы объединяет все три области острова: Хокусан (Северная гора), Нандзан (Южная гора) и свою вотчину Тюдзан.

Окончательной такую победу назвать было трудно – то здесь, то там на небольшом острове объявлялся какой-нибудь представитель богатого клана, раздавал крестьянам оружие и подстрекал их к восстанию против Сё Хаси. Нельзя сказать, что правление Сё Хаси оказалось особенно суровым или жестоким, – это была обычная власть обычного мелкого восточного деспота. К тому же островное положение подвластной ему территории, оторванность от материковой культуры создавали все условия для укрепления его авторитета. Налоги собирались прежние, повинности оставались те же. Но при централизованной власти на острове крестьянин уже вряд ли мог уклониться от своих обязанностей перед правителем. Естественно, что простой народ готов был «вспыхнуть» в любой момент.

И тогда Сё Хаси вводит «*кинбу* » – запрет на ношение, хранение и изготовление оружия. Такие запреты начиная с V в. время от времени вводились в Китае, а Окинава при Сё Хаси формально находилась под китайским протекторатом и во многом подражала своему великому соседу. Правда, во-первых, ни в Китае, ни на Окинаве за соблюдением этих запретов никто строго не следил. Дотошные историки окинавского боевого искусства при всём желании так и не смогли найти имена пострадавших от указа «кинбу» (как не смог и автор этих строк). Запрет скорее являлся формой демонстрации воли единоличного правителя, нежели реально пресекал использование холодного оружия.

Во-вторых, закон «кинбу» касался лишь ношения и изготовления тех видов оружия, которыми пользовались в то время профессиональные воины, – мечей разной формы, копий, алебард, клевцов, трезубцев. Но, например, о длинных крестьянских ножах речь не шла – это необходимый инструмент для рубки тростника. Также не оговаривалось использование ручных мотыг, серпов, цепей, которые активно применялись в арсенале ушу на юге Китая (там в деревнях с ними тренируются и по сей день).

И самое главное – никакого запрета на занятия собственно боевыми искусствами не было, он никогда не вводился ни в истории Окинавы, ни в истории Китая или Японии.

Никем не установлено, что после запрета Сё Хоси простые крестьяне начали усиленно упражняться в боевых искусствах. Притесняли их не слишком сурово: даже на маленькой Окинаве в ту эпоху плотность населения была невелика, и с грозной властью простолюдины напрямую почти не сталкивались – контакты с ней поддерживались через старост деревень и лидеров кланов. Кроме того, Сё Хаси и все правители из рода Сё были окинавцами, «своими», не в пример японцам, которые пришли на остров в конце XVI в. уже как захватчики. А это действительно создавало угрозу для местных жителей. Может быть, всё началось именно тогда?

ОКИНАВЦЫ И ЯПОНЦЫ

Долгое время острова Рюкю существовали как отдельное королевство. Китайский протекторат был чисто формальным. А вот с Японией отношения были напряжёнными:

гордость и независимость маленького королевства вызывали раздражение у японских правителей. Наконец чаша их терпения переполнилась: королевство Рюкю отказалось поддерживать авантюрные стратегические планы Тоётоми Хидэёси, который решил развернуть крайне неудачную (как выяснилось впоследствии) военную кампанию в Корее сначала в 1592 г., а потом в 1597 – 1598 гг.

Напомним, что в то время в Японии развернулась очередная междоусобная война между крупнейшими кланами. Победителем из неё вышел Токугава Иэясу, который стал новым сёгуном Японии. Он решил расширить границы своего государства и заодно раз и навсегда покончить с неопределённым положением королевства Рюкю.

5 апреля 1609 г. мощный флот под командованием Симадзу Иэхисы в составе ста кораблей, на которых находилось около трёх тысяч воинов, подходит к берегам маленькой Окинавы. Все готовы к тяжёлому сражению...

Простые окинавцы отнеслись к приходу самураев достаточно пассивно; защищаться решил лишь небольшой отряд, засевший за стенами столицы – города Наха. Но несколько залпов из пороховых длинноствольных ружей внесли такое смятение в ряды местного гарнизона, что защитники сочли за благо сдаться.

Окинава была покорена почти без боя и стала частью Японии, хотя чисто психологически местные жители подданными японского правителя себя не считали. Правление японского клана Сацума сохранялось на острове фактически до буржуазной революции Мэйдзи 1868 г. Но и события годов Мэйдзи не вернули Окинаве хотя бы формальную независимость – остров стал японской префектурой и навсегда утратил былую самостоятельность.

И всё-таки Окинава ещё долгое время не могла окончательно превратиться в составную часть японской империи. Окинавцы недолюбливали японцев.

Все популярные версии возникновения каратэ сходятся на том, что именно после прихода японцев окинавцы стали активнее развивать искусство кулачного боя и разработали методы боя с подручными средствами – серпами, цепями, мотыгами, – названные «кобудо». Некоторые окинавцы обращались к китайским мастерам боевых искусств, проживавшим на острове, и просили научить их приёмам защиты от самураев. Именно так, по мнению подавляющего большинства авторов, и родилась система «окинава-тэ» [7].

Все подобные предположения об истоках системы окинава-тэ являются повторением версии французского популяризатора Р. Хаберзетцера, а он в свою очередь находится под влиянием официальной версии рождения окинава-тэ (тодэ), которую пропагандировал в своих книгах Фунакоси Гитин – «отец каратэ». Иллюстрации во многих популярных книгах показывают, как простой крестьянин в прыжке сбивает ногой с коня могучего самурая или валит его ударом двойного цепа (нунтяку) по голове. Перед нами – картинки из героического прошлого окинавских крестьян...

Позволим себе усомниться в их подвигах. Как были подготовлены самураи, мы уже знаем – ни один ниндзя, ни один простолюдин не мог в одиночку справиться с профессиональным воином, который с детства только тем и занимался, что готовил себя к бою. Стычка с самураем вряд ли закончилась бы победой окинавского простолюдина. К тому же нам неизвестны реальные случаи затяжной борьбы между окинавцами и японцами.

Правда, японский сёгунат принимал указы против хранения оружия, например, в 1588 г. во времена правления Тоётоми Хидэёси. Это положило начало целой кампании, которая вошла в историю под названием «катана-гари» – «охота за мечами». Меч разрешалось носить лишь самураю – все остальные были недостойны такого благородного оружия. В Японии закрывались кузницы, изготавливать оружие позволялось лишь по специальной лицензии. Всё это, кстати, привело к резкому улучшению качества катан. Во многом «охота за мечами» была обусловлена не столько тем, что сёгунат опасался нарушения стабильности в государстве, сколько необходимостью чёткого отделения благородных самураев от всех других сословий, тем более от «низкого» простонародья.

Простолюдинам запрещалось носить не только катаны, но и любое другое боевое

оружие: копья, трезубцы, малые мечи. Даже длинные и широкие ножи, используемые в хозяйстве и похожие на короткие мечи, выдавались под расписку, а потом представители властей собирали их снова.

Японский указ о запрете на ношение и изготовление оружия был принят и на Окинаве в 1609 г., всего через три года после того, как на острове установилась власть нового японского сёгуна Токугавы Иэясу. Этот указ стал символом прихода новой власти, которая утверждала свою силу в основном через запреты. В реальной жизни он никак не повлиял на окинавцев: крестьяне и так никогда не носили мечей, поэтому подобные запреты их мало волновали – неторопливая и в основном мирная окинавская жизнь заметно отличалась от жизни Японии с её вечными междоусобицами.

ТОДЭ И ОКИНАВА-ТЭ

Для обозначения возникшего на Окинаве комплекса боевых искусств использовалось несколько названий, которые обычно выступали по отношению друг к другу как полные синонимы: «тодэ», «окинава-тэ», а порой и просто «тэ» – «рука». В сущности их нельзя назвать ни отдельными стилями, ни школами – всё это не более чем местное обозначение боевых искусств. Однако обозначение весьма характерное, которое приоткрывает завесу над происхождением окинавской боевой традиции.

Итак, долгое время самым распространённым названием было «тодэ» – «рука [династии] Тан». Как известно, культура китайской династии Тан (618 —

907 гг.) являлась в какой-то мере образцом для Японии. Именно с той эпохой связывается приход в Японию из Китая классической культуры конфуцианства, каллиграфии, основных живописных школ, буддийских направлений, в том числе и первых проповедников дзэн-буддизма. Классический Китай для Японии навсегда стал ассоциироваться именно с Танской династией. Понятие «Тан» стало в определённой мере синонимом понятия «Китай». А значит, и термин «танская рука» (тодэ) превратился в собирательное название всех видов окинавских боевых искусств, пришедших из Китая. Да и сами окинавцы свои школы боя связывали с Китаем.

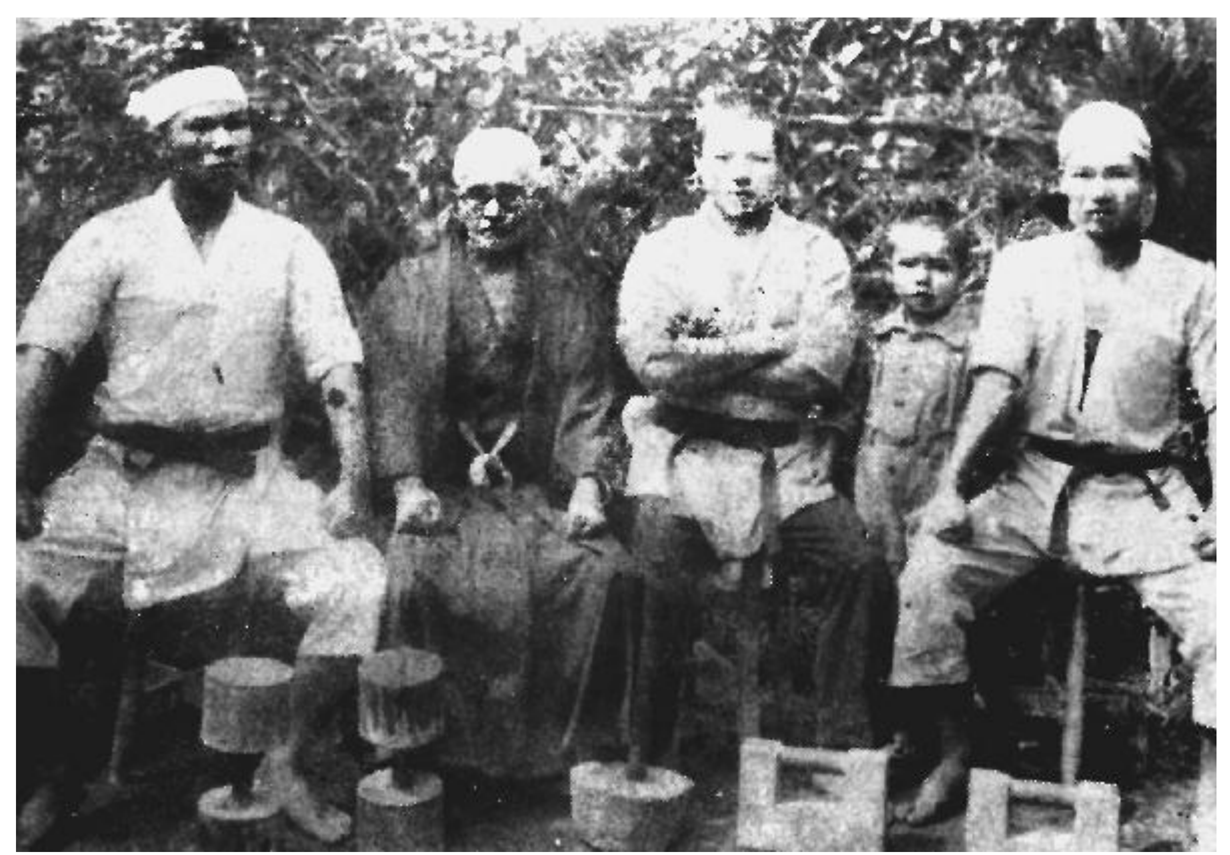
Великие окинавские мастера. Стоят (слева направо): Сирома Синпан, Титодзэ, Тибана Тесин, Накасонэ Гэнва. Сидят: Киян Тётоку, Ябу Кэнцу, Нанасиро Темо, Мияги Тёдзюн

А термин «окинава-тэ» – «окинавская рука» – возник достаточно поздно, скорее всего в 20 – 30-х гг. XX в. Его появление связано со сложными политическими и нравственными проблемами, которые мы рассмотрим несколько позже. Здесь же заметим, что после начала резкой конфронтации Японии и Китая, закончившейся войной 1937 – 1945 гг., стало весьма небезопасно заниматься боевыми искусствами, название которых означало «танская» или «китайская рука». И в качестве синонима пришло название «окинава-тэ». Этот термин оказался удачным ещё и по другой причине. Дело в том, что в японском чтении термин «тодэ» звучал как «каратэ», чем и воспользовался позднее Фунакоси Гитин, заменив первый иероглиф «то», или «кара» (означавший «Тан»), на иероглиф, одинаковый по звучанию, который означал «пустой». Так родился термин, ныне известный во всём мире, – «пустая рука», или каратэ.

Киян Тётоку (1870-1945) – «Киян с маленькими глазами», один из основателей стиля Сёриндзи-рю. Учился у Мацумуры Сокона и Яры Читана по стилю Сюри-тэ, у Кокана Оядамори и Маэды– по стилю Томари-тэ

Тотчас возникли чисто доктринальные споры, поскольку теперь японская «пустая рука» и окинавская «Танская рука» звучали одинаково – «каратэ», а различия между ними всё усиливались. Поэтому традиционный термин «тодэ» («каратэ») отошёл назад, а вместо него стали говорить «окинава каратэ» или просто «окинава-тэ», давая понять, что речь идёт именно об окинавской системе боя.

Использовался на Окинаве и другой термин, который существовал в Японии, – «кэмпо», дословно – «способы кулачного боя». Им обозначались именно китайские боевые искусства, причём исключительно кулачный бой; к тому же сам термин является калькой с китайского «цюаньфа». Правда, в популярной литературе можно встретить распространённую ошибку, когда под термином «кэмпо» подразумеваются все боевые искусства вообще, но это явная нелепость.



Школа Кияна Тетоку стиля Сёриндзи-рю в конце 30-х годов. Слева направо: Накадзато Дзёэн, Киян Тетоку, Мацумото, Нисихара,Курато

И всё-таки, когда же жители Окинавы начали заниматься боевыми искусствами? Действительно ли, согласно многим версиям, простые крестьяне были их основными носителями?

Обратившись к истории Окинавы, мы обнаружим, что во второй половине XVIII в. на острове начинается массовое увлечение боевыми искусствами, причём в подавляющем большинстве занимались именно китайским ушу. При этом никаких исконно местных стилей мы не обнаружим. Под названиями «тодэ», «каратэ», а позже и «окинава-тэ» фигурировали разновидности китайского ушу, которое со временем постепенно видоизменялось.

Как уже отмечалось ранее, окинавцы стали обучаться у переселенцев из Китая, мастеров ушу, в чисто прагматических целях: они не имели права носить оружие, и им необходимо было защищать себя от самураев голыми руками.

Мияги Тёдзюн (1888-1953), ученик китайских мастеров, основатель окинавского направления стиля Годзю-рю

Но нападали ли самураи на невооружённых жителей Окинавы в конце XVIII в., т. е. тогда, когда занятия боевыми искусствами стали наиболее активными? И вот удивительный факт – случаи таких нападений историкам не известны, как неизвестно и об особых притеснениях местных жителей. Более того, многие мастера тодэ той эпохи отнюдь не были простолюдинами, а принадлежали к зажиточному слою крестьян или даже к местной аристократии. Первые известные нам бойцы, Сакугава и Мацумура Сокон (основатель направления Сюри-тэ), были выходцами из зажиточных крестьянских семей и принадлежали к сельской элите, а Мацумура даже состоял на государственной службе. Один из самых известных наставников Фунакоси, «отца каратэ», Итосу Анко (или Ясуцунэ) в течение некоторого времени курировал образование в школах Окинавы и непосредственно отвечал за преподавание в них тодэ. Его лучший ученик Киян Тётоку (1870 – 1945 гг.) вёл свой род от бывшего правителя Окинавы. Ну а о создателях первых стилей каратэ говорить как о «простых крестьянах», конечно, не приходится. Например, Фунакоси Гитин происходил из образованной семьи, его дед был преподавателем конфуцианства в школе, а отец – сборщиком налогов. Сам же Гитин прекрасно знал китайскую литературу, занимался стихосложением, подражая древним китайским поэтам, и каллиграфией. Создатель стиля Сито-рю каратэ Мабуни Кэнва принадлежал к известному самурайскому роду. А создатель стиля Годзю-рю Мияги Тёдзюн был выходцем из благородной, хотя и обедневшей семьи.

Таким образом, явно не обидчики-самураи оказались причиной того, что местные жители стали заниматься боевыми искусствами. Кэмпо на Окинаве, так же как и ушу в Китае, служило целям самообороны далеко не в первую очередь. Боевые искусства на Окинаве служили способом самоопределения, обретения местными жителями психологической самостоятельности по отношению к самураям. Проще говоря, нужен был некий «неяпонский культурный фактор», благодаря которому окинавцы смогли бы ощутить себя отличными от пришельцев. Ведь окинавцы, хотя их язык и наполнен словами, пришедшими из Китая, говорят всё же на японском языке, а точнее, на диалекте японского языка островов Рюкю. Таким «культурным фактором», гордостью окинавцев стали занятия кэмпо, в которое не были посвящены самураи. Не случайно долгое время искусство

«окинава-тэ» передавалось только коренным окинавцам. Этот неписаный запрет был нарушен лишь в начале XX в., когда ряд мастеров решили «поразить Японию» своей национальной традицией. Так родилось японское каратэ.

Тезис о том, что простые и необразованные крестьяне занимались тодэ ради самозащиты, – не более чем один из мотивов «героического эпоса». Впервые в целостном виде такую версию, не представив никаких особых доказательств, выдвинул сам «отец каратэ» Фунакоси Гитин. Её Фунакоси привёл во всех своих книгах по истории каратэ; затем она перекочевала в книги западных авторов, в частности Д. Дрэгера, Р. Хаберзетцера. А. Долин, Г. Попов, приняли версию Фунакоси Гитин без всякой проверки. Единственное серьёзное исследование окинавских боевых искусств предпринял Р. Хаберзетцер [118], благо окинавские мастера любезно изложили ему практически все устные фольклорные традиции возникновения каратэ, в том числе и версию об активной борьбе окинавских крестьян с японцами. Именно его достаточно подробная книга, полная при этом досадных ошибок и неточностей, стала для многих авторов основным источником материалов и легенд о каратэ. Надо также учитывать, что до сих пор между окинавскими кланами мастеров окинава-тэ идёт активная, хотя и скрытая, борьба за лидерство, частично объясняемая амбициями, частично – денежными интересами. Поэтому в книге Хаберзетцера оказалась отражена не столько реальная история окинава-тэ, сколько то, как её представляют в своих интересах те или иные группы мастеров каратэ. В действительности же всё было менее броско и гораздо более сложно. Какова же суть контакта японской и китайской культур, местом соединения которых и стала маленькая Окинава?

ОКИНАВЦЫ И КИТАЙЦЫ

Итак, пролистаем страницы истинной окинавской боевой эпопеи, которая в конечном счёте приведёт нас к знаменитому каратэ. Начинается она в Китае.

В 1644 г. там воцаряется маньчжурская династия, принявшая название Цин (Чистая). После этого многие северяне стали активно переселяться сначала на плодородный юг Китая, а затем ещё дальше, на острова в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, постепенно добирались они и до Окинавы. И вот что примечательно: они несли с собой не столько южные стили ушу, сколько традиции северных школ, в том числе и стиля шаолиньцюань, – ведь они были беглецами именно с севера Китая. Не случайно в современном каратэ до сих пор сохраняется немало связок из стиля шаолиньцюань, например в ката Канку-дай. Таким образом, на Окинаву «прибыло» сразу несколько семейных школ ушу, многие из которых считали своим истоком Южный Шаолиньсы, но на самом деле северного происхождения.

Сотнями нитей Окинава была связана с Китаем. У тех переселенцев, которые когда-то в поисках лучшей жизни отправились на Окинаву, осталось на материке немало родственников – это помогало вести активную торговлю с Южным Китаем. Торговали солью, знаменитым фуцзяньским чаем, шелками и другой материей.

Китайские поселения на Окинаве были весьма значительны – порой они составляли целые деревни. Распахивались новые поля, создавались выселки, появлялись новые традиции и обычаи.

Китайцы принесли с собой не только тщательно продуманные методы землепользования и строительства домов, но прежде всего свою духовную культуру. Приходит новое ритуальное измерение жизни с тщательно разработанным культом предков, семейным воспитанием, соблюдением всех конфуцианских норм. Так происходит своего рода «оплодотворение» Окинавы китайской духовной культурой, так рождается новый вид боевых искусств.

Но какие именно стили пришли из Китая на Окинаву? Несколько лет назад автор этих строк, будучи в Китае, попробовал предпринять собственное «расследование». Естественно, точного ответа быть не может – переселенцы приезжали на Окинаву из самых разных

районов провинций Фуцзянь, Гуандун и даже с севера Китая, принося с собой свои местные школы.

Приморские районы провинции Фуцзянь до сих пор малодоступны для иностранцев; к тому же до недавнего времени знаменитый своими боевыми искусствами и Южным Шаолиньским монастырём уезд Путянь считался стратегической, а, следовательно, закрытой зоной, находящейся непосредственно напротив Тайваня, споры о статусе которого создают в этих местах весьма неспокойную ситуацию. До сих пор в этом регионе существует множество самых разнообразных традиционных школ ушу, многие из которых по своему техническому арсеналу поразительно напоминают каратэ. Автору этих строк, в частности во время поездок по уезду Путянь, неоднократно приходилось встречать старых мастеров, выполнявших комплексы, весьма напоминающие по своей структуре такие известные ката каратэ, как Канку-дай, Басай-дай, Сантин-но-ката. Из стилей, имеющих самоназвания и связанных с окинавской боевой традицией, можно с уверенностью назвать цзунхуцюань – «стиль благоговения перед тигром», хухэлунцюань – «стиль тигра, журавля и дракона» (основа окинавского стиля Уэти-рю, из него пришли в каратэ такие известные ката, как Сантин, Тэнсё и многие другие), наньчжицюань – «кулак Наньчжи», сухэцюань – «стиль голосящего журавля» и ряд других.

Ни точного названия стиля, ни имени того мастера, который стал первым преподавать ушу на Окинаве, установить не удалось. Скорее всего, такого названия вообще не существовало, поскольку в ту эпоху большинство китайских стилей именовалось просто «цюань» – «кулак», или «кулачное искусство».

Мы знаем доподлинно лишь одно: первые окинавские мастера боевых искусств (впрочем, не только первые) учились исключительно у китайских бойцов. Позже для окинавских последователей боевых искусств стало обязательным паломничество в Китай «на стажировку», а в фуцзяньских хрониках до сих пор сохранились записи о гостях с Окинавы.

Вскоре и сами окинавцы принялись передавать знания боевых искусств: сначала лишь по семейной линии, потом стали брать к себе в ученики соседских мальчишек, т. е. в известном смысле нарушали закрытую семейную традицию. Правда, занятия ушу с китайскими учителями ещё долгое время продолжали считаться престижными и модными, и родители нередко отдавали своих детей в обучение именно к китайцам. Комплексы тодэ вскоре стали восприниматься не столько как некие наборы приёмов, сколько как особый тип народного ритуала, основанный на ритмичных движениях, коротких выдохах, выкриках, плавных разведениях руками, прыжках и остановках. А поскольку ряд комплексов выполнялся под ритмичные удары в барабан, то это ещё больше сближало некоторые виды тодэ и ритуальные танцы.

Японцы подспудно, а иногда и намеренно «забывали» о неприятном – о том, что в основе каратэ лежит китайское ушу и что каратэ более чем наполовину и есть китайское творение, только представленное под иным названием и в японских одеждах. Японская эпоха «воспитания национального духа» «забыла» о китайских корнях каратэ. Поэтому сегодня нам известны в основном лишь имена японских мастеров, а китайские канули в Лету. Для этого даже не пришлось переписывать хроники и подправлять фамилии – таких хроник на Окинаве практически не было. Зато в генеалогических книгах фуцзяньских семей мы можем обнаружить немало весьма интересных сведений об истинной картине становления на Окинаве боевых искусств.

Одним из первых известных мастеров ушу, преподававших на Окинаве, был прибывший сюда в конце XVII в. Ван Цзялинь из уезда Путянь. Он селится недалеко от Сюри и через несколько лет берёт к себе в ученики нескольких человек. Преподаёт он в основном «стиль голосящего журавля» (*сухэцюань*), а одним из его учеников становится некий Ёнаминэ, прославившийся хлёстким ударом ладонью. Он мог сбить с ног трёх человек, стоявших упершись друг в друга руками. Приблизительно в то же время на Окинаве начинают преподавать китайские мастера Гуань Шанфу, Е Ваньи и многие другие, имена которых до нас не дошли.

Ранняя боевая традиция Окинавы весьма скудна на рассказы о мастерах боевых искусств. В сущности до середины XVIII в., кажется, никакими особыми подвигами местные бойцы не отличались, если не считать обычных, и то весьма редких, рассказов о «силачах», явно заимствованных из Китая. Вероятно, ни собственно школ боевых искусств, ни систематического преподавания на Окинаве вплоть до XVIII в. не существовало. Зато потом происходит настоящий «взрыв» боевых искусств на Окинаве.

НАЧАЛО ОКИНАВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ: БОЕЦ С БЫКАМИ САКУГАВА

История донесла до нас точные даты жизни одного из первых известных нам окинавских мастеров боевых искусств – Сакугавы. Он родился в Сюри 5 марта 1733 г., а умер 17 августа 1815 г. в возрасте 82 лет. В 17 лет он начал своё обучение у буддийского монаха Такахары Пэйсина (по одной из версий, тот прибыл из Китая), жившего в деревушке Аката. Речь, правда, не шла об обучении боевым искусствам – молодой Сакугава пытался овладеть искусством буддийской медитации и некоторыми дыхательными упражнениями.

В возрасте 23 лет ему удалось стать первым и, как свидетельствует история, единственным учеником китайского мастера Гуань Шанфу. Но вот учитель Гуань возвращается на родину, в Китай, где в 1790 г. умирает, а Сакугава остаётся один и решает после смерти мастера начать собственное преподавание.

Поскольку Гуань Шанфу был выходцем из уезда Путянь провинции Фуцзянь, т. е. из той местности, где расположен Южный Шаолиньский монастырь, то можно предположить, каким стилем занимался Сакугава. Хотя единого южного стиля в Китае никогда не существовало, тем не менее во всех южных школах существует немало общих черт – сравнительно высокие стойки, большое количество прямых ударов кулаком (на севере Китая в классическом шаолиньском стиле чаще используются прямые удары ладонью). В южных стилях темп выполнения приёмов в основном рваный, удары ногами редки и выполняются в нижнюю и среднюю часть тела, в основном направлены в пах. Немало и ударов различными частями кисти, например тыльной стороной согнутого запястья («шея аиста»), второй фалангой указательного или среднего пальца («глаз феникса», «глаз дракона»), кончиками согнутых и сомкнутых пальцев («когти орла»), растопыренными пальцами («лапа тигра»), нижней частью ребра ладони («челюсть быка») и многим другим. Таковы ранние окинавские школы боевых искусств.

Вероятно, от первоначальной техники Гуань Шанфу до нас дошло лишь одно древнейшее ката. Сегодня в стиле Сётокан каратэ оно известно под названием Канку-дай, а его древнее название – Кусанку. Дело в том, что по-японски имя Гуань Шанфу произносилось как Ко Сёкун, откуда, возможно, по созвучию и произошло название Кусанку – «глядеть в пустоту» или «взирать на небо». Справедливости ради заметим, что это не более чем одна, ничем не подтверждённая (правда, и не опровергнутая) версия – ведь каждое ката имеет по крайней мере не менее десяти версий своего происхождения, и практически все они указывают на Китай.

Итак, скорее всего Сакугаве была передана одна из небольших китайских школ, относимых к южному шаолиньскому направлению. Овладел он не только кулачным искусством, но и комплексом боя с шестом, именуемым «шест Сакугавы» – *сакугава-но-бо* .

Сакугава берёт к себе трёх учеников. Первым последователем становится его дальний родственник и сосед Окуда. Легенды гласят, что он якобы мог убить быка одним ударом, за что его и прозвали «железная рука». Справедливости ради заметим, что сражения с быками являлись частью многих культовых окинавских праздников, и силачи, выходившие на бой с быками, были не редкостью. Традиция поединков с животными исторически зафиксирована на Окинаве уже во времена царствования правителя Сё Ко. Нередко на бой с быками выходил и сам Сакугава.

Вторым учеником Сакугавы стал некий Макабэ, прозванный «человек-птица» за столь лёгкие передвижения и уклоны от ударов, что, казалось, он порхает над землёй. Скорее всего

и Окуда, и Макабэ пришли к Сакугаве уже сложившимися бойцами, хотя без знания какого-то конкретного стиля. А вот наследником школы Сакугавы становится его третий ученик Мацумото, который хотя и не имел никаких славных прозвищ и не был известен громкими подвигами, но всё время проводил в занятиях базовыми упражнениями тодэ. Искусству боя с шестом Сакугава обучал отдельно и передал его некоему Цзиновану Дояти, который и создал свой комплекс, названный на китайский манер *цзинован-но-гунь* – «шест Цзинована».

Можно ли повести историю окинава-тэ от школы Сакугавы? Нет, история этой школы заканчивается уже на первом поколении его учеников. Между ними и последующими поколениями мастеров окинавских боевых искусств лежит пропасть в несколько десятков лет.

Параллельно со школой Сакугавы формируется другая школа, оставившая более заметный след в истории боевых искусств Окинавы. Её руководителем становится Мацумура Сокон (его имя также могло читаться как Сёкон, Сосюн, Соби или Мунэхидэ). Он и считается основателем одной из трёх крупнейших окинавских школ боевых искусств Сюри-тэ. Точной даты его рождения история не сохранила: называют то 1792 г., то 1805 г., то 1809 г.

Мацумура с детства мечтал заниматься боевыми искусствами, благо в его родной деревне Сюри проживало немало китайских мастеров. Но обстоятельства не позволяли ему полностью отдаться любимому делу – он был слишком занят работой по хозяйству, так как семья Мацумуры содержала немало скота и владела несколькими гектарами полей. Правда, его отец Мацумура Софоку – один из местных клановых лидеров – сам знал основы тодэ и даже кое-что передал своему сыну. Ходили слухи, что Софоку обучался то ли у самого Сакугавы, то ли у одного из его учеников, но точно это не известно.

Старший Мацумура не хотел, чтобы сын, на которого он возлагал столько надежд, посвящал слишком много времени занятиям тодэ. Хотя, как оказалось позже, и из этого можно извлечь пользу.

В 18 лет Мацумура Сокон женится на молодой красавице Ёнаминэ Тирю, дочери весьма уважаемого и зажиточного гражданина Окинавы. Ёнаминэ считался великолепным знатоком тодэ и обучался у китайского мастера.

Мацумура был отнюдь не первым из тех, кто понял, что истинная традиция боевых искусств находится всё же в Китае, а не на Окинаве. «Паломников», отправлявшихся за секретами ушу в Поднебесную империю, в то время было немало; правда, большинство из них возвращались ни с чем либо обучались весьма поверхностно. Но факт остаётся фактом – окинавцы направляли свои стопы не в Японию за самурайским мастерством, а припадали к источнику китайской боевой традиции.

Прежде всего Мацумура, зная многие неудачные попытки своих предшественников в путешествиях по Китаю, берёт рекомендательное письмо от Ёнаминэ, в котором тот называет имя своего учителя Ван Цзялиня и даже имена тех, у кого обучался сам его наставник. В 1830 г. Мацумура отплывает в Китай, где селится в уезде Путянь. Обучение в Китае резко меняет само отношение Мацумуры к боевым искусствам. Он видит, что за всем этим стоит целая система воспитания человека. На Окинаве, где школы тодэ не являлись столь мощными и уже не несли в себе ту глубину мистической традиции, которая была присуща им в Китае, вся многогранность боевых искусств не была видна. Примечательно, что до того времени ни одна из окинавских школ не имела названия, т. е. не обозначала себя как вполне самостоятельную общность.

Через несколько лет после возвращения на родину Мацумура объявляет о создании школы, которую называет «Сёрин-рю Гококу-ан-тодэ» – «Танское искусство Шаолиньского монастыря». Кстати, произносил он это название на китайский манер (здесь оно дано в японском звучании) и, не желая лицемерить, объяснял, что преподаёт именно китайское боевое искусство. Кстати, сегодня существует одно из современных направлений каратэ, носящее такое же название, но генетически школа Мацумуры и одноимённый стиль каратэ никак не связаны.

Именно Мацумура впервые выносит в название своей школы иероглифы Сёрин (*Шаолинь*), тем самым явственно связывая себя со священным китайским первоисточником.

Правда, столь сложное и к тому же традиционно китайское название не прижилось, и лишь члены школы Мацумуры использовали его. Местные же жители называли школу Мацумуры значительно проще – Сюри-тэ, что значит «стиль (рука) из деревни Сюри». Под этим названием вошли в историю и школы нескольких последующих поколений его учеников. От Сюри-тэ и берёт своё начало ниточка, которая через сто лет приведёт к каратэ.

Из Китая Мацумура привозит несколько комплексов (*таолу*), на основе которых и строит своё обучение. В первоначальной версии его стиля таких комплексов было пять, один из них выполнялся в паре и по китайской традиции включал в себя несколько сотен разнообразных элементов. Но окинавцам такая структура показалась сложной. Дело в том, что на Окинаве испокон веков существовали свои боевые ритуальные танцы. Они могли длиться целый час, но базировались всё же на повторении десятка достаточно простых элементов; кроме того в танце не требовались ни особая сила удара, ни скорость.

Китайская система многочисленных и сложных комплексов с многогранной активной медитацией в чистом виде на Окинаве не прижилась. И Мацумура, понимая это, идёт на нарушение той традиции, которой сам обучался, – постепенно уменьшает количество комплексов, в конце концов сведя их к одному, названному им Пассай (или в другом произношении Бассай), что означает «штурмовать крепость». Комплекс с точно таким же названием (*кит.* «чусай») до сих пор существует в одном из северных шаолиньских направлений, которое вместе с переселенцами пришло в провинцию Фуцзянь. Правда, со временем он заметно изменился, но тем не менее мы и сегодня можем встретить в нём движения, сходные с приёмами ката Бассай.

Пользуясь колоссальной популярностью на острове, Мацумура открывает первую общедоступную школу тодэ, куда набирает местных жителей. Обратим внимание: школа существовала абсолютно открыто; в противоположность распространённому мнению занятия боевыми искусствами в те времена не преследовались и школы никто не закрывал. Поэтому многочисленные рассказы о том, как окинавские мастера занимались по ночам, скрываясь от неких преследователей, малоправдоподобны.

Мацумура воспитал целую плеяду учеников, которые и сумели создать характерный облик окинава-тэ. Среди его последователей мы, в частности, встречаем Итосу Анко (1832 – 1916 гг.) и Азато Анко (1827 – 1906 гг.) – будущих учителей Фунакоси Гитина, Ябу Кэнцу (1866 – 1937 гг.) – отменного силача, валившего ударом кулака стену дома.

Школа Мацумуры была по тем временам велика: в ней обучалось в разные периоды несколько десятков учеников, в том числе и дети весьма уважаемых граждан Окинавы.

Создание Мацумурой школы Сюри-тэ словно прорвало плотину в сознании лидеров десятков мелких групп боевых искусств. Полноценными школами назвать их было трудно – нередко они прекращали действовать уже во втором поколении учеников, названий не имели, хотя многие горделиво причисляли себя к Сюри-тэ, ссылаясь на то, что они тоже живут в Сюри.

Тем временем недалеко от Сюри, в деревне Томари (сегодня они слились в один город), возник стиль Томари-тэ, у истоков которой стоял Мацумура Коруку (в другом чтении – Косаку) (1829 – 1898 гг.). В то время она представляла собой одну из десятков мелких групп, занимающихся китайским боевым искусством.

Обратим внимание – я здесь говорю не о разных стилях, а именно о разных школах, т. е. о группах, руководимых разными мастерами и имеющих различное происхождение. А вот стиль у них мог быть один и тот же. Правда, в данном случае стиль как таковой ещё не сложился – не было стабильного набора ката, характерных методов тренировки, чётко систематизированной техники. Например, Сюри-тэ и Томари-тэ на раннем этапе были столь похожи, что, пожалуй, никто, кроме их патриархов, не мог отличить технику одной школы от другой. Кстати, Мацумура Сокон и Мацумора Коруку были дружны, и Коруку (стиль Томари-тэ) считал Сокона (стиль Сюри-тэ) своим названым старшим братом.

Первые школы жили достаточно мирно, ибо никакой конкуренции друг другу не составляли. Всё различие между ними заключалось в том, что они находились в разных районах. Корнями они уходили практически в один и тот же региональный китайский стиль, а по некоторым версиям, основатели Сюри-тэ и Томари-тэ в Китае учились даже в одной школе.

ОКИНАВСКИЕ ШКОЛЫ

К концу XIX в. становится ясно, что на Окинаве начинает формироваться вполне самостоятельная система боевых искусств. До создания крупных школ тот весьма аморфный конгломерат, который назывался «тодэ» или «окинава-тэ», был копией южных, в особенности фуцзяньских, стилей ушу, в свою очередь возникших из северокитайских стилей. Предполагают, что существовали и какие-то чисто окинавские черты, например работа с *манрики-гусари* (цепь) или *кама* (серп), но и это достаточно спорно: упражнения с серпами и цепью в Южном Китае были известны по крайней мере с XVI в., а остатки древних боевых серпов найдены на раскопках Южного Шаолиньского монастыря.

Но вот наступает иной этап – переход от слепого копирования ушу к относительной самостоятельности. Почему относительной? Дело в том, что техника южного ушу навсегда закрепилась сначала в окинавских стилях, а затем проявилась в каратэ.

В специальной литературе ошибочно принято выделять три школы, сформировавшиеся к концу XIX в.: Сюри-тэ, Томари-тэ, Наха-тэ. В реальности дело обстояло намного сложнее. Не существовало, да и не могло – по логике народной культуры – существовать трёх чётко оформившихся школ. В частности, практически все жители Сюри, которые хоть немного были знакомы с боевыми искусствами, гордо заявляли, что они «занимаются Сюри-тэ». В их искренности трудно было усомниться, так как они действительно жили в посёлке Сюри, а следовательно, занимались «стилем из Сюри». А на самом деле под этим названием фигурировал по крайней мере десяток школ и просто временных групп.

В большинстве западных книг, посвящённых каратэ, мы встречаем такую версию: Сюри-тэ и Томари-тэ произошли от северных китайских стилей, Наха-тэ – от южных, поэтому в Сюри-тэ можно наблюдать сравнительно высокие стойки, а в Наха-тэ – позиции низкие, что якобы присуще и соответствующим направлениям китайского ушу. Безусловно, версия стройная и изящная, ибо очень просто объясняет разницу двух ветвей тодэ на Окинаве, а следовательно, и появление различий между такими стилями, как Сётокан (пошедший от Сюри-тэ) и Годзю-рю (пошедший от Наха-тэ). Такова известная китайская традиция разделения всех стилей ушу, да и едва ли не всех явлений китайской культуры, на «южные» и «северные», в то время как коренных технических различий между южными и северными стилями ушу практически не существует.

Точно так же не существовало и заметных технических различий между многочисленными окинавскими «тэ». Но как ещё объяснить отличие своей школы от школы соседа, который обучался у того же мастера, что и ты сам? Поэтому рождались чисто формальные объяснения отличий одной школы от другой. Они коренились в психологической потребности к обособлению, которая присуща любой школе ушу, религиозной секте или другой подобной организации.

И версия о трёх центральных школах окинавских боевых искусств хотя и связана каким-то образом с реалиями тогдашней ситуации, тем не менее всё же далека от действительности.

Постепенно за счёт слияния двух, а то и трёх школ возникают новые направления. Так сложилось направление Сёрин-рю, которое включало в себя Томари-тэ и Сюри-тэ и в дальнейшем во многом повлияло на формирование такого стиля каратэ, как Сётокан. Оно, кстати, сохранилось на Окинаве и по сей день, хотя заметно изменилось. Это название возникло в последней четверти XIX в. и таило в себе одну хитрость. В дословном переводе оно означает «сосновый лес» – именно таким образом название записывалось иероглифами.

Но вот на слух его можно было перевести и как японское название знаменитого Шаолиньского монастыря («Шаолиньсы» по-японски звучит как «Сёриндзи»). Нередко оно и записывалось именно так – «шаолиньская школа», хотя даже косвенного отношения к китайскому Шаолиню не имело. Однако легендарная слава делала своё дело – кому же не хочется возвести свой духовный род к прославленным монахам-бойцам? Когда не без влияния Фунакоси из терминологии каратэ начали вымарывать всё «китайское», то в единственном официальном написании Сёрин-рю стали использоваться иероглифы «сосна» и «лес», а не «маленький (молодой)» и «лес», как записывалось название Шаолиня. Да и сами мастера Сёрин-рю всегда считали «правильным» названием именно «сосновый лес».

Синэн Санда (сер. XIX в.) из Сюри, основатель стиля боя с оружием Ямани-рю. Долгое время учился в Китае, а затем создал свою школу на основе боя с длинным шестом (бодзюиу). Некоторые ката с шестам вошли затем в стиль Сёрин-рю мастера Накадзато Сюгоро и стиль Бугэйкай мастера Хига Сэйтоку

Объединение школ Сюри-тэ и Томари-тэ происходит при жизни двух знаменитых мастеров-однофамильцев: Мацуморы Коруку (1829 – 1898 гг., стиль Томари-тэ) и Мацумуры Сокона (1809? – 1896 гг. или 1901 г., стиль Сюри-тэ). Заметных различий между Томари-тэ и Сюри-тэ не было. Вспомним, что зачинатели этих направлений обучались в одних и тех же китайских уездах, школы развивались рядом друг с другом, использовали почти одинаковые ката для тренировки. В начале XX в. многие бойцы, в частности знаменитый Нагаминэ Сосин, параллельно обучались Томари-тэ и Сюри-тэ, стирая грани между ними.

Итак, школы боевых искусств на Окинаве постепенно становились местной традицией.

Традиционные тренировки на Окинаве, наверное, весьма удивили бы современных поклонников каратэ. Во многом они повторяли методы тренировки в ушу, где существует три классические составляющие каждого стиля: отработка комплексов и их боевого применения (*юнфа*), поединки в полный контакт (*саньда* или *саньшоу*) и особые методы подготовки (*гунфа*).

Именно гунфа, а не отработка комплексов считаются до сих пор основой основ тренировки в ушу. В противоположность этому на Окинаве основой тренировки стало считаться выполнение ката, поскольку при переходе боевого искусства из Китая в Японию многие методы гунфа оказались утраченными.

В основном это немногим отличается от преподавания в современном каратэ. Но существовало и большое отличие – в старом окинава-тэ не поощрялись тренировочные поединки или свободные спарринги (*дзю -кумитэ*). Мастера объясняли, что основной принцип боевого искусства – «убить одним ударом» (*икэн-но-сацу*). Это означало, что боец с первого же – и при этом единственного – удара должен поразить своего противника, а точнее – убить его.

Поэтому наставники многих школ окинава-тэ не преподавали технику свободного поединка. Частично её заменял подробный разбор боевого применения ката – *бункай* . Он соответствовал некоему идеальному варианту боя и был построен по схеме «блок-удар» или «блок-удар-удар», а затем шёл переход к следующей комбинации, обычно сопровождаемый разворотом в другую сторону. Тем самым боец как бы обозначал, что с одним противником покончено и он переходит к бою со следующим. Окинава-тэ, исходя из схемы базовых ката, было нацелено на бой с несколькими противниками. Эта традиционная схема до сих пор сохранилась в ката современного каратэ.

Главным методом окинавской тренировки была отработка ударов на *макиваре* – «свёрнутой соломе». Первоначально она представляла собой обычный сноп рисовой соломы, плотно перевязанный верёвкой. Именно такие примитивные макивары использовались ещё в XVIII в. Однако в эпоху расцвета окинава-тэ, наступившую столетие спустя, был разработан иной тип мишени, который по-прежнему именовался макиварой; её мы можем встретить в залах каратэ сегодня.

В землю вкапывалась, обкладывалась камнями, замазывалась глиной и таким образом укреплялась обычная доска, которая утончалась к верхнему концу и благодаря этому могла хорошо пружинить. Затем к ней привязывали несколько слоёв всё той же рисовой соломы. В течение долгих тренировок боец сбивал их слой за слоем, макивара становилась всё жёстче и жёстче, пока боец не начинал бить просто по голой доске.

Для отработки знаменитых окинавских ударов использовалась и масса других приспособлений, например несколько связанных вместе бамбуковых палок (*такэ-маки*). На такэ-маки набивали предплечья для «блоков, что ломают руку», и удары рёбрами ладоней (*сюто*).

Нередко для тренировок использовались самые обычные предметы, которые окинавцам и японцам знакомы с детства. Это, в частности, высокие сандалии гэта, низ которых изготавливался из крепкого дерева, а верх – из кожаных полосок. Если каждодневные гэта были сравнительно удобны, то ритуальные сандалии делались из очень тяжёлого дерева и были столь высоки, что не привыкший к ним человек вряд ли сумел бы пройти пару шагов и устоять на ногах. И вот в таких гэта окинавцы, а позже и японские каратисты отрабатывали удары ногами и передвижения (*таи-сабаки*). В тяжёлых гэта быстро уставали ноги; кроме того, надо было следить, чтобы неудобные сандалии не слетели с ноги. К тому же следовало суметь удержать равновесие на опорной ноге. И всё же опытные бойцы были способны не только выполнять базовые удары, но и бить ногами в прыжке, не снимая гэта, и приземляться в абсолютно устойчивую позицию.

Для развития силы использовали традиционные китайские каменные гантели *тяси* (*кит* .«суоцзы»), которые обычно представляли собой просто прямоугольный обработанный камень с продетой в него рукоятью. Вес их колебался от 5 до 50 кг. С ними прыгали, отрабатывали удары, бегали по горным тропинкам и в густом лесу.

Тренировка в парах в окинава-тэ в основном сводилась к отработке заданных комбинаций, воспроизводящих короткие отрезки из ранее изученных ката. Долгое время такой тип тренировки в боевых искусствах без поединков сохранялся и в каратэ; основным и самым активным его сторонником был сам «отец каратэ» Фунакоси Гитин.

Особым образом овладевали довольно сложным умением контролировать удар (оно называется «кэн-но-хику»), что является важнейшим принципом современного каратэ. Дело в том, что издревле во время отработки техники окинавские мастера требовали наносить удары изо всей силы, «дабы в ударе был виден дух бойца». Партнёр должен был уметь защититься от такой мощной атаки, и если он оказывался ранен, то вина целиком ложилась на него самого. Связки ударов практически не отрабатывались (это появилось значительно позже), поэтому окинавские бойцы, а вслед за ними и первые японские каратисты были нацелены на один смертельный удар.

Но постепенно ситуация меняется. В конце XIX в. искусство окинава-тэ начинают активно преподавать в средних школах, открываются общедоступные клубы, а традиция закрытых школ уходит в прошлое. Да можно ли от основной части населения – в том числе от школьников – требовать тщательного следования суровым древним заповедям бойцов?! Конечно, традиционные школы с жёсткой подготовкой сохранялись (например, школа Хигаонны Наха-тэ, откуда позже вышел стиль Годзю-рю), но они становились скорее исключением, чем правилом. И, естественно, в той ситуации, когда окинава-тэ получило широкое распространение, потребовалось разработать систему контроля удара, дабы избежать увечий на тренировках.

С той поры принцип «кэн-но-хику» предусматривал, чтобы удар наносился в полную силу, но был остановлен за доли сантиметра от тела противника. Это должно быть не имитацией удара или просто безобидным «уколом», но реальной мощной атакой, причём обмануть строгих окинавских мастеров было невозможно.

Чтобы научить своих последователей контролировать удар, мастера использовали много способов. Например, помещали доску для разбивания (*тамэсивари)* прямо перед остриём меча. Боец должен был расколоть доску, не поранив руку о меч. В другой раз учеников заставляли часами наносить удары, целясь в нос партнёру. Уставали руки, ослабевало внимание, но до партнёра нельзя было дотронуться. Если это всё же происходило, партнёр имел право изо всей силы нанести удар по голове обидчика.

Однако поединки на старой Окинаве всё же существовали, причём были весьма жёсткими. Окинава довольно точно копировала традиции Китая в области боевых искусств. Так же как в китайских деревнях, на Окинаве в моду входят бои на неограждённой площадке. Правда, потом многие патриархи каратэ – выходцы с Окинавы, дабы не вводить в своих школах поединки, утверждали, что никаких боёв на острове не было. В реальности же такие бои проходили достаточно регулярно, и сегодня на Окинаве можно точно указать то место, где окинавцы обычно сходились в поединках по весьма условным правилам, – это гористый уголок Удэ-какэси. Предания рассказывают, что иногда подобные бои заканчивались гибелью участников, а тяжёлые травмы и переломы случались сплошь и рядом. Такие бои превратились в чисто праздничное зрелище – своего рода «потешное представление». В этих поединках в молодости успел принять участие даже мастер школы Сюри-тэ, учитель основателя каратэ Фунакоси Гитина – Итосу Анко. Считаясь в те времена сильнейшим представителем Сюри-тэ, Итосу сошёлся в бою с лучшим мастером школы Наха-тэ – Томоёэз, в будущем основавшим славную династию отличных бойцов. Поединок продлился всего несколько мгновений: Томоёэз успел нанести лишь один удар кулаком, но Итосу тотчас перебил ему руку мощным блоком ребром ладони.

ХИГАОННА – ВЕЛИКИЙ ПАЛОМНИК С ОКИНАВЫ

Паломничество в Китай окинавских последователей боевых искусств становится не просто традицией, но необходимостью, ибо мастером на Окинаве мог считаться лишь тот, кто «почерпнул из источника» – обучался ушу в Поднебесной империи. Пожалуй, дольше всех пробыл в Китае один из лучших окинавских мастеров, человек-легенда Хигаонна Канрио (его имя также произносилось как Хигасиона или Хидзаона).

Он родился в Наха между 1840 – 1845 гг., а по некоторым источникам – в 1853 г.

Деревушка Наха, расположенная неподалёку от моря, издавна славилась своими отменными моряками и удачливыми рыбаками; все её жители были так или иначе связаны с морем. И молодой Хигаонна с детства овладевает профессией моряка. Семья его была далеко не самой бедной, и когда Хигаонна достигает совершеннолетия, отец выделяет ему часть своих средств, дабы тот открыл собственное дело. Хигаонна решает заняться торговлей китайским чаем, благо фуцзяньский чай славился не только на Окинаве, но и в Японии. Он быстро сходится с китайскими производителями чая и вскоре становится одним из основных поставщиков на Окинаву знаменитого фуцзяньского чая «улунча».

Хигаонна Канрио

Торговля шла довольно удачно, но тут Хигаонну стали преследовать неприятности – на морских путях объявились безжалостные пираты «вако». Среди них были и японцы, выходцы с Окинавы, встречались и малайцы, но, конечно же, больше всего было китайцев. Корабль Хигаонны несколько раз становился жертвой таких пиратов. Однажды он был ограблен настолько, что потерял практически весь товар и оказался полностью разорён; самого Хигаонну при одном из нападений так сильно избили, что его здоровье резко ухудшилось.

Трудно сказать, нападения ли пиратов или советы знакомых подвигли Хигаонну заняться китайским ушу, но так или иначе, он поселяется в провинции Фуцзянь и все оставшиеся деньги тратит на обучение боевым искусствам. По утверждениям последователя его школы Миядзато Эити, это произошло, когда Хигаонне было 23 – 24 года. Рекомендательное письмо ему дал некий окинавец Удунь Йосимира, китаец по происхождению. Занятия ушу полностью изменяют его мировоззрение. И некогда немного суетливый, как и положено всякому восточному торговцу, Хигаонна становится спокойным и уверенным в своих силах человеком, услужливым и вежливым со всеми людьми. Сначала Хигаонна обучался у мастера Вай Шэньцзана (иногда его имя пишется как Ван Синцзан; Фунакоси в своей книге «Каратэ-до Кёхан» утверждает, что он был военным атташе и имел ещё нескольких последователей с Окинавы: Симабуку, Хига, Сэнаха, Гути, Нагахамэ, Аранаки и Куваэ.), чуть позже у некоего Лю, предположительно изучая стиль «люцзяцюань» – «стиль семьи Лю». Он родился среди тайных обществ провинции Гуандун, а чуть позже пришёл в Фуцзянь. «Люцзяцюань» отличался большим количеством ударов руками; атаки выполнялись так, что боец всё время находился боком к противнику. Много было мощных

ударов предплечьями наотмашь, что требовало включения в удар всего корпуса и немалой физической силы. Для развития особого типа «внутреннего усилия» в этом стиле была разработана сложная система дыхательных упражнений, в том числе и сонорных, когда на выдохе издаётся возглас определённой тональности.

Почти десять лет обучался Хигаонна в провинции Фуцзянь, а затем отправился в странствия по Китаю. Хигаонна оказался посвящён в ряд секретных тренировочных методик и стал носителем «истинной традиции» нескольких закрытых китайских школ. Китайцы признали его «за своего», а в провинции Фуцзянь он даже получил особое «мастерское» имя – «Тона с островов Рюкю». Но знаком высшего признания стало то, что в фуцзяньской школе Хигаонна становится старшим инструктором, фактически первым помощником мастера, которому было доверено самостоятельно проводить тренировки и посвящения учеников, – случай редчайший за всю тысячелетнюю историю существования ушу.

На берег родной Окинавы Хигаонна вновь вступил в возрасте 35 лет. Ещё с детства он выделялся высоким ростом и мощным телосложением, а посвящение в боевые искусства сделало его уже при жизни героем многих историй и забавных анекдотов, которые пересказывали местные жители.

Хигаонна решил навсегда расстаться с торговлей и посвятить всё своё время преподаванию тодэ. Примечательно, что в Китае существовал важный принцип, являющийся частью «боевой морали» (*кит* . «удэ», *яп* .«боку»), – «Торговцам не преподавай». Хотя в Японии такого принципа строго не придерживались, но Хигаонна психологически превратился в полноценного «китайца».

Открыв свою первую школу, он ввёл в ней такую строгую, воистину китайскую дисциплину, что добрая половина учеников тут же покинула его. Хигаонна отнёсся к этому более чем спокойно, придерживаясь опять же китайского принципа: «Лишь у строгого учителя – хороший ученик».

Кстати, он был одним из немногих окинавских инструкторов, кто имел официальное, хотя и неписаное, разрешение от китайского мастера на открытие своей самостоятельной школы. Большинство окинавских мастеров после посещения Китая таких разрешений не получили, и потому они считались нарушителями правил «хорошего тона» в боевых искусствах. А вот в направлении Хигаонны долгое время сохранялись практически все принципы закрытой китайской традиции ушу, в том числе много медитативных и дыхательных упражнений, сложные методы тренировки и хитроумные способы направления «внутренней энергии» в удар. Отголоски этих закрытых методов мы сегодня можем встретить в тех стилях каратэ, которые вышли из школы Хигаонны, – Годзю-рю и Уэти-рю.

Школа Хигаонны не имела никакого названия; сам он об этом мало заботился, поскольку большинство китайских школ также никак не назывались. Местные жители именовали её Наха-тэ – «стиль из деревни Наха», где и жил Хигаонна. Несколько позже, уже после смерти мастера, школа обрела второе, параллельное название – Сёрэй-рю («Школа Просветлённого духа»).

В Китае Хигаонна изучал комплекс упражнений, который позднее станет «визитной карточкой» целого ряда стилей каратэ, особенно в области управления сознанием и внутренней энергией «ки». Знаменитое ката Сантин встречается не только в направлении Наха-тэ, но и в стилях Годзю-рю и Уэти-рю. Это. В Китае этот комплекс назывался «сань тин» – «три шага вперёд», или «три атаки», так как выполнялся по схеме «три шага вперёд – разворот – три шага назад». Происходил он из школ ушу уезда Путянь, и в трансформированном виде его можно встретить в этих местах и по сей день.

Суть комплекса состоит в резком чередовании абсолютного расслабления и абсолютного напряжения. Соответственно в Сантин используются два типа дыхания – обычное, или расслабленное (*дзюсоку*), и напряжённое (*тайсоку*), причём как выдох, так и вдох выполняются при полном мышечном и духовном напряжении. Спустя столетие эти типы дыхания и принципы можно встретить во многих стилях каратэ – Годзю-рю, Кёкусинкай. Так на Окинаве постепенно закладывался фундамент каратэ.

Несложно заметить, что по своему характеру школа Хигаонны, названная Наха-тэ, была чисто «китайской». В сущности сам Хигаонна и не утверждал, что создал собственный стиль, он лишь преподавал компиляцию из фуцзяньских школ китайского ушу. Но параллельно с этим на Окинаве существовали школы, мастера которых уже могли позволить себе оторваться от китайской боевой традиции.

НАРУШИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ ИТОСУ АНКО: НОВАЯ ЭПОХА ОКИНАВА-ТЭ

Другое направление окинавских боевых искусств связано с именем знаменитого мастера Итосу Анко (Ясуцунэ) (1832 – 1916 гг.). Правда, различия в направлениях здесь были не столько технические, сколько чисто психологические: если Хигаонна рассматривал боевые искусства как закрытую систему воспитания духа и в этом жёстко придерживался китайской традиции, то Итосу символизировал собой «открытое» направление, стараясь сделать из окинава-тэ общедоступный метод воспитания молодёжи, чего ему в сущности и удалось добиться.

Итосу Анко родился в Сюри, тогда ещё маленькой деревушке, в 1832 г. Как он попал в обучение к знаменитому Мацумуре Сокону, который также жил в Сюри, неизвестно. Одни говорят, что это случилось, когда ему было восемь лет, другие – двенадцать, третьи – шестнадцать. Тем не менее все согласны в том, что после многих лет неотступного следования за Мацумурой Итосу Анко становится официальным и общепризнанным патриархом школы Сюри-тэ.

Пожалуй, не было среди старшего поколения окинавских бойцов человека более уважаемого и овеянного легендами, чем Итосу. В отличие от многих других мастеров, привыкших жить скромно и в уединении, он, кажется, не был лишён здоровых амбиций. Именно с него начинает развиваться направление, в которое входили школы, не подпитывавшиеся напрямую китайским ушу, а лишь в очередной раз «переписывавшие» его.

Акаминэ Эйсукэ. Бой с трезубцами-саи считается древнейшим окинавским искусством

Среди односельчан Итосу выделялся огромным ростом и могучей силой. Его предплечья сравнивали со «стволом молодой сосны», а грудную клетку уподобляли «огромной круглой бочке». Когда Итосу исполнилось 25 лет, он мог перенести на своих плечах рыбацкую лодку, если в результате отлива она оказывалась на суше. В ярмарочные дни он потешал публику тем, что, взвалив на спину мельничный жёрнов, прыгал в глубокую яму, а затем преспокойно выпрыгивал из неё.

С годами Итосу становился всё скромнее и мягче. Рассказывают, что до глубокой старости – а Итосу ушёл из жизни в 84 года – его глаза сохраняли выражение почти детской наивности, доброты и радости жизни. Никто в общем-то и не помнил, чтобы он побил кого-нибудь. Напротив, все истории, рассказывавшиеся о нём, свидетельствуют о том, как он умел предотвращать бой. Итосу, вероятно, просто любил людей независимо от того, был ли человек мудрецом, необразованным простолюдином или даже бандитом.

...Однажды Итосу весь день провёл в делах в Наха и немного притомился – было жарко. Перед тем как возвращаться домой в Сюри, он решил зайти в один из небольших ресторанчиков, которых в портовом городке Наха было немало, выпить чаю, а может быть, и пропустить стаканчик вина. Итосу, спокойный и погружённый в раздумья, открыл дверь

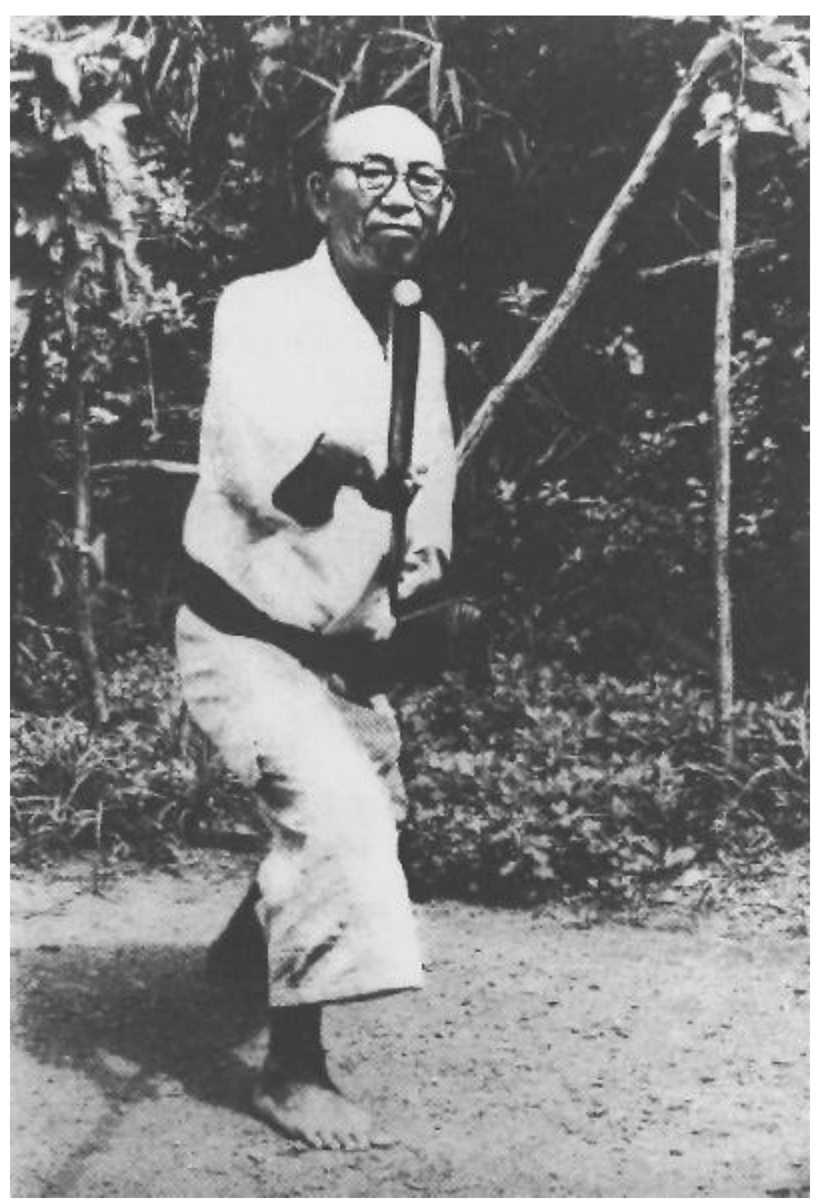
таверны. Но тут на него неожиданно обрушился мощный удар, нацеленный в живот, – кто-то, вероятно, решил поживиться содержимым его кошелька.

Итосу даже не стал блокировать удар, он просто напряг мышцы живота – и нападающий вскрикнул от боли, будто рука наткнулась на камень. Итосу, не глядя на противника, захватил его руку и потащил за собой. Вырваться из такой железной хватки было невозможно – незадачливый бандит рисковал вывихнуть себе запястье. А Итосу, по-прежнему задумчивый и какой-то отрешённый, прошёл между столиками, сел за свободный и лишь после этого, спокойно посмотрев на своего «собеседника», с мягкой улыбкой сказал: «Честно говоря, я не знаю, что Вы собирались делать. Но тем не менее надеюсь, это не помешает нам вместе выпить?».

Итосу не раз поражал людей своими поступками. От человека, наделённого такой силой и, как многие догадывались, боевым мастерством, все ожидали каких-то «подвигов», поединков или в крайнем случае рассказов о собственных боевых похождениях. Но Итосу был как бы противоположен этому местному «идеалу».

В те времена на Окинаве многие увлекались работой с подручными видами оружия (*кобудо*), больше надеясь на силу оружия, чем на собственные кулаки. Упражнения с парными саи (короткими трезубцами), *нунтяку* (двойным цепом), *бо* (шестом) практиковались повсеместно. Итосу кобудо хотя и знал, но не любил и никакого оружия не признавал. На разные лады, например, пересказывалась история о том, как однажды на Итосу вечером напали бандиты. Зная, что он непобедим в кулачном бою, они вооружились палками и трезубцами. Каково же было их удивление, когда за пару минут гигант просто обезоружил их, закинув саи и шесты далеко в лес. После чего он с обычной спокойной улыбкой обвёл их взглядом и заметил: «Не расстраивайтесь. Будем считать, что сегодня вам просто попалось плохое оружие».

У Итосу было несколько сотен учеников, которым он преподавал в разные периоды своей жизни. Его школа в противоположность многим другим широко открывала свои двери каждому. А после того как Итосу стал профессором (т. е. официальным преподавателем) тодэ в центральном колледже Окинавы, практически каждый, кто посещал его занятия, мог считать себя учеником этого мастера. Лучшими учениками Итосу были, безусловно, Ябу Кэнцу (Норимити) и Тибана Тёсин.



Патриарх стиля Ямани-рю Синэн Масами (1898-1976) в молодости служил полицейским на Окинаве, затем обучался бою с саи на Тайване. Его диагональный удар палкой был столь стремителен, что никто не мог даже заметить его

Ближайшим другом Итосу был преподаватель тодэ Азато Анко (Ясудзато) (1827 – 1906 гг.). Он же являлся и вторым учителем Фунакоси Гитина. Хотя Азато не обладал на Окинаве столь большим авторитетом, как великий Итосу, подготовка в боевых искусствах у Азато была более фундаментальной. Его воспитание как бойца абсолютным образом отвечало требованиям именно японской, а не окинавской традиции – Азато не только считался мастером Сюри-тэ, но и отменно владел практически всеми самурайскими искусствами: боем с мечом (кэндо), стрельбой из лука (кюдо) и дзёба-дзюцу (искусство боя на коне).

Итосу бывал в китайских школах ушу. Там считалось «хорошим тоном» не обнажать собственное мастерство, не пропагандировать боевое искусство. Особая культурная стилистика предписывала не вести массовых тренировок, и подавляющему большинству последователей китайского ушу не приходило в голову, например, заговорить о «повсеместном преподавании ушу», о его изучении, скажем, в средних школах. Окинавцы, воспитывавшиеся у китайцев или фактически занимавшиеся китайским ушу – например, патриарх направления Наха-тэ Хигаонна Канрио, его ученик, будущий создатель стиля Годзю-рю Мияги Тёдзюн, создатель стиля Уэти-рю Уэти Камбун, – стремились поддерживать китайскую традицию закрытых школ. А вот Сюри-тэ (кстати, своими корнями

также уходившее на юг Китая), признанным патриархом которого становится Итосу, наоборот, стремилось к «светскому», открытому преподаванию.

Ощущение мистерии, тайны, тончайшей духовности, которая передаётся лишь при интимно-личностном общении, в школе Итосу уже исчезает.

Итосу сегодня считается живым воплощением традиции боевых искусств. И всё же большего «нарушителя» этой традиции, чем Итосу, пожалуй, не было. Это проявилось в двух вещах: введении массового обучения тодэ и создании собственных комплексов-ката. Последнее вообще считалось неслыханной дерзостью. Ведь ката – это реальное воплощение духа мудрости древних мастеров. Как мы уже видели, до того времени все ката приходили на Окинаву из Китая. Считалось, что, выполняя ката, человек не столько отрабатывает технику боя, сколько входит в «след и тень» древних первомудрецов. Ката понимались чисто мистически – как канал соприкосновения с эзотерической сутью мастерства.

А вот Итосу воспринимал их уже по-другому. Он считал, что ката должны стать обычными комплексами для отработки базовой техники, а ореол «тайности» многих приёмов лишь вредит этому. И создал на основе основных связок Канку и Бассай пять собственных ката, называя их Пинан («Умиротворение и спокойствие»). Сегодня трудно сказать, чем руководствовался Итосу, давая такое название. С одной стороны, «пин ань» – это династийный китайский лозунг, с другой стороны – название одной из самых славных эпох в культуре Японии (*яп.* «Хэйан», VIII – XII вв.). Позже Фунакоси изменил китайское произношение «пинан» на японское «хэйан», «японизировав» таким образом ката. Именно под названием Хэйан эти пять ката стали базовыми комплексами ряда стилей современного каратэ, в частности Сётокан, основателем которого и считается Фунакоси.

Главной целью жизни Итосу стало массовое распространение окинава-тэ, поэтому пять ката Пинан он рассматривал как пять первых шагов или пять последовательных этапов в изучении молодым поколением кулачного искусства.

Итосу неоднократно обращался к японским властям с прошениями о том, чтобы признать тодэ официальным видом физического воспитания. Его поддерживали весьма состоятельные люди острова, члены аристократических семей. Итосу пользовался большим авторитетом в Департаменте физической культуры Окинавы и был единственным признанным мастером боевых искусств, вхожим в коридоры власти. Фактически он и стал тем центром, вокруг которого начал складываться круг людей, ратующих за светское, открытое преподавание боевых искусств и даже за введение окинава-тэ в программу средних учебных заведений. И вот наконец в 1902 г. в результате немалых усилий преподавание окинава-тэ было включено в учебную программу Центрального колледжа, а затем и Педагогического училища префектуры Окинава. А в 1906 г. состоялись первые показательные выступления, которые были активно поддержаны местными властями. Нетрудно понять, что тодэ демонстрировалось именно перед японцами, которые по-прежнему воспринимались как иностранцы, и перед местными чиновниками, которые могли дать «зелёный свет» официальному признанию тодэ. Показательные выступления готовились давно и имели чёткую практическую направленность. По сути это была реклама. Примечательно, что представителям ни одной другой школы тодэ, скажем Наха-тэ, не приходило в голову демонстрировать на публике своё искусство, которое считалось закрытым и тайным.

Так или иначе, акция удалась, и демонстрация окинава-тэ понравилась многим. Представителями местной японской администрации был составлен отчёт на имя самого министра образования Огавы Синтаро, который согласился с тем, чтобы ввести окинава-тэ в программу преподавания средних школ и некоторых высших учебных заведений Окинавы. Примечательно, что в этом документе подчёркивалась отнюдь не боевая ценность окинава-тэ, но именно его воспитательное значение, ибо такие боевые искусства «прививают нормы правильного поведения, учат уважать старших и учителей, делают здоровым тело». На тех показательных выступлениях никто не демонстрировал поединки, а в основном показывали ката, что и создало впечатление об окинава-тэ как о системе физического воспитания. Вряд

ли кто-то из инспекторов того времени предполагал, что всего лишь через три десятилетия каратэ заявит о себе как самый мощный вид боевых искусств и превзойдёт по популярности и кэндо, и дзюдо.

Нельзя сказать, что окинава-тэ после официального признания стало более популярным. Теперь некоторые наставники боевых искусств могли пойти на государственную службу, что, например, сделал сам Итосу. Но была и другая сторона легализации окинава-тэ: между школами развернулась острая борьба за право официального преподавания в учебных заведениях. Оно давало выход на администрацию и возможность поездки в Японию для демонстрации своего мастерства.

И вот в 1916 г., переломном для окинава-тэ, первая группа окинавских бойцов была приглашена с показательными выступлениями в Японию, в Киото. Принимающей организацией стал Бутокудэн – Дворец воинской морали. В состав делегации вошёл и Функоси Гитин. Японцы оценили выступления очень высоко (как обычно, демонстрировались лишь ката), однако какого-то заметного отклика не было. Лишь наивные окинавцы (провинция есть провинция) могли полагать, что их тут же попросят остаться в Японии для преподавания.

Когда начались поездки окинавских бойцов в Японию, сейчас сказать сложно. Сохранились упоминания о том, что в 1886 г. там побывал сам великий Азато Анко и одержал громкие победы над японскими бойцами, в том числе над Сакудзиро Ёкоямой, инструктором дзюдоистского Кодокана. Вполне вероятно, что эта легенда возникла среди окинавских мастеров в противовес утверждениям Фунакоси о его лидерстве в проповеди окинава-тэ в Японии. Но в любом случае поездки окинавских бойцов в Японию на рубеже XIX – XX вв. были не такой уж редкостью.

До нас дошли лишь имена наиболее удачливых, расчётливых, умевших понять конъюнктуру Японии той эпохи – эпохи неотрадиционализма, когда душа японца стремилась к старым ценностям, облечённым в новые формы.

Наступало время великого исхода мастеров с Окинавы: в 1922 г. в Токио приезжает Фунакоси Гитин, в 1928 г. в Киото – Мияги Тёдзюн, в 1930 г. открывает свой зал в Осаке Мабуни Кэнва, за ними следуют десятки других. С одной стороны, это было частью продуманной политики окинавских властей, пытавшихся через популяризацию окинава-тэ привлечь к себе внимание; с другой – инициативой ряда наиболее амбициозных бойцов. Мастера окинава-тэ пошли на штурм бастиона традиционных японских нравов.

НЕЗНАКОМЫЙ ФУНАКОСИ

В истории моей жизни говорится вовсе не обо мне. Но кто теперь этому поверит?

Элиас Канетти, философ и этнограф

КОРАБЛЬ У ПРИСТАНИ

Лёгкий бриз покачивал небольшой корабль, что стоял на якоре невдалеке от берега. День обещал быть жарким, хотя ещё не совсем рассвело. В уши врывался неумолчный утренний стрекот цикад, а ноздри ощущали благоухание майского цветения. Тем не менее человек, стоящий на берегу залива, плотно запахнул шерстяное кимоно – предстояло морское путешествие, а ветер с моря был прохладным и его внезапные порывы заставляли провожатых зябко кутаться.

Правда, порывистый ветер ещё не успел разогнать утреннюю дымку, и человек, который так пристально всматривался вдаль, не мог разглядеть даже клочка суши там, где находилась желанная цель его путешествия – Япония. Человек был невысок ростом, худощав и, хотя ему было уже за пятьдесят, выглядел достаточно молодо: седина едва тронула его

волосы, а прямая осанка свидетельствовала о недюжинной силе. Короткая стрижка, тщательно ухоженные небольшие усики на западный манер – всё выдавало в нём человека, знакомого с последними веяниями моды. Он подчёркнуто спокойно, как подобает японцу и главе семьи, соблюдающему все традиции предков, попрощался со своей женой, тремя сыновьями, дочерью и взошёл на корабль. Этим человеком был будущий «отец каратэ» Функоси Гитин.

Он ещё не знал, что ему больше никогда не придётся вернуться на родную Окинаву, поклониться праху предков, отдать дань уважения своим учителям; не знал, что увидит жену лишь через четверть века, чтобы затем потерять её через два года уже навсегда.

Вряд ли в целом мире найдётся поклонник каратэ, который бы не слышал о великом Фунакоси – мастере боевых искусств, философе, поэте. Во всех книгах и учебниках по каратэ его имя называют с трепетным благоговением – как имя самого великого, самого первого, самого мудрого. Трудно не согласиться с тем, что не будь этого человека – блестящего и искушённого организатора, – мир вряд ли когда-нибудь узнал бы о каратэ. Именно Фунакоси познакомил Японию, а затем и десятки других стран с тем искусством, которое до него никогда не выходило за пределы маленькой Окинавы.

Признаться, и автор этих строк, пытаясь понять необычную личность Фунакоси и копаясь в подборках старых статей, воспоминаниях о нём, архивных данных, даже его письмах, испытывал непривычное волнение. Понимая, что каратэ «изобрёл» не Фунакоси – эта система пришла к нему практически в готовом виде от его учителей, с уже сформированным комплексом ката, методами тренировки, даже классификацией ударов и блоков (в этом огромная заслуга Итосу), – автор данной книги вряд ли мог предположить, что действительность окажется ещё более неожиданной, а порой – даже фантастической.

Но всё по порядку.

МИСТИФИКАТОР

Фунакоси Гитин родился в 1869 г. на Окинаве, в Сюри, в районе Ямакава-сё. Уже с этого момента начинаются загадки, которые нам придётся разгадывать на всём протяжении его биографии. Дело в том, что долгое время во многих книгах о Фунакоси фигурировал другой год рождения – 1870 или 1871. Как выяснилось позже, великий мастер каратэ, гордившийся своей честностью и принципиальностью, в молодости собственноручно подделал своё свидетельство о рождении, чтобы поступить в Школу медицины в Токио. В дальнейшем ему пришлось признать этот факт, но даже столь неблаговидную подробность (подделка документов есть подделка!) он сумел обернуть себе на пользу, как бы подчёркивая своё желание уже в раннем возрасте приобщиться к учёбе. Фальсификацию никто не заметил, и Фунакоси экзамены сдал.

И всё же в Школу медицины он так и не поступил, причём по поразительной причине. Новый закон запрещал юношам, которые продолжали закручивать волосы в пучок на макушке (тёммагэ), поступать в токийские учебные заведения. Этот пучок был символом возмужания и, самое главное, самурайской чести, а в Японии после наступления эры Мэйдзи активно боролись против старых традиций. Были запрещены многие обычаи, которые казались пережитками прошлого, например общие публичные бани, татуировки, продажа порнографических гравюр. Под эту же категорию подпали и традиционные пучки на макушке, которые следовало заменить короткой стрижкой на западный манер. Не все торопились это сделать, и тогда в 1871 г. вышел специальный указ об обязательной для всех стрижке волос, а через три года волосы остриг сам император.

Как утверждают официальные биографы Гитина, семья молодого Фунакоси отказалась остригать пучки, а следовательно, юноше пришлось оставить мысль о престижной учёбе в Токио. Подделать документ, а затем не подчиниться указу императора и отказаться подстричь покороче волосы! Странное упорство... Вероятно, это не более чем анекдот, призванный подчеркнуть строгий традиционализм Фунакоси. Скорее всего существовала

какая-то другая причина, помешавшая ему поступить в Школу медицины, но о ней мы уже вряд ли что-нибудь узнаем.

Лишение пучка на макушке вряд ли могло задеть его самурайское достоинство. Если судить по намёкам, разбросанным на страницах автобиографии мастера, Фунакоси происходил из благородной, если не из аристократической, семьи, но скорее всего она никогда не принадлежала к самурайскому сословию. Ведь на территории Окинавы, которая окончательно перешла под юрисдикцию Японии лишь в 1885 г., не могло сложиться больших самурайских кланов; к тому же семья Фунакоси не относилась к «сливкам» местного общества.

Дед будущего патриарха каратэ, Фунакоси Гифуку, в ряде книг фигурирует как «преподаватель конфуцианства». В действительности такой должности не существовало: Фунакоси Гифуку преподавал ряд классических наук – конфуцианскую литературу, грамоту, каллиграфию – в одной из школ Окинавы. Работа эта хотя и не приносила большого дохода, считалась весьма уважаемой. Отец же Гитина был сборщиком налогов; он злоупотреблял сакэ, постепенно спиваясь. Соседи сторонились его; семья Фунакоси, которая и прежде не была богатой, шла к полному краху. Отец почти не занимался маленьким Гитином, и вся забота о воспитании ребёнка легла на плечи деда, который и ориентировал внука на профессию преподавателя школы.

С боевой традицией Фунакоси Гитин по семейной линии никак не был связан. Зато на протяжении всей последующей жизни он стремился стать «настоящим самураем», доказывая своё право считаться японцем и носителем японской культуры, а не выходцем с «варварской» окраины.

Он увлекался древней историей, любил писать стихи, подражая китайским поэтам эпохи Тан – времени расцвета культуры в Поднебесной империи. Фунакоси отличался неплохими способностями к каллиграфии и вообще выделялся среди жителей Сюри своей образованностью. Правда, вершиной его образования становится успешно сданный в 1888 г. экзамен на младшего, или вспомогательного, учителя начальных классов – весьма невысокое звание.

К боевым искусствам он приобщился в возрасте 15 лет. Его школьным учителем был Азато Ясуцунэ, сын одного из мастеров Сюри-тэ. И вот Фунакоси начинает изучать окинава-тэ. Тренировки проходили по вечерам в доме Азато.

Кому не известны знаменитые истории о том, как Фунакоси Гитин тренировался по ночам вместе со своими мастерами Азато и Итосу, скрываясь от любопытных глаз и опасаясь запретов на занятия каратэ! Сколько романтики и загадочности в ночных тренировках при полной тишине, которую лишь изредка нарушает шум ветра в вершинах сосен! Но мы уже говорили, что запретов на занятия боевыми искусствами во времена Фунакоси не было. Да и вообще ночные тренировки юноши из приличной семьи могли показаться жителям Сюри по крайней мере странными. Эти «ночные легенды» – не более чем калька с китайских рассказов: в Китае действительно тренировки во многих школах проходили ночью. Создатели легенды о каратэ очень хотели приблизиться к китайскому мифологическому идеалу, при этом ухитряясь ни разу не упомянуть о самом Китае.

Если верить всем рассказам о том, как Фунакоси обучался каратэ, то окажется, что он тренировался под руководством Азато каждую ночь вплоть до самого утра [118], [7]. По крайней мере, это можно назвать сильным преувеличением: ведь юный Гитин каждый день ходил по утрам в школу, а Азато – на службу, и оба они должны были всё же когда-нибудь спать. В общем такие преувеличения в биографиях мастеров каратэ неудивительны, поскольку именно они создавали тот ореол чудесности, который витает вокруг каратэ и по сей день.

В 1906 г., как уже упоминалось, на острове состоялись первые показательные выступления по окинава-тэ, на которых присутствовали десятки официальных лиц.

Вот как сам Фунакоси описывает эти события: «Через короткое время после того, как я начал изучать каратэ, министр образования господин Огава присутствовал на церемонии

каратэ. Господин Огава после проверки признал воспитательное значение этого искусства и приказал ввести его в курс физического воспитания школ и местного лицея префектуры. Благодаря этому событию были отброшены вековые традиции сохранения этого искусства в секрете и для каратэ-до началась новая эпоха» [108]. В другой работе он ещё более «откровенен»: «В 1905 – 1906 гг., сразу же после окончания русско-японской войны, я уговорил группу товарищей принять активное участие в проведении показательных выступлений на Окинаве» [114]. «Я уговорил...» – высказывание весьма примечательное, значит, именно Фунакоси был едва ли не лидером Сюри-тэ того времени и мог даже самостоятельно организовать показательные выступления. И это – при живом и весьма активном Итосу!

Но разве не благодаря многолетней деятельности Итосу Анко окинава-тэ было введено в программу преподавания средних школ? Разве не он столько лет создавал новые ката для школьного образования? К тому же именно Итосу был инициатором показательных выступлений 1906 г., которые действительно перевели окинава-тэ со статуса народного ритуала на уровень официальной учебной дисциплины. Ничего об этом у Фунакоси нет.

И не случайно – в ту пору 37-летний Фунакоси ещё не считался ни мастером, ни даже ведущим учеником. Вряд ли он мог «уговорить группу товарищей принять участие в показательных выступлениях». Это означало по сути проигнорировать существование патриархов окинава-тэ, таких, как Азато, Итосу и десятков старших учеников, стоявших в неписаной «табели о рангах» куда выше Фунакоси. С лёгкой руки западных авторов широко распространилась версия о том, что на Окинаве Фунакоси обладал чёрным поясом, 5-м даном каратэ. Но на Окинаве вообще не существовало системы поясов! Никакими данами или другими званиями Фунакоси на Окинаве обладать не мог, ибо сам ввёл систему данов в 1926 г., будучи уже в Японии. Вероятно, поводом для этой ошибки послужил тот факт, что сам Фунакоси при жизни никому не присвоил выше 5-го дана, а народная молва уже по-своему истолковала эту подробность.

Есть и другие «неточности» в официальной версии истории каратэ «от Фунакоси». В своей автобиографии Фунакоси сразу после рассказа о показательных выступлениях на Окинаве (конкретную дату которых он намеренно не указывает) описывает, как в 1922 г. его пригласили для показательных выступлений в Токио. По версии Фунакоси, эти события связаны самым непосредственным образом.

Оказывается, на самом деле между показательными выступлениями 1906 г. и приездом Фунакоси в Токио в 1922 г. произошло много событий, которые действительно повлияли на социальное признание каратэ.

Постепенный уход из жизни плеяды «великих окинавцев» Итосу, Азато, Хигаонны словно открывает шлюзы для активности молодого поколения. По всей Окинаве проводятся показательные выступления, которые устраиваются в основном учениками Итосу. Начались они ещё при жизни патриарха Сюри-тэ в 1914 – 1915 гг. и проходили под его личным руководством, а подготовка к этой серии демонстраций шла с 1912 г. В основном показывались ката.

В конце XIX – самом начале XX в. существенно расширяются торговые и политические контакты между Японией и Окинавой. На Окинаву приезжает немало высокопоставленных японских чиновников – взят курс на полную «японизацию» острова. Местным мастерам боевых искусств это оказалось на руку – они не упускают возможности провести показательные выступления перед заезжими представителями «власть предержащих». В 1909 г. представитель правительства по префектуре Кагосима (должность весьма влиятельная) присутствует на показательных выступлениях по окинава-тэ, устроенных в его честь, и посещает несколько средних школ, наблюдая, как преподаются в них боевые искусства. Он выражает полное одобрение увиденным и в восторге от продуманной системы преподавания.

Через несколько лет на Окинаву заходят корабли капитана Ясиро Рокуро, и для них местные мастера также рады продемонстрировать своё искусство. Капитан Ясиро оказался

столь восхищён окинава-тэ, что приказал своим подчинённым обучаться ему. Событие весьма отрадное – впервые японцы начали изучать окинавское искусство.

Пионерами изучения окинава-тэ были японские моряки. Кстати, в истории японских боевых искусств именно моряки явились распространителями не только каратэ, но и дзюдо: вспомним, что дзюдо впервые стали заниматься французские и американские матросы в японских портах. В 1912 г. на Окинаву заходит Первый императорский флот под командованием известного японского адмирала Дэва, и уже около десятка высших офицеров начинают с энтузиазмом изучать окинава-тэ. Именно они и привезли в Японию восхищённые рассказы о хитроумном каратэ.

А в 1916 г. в Японию, в Киото, с показательными выступлениями направляется группа окинавских бойцов, и среди них – Функоси Гитин. Через несколько десятилетий в одной из своих биографий он представит себя едва ли не организатором этой поездки, но был он всего лишь одним из рядовых участников делегации, в то время как его окружали куда более именитые мастера. Показательные выступления были замечены и имели успех.

Общественное мнение было сформировано – каратэ получало признание в высших слоях общества. В марте 1921 г. наследный принц Хирохито, будущий император Японии, отправился в Европу. Среди многочисленной свиты, сопровождавшей его, оказался один из тех высших морских офицеров, которые когда-то присутствовали на показательных выступлениях окинава-тэ. Он и посоветовал Хирохито взглянуть на экзотическое искусство. И вот 6 марта 1921 г. корабль, на флагштоке которого развевается личный штандарт кронпринца, заходит на Окинаву, знаменуя тем самым едва ли не переломный момент в пропаганде окинава-тэ.

ПОСОЛ ОКИНАВА-ТЭ

1916 г. стал одновременно трагическим и переломным для окинавской традиции боевых искусств. Из жизни уходят величайшие мастера двух основных направлений тодэ: патриарх Сюри-тэ Итосу Анко и Наха-тэ – Хигаонна Канрио. Они были практически последними столпами традиционных идеалов тодэ. Теперь же школы этих двух гигантов раскололись на множество мелких групп и их ученики повели соперничество за право называться «прямыми наследниками традиции».

И именно после смерти одних ведущих мастеров и одряхления других наступает перелом в окинавской традиции боевых искусств. Как-то сам собой всплыл вопрос об открытии преподавания в Японии.

За поездку в Японию ратовал и Департамент физической культуры Окинавы. Таким образом, «вывоз» окинава-тэ в Японию был частью продуманной политики окинавской администрации. Самый достойный представитель окинава-тэ должен был отправиться в путь и желательно в столицу – Токио. Ясно было, что того, кто приедет в Японию первым, японцы и будут считать символом окинава-тэ. А значит, престиж поездки весьма высок.

Интересно, что первоначально кандидатура Фунакоси отнюдь не рассматривалась как очевидная. Главным претендентом считался Мотобу Тёкки (1871 – 1944 гг.). Его мастерство в боевых искусствах было вне конкуренции. Ни один человек не решался бросить ему вызов.

До сих пор на Окинаве ходят легенды об этом бойце. Почти ровесник Фунакоси, он родился в Сюри в феврале 1871 г. Природа, одарив Мотобу немалым ростом, массивным телосложением и чудовищной физической силой, не наделила его даже малейшей скромностью. Однажды он получил хороший урок от первого ученика Итосу Анко, блестящего бойца Ябу Кэнцу, с которым свирепый Мотобу, также одно время обучавшийся у Итосу, ничего не смог поделать. Этот проигрыш ничуть не охладил его; Мотобу захотел продолжать обучение боевым искусствам. Но, увы, никто не желал рисковать и брать его в ученики. Согласился лишь престарелый Мацумора Косаку (Коруку) (1829 – 1898 гг.) из деревни Томари – продолжатель славного рода знатоков боевых искусств, руководитель направления Томари-тэ, который сам обучался у китайца, поселившегося к северу от Томари.

Мотобу Тёкки (1871-1944) отличался чудовищной силой и необузданным нравом (стиль Томари-тэ)

Мацумора не рискнул раскрывать все секреты несдержанному Мотобу. Он обучил его лишь двум ката, являвшимся базовыми в Томари-тэ и требующим хорошей физической подготовки – Найханти и Пассай. Технике свободного поединка (кумитэ) Мацумора наотрез отказался обучать его. Но невоспитанного Мотобу это не остановило. Рассказывают, что он регулярно подсматривал ночью за тренировками своего учителя через отверстия в бамбуковых стенах додзё Мацуморы. Подобные истории похожи на легенды. Ведь уже в то время на Окинаве изучение боевого искусства полностью базировалось на выполнении ката, отработке ударов по макиваре и каких-то значительных секретов в себе не таило. Мацумора ввёл в свой стиль разнообразные приёмы руками (*ти*), в частности, захваты и, как утверждал в своей книге «Окинава Кэнпо Тодэ-дзюцу» («Искусство окинавского кулачного боя»), создал новую теорию «беспроигрышного» поединка – «хэнсю».

Вид деревни Томари, 1853 г.

Мотобу, прозванный Сару «обезьяна», быстро стал грозой окинавских бойцов, заставив уважать себя даже тех, кому его характер был не по нраву. В поединках отличался крайней жестокостью.

Порой невоспитанность Мотобу поражала даже далеко не самых утончённых жителей Окинавы: он мог запросто есть пищу руками, а не палочками, пройти по улице в рваной и грязной одежде, с непокрытой головой... Всё это шло вразрез с традиционными нравами.

Разве можно посылать такого человека, пусть и великолепного бойца, полномочным представителем окинава-тэ в Японию?! Ведь там придётся не столько демонстрировать боевое мастерство, сколько вести долгие разговоры со многими влиятельными персонами. Одним словом, нужен человек, являющийся живым воплощением традиционной культуры.

Обсуждались кандидатуры ещё нескольких претендентов, в частности Мияги Тёдзюна (1888 – 1953 гг.) – одного из лучших учеников Хигаонны в школе Наха-тэ, будущего основателя стиля Годзю-рю. Но он был скромен, не любил демонстрировать своё мастерство, по духу близок к китайскому ушу. К тому же Мияги едва исполнилось 33 года – сочли, что он сравнительно молод для столь ответственной миссии. По этой же причине не вошёл в когорту избранных и Мабуни Кэнва (1889 – 1952 гг.), который спустя несколько десятилетий создаст в Японии свою школу Сито-рю, – он оказался ещё моложе.

Представители старого поколения мастеров, которые действительно были живым воплощением традиции тодэ и помнили ещё китайских наставников, отказались отправляться в Японию, устыдившись явно рекламного характера поездки.

И тогда взоры окинавских мастеров обратились к Фунакоси. Правда, большим мастером он не считался да и должность занимал весьма скромную – учитель начальных классов. Но Фунакоси был известен своей деятельностью по развитию окинава-тэ и отличался немалой активностью в обсуждении вопроса о преподавании в Японии боевых искусств. И к тому же он пользовался большой поддержкой в Департаменте физической культуры Окинавы, где был «своим человеком» в отличие от других мастеров, которые не видели прямой необходимости заходить в «коридоры власти». Фунакоси же сделал правильную ставку.

Кстати, Мотобу Тёки оказался сильно задет тем, что его кандидатура была столь неуважительно проигнорирована. Он самостоятельно в 1921 г., т. е. ещё до Фунакоси, приезжает в Японию, обосновывается в Осаке и живёт там до 1923 г., а затем начинает путешествовать по стране. Естественно, такой человек, как Мотобу, не мог остаться

незамеченным. Слава о «бойце-гиганте» быстро разнеслась после того, как в поединке он сумел за несколько минут отправить в тяжелейший нокаут одного из английских боксёров, который с успехом выступал в Японии и в течение уже двух лет считался непобедимым. Справедливости ради стоит отметить, что рассказы о «некультурном» Матобу, возможно, не более, чем происки недоброжелателей. Так Накама Тёдзо (школа Кабаяси-рю) рассказывает, что речь Матобу была грамотной, вежливой, а своих последователей он специально обучал «благородным манерам».

Накамура Сигэру (1892-1969), основатель направления Окинава Кэнпо, учился у Мотобоу Тёкки

Но открыть школу и тем более создать собственное направление Мотобу не удалось. В 1926 г. великий боец возвратился в Сюри. Здесь он всячески пытался доказать своё неоспоримое первенство. Мотобу умер 2 сентября 1944 г. в Томари. До конца жизни его неуёмные амбиции поражали многих знатоков боевых искусств. Например, он, не испытывая ни малейших сомнений, присвоил сам себе 11-й дан (!), став хотя бы по этому формальному принципу «самым первым».

Но вернёмся к тому, кому было суждено «открыть Японию».

Не один год Фунакоси, человек весьма расчётливый, вёл на Окинаве кампанию за создание некоего официального органа, ведавшего боевыми искусствами, не без тайной мысли возглавить его. Конкурентов у него было немного, ибо мало кто видел выгоду от такой должности, ожидая лишь многочисленные хлопоты. Фунакоси много беседует с местными мастерами, убеждая их собраться в одну организацию для пропаганды боевых искусств. Не забывая, что всё-таки окончательное решение зависит от местной администрации, он упорно налаживает с ней контакты. И наконец такая организация – «Окинава Сёбу кай» – создана, а Фунакоси, естественно, становится её председателем. Заслуги данной организации в деле преподавания боевых искусств неизвестны; во всяком случае, местные хроники об этом молчат. Всё ограничилось несколькими собраниями. Но пост главы организации позволил Фунакоси выехать в 1922 г. в Японию в качестве

официального лица.

Накама Тёдзо, последователь Сёрин-рю, ученик Мабуни Кэнва, Тибана Тесина и Мотобу Тёкки. Использует в своей тактике боя много подсечек и ударов с подскоком, а также удары по болевым точкам

Фунакоси получил мандат от Центрального секретариата физического образования Окинавы (вот где пригодились связи в местной администрации) на организацию в Японии преподавания окинава-тэ и на исполнение там обязанностей шеф-инструктора. Официально Фунакоси был послан на Национальную Всеяпонскую спартакиаду. Правда, в своей книге «Окинава кэмпо каратэ-дзюцу» обидчивый Мотобу Тёки не преминул указать, что именно он пригласил Фунакоси занять это место, так как сам плохо знал японский язык и классические нравы.

Теперь Фунакоси ехал в Японию как полномочный посол, представляющий окинавские боевые искусства. Его задачей было формирование общественного мнения для открытия официального преподавания окинавского искусства на Японских островах.

Вряд ли те, кто посылал в 1922 г. Фунакоси в Японию, могли предположить, что он начнёт там собственную игру и объявит себя единоличным создателем каратэ.

ПОКЛОН ВЕЛИКОМУ КАНО

Тактика Фунакоси в Японии была выбрана верно. Он не стал, как Мотобу, драться с зарубежными чемпионами и местными именитыми бойцами. Фунакоси решает заручиться надёжными связями в мире боевых искусств. Прежде всего он знакомится с патриархом дзюдо Кано Дзигаро. Фунакоси шёл на поклон не столько к «отцу дзюдо», сколько к

президенту Японской атлетической ассоциации, президенту Японского общества физического воспитания, представителю Японии в Международном олимпийском комитете – к человеку, от слова которого зависела судьба любого нового вида физического воспитания в Японии.

Вот какую версию их встречи предлагает своим последователям сам Фунакоси: «Успех (показательных выступлений на Национальной Всеяпонской спартакиаде – *Прим. авт.*) был достаточно громким, и после демонстрации знаменитый мастер Кано из Кодокана сообщил мне через посредника из числа общих друзей, что он желает изучать каратэ. Это было невозможно, так как я должен был возвращаться на Окинаву сразу же после Спартакиады, но мастер Кано настаивал, и мне пришлось согласиться на проведение показательных выступлений в Кодокане. Затем он попросил меня подождать три дня, чтобы собрать всех своих учеников. Через три дня я уже демонстрировал более чем перед сотней учеников несколько ката и объяснял базовые принципы каратэ» [112].

Итак, Кано Дзигаро «желает изучать каратэ», «Кано настаивает», и Фунакоси вынужден согласиться. В воспоминаниях Кано Дзигаро ничего подобного мы не встретим; к тому же необходимо представлять себе ту огромную дистанцию между признанным лидером боевых искусств, высокопоставленным чиновником и никому ещё не известным выходцем с Окинавы. Обратим внимание, что Фунакоси оправдывает свою задержку в Японии именно приглашением Кано. Правда, это ни в коей мере не объясняет, почему он до конца жизни так и не вернулся на Окинаву.

Показательные выступления в Кодокане Фунакоси проводил не один – ему ассистировал его друг, 27-летний Гима Макото, который обучался на Окинаве у знаменитого последователя Итосу, «человека-дьявола» («онигунсо») Ябу Кэнцу. Именно Гиме был впервые присвоен чёрный пояс по каратэ. (Кстати, Гима до недавнего времени возглавлял Японскую федерацию каратэ-до Сисэйкай.) На эти показательные выступления Фунакоси поставил всё – и не ошибся. Он показал самое сложное и зрелищное радиционное ката Окинавы – Канку-дай, которое в то время ещё называлось китайским именем Гуань Шанфу (*яп.* «Ко Сёкун»**)**. Не забыл он продемонстрировать и боевое применение некоторых приёмов – бункай, тщательно объяснял принцип удара, захваты и заломы, которыми в то время изобиловало каратэ. Макото Гима показал ката Найханти тёдан.

Демонстрация понравилась, Кано был очарован Фунакоси, интеллигентным и воспитанным мастером с Окинавы. Как бы в ответ Кано в 1924 г. вместе со своим ведущим учеником Нагаокой провёл показательные выступления по дзюдо на Окинаве.

Кано Дзигаро одобрил деятельность Фунакоси, но никаких рекомендаций ему не дал и продвигать его дальше в мире боевых искусств не стал, сочтя его школу слишком мелкой в масштабах японского будо. Тем не менее до конца своей жизни Фунакоси глубоко понимал Кано. Даже после кончины патриарха дзюдо Фунакоси каждое утро в знак высочайшего уважения совершал поклоны в сторону Кодокана.

РАЗРЫВ С РОДИНОЙ

Первое время в Японии Фунакоси чётко придерживался тактики, выработанной окинавскими мастерами, – занимался пропагандой каратэ как окинавского искусства традиционного воспитания. Обратим внимание на название самой первой книги Фунакоси «Рюкю кэмпо каратэ» в дословном переводе «Кулачные методы китайской (танской) руки с островов Рюкю», изданной в Токио в ноябре 1922 г. Название весьма примечательное: в нём подчёркивается, с одной стороны, окинавское происхождение каратэ, а с другой – его генетическая связь с Китаем. Кстати, книга вышла всего лишь через полгода после того, как Фунакоси прибыл в Токио. Нетрудно догадаться: она писалась на Окинаве, и местные мастера оказали на её характер существенное влияние.

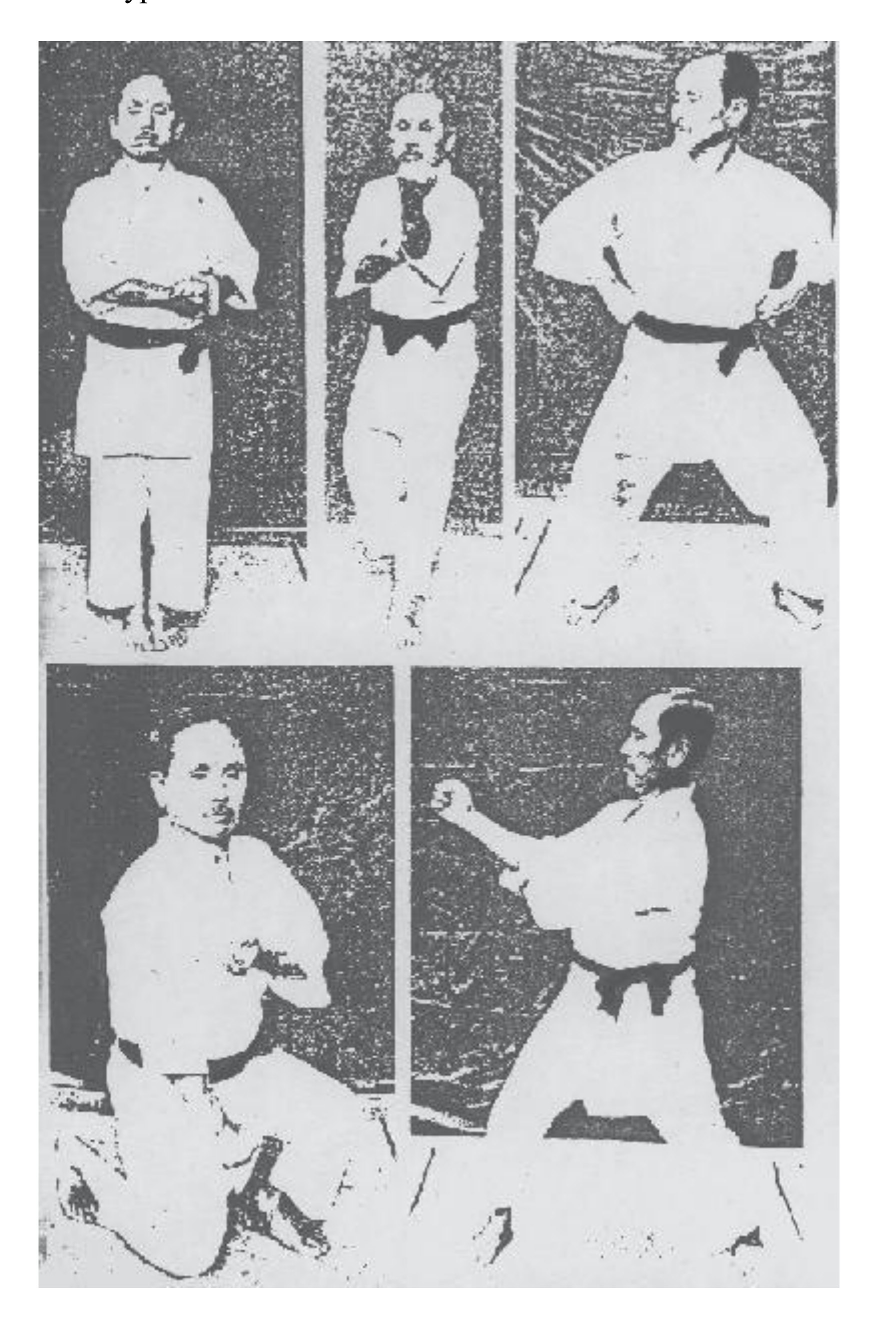
Дальнейшая судьба этой книги оказалась весьма загадочной. Считается, что её гранки погибли во время разрушительного токийского землетрясения в 1923 г., – во всяком случае,

так утверждал Фунакоси в своих воспоминаниях. Новое, переработанное издание появилось в 1925 г. уже под другим названием: «Рэнтан госин каратэ-дзюцу» – «Искусство каратэ для закалки тела, духа и самозащиты».

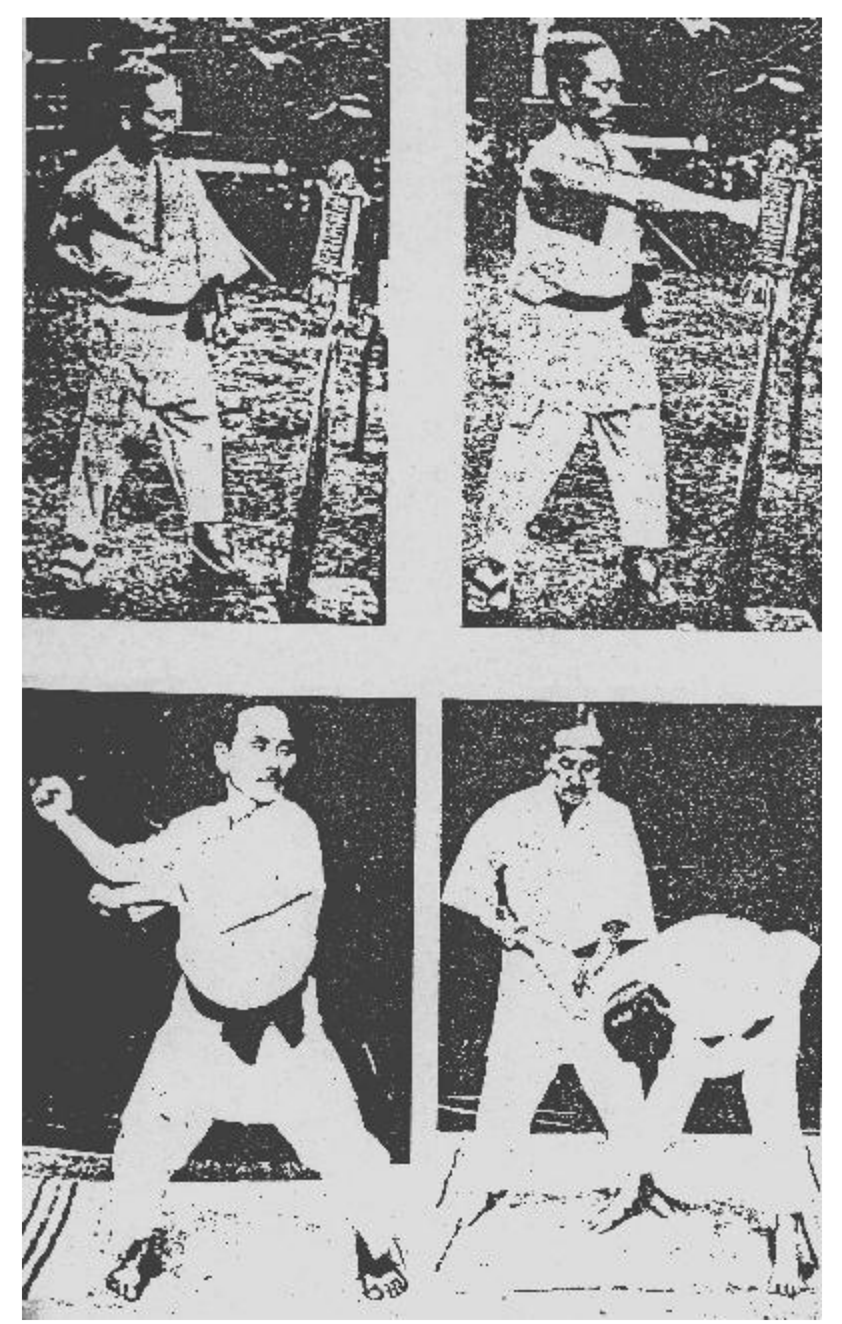
На самом деле несколько экземпляров первой книги сохранились у знатоков, хотя печатные формы действительно погибли, в результате чего весь тираж не был допечан.

Фунакоси быстро смирился с потерей. Ведь само название первой книги развеивало легенду о «японском национальном искусстве каратэ» да и о самом Фунакоси как об «отце каратэ», не говоря уже о содержании книги, где ясно указано, что «древние истоки каратэ лежат в Китае». В издании 1925 г. вообще не упоминался Китай. К тому же Фунакоси решил изменить традиционное окинавское название «каратэ» на «каратэ-дзюцу», т. е. «искусство», по аналогии с кэн-дзюцу, дзю-дзюцу и многими другими самурайскими искусствами.

Окинавские мастера были плохими политиками; они не очень реалистично оценивали ситуацию и вряд ли могли понять, что пропаганда некоей окинавской народной традиции, к тому же уходящей корнями в Китай, будет воспринята японцами весьма неоднозначно. Фунакоси понял, что играть по «окинавским правилам» и подчиняться носителям окинавской традиции бессмысленно – это не принесёт успеха, а каратэ навсегда останется на уровне провинциального курьёза.



Первая книга по каратэ Фунакоси Гитина. Высокие стойки нового стиля Сётокан резко контрастировали с низкими позициями окинавского каратэ. Прическа и усы Фунакоси – по последней европейской моде, распространившейся в конце 20-х годов в Японии



В ударах по макиваре Фунакоси почти не делал доворота тазом, (на фото он стоит практически в боковой позиции). Позже «включение бедра» в удар стало каноническим требованием каратэ. Кимоно, спущенное с правого плеча, тяготеет к буддийским одеждам китайских монахов. На нижней фотографии Фунакоси демонстрирует боевое применение движения из ката(бункай)

Вместе с тем Фунакоси видел, как популярны стали в Японии традиционные самурайские боевые искусства или их производные, например дзюдо. Культурная атмосфера, казалось, была наполнена воспоминаниями о былом величии самурайского духа. Дзюдо, кэндо, айкидо явились теми отдушинами, которые дали выход тяге японцев к высокой этике и мужеству воинов-буси, тоске по воинской морали древности. Этим можно было воспользоваться.

И Фунакоси прежде всего окончательно решил не возвращаться на Окинаву. Карьера

школьного учителя на родном острове его больше не привлекала; большая жизнь, большая политика делались здесь, в Японии.

Первое время он пытается вступить в переписку с Окинавой, обсудить общие черты реформирования каратэ – терять поддержку окинавских мастеров на том этапе представлялось явно невыгодным, да и самому Фунакоси было неприятно рвать связи со своей родиной. Ответ был однозначным: Фунакоси должен вернуться на Окинаву, права открывать самостоятельное преподавание ему никто не давал. После этого Фунакоси прерывает все сношения с родиной каратэ. Он решает идти до конца один.

Постепенно он начинает реформировать окинава-тэ, бесстрашно отказываясь от старых традиций, хотя всегда неизменно подчёркивает свою приверженность идеалам древности. Благодаря влиянию Кано Дзигаро позднее, к 1935 г., Фунакоси вводит новое название «каратэ-до» – «Путь каратэ», подчёркивая экзистенциальную сущность своего детища, и требует от учеников называть свою систему только так, хотя многие и стремятся ограничиться кратким «каратэ». Фунакоси не терпит такого сокращения.

Он практически ежемесячно устраивает показательные выступления, читает лекции перед студентами, готов выступать перед любой аудиторией. Благословение Кано наконец сыграло свою роль, и Фунакоси приглашают для демонстраций в дома богатых аристократов. Правда, ни больших доходов, ни заметной известности это не даёт, жизнь остаётся по-прежнему тяжёлой.

Обучение каратэ доходов вообще не приносит, и Фунакоси решает преподавать боевые искусства бесплатно, надеясь привлечь этим первых учеников. А пока 54-летний мастер зарабатывает себе на жизнь преподаванием искусства каллиграфии и сам пишет каллиграфические свитки, которые неплохо ценятся в то время.

Ученики Фунакоси весьма быстро покидают его. Но вот к нему приходит первый настоящий ученик. История донесла до нас его имя – Танака Куники.

Скопив немного денег, Фунакоси открывает первый крошечный зал в районе Мэйсёдзоку, который содержит целиком за свой счёт. Но его усилия не проходят даром: слухи о новом мастере быстро распространяются среди местной молодёжи. В сентябре 1924 г. (знаменательная дата для каратэ!) он открывает первый клуб каратэ в университете Кэйо.

Перелом был достигнут, и дальше дело пошло легче. Фунакоси Гитин упорно убеждает, что каратэ – такое же традиционное боевое искусство, полное самурайского духа, как и уже давно известные дзюдо, кэндо; лишь упор здесь делается на удары по болевым точкам – *атэми* . Самое же главное заключается в моральном воспитании учеников, в том, чтобы привить им основные нравственные нормы, уважение к старшему поколению, сознание непреходящей ценности самовоспитания и дисциплины.

Уже в 1926 г. открывается второй клуб каратэ при Токийском университете в Итико. С 1927 г. начинают действовать группы каратэ в университетах Васэда, Такусёку, Сё Дай, Хитоцубаси. К 1930 г. лишь в одном Токио было открыто около тридцати залов, находившихся непосредственно под личным руководством Фунакоси.

Дабы стимулировать учеников к поэтапному продвижению в каратэ, он вводит в 1926 г. жёсткую систему званий – ученических (*кю*) и мастерских*(данов*), присуждая с первого дана чёрный пояс как знак высшего мастерства. Рассказывают, что получить из рук Фунакоси чёрный пояс было практически невозможно; при жизни он присвоил не больше десятка чёрных поясов. Кстати, сама система данов, равно как и белые кимоно с различными цветами поясов, была введена также под влиянием дзюдо.

Наконец была подготовлена первая группа старших учеников – *сэмпаев* , и Фунакоси мог по праву ощутить себя единоличным руководителем японского каратэ, воплотившим в жизнь окинавское боевое искусство. Правда, он знал, что другие великие окинавцы тоже начали самостоятельное преподавание в Японии: Мияги Тёдзюн – в 1928 г. в Киото, Мабуни Кэнва – в 1930 г. в Осаке. Но Фунакоси это мало волнует; он для них уже недостижим, его поддерживают ведущие университеты страны, он контролирует всё каратэ в Токио, он удобен всем и знаком со многими официальными лицами – теперь вряд ли кто решится

оспаривать его статус патриарха. А всё остальное можно объявить слухами и наветами недоброжелателей. К тому же сэмпаи Фунакоси воспитаны на разработанной им самим версии происхождения каратэ, из которой постепенно «вымарывалось» всё китайское, а потом и окинавское. Как политик и организатор Фунакоси стоял, несомненно, выше и Мияги, и Мабуни. Парадоксально то, что звезда их славы взошла именно благодаря Фунакоси, который годами готовил общественное мнение Японии к восприятию каратэ.

РОЖДЕНИЕ СТИЛЯ СЁТОКАН

Что же преподавал Фунакоси в то время? Как выглядело раннее каратэ? Внешне оно мало чем отличалось от окинавского искусства, все базовые принципы обучения оставались прежними; зато между ним и современным каратэ была заметная разница. Вначале Фунакоси соблюдал принцип старых окинавских и китайских мастеров: «Одно ката в три года» («хито ката сан мэн»). Но постепенно он отказался от этого принципа, отбивавшего у многих его учеников желание учиться, а Фунакоси нужно было подготовить как можно больше последователей. В основу преподавания он положил пять ката Хэйан, которые в то время ещё назывались Пинан и которые ввёл в практику тренировок ещё его учитель Итосу, преподавая окинава-тэ школьникам на Окинаве.

Вглядимся в фотографии из самых первых книг по каратэ, на которых изображён Фунакоси. Даже поверхностный взгляд обнаружит немало удивительного. Например, Фунакоси абсолютно не подключает бедро к удару, не доворачивает бедро вслед за идущей вперёд рукой. К тому же ступни Фунакоси во время атаки повёрнуты на 270° по отношению к линии удара и практически обращены назад! На другой фотографии, где Фунакоси и его ученик Обата демонстрируют каратэ перед американскими солдатами сразу же после оккупации ими Японии, явственно видно, что кулак патриарха каратэ при прямом ударе рукой (*цки*) явно отогнут вверх, в то время как должен составлять единую плоскость с предплечьем. К тому же Фунакоси при ударе сильно наклоняет туловище вперёд, рискуя потерять равновесие.

Ученики Фунакоси. Нисияма Хидетака (слева), будущий лидер стиля Сётокан, демонстрирует блок от удара в голову с контратакой в колено. Справа – Обата, президент Японской Ассоциации Каратэ (JKA), сер. 50-х годов

Может быть, это и есть реальный вид окинавского каратэ? В таком случае оно не столь уж и эффективно! Старые фотографии раскрывают нам факт, который весьма сложно опровергнуть, – многие принципы боевых искусств, вытекающие из оптимальной кинематики движений, Фунакоси Гитину были незнакомы. Современный вид стиль Сётокан приобретает под влиянием сына Фунакоси Гитина – Ёситаки.

Действительно, в техническом отношении Фунакоси был весьма традиционен, и стиль развивался лишь за счёт усилий его младшего сына Ёситаки, который приехал к отцу с Окинавы. Это был поистине удивительный человек, сила воли которого восхищала даже опытных бойцов. Ёситака рос хилым и болезненным ребёнком; в двенадцать лет врачи обнаружили у него туберкулёз и вынесли жестокий приговор: юноша не доживёт и до двадцати лет. Но Ёситака не смирился с выводами врачей и активно принялся за тренировки. Правда, он так и не смог победить болезнь, но всё же прожил втрое больше срока, отведённого ему врачами. И если Фунакоси Гитина можно назвать идеологом традиции каратэ, то Ёситака по праву является фактическим создателем арсенала современного каратэ.

Прежде всего Ёситака вводит несколько новых ударов ногами. В классическом тодэ был принят лишь один прямой удар ногой*(маэ-гэри)* и один удар ногой в сторону (*ёко-гэри)* , которые наносились не выше уровня живота. К тому же основной упор делался на удары верхними конечностями. Ёситака действует как решительный реформатор, выступая под традиционной маской «следования забытому прошлому». Он вводит в каратэ *маваси-гэри* (круговой удар ногой), *усиро-гэри* (удар пяткой назад), *усиро -маваси-гэри* (удар пяткой с поворотом на 3600), *фумикоми* (удар ребром стопы в ногу). Именно Ёситака начинает

уделять особое внимание растяжке каратистов, заставляя их садиться на шпагат. Поэтому атаки ногами в каратэ начинают проводиться не только в живот и в пах, но и в голову. Ёситака был, пожалуй, единственным человеком, которому престарелый Фунакоси позволял вносить какие-то новшества в искусство «пустой руки».

Постепенно и на первых порах почти незаметно в школе Фунакоси растёт целый клубок противоречий. Через несколько десятилетий они приведут к её расколу.

...В тот весенний день 1927 г. неизменно спокойный и обычно доброжелательный мастер был явно разгневан нарушением ритуала. И со стороны кого – его лучших учеников Хираямы, Мики и Бо! Войдя в зал, где он собирался провести беседу со своими сэмпаями, Фунакоси увидел, что они устроили свободный поединок дзю-кумитэ, хотя патриарх строго-настрого запрещал делать это. Он объяснял с железной логикой: вступил в поединок – убей; если же нет необходимости убивать, значит, и не вступай в бой. Фунакоси считал этот принцип едва ли не основой каратэ. Увидев поединок, Фунакоси не сказал ни слова, повернулся и быстрыми шагами вышел из зала. С тех пор он прекратил преподавать в этом додзё и перестал считать нарушителей ритуала своими учениками.

Как оказалось – напрасно. Процесс деформации традиционных принципов, которые проповедовал Фунакоси, остановить было невозможно: джинн поединков уже «вышел из бутылки», хотя техника, преподаваемая Фунакоси, изначально не была ориентирована на поединок. До сих пор многих поклонников каратэ удивляет большое количество нефункциональных движений и многочисленных небоевых стоек, абсолютно неоправданных с прикладной точки зрения. Скажем, классическая позиция, при которой кулак держат у бедра (*хикитэ*), весьма уязвима для нападения, и её вряд ли можно представить, допустим, в боксе. Большинство жёстких блоков предплечьями вверх, наружу и внутрь (*агэ-укэ* ,*ути-укэ* , *сото-укэ*), как показала практика дзю-кумитэ уже в 30-е гг., абсолютно неприменимы в бою, и каратисты стали переходить на практичные отбивы ладонями. В арсенале Фунакоси было немало красивых круговых блоков ребром ладони – движений, весьма зрелищных в ката, но бесполезных в бою. Дал трещину и классический принцип Фунакоси, также привезённый с Окинавы, – «убить одним ударом». Молодые каратисты, едва вступив в поединок, тотчас убеждались, что, несмотря на многочасовую отработку ударов по макиваре, они просто не в состоянии попасть в движущегося и защищающегося противника. К тому же начисто отсутствовала тактика построения боя, входа в атаку и выхода из неё. Старое поколение окинавцев считало это ненужным: противник должен быть повержен после первого же удара.

Но все уверения Фунакоси в несоответствии свободного поединка самому духу каратэ оказались напрасными. Каратэ стало практически независимым от него и начало развиваться уже по своим законам. Этого до конца своих дней так и не смог понять патриарх, пытаясь диктовать собственные условия и теряя преданных последователей.

Сильным ударом для него стал уход одного из самых блестящих учеников, Оцуки Хиронори, который долгое время считался ближайшим учеником Фунакоси (*дзики-дэси)* . Поговаривали, что именно Оцуке патриарх должен передать свою школу. Но случилось неожиданное – произошёл разрыв. Оказывается, Оцука, будучи в то время сэмпаем и имея право самостоятельно вести тренировки, ввёл в постоянную практику свободный бой. Принцип бесконтактного поединка, когда кулак или нога останавливаются за несколько миллиметров до тела или едва касаются его, был тогда неизвестен. Поединки проводились в полный контакт, а в качестве протекторов использовали защитную экипировку для кэндо – шлемы, кирасы, налокотники и мягкие перчатки. С Оцуки фактически и начались турниры по спаррингам; монополия «каратэ без боя» закончилась. В 1930 г. Оцука проводит первые неофициальные соревнования по контактным поединкам в Токийском университете и окончательно порывает с Фунакоси.

Патриарх больше и слышать не хочет о своём лучшем ученике, не подозревая, что теряет человека, представлявшего собой весьма сильную личность в мире боевых искусств. Оцука сразу же после Второй мировой войны создаст собственный стиль Вадо-рю, который

стремительно завоюет университетские залы и практически вытеснит оттуда стиль Сётокан мастера Фунакоси.

Фунакоси деликатно, но в то же время неизменно отказывается от китайских корней каратэ. Апофеозом этого стала замена в слове «каратэ» иероглифа «кара» («династия Тан», т. е. Китай) на омофон (т. е. иероглиф, сходный по звучанию) «кара» – «пустой».

Но почему именно «пустая рука»? Откуда появляется понятие «пустой» в лексиконе боевых искусств? Сегодня многие толкователи склонны усматривать в этом буддийское, а точнее, дзэн-буддийское влияние. Действительно, понятие «пустота» (*санскр* . – «шуньята», *кит* . – «кун», *яп* . – «кара») является важнейшим термином в буддизме махаяны. Оно означает некую начальную сущность вещей, их исток и одновременно их предел.

Постижение изначальной пустотности мира, проникновение в эту внутреннюю безначальную реальность и слияние с ней становятся равносильными достижению предельной мудрости и высшего знания. Отсюда несложно сделать вывод, что, введя в название «каратэ» иероглиф «пустота», Фунакоси перевёл тем самым всю свою систему на уровень «внутреннего искусства», подчеркнул её перерождение из простого способа боя в сложный метод духовного становления человека в духе дзэн-буддийской традиции.

Но вот вопрос: а насколько хорошо сам Фунакоси был знаком с постулатами буддизма? На Окинаве никогда не ощущалось сильного буддийского влияния. До нас не дошли упоминания о том, что Фунакоси где-то получил систематическое буддийское образование. С буддизмом он сталкивался ровно настолько, насколько вся японская культура той эпохи формировалась под влиянием дзэн-буддийских традиций. Примечательно, что в его школе Сётокан каратэ буддийская медитация и другие формы созерцания не практиковались.

Значит, буддизм здесь ни при чём – существовала какая-то другая причина. Дадим слово самому Фунакоси: «По традиции и я сам в прошлом использовал иероглиф «кара» – «Китай». Однако из-за того, что люди путают каратэ с китайским кэмпо, а также в силу того, что окинавские боевые искусства теперь могут считаться общеяпонскими, было бы неправильным и даже в некотором смысле унизительным продолжать использовать в названии каратэ иероглиф «Китай». А поэтому вопреки множеству протестов мы отказались от старого иероглифа и заменили его на новый – «пустота» [112].

Ну что ж, после столь откровенных и недвусмысленных рассуждений всё, кажется, стало на свои места. Ни о каком философском переосмыслении речь, конечно же, не шла. Фунакоси кажется «неправильным и даже унизительным» связывать себя с китайской традицией. Надо вымарать из сознания занимающихся и, что немаловажно, представителей официальных властей память о китайских корнях каратэ, а это имеет особенное значение в период резкого обострения японско-китайских отношений. И вот впервые в 1929 г. мастер даёт своей системе несколько громоздкое, но выразительное название: Дай Ниппон кэмпо каратэ (Кулачное искусство пустой руки великой Японии).

Меняются и названия ката, которые произносились на китайский или окинавский манер. Этот факт весьма примечателен – Фунакоси стремится «забыть» не только китайское, но отчасти и окинавское прошлое. Так, пять базовых ката Пинан в японском чтении стали звучать как «хэйан», ката Найханти («железного всадника») – «тэкки», Кусанку – как «канку», Пассай – как «бассай», Синто – как «гангаку», Вансу – как «энпи», Нисэйси – как «нидзюсихо», Сэйсан (Полулунное) – как «хангэцу», Рохай – как «мэйкю». Кстати, практически такой же набор ката, как и в Сётокане, существует и в стиле Вадо-рю, который создал бывший ученик Фунакоси, японец (не окинавец!) Оцука. Однако в Вадо-рю все названия ката оставлены в прежнем виде – японец Оцука не боялся обвинений в «неяпонском» духе, чего не скажешь о Фунакоси. На окинавский манер именуются ката и в стилях Сито-рю и Годзю-рю. Лишь Фунакоси решил стать большимяпонцем, чем сами японцы. Он прекрасно знал, что делал. Ситуация в стране была такова, что Япония находилась в преддверии войны с Китаем.

Крупнейшие окинавские мастера осудили поступок Фунакоси и отказались его поддерживать. Не случайно в своих воспоминаниях, как уже отмечалось, он указал особо:

«...вопреки множеству протестов мы отказались от старого иероглифа». Действительно, протестов было множество. Окинавцы привыкли к старому названию, и никаких неприятных эмоций у них оно не вызывало. К тому же окинавские мастера прекрасно знали, что кэмпо пришло на остров именно из Китая, а система Фунакоси – лишь модернизированный его вариант.

И всё же Фунакоси в отличие от окинавских мастеров был политиком и неплохим стратегом. Он вновь вступает в долгую переписку с Окинавой, убеждает местных мастеров, указывает на потенциальную враждебность Китая, упоминает и о том, что развивать каратэ в современных условиях можно лишь как «общенациональное японское искусство». В 1936 г. ряд окинавских мастеров, в частности те, кто преподавал в Японии, решили согласиться с заменой иероглифа «Танский» (т. е. относящийся к династии Тан, «китайский») на «пустой». Этот год и считается датой рождения японского каратэ.

Тридцатые годы были нелёгкими для Фунакоси. И он решил усилить собственные позиции, несколько снизив степень консерватизма. В 1930 г. он официально назначает своего сына Ёситаку шефом-инструктором в престижный университет Васэда, где располагалась одна из самых крупных школ каратэ. В том же году он начинает преподавание в самом большом зале, который когда-либо был у него, – знаменитом зале кэндо, возглавлявшемся легендарным мастером меча Хакадо. Зал пользовался такой славой и престижем, что они поневоле передались и каратэ, у Фунакоси стремительно возросло количество последователей.

В 1935 г. реализовалась давняя мечта Фунакоси: он строит свой собственный зал в квартале Мэйдзюро в Токио. Его сооружение было закончено к лету 1936 г.

Теперь следовало подумать о названии зала и школы, которая будет в нём располагаться. Но как выразить суть того, что преподавал Фунакоси?

Он считал, что в названии школы должны быть отражены или основные принципы каратэ, или имя патриарха. А не назвать ли её Сётокан? Именно под псевдонимом Сёто писал когда-то Фунакоси свои стихи в подражание древним китайским поэтам. Иероглиф «сё» буквально означает «сосна», «то» – «море». Фунакоси однажды даже написал изящные очерки под характерным названием «Ночные беседы мастера Сёто» [81].

Обращает на себя внимание и последний иероглиф в названии школы Фунакоси – «кан». Дело в том, что практически все остальные стили каратэ имеют в своём наименовании частицу «рю» – Годзю-рю, Сито-рю, Вадо-рю. Её первоначальное значение – «поток», а в более широком смысле – «направление», «течение».

А вот Фунакоси использует понятие «кан», пришедшее из Китая, где оно звучит как «гуань» («подворье»). Именно так назывались школы ушу. И Фунакоси не случайно применяет в названии этот иероглиф.

Если понятие «рю» соотносилось с достаточно широким направлением, порой не обязательно подчинённым единому центру, то школа-«кан» требовала традиционной, хотя зачастую чисто символической закрытости, абсолютной верности мастеру, строгой иерархии и самое главное – передачи «истинной традиции» духовного знания.

Отныне его зал и стиль каратэ будут называться «Зал Сосны и Моря», или «Зал мастера Сёто». Вообще интересно проследить, как окинавские мастера в Японии называли свои школы и что старались подчеркнуть этими названиями. Одни отражали в названии школы основные принципы стиля (Годзю-рю – «Стиль жёсткости и мягкости»), другие – имена своих учителей (Сито-рю). Фунакоси же решил оставить память именно о себе. Весьма примечательная черта...

ТРАГЕДИЯ ПАТРИАРХА

Во время Второй мировой войны деятельность Сётокана замирает; старшие ученики (сэмпаи) и прямые последователи патриарха каратэ (дзики-дэси) отходят от активных занятий, многие попадают в армию, а сам Фунакоси стремительно утрачивает своё влияние в

высоких кругах. Постигает его и немалое разочарование, когда он узнаёт, что японским солдатам в армии не преподают каратэ.

Удар следует за ударом. Во время одного из авианалётов американской бомбой были разрушены штаб-квартира и центральный зал Сётокана. Погибают многие архивы, записи Фунакоси, а самое главное – замечательный зал, которым так гордился стареющий мэтр. Но и это ещё не всё – от туберкулёза умирает Ёситака, его сын и первый помощник. Фунакоси теряет блестящего методиста: Ёситака в определённой мере воплощал реформаторское крыло в Сётокане.

Наконец война закончилась. Фунакоси хотел посетить Окинаву, но и теперь это было невозможно – её прочно удерживали американцы. Более того, многие жители Окинавы были переселены в Японию, вместе с ними приехала и жена Фунакоси. Уже пожилая супружеская пара после 25-летней разлуки воссоединилась и поселилась в городке Оита на острове Кюсю. Но семейному счастью суждено было длиться недолго – осенью 1947 г. жена Фунакоси умирает. Рассказывают, что после этого Фунакоси в течение нескольких дней не разговаривал и почти не принимал пищу.

Фунакоси перевёз прах жены в Токио и захоронил рядом с могилой сына. «Отцу каратэ» в ту пору было уже под восемьдесят. Пора подвести итог прожитого. Чего добился Фунакоси Гитин? Он создал фактически новую систему боевых искусств – каратэ, стал известен как один из величайших мастеров, о его «железном ударе» и «стальном блоке» ходили легенды, ученики боготворили его. Но где эти ученики? Где славный Сётокан? Всё разрушено войной, одни талантливые последователи погибли, другие разъехались, и связь с ними утрачена. Умерли самые близкие Фунакоси люди – жена и сын. Выходцы с Окинавы хотя и молчат по поводу того, что Фунакоси именуется «отцом каратэ», но прекрасно знают истинную историю становления искусства «пустой руки».

Активно муссировались слухи и даже демонстрировались какие-то документы, указывающие на то, что Фунакоси Гитин причастен к неким письмам, в которых окинавские мастера обвинялись в симпатиях к китайцам. Это вызвало весьма активные действия на острове со стороны японской контрразведки, и ряд окинавских мастеров был и репрессированы, а некоторые пропали без вести.

Другой человек пришёл бы в отчаяние и опустил руки. Но Фунакоси Гитин действительно был великим воином. Он не мог уйти из жизни, не выполнив свою миссию.

И вот уже сильно постаревший (82 года!), но ещё крепкий Фунакоси Гитин решает вновь лично начать преподавание. Многие были поражены – разве подобает человеку в таком возрасте, к тому же обладающему самыми высочайшими степенями в каратэ, самому объяснять ученикам элементарные вещи? Но Фунакоси это не смущает – у него просто нет другого выхода. И он вновь, как в прежние годы, сам входит в качестве инструктора в додзё университетов Кэйо и Васэда, в которых когда-то начинал преподавать каратэ в Японии.

После поражения Японии во Второй мировой войне и вступления в страну американских войск преподавание боевых искусств было запрещено. Лишь с 1948 г. эти запреты сначала были ослаблены, а затем окончательно сняты. Кстати, раньше всего сняли запрет с каратэ, что вызывало у Фунакоси довольно противоречивые чувства. Дзюдо и кэндо были ещё запрещены, так как считались чисто национальными видами единоборств, пропагандирующими японский (а следовательно, «милитаристский») дух. Значит, каратэ – не «японское национальное искусство»? Ещё одна горькая пилюля для «отца каратэ»...

Одновременно с Фунакоси в разных городах начинают преподавание его ученики, причём открывают свои группы абсолютно самостоятельно, без разрешения патриарха, предписанного традицией. Многие из них были не прочь назвать себя прямыми последователями «отца каратэ», но непосредственной помощи стареющему Фунакоси оказывать не торопились. Та ритуальная сущность, тот оттенок глубокой духовности, который Фунакоси стремился придать своему детищу, уже практически полностью отсутствуют в новом каратэ. Послевоенный этап стал эпохой перелома традиции; Сётокан практически раскололся на массу клубов и групп. Технический арсенал, когда-то

заложенный Фунакоси Гитином и его сыном Ёситакой, теперь разрабатывался и развивался совсем другими людьми, которые в нарушение многих запретов патриарха привносили немало технических новшеств, делая стиль значительно эффективнее. Как ни странно, постаревший и уже не столь активный Фунакоси оказался всем выгоден, поскольку, с одной стороны, было престижно возводить каратэ к такому поистине легендарному человеку, а с другой – с ним почти не считались. И именно поэтому столь активно раздувались мифы вокруг личности патриарха – новым наставникам Сётокана нужен был не человек, а легенда.

Великий мастер понимал, что по сути утратил контроль над Сётоканом и особенно над внутренней ритуальной сущностью каратэ, которую столь упорно пропагандировал. Но сделать уже ничего не мог.

Он не часто приходил в залы, где преподавался его стиль, в том числе и в новое, едва отстроенное здание Сётокана. В связи с этим многие каратисты (уже после смерти Фунакоси) утверждали, что получали личные наставления от патриарха, т. е. являлись его прямыми последователями (дзики-дэси), хотя на самом деле он к ним едва ли даже подходил. В сущности самого Фунакоси Гитина рассматривали как духовного лидера всего направления каратэ – иэмото; спор же шёл вокруг того, кто является его прямым учеником (дзики-дэси), а кто – учеником его прямых учеников в первом или втором поколении (маго дэси или мата маго-дэси). Тот, кто сумел бы доказать свой статус «личного ученика», получал моральное право на лидирующий пост в структуре Сётокана.

В 1949 г. была создана Всеяпонская ассоциация каратэ (ВАК, JKA). Тем самым завершается послевоенное возрождение каратэ, а фактически – становление нового подхода к каратэ как к методу физического воспитания, постепенно превращающемуся в спорт. Само название этой ассоциации весьма показательно. По сути, она объединяла лишь Сётокан, в то время как в Японии активно действовали стили Годзю-рю, Сито-рю.

Ассоциацию возглавили старшие ученики Фунакоси. Его сэмпай Обата был выбран президентом ВАК, а самому «отцу каратэ» предоставили должность «почётного наставника». Фактически патриарх был отстранён от руководства развитием каратэ.

Многие считали его взгляды ретроградными и не соответствующими современности, а сам он казался молодёжи по крайней мере странным из-за своего непробиваемого традиционализма. Официальные биографии Фунакоси, конечно же, не говорят об этом, однако некоторые его ближайшие ученики, чувствовавшие трагедию своего учителя, порой приоткрывают завесу молчания над последним периодом его жизни. Например, один из самых верных его последователей Хирониси Гэнсин упоминает, что молодым каратистам Фунакоси представлялся каким-то экзотическим реликтом глубокого прошлого лишь из-за того, что строго следовал всем классическим предписаниям, регулярно совершал все традиционные ритуалы как у себя дома, так и в додзё.

Почему абсолютно самоотверженный учитель оказался столь одиноким и не понятым в конце своего пути? Но вспомним: а чему обучался сам Фунакоси? Ведь стилем Сётокан он не занимался и сам учился совсем другому – тодэ. А в этом боевом искусстве, сколь бы аморфным в техническом плане оно ни было, явствовал отпечаток мощной китайской духовной традиции. Да и весь духовный климат Окинавы, очень близкий к народной традиции Южного Китая, способствовал ритуальному осмыслению боевых искусств; там они сочетали в себе и боевые, и духовные аспекты.

Фунакоси, создав практически новый стиль, оторвался от древних корней. Но лишь они могли обеспечить ему полноту духовной передачи знаний ученикам, как это было в Китае и отчасти на Окинаве. Переступив через своих учителей, Фунакоси Гитин сам расставил себе ловушку.

Наконец завершается строительство нового здания Сётокана. Располагается оно недалеко от дзюдоистского Кодокана в квартале Ёцуя в Суйдобаси. Фунакоси неоднократно посещает его, ему выказывают всяческое внимание, но с его мнением мало считаются.

В 1951 г. свободный поединок дзю-кумитэ по решению руководства ВАК официально введён в программу обучения стилю Сётокан.

Тем временем в руководстве ВАК идёт ощутимая борьба за высшие должности. Уже несколько лет Ассоциация рассылает инструкторов по всему миру, пропагандируя каратэ и получая от этого немалую прибыль. Популярность каратэ и большие денежные средства разрушают ВАК изнутри. В 1954 г. её президент Обата покидает эту организацию и создаёт своё направление каратэ, объявив, что решил вернуться к изначальной традиции Фунакоси. Уходят и другие ведущие инструкторы; многие из них уезжают за рубеж и создают независимые от ВАК школы. ВАК продолжает дробиться и сегодня.

А что же Фунакоси? Патриарх уже не участвует во всех этих спорах и коммерциализации каратэ. Ему больно смотреть, как вырождается его детище, которому он пожертвовал всё, что у него было. До конца своей жизни он считал, что истинное каратэ должно развивать душу человека, выявлять в человеке повседневном человека-Воина, человека Традиции и Истины. Как оказались далеки от его идеалов спортивные соревнования и борьба за лидерство!

В последний период своей жизни Фунакоси неизменно серьёзен и мало улыбается, как и подобает человеку, считающему себя прямым наследником самурайского духа. Конечно, положение обязывает, и Фунакоси отчётливо осознаёт свою историческую миссию «отца каратэ».

Уроженец Окинавы, далеко не самой «японской» и тем более не самурайской территории, увидел возможность быть признанным как стопроцентный японец и настоящий самурай. А поэтому он соблюдает все ритуалы более тщательно, более трепетно, чем многие реальные наследники благородных японских семей.

Ему были чужды многие новые слова, особенно те, которые обозначали реалии, пришедшие с Запада, и он наотрез отказывался произносить их. Раз во времена его молодости таких слов не существовало, а Япония тем не менее преуспевала, значит, они лишь загрязняют благородный японский язык и чистоту национального сознания.

Он вводит на тренировках жесточайшую дисциплину, которая также сводилась к исполнению особых ритуалов, порой доведённых до абсурда, – сотни поклонов, чётко установленная длина пояса, которым подвязывается кимоно, сложные формы обращений к мастеру, старшему инструктору зала, к инструкторам, к обычным бойцам. И ни малейшего отклонения от установленных правил! Пусть они даже жёстче тех, по которым он сам обучался на Окинаве. Ему кажется, что в эпоху разрушения самого святого для Японии – её национального духа, выпестованного самурайской культурой, – только жёсткость ритуалов и может спасти молодое поколение.

Этот человек вставал рано, едва только блеснут первые лучи солнца. Первым делом он совершал длительный традиционный туалет, старательно расчёсывал волосы, медленно и с достоинством надевал кимоно, тщательно повязывал пояс – всё это длилось почти час. Именно таково было древнее самурайское правило – внешность воина должна быть тщательно ухоженной.

Затем Фунакоси садился в позицию дзадзэн и совершал долгие и медленные поклоны. Сначала он кланялся в сторону императорского дворца, касаясь лбом татами и повторяя благопожелания в честь императорской фамилии. Затем следовали поклоны в сторону родины и могил предков – в направлении Окинавы. Так продолжалось ещё почти час. И лишь после этого Фунакоси позволял себе выпить утреннюю чашку чая. Даже когда старый мастер совсем ослабел, он не изменил свой распорядок ни на минуту – лишь позволил ближайшим ученикам поддерживать себя под руки.

До последней минуты он размышлял над сутью каратэ. К нему приходило внутреннее мастерство, которое не зависит ни от физической силы, ни даже от упорства – только от чистоты сознания. Стал классическим рассказ о том, как Фунакоси незадолго до смерти вдруг признался изумлённым ученикам: «Наконец я начал чувствовать удар (цки)».

Фунакоси постоянно беседует с учениками, пытаясь оставить после себя духовное учение, опасаясь, что Сётокан без такого стержня быстро выродится в спорт. Фунакоси ещё не знает, что готовятся первые официальные соревнования по каратэ, которые включают и

поединки (*сиай*). Престарелого мастера решили пока не беспокоить этим сообщением; правда, многих волновала мысль: как сообщить Фунакоси о соревнованиях?

Но все эти волнения оказались ни к чему – создатель Сётокана, легендарный Фунакоси Гитин тихо отошёл 26 апреля 1957 г. в возрасте 88 лет. Прах Фунакоси был доставлен на Окинаву, которую мастер покинул ради своей казавшейся тогда почти безумной идеи 35 лет назад.

Он воплотил в себе все противоречия и сложности той эпохи, когда рушилась традиция, а из желания восстановить её рождалось нечто абсолютно новое. Парадокс в том, что для нынешнего поколения каратистов мёртвый патриарх как символ, как воплощение духа каратэ оказался намного удобнее живого Фунакоси. Один из современных мэтров японского каратэ, знавший его при жизни, в беседе со мной охарактеризовал Фунакоси так: «Нетерпимый старец».

...Мемориал Фунакоси в саду небольшого дзэнского храма Энкакудзи в местечке Ката-Камакура скромен и символичен. На длинной горизонтальной плите, утопающей в зелени деревьев, высечено несколько вертикальных иероглифических надписей, в том числе такая: «В каратэ нет ни одного движения для нападения» («каратэ ни сэнтэ наси»). Это памятник воину и «человеку традиции». И всё же этот мемориал создан не в память о человеке, а в память о той легенде, которая зовётся «каратэ».

ИСХОД С ОКИНАВЫ

ГОДЗЮ-РЮ: ГАРМОНИЯ ЖЁСТКОГО И МЯГКОГО

...Короткий выкрик, неуловимое движение корпуса – и звук падающего тела. Всё произошло так быстро и неожиданно, что публика удивлённо загудела. Даже искушённые в боевых искусствах окинавцы не видели такого мастерства.

Стояло лето 1924 г. На Окинаве проходили показательные выступления мастеров дзюдо. Сюда прибыл сам «сихан» Кано Дзигаро с лучшим учеником Нагаокой. Местные жители относились к дзюдо прохладно – себя они считали едва ли не «монополистами» искусства боя без оружия, а японцев, какими бы мастерами те ни были, окинавцы по-прежнему недолюбливали.

Скептицизм окинавцев быстро перешёл в восхищение – боевое мастерство они ценить умели. Бросок следовал за броском; Кано демонстрировал защиту от ударов не только ножом и палкой, но даже тяжёлым самурайским мечом катаной, без труда раскидывал сразу нескольких нападающих. Подкупали и благородные манеры Кано, его умение общаться как подобает истинному патриарху будо – вежливо, с достоинством, но без малейшего высокомерия.

И всё же чувство досады не покидало зрителей. Неужели знаменитые и уже уверовавшие в свою силу окинавцы не сумеют показать в ответ что-нибудь необычное?

Внезапно шёпот прошёл по рядам зрителей. Из публики поднялся невысокий, но чрезвычайно могучий человек. Толпа почтительно расступилась. Этого мастера хорошо знали на Окинаве – «ответить» японцам решил сам Мияги Тёдзюн.

Яги Мэйтоку, личный ученик Мияги и глава направления Окинава Кэнкай. Считает, что «цель каратэ – бой, а не праздные рассуждения». Однако современные правила каратэ не совсем подходят для этого

Начал Мияги с выполнения двух ката, рассекая кулаками воздух с такой силой, что толпа сначала затихла, а затем стала встречать каждый новый удар восхищёнными возгласами. Потом Мияги показал несколько ударов ногами в прыжках, взлетая каждый раз, как описывали местные журналисты, «до уровня крыши дома». Но самое главное – *тамэсивари* – Мияги решил приберечь под конец. Под его кулаками крошилась черепица, трескались толстые доски, а затем о корпус мастера разбили толстую круглую дубину, причём сам Мияги даже не шелохнулся.

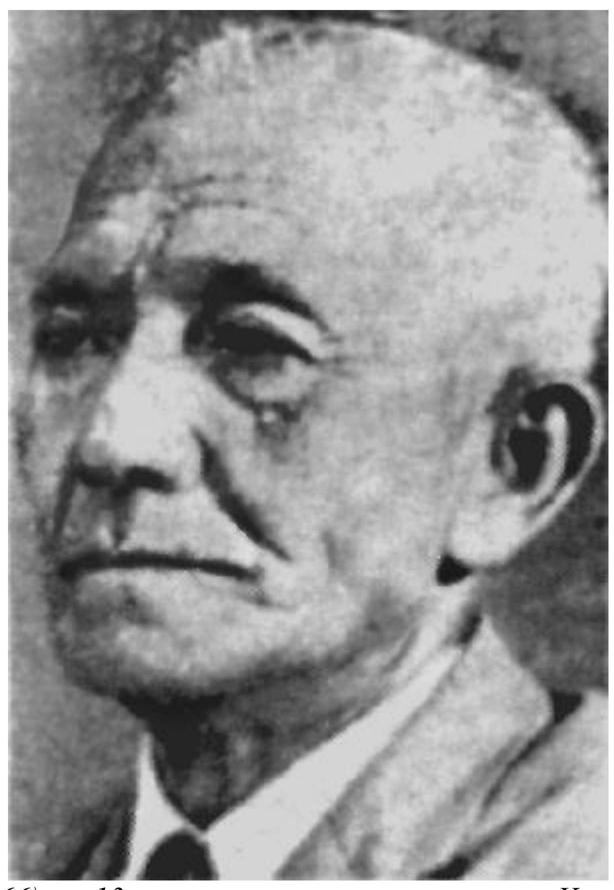
Затем последовал ещё один удивительный «фокус» – Мияги ударом ноги цумасаки-гэри (прямой удар пальцами стопы) пробил насквозь металлическую канистру, откуда хлынула вода. Чувствовалось, что сэнсэй Мияги не на шутку разошёлся. Тут его взгляд упал на дерево, стоявшее неподалёку. Могучий боец бросился к дереву и в считанные мгновения содрал с него кору голыми руками!

Публика была в восхищении – такого мастерства им давно не приходилось видеть. Высоко оценили его и приезжие дзюдоисты; окинавские и японские мастера обменялись взаимными комплиментами.

Кем был этот удивительный человек, о котором на Окинаве до сих пор ходят легенды? Настоящее, окинавское имя мастера – Миягусуку, а имя Мияги, под которым он вошёл в историю каратэ, представляет собой его японизированный вариант. Это имя он принял после того, как в 1928 г. перебрался в Японию, где позже основал один из самых знаменитых стилей каратэ – Годзю-рю.

Мияги Тёдзюн родился в аристократической семье в Наха в районе Хигаси-Мати в 1887 или 1888 г. Естественно, что его путь лежал в местную школу Наха-тэ к Хигаонне, которую сами последователи именовали, как уже упоминалось, Сёрэйрю – «Школа Просветлённой

души». Уже в возрасте девяти лет юный Мияги начинает тренировки у знаменитого мастера, и в течение почти двух десятилетий он повсюду следует за Хигаонной. Тот в свою очередь воспитывает Мияги в строжайшем соблюдении чистоты древней традиции. (Патриарх японского направления Гойдзю-рю Ямагути Гогэн утверждает, что Мияги начал тренироваться у Хигаонны не в девять, а в четырнадцать лет [212].



Хига Сэйко (1898-1966), в 13 лет начал тренироваться у Хигаонны, а затем стал учеником Мияги. Закончил школу океанографии, в свободное время преподавал каратэ в полиции. Открыл свой зал в местечке Итоман на юге Окинавы, преподавал в Высшей школе Итоман, в Университете Рюкю (Сюри). В 1956 г. стал вице-президентом Федерации Окинавского Каратэ-до, позже создал Международную федерацию каратэ и кобудо

Благодаря всё тому же традиционализму Хигаонны шестнадцатилетний Мияги в 1904 г. оказывается вместе со своим наставником в Китае, в провинции Фуцзянь, где проводит в семье китайского мастера четыре года. Мияги попадает в ту же китайскую школу ушу, где когда-то учился сам Хигаонна и с которой был хорошо знаком Уэти Камбун.

Уже известным бойцом Мияги вместе со своим другом Гокэнки (1886 – 1940 гг.), китайцем по происхождению, в мае 1915 г. вновь вернулся в Китай, где пробыл до июля 1917 г. О китайском периоде жизни Мияги известно мало, сам же он, следуя традиции, не любил рассказывать о том, как обучался ушу. Известно лишь, что большую помощь ему оказал в Китае Гокэнки, который был торговцем чаем, а в свободное время обучался стилю Белого журавля (Байхэцюнь), восходящему к традиции Южного Шаолиньсы.

По сути Мияги становится мастером именно китайского ушу, хотя его биографы предпочитают опускать этот факт. Заметим, что среди тех мастеров, которые позднее приехали в Японию и создали свои школы каратэ, Мияги оказался единственным, кто обучался в Китае. Он был официально признан китайскими мастерами как продолжатель «истинной передачи» ушу, а такого признания удостоились лишь очень немногие из окинавцев (например, Хигаонна и Уэти Камбун).

Синдзато Цзинан (1901-1945), один из лучших учеников Мияги, мастер дзюдо. Работал в Окинавской полиции, позже стал чиновником в Управлении Префектуры, преподавал дзюдо и каратэ. На него смотрели как на преемника Мияги. Трагически погиб в Северной Окинаве во время американского штурма острова

По возвращении он принимает глубокий траур – чуть менее года назад скончался его наставник Хигаонна. Мияги по древнему обычаю почти три года носит траур по учителю, справедливо считая его своим духовным отцом. Но Мияги не только чтит традиции, он – мистик по самой своей сути. Он регулярно совершал поклонения духам предков и даже духам местности; по рассказам Мияги, его часто посещали видения, к нему являлись божества, он видел яркое сияние – одним словом, этот человек состоял в тесном общении с невидимым миром. Не случайно присутствие мистицизма в Годзю-рю (школа, которую Мияги позднее создал).

После более чем двадцати лет обучения и самостоятельных тренировок Мияги начинает собственное преподавание. Примечательно, что моральное право на это Мияги имел уже давно: перед смертью Хигаонна назвал его своим официальным преемником по школе Наха-тэ.

Как и в других школах окинава-тэ в ту пору, в основу обучения Мияги кладёт отработку традиционных ката (*тикатэ мани*). Правда, сами по себе эти ката значительно отличались от тех, которые преподавали Мацумура, Азато, Итосу и на которых базировалось направление Сёрин-рю.

Особое внимание уделяет Мияги боевому применению элементов ката – бункай, требуя выполнять в полную силу не только удары и блоки, но даже заломы и удушения, которые тогда существовали в окинава-тэ. Он же вводит в практику одну из форм тренировки, которая встречалась в китайских школах ушу, – *тэ-томимати* . Она заключалась в проведении учебных свободных поединков в полный контакт. Перед началом поединка оба партнёра оговаривают, какую конкретно технику будут применять. Например, они

договариваются о нанесении ударов только руками в живот или ударов ребром ладони – сюто. Это стало прообразом «поединков на один удар» в полный контакт – *дзю-иппон-кумитэ* , которые сегодня проводятся практически во всех стилях каратэ. Бойцы имеют право нанести только один удар, допустим, в живот, но в полный контакт.

Наконец, Мияги считает необходимым, чтобы все его ученики умели вести реальный поединок, и в этом он вновь следует китайской традиции, нарушая старые методы обучения Окинавы, – не проводить свободных спаррингов. И вот в школе Мияги появился новый вид поединков – *икукуми* . Один боец нападал на другого, нанося удары в полную силу, другой же имел право только защищаться и не контратаковал. Таким образом Мияги вырабатывал у своих последователей психологическую устойчивость к ударам. Ученики Мияги могли в течение часа обороняться от сильных партнёров, которые сменяли друг друга каждые десять минут.

Особое внимание Мияги уделял нескольким ката Фукю, которые, по всей видимости, он создал сам на базе коротких связок китайского ушу. Он считал, что благодаря Фукю неофитам будет проще запоминать базовую технику Наха-тэ. Примечательно, что сегодня никто не знает, как конкретно выглядели эти ката (или одно ката?). Существует немало их вариантов, например в школах окинавского, японского и даже гавайского Годзю-рю, причём каждая утверждает их «абсолютную истинность».

Многим хотелось стать учениками Мияги. Но он был весьма разборчив и в отличие от других мастеров считал своими настоящими учениками не более десятка человек, а ближайшими последователями назвал за всю жизнь лишь нескольких: Яги Мэйтоку, Миядзато Эити, Хига Сэйко, Томоёзэ (позже они стали патриархами окинавской ветви Годзю-рю) и знаменитого японца Ямагути Гогэна, который являлся патриархом Годзю-рю в Японии.

Многие государственные организации приглашали Мияги на службу, и наконец великий боец откликнулся на их предложения. По правде говоря, другого способа заработать себе на пропитание у него не было. Но профессия стала и его жизненной миссией – преподаванием искусства будо.

Таким образом, Мияги оказывается сначала шеф-инструктором Школы полиции префектуры Окинава. Затем, откликаясь на новую тенденцию массового обучения окинава-тэ в учебных заведениях, начинает преподавать в местной средней школе и в Институте гражданского благосостояния. Получал он даже официальные предложения преподавать в Японии, чего практически не удостаивались окинавские мастера. Мияги решил подготовить почву для достойного отъезда в Японию. Он решил, как когда-то Фунакоси Гитин, организовать ассоциацию боевых искусств во главе с самим собой и тем самым обеспечить себе официальный статус.

В 1926 г. Мияги создаёт «Окинава каратэ дзюцу кэнку кай» – «Ассоциацию окинавского искусства каратэ». Авторитет его был велик, поэтому новую организацию поддержали не только последователи Наха-тэ, но и ряд мастеров других стилей. Правда, особого следа в истории местных боевых искусств ни эта ассоциация, ни многие другие (в ту пору их на Окинаве было около десятка) не оставили.

Но так или иначе, с того времени Мияги оказывается во главе одной из самых крупных организаций боевых искусств на Окинаве. В этом качестве в 1928 г. он приезжает в Японию, выбирая для преподавания Киото – город, куда ещё не проникли окинавские мастера, но где традиции самурайского воспитания были весьма сильны. Там о Мияги уже слышали; протекцию ему составили японцы, поклонники духовного дзэнского воспитания, которые заезжали на Окинаву и были приятно удивлены познаниями Мияги в дзэнских искусствах, считавшихся чисто японским, а не окинавским наследием. Немалую роль здесь сыграло и аристократическое происхождение самого Мияги. Есть сведения, что Мияги демонстрировал своё искусство патриарху дзюдо Кано Дзигаро, но подробности не дошли до нас.

В 1928 г. Мияги начинает преподавать в престижном Императорском университете в Киото – это можно считать более удачным стартом, чем у самого Фунакоси. Правда, что-то

не получается у Мияги в Киото, и уже в 1932 г. он – старший инструктор каратэ университета Кансай в городе Осака. Чуть позже Мияги вновь меняет место преподавания – на этот раз центром Годзю-рю становится университет Рицумэйкан.

Сохранилась интересная история о том, как Мияги дал название своей школе – Годзю-рю. Это произошло в 1928 г., когда Мияги уже жил в Японии. В Киото крупнейшая организация, объединявшая боевые искусства, – «Дай Ниппон Будокукай» («Ассоциация последователей боевых искусств Великой Японии») – организовала большой фестиваль будо, на который был приглашён и Мияги. Его школу уже хорошо знали в Киото, хотя по популярности она значительно уступала и кэндо, и дзю-дзюцу, и кюдо.

Это приглашение заставило Мияги задуматься над проблемой, с которой рано или поздно сталкивается всякий большой мастер боевых искусств, – проблемой самоидентификации в культурном и духовном пространстве. Фактически Мияги преподавал те же комплексы, которые когда-то изучал в провинции Фуцзянь и у Хигаонны, передавал дзэнские методы психопрактики, которым учился в Китае. Но стиль Мияги во многом уже отличался от южного китайского ушу; не совсем он был похож и на старую школу его окинавского учителя (это не раз становилось предметом упрёков со стороны других учеников Хигаонны).

Назвать своё направление старым именем Наха-тэ (ведь он обучался именно в этой школе)? Но кто в большом Киото знает маленький окинавский городок Наха? Тогда, может быть, использовать ритуальное и «внутреннее» название, которое употреблялось для торжественного обозначения Наха-тэ, – Сёрэй-рю? Но под этим названием уже существует добрый десяток мелких и нередко ничем не примечательных школ.

Итак, решено: его школа приобретёт своё «индивидуальное» название, символизирующее её самостоятельность в сфере японских боевых искусств. Ученик Мияги, Синдзато Дзинан, во время показательных выступлений, отвечая на вопрос одного из чиновников, называл уже школу своего учителя Ханго-рю (Полужёсткая школа). Действительно, стиль Наха-тэ (основашколы) отличался от других окинавских стилей особой жёсткостью техники.

Мияги название не понравилось. Ведь суть школы не в том, что она требует особой физической жёсткости, но в особой гибкости, податливости сознания. Чисто физическое напряжение – это лишь внешняя, видимая сторона выполнения движений.

Принцип единства внешнего и внутреннего через сочетание жёсткого и податливого воплощает сама техника выполнения основных ката стиля – Тэнсё и Сантин, где предельное напряжение чередуется с предельным расслаблением. Мияги называет школу Годзю-рю (Школа жёсткого и мягкого, или Школа жёсткого и податливого). Кстати, в определённой мере это была антитеза дзю-дзюцу или дзюдо, т. е. «гибким», или «податливым», искусствам (иероглиф «дзю» в их названиях означает «мягкость», «податливость»). А Мияги как бы «достраивает» свою школу до совершенной полноты, в равной степени используя и «жёсткое» (го), и «мягкое» (дзю).

Под названием Годзю-рю и фигурирует школа Мияги на фестивале боевых искусств в Киото. Как Годзю-рю она с тех пор входит в историю. Поэтому её последователи считают 1928 – 1929 гг. временем рождения новой школы каратэ.

По сути в названии Годзю-рю заключена целая философия, хотя в своё время Мияги под «мягким» и «жёстким» подразумевал чисто внешнее чередование этих двух начал в выполнении приёмов. Но вот как описывает внутреннюю философию Годзю-рю его последователь Ямагути Гогэн:

«Название школы каратэ Годзю произошло из классического китайского произведения по боевым искусствам «У бэй чжи» («Энциклопедия боевой подготовки», приписывается мастеру Мао Юаньи, 1621 г., японская копия – 1664 г. – (*Прим. авт.*). ...Базовыми формами Годзю-рю являются ката Сантин и Тэнсё, так как они демонстрируют и «го», и «дзю». Вы это поймёте, когда увидите ката Сантин, когда напряжена каждая мышца тела. Здесь нет ни одной незащищённой точки, и всё ката наполнено боевым духом. Это типичное воплощение начала «го».

Ката Тэнсё в противоположность этому не раскрывает так явно боевой дух, он как бы вздымается изнутри и проявляется в медленных дугообразных движениях, будто бы человек ожидает момента для внезапного выброса, глубоко запрятанного внутри тела. Это и есть начало «дзю».

От «го» до «дзю» и от «дзю» до «го» должна быть свобода и лёгкость в чередовании движений. Таким образом, если вы двигаетесь в соответствии с движениями противника, вы сумеете раскрыть фундаментальный принцип, сопоставимый с целями философии Дзэн.

Когда ваш противник атакует вас с началом «го», то встречайте его началом «дзю», и вы одолеете его. Если ваш противник противостоит вам началом «дзю», то встречайте его началом «го» и сбейте его с ног. Этот секрет боевых искусств прекрасно проявляется в ката Сантин и Тэнсё» [204].

Ямагути Гогэн, являвшийся главным идеологом Годзю-рю, считал также, что жёсткое начало «го» символизирует собственно боевые искусства, а мягкое начало «дзю» – дзэнскую медитацию и йогическую практику, которую он ввёл в качестве обязательного аспекта обучения Годзю-рю.

...Япония оказалась далеко не любезной с Мияги. Он плохо знал японский язык и даже

внешне значительно отличался от японцев. Да и обучение у него многие считали слишком сложным – не случайно у Мияги было довольно мало прямых учеников. Он не любил соревнований, зато много внимания уделял внутреннему искусству, управлению «ки» (внутренней энергией) и медитации.

Япония по сути отворачивается от того типа боевого искусства, который принёс Мияги. Но оставался ещё один центр боевых искусств, о котором сегодня несправедливо забыли, – Гавайи. Туда и направляется в апреле 1936 г. разочаровавшийся в Японии Мияги Тёдзюн. Правда, приглашают его туда не последователи боевых искусств, а издательство «Ёкоку Симпо Пресс» и только на один год. Мияги же рассчитывал задержаться на тёплых островах подольше.

Китайские мастера ушу начали приезжать на Гавайи уже с XVIII в. – в эти тёплые и благоприятные для ведения хозяйства места направлялся большой поток переселенцев из Южного Китая. Преподаются на Гавайях такие китайские стили, как тайцзицюань (Кулак Великого предела), синъицюань (Кулак формы и воли), а среди многочисленных китайских тайных обществ, процветавших в этих местах, – южные стили хунцзяцюань, лицзяцюань и цайлифо.

Приблизительно в то же время на Гавайи с Окинавы приезжают Хигаонна Хамэцукэ (близкий родственник Хигаонны Канрио) и Мицу Дзюхо и начинают преподавать Наха-тэ. В 1934 г. преподавание Наха-тэ, а точнее стиля Годзю-рю, возглавляет прибывший сюда Мияги.

Но и здесь дела у Мияги идут не очень хорошо, хотя он сумел создать целое гавайское направление Годзю-рю, существующее до сих пор. Однако конкуренция со стороны китайских мастеров ушу была непреодолимой; к тому же китайская диаспора прочно удерживала монополию на преподавание боевых искусств, задействовав для этого каналы мощных тайных обществ. Проведя всего лишь год на Гавайях, сразу же после того, как кончается срок приглашения от «Ёкоку Симпо Пресс», Мияги назначает себе преемника и возвращается на родную Окинаву. Перед этим вместе со своим старым другом Гогенки он заезжает в Шанхай, где проводит показательные выступления перед сотрудниками японского посольства в Японском клубе. По рассказам, один из его поклонников подарил там Мияги пять китайских трактатов по ушу, которые он собирался перевести на японский. Но, увы, книги сгорели в октябре 1944 г. во время авианалёта на Наху.

На Окинаве он продолжает преподавание, делая свою школу ещё закрытой. Парадокс заключался в том, что японское направление Годзю-рю, особенно после 1945 г., развивалось без Мияги быстрее, чем на Окинаве, и по своим масштабам значительно превзошло личную школу патриарха.

О последнем десятилетии жизни великого Мияги известно мало. Говорят, что он часто «беседовал с духами», проводил целые дни в дзэнском самосозерцании. Его ученик Сэйкити Тогути (один из руководителей окинавского направления Годзю-рю) рассказывал, что в конце жизни его учителю уже не надо было использовать ни свою физическую силу, ни сокрушительные удары. Он мог приковать к месту любого противника просто взглядом и даже заставить его корчиться от боли.

Вероятно, Мияги был не вполне удовлетворён развитием Годзю-рю в Японии. Иногда он выражал сожаление, что боевые искусства становятся всё более и более «светскими», далёкими от духовной традиции и сложной культуры самовоспитания, присущей традиционному будо. Японское направление Годзю-рю, которым руководил Ямагути Гогэн, был в принципе абсолютно независимым от Мияги. Более того, в мае 1950 г. Ямагути Гогэн самостоятельно создал Всеяпонскую ассоциацию каратэ-до Годзю-кай, куда основателя стиля Мияги даже не пригласили. Удар был сильным и оскорбительным.

В 1952 г. Мияги делает последнюю попытку восстановления истинного лика Годзю-рю как духовного искусства – он создаёт на Окинаве Ассоциацию каратэ Годзю-рю. Но и здесь что-то не заладилось: японцы поддержали её довольно вяло, гавайцы вообще не приехали, и основу Ассоциации, которая задумывалась как организация, объединяющая всех

последователей Годзю-рю, составили всё те же окинавцы. Мияги был очень расстроен, ему казалось, что он не до конца сумел раскрыть ученикам космическую суть своего искусства «жёсткого и податливого». Его преследовали несчастья, три его сына погибли; последние годы жизни великий Мияги провёл в бедности, все его мысли были заняты лишь боевыми искусствами, постижением их эзотерической сущности. 8 октября 1953 г. 65-летний мастер умер от острой сердечной недостаточности в местечке Исикава на севере от Наха, где провёл последние годы жизни. По сей день личность Мияги остаётся весьма загадочной. До сих пор идут споры, кому Мияги передал эзотерическую суть своего искусства – японцу Ямагути Гогэну, окинавцам Хига Сэйко или Яги Мэйтоку. Ясно лишь одно: до последних дней Мияги оставался верен себе. В этой жизни он не искал почестей, стараясь сохранить, пусть даже среди весьма узкого круга последователей, изначальную духовную суть кэмпо. Он был готов отказаться от высоких должностей, престижных мест, если видел, что его деятельность не способствует его высокой цели. Может быть, поэтому школа Годзю-рю, будучи сегодня самой малочисленной из всех школ каратэ, является одной из самых развитых и сложных в плане духовного воспитания.

После смерти Мияги чётко оформились четыре направления Годзю-рю, отношения между которыми оказались не самыми лучшими. Порой их последователи даже обвиняли друг друга в самозванстве, но подобные споры мог разрешить разве что сам Мияги. Первое направление – окинавская ветвь Годзю-рю, патриархом которой до недавнего времени являлся Сэйкити Тогути (родился 1917 г.) – личный ученик Мияги. Это направление официально называется древним именем Сёрэйкай и придерживается в преподавании наиболее традиционных принципов Наха-тэ и Сёрин-рю (что в общем-то одно и то же). Второе, также окинавское направление Окинава Кэнкай (центральный зал – Мейбукай) возглавляет Яги Мэйтоку, тоже ученик Мияги. Ещё одно окинавское направление находилось под контролем Хига Сэйко, который начал обучение у Хигаонны с 13-ти лет, а затем стал учеником Мияги. После смерти Хига в 1966 г. это направление возглавил его сын Сэйкити.

Если окинавские направления весьма близки друг к другу и по технике и по духу, то японское направление находится несколько особняком. Личность человека, который долгое время стоял во главе японского Годзю-рю и многое сделал, чтобы прославить этот стиль во всём мире, стала легендарной ещё при жизни. Это Ямагути Гогэн, прозванный Котом.

СИТО-РЮ САМУРАЯ МАБУНИ

Вслед за создателем Годзю-рю в Японии появляется другая овеянная легендами фигура с Окинавы – Мабуни Кэнва (1889 – 1952 гг.). В отличие от многих других носителей каратэ он был потомственным самураем и получил воспитание настоящего буси.

Мабуни родился в 1889 г. (по другим сведениям – в 1887 или 1893 г.) и также принадлежал к поколению, воспитанному на реформаторских идеях эпохи Мэйдзи. Он считался японцем, хотя родился на Окинаве и его семья всю жизнь прожила на этом острове. Японский язык он знал весьма слабо и в детстве не чувствовал ни малейшего отличия от окинавцев. Эти отличия проявились значительно позже, когда он приехал в Японию преподавать каратэ.

Мабуни начинает активно тренироваться, но посвящает себя не каратэ, а работе с традиционным оружием (*кобудо*). Конечно, самурайская катана больше подошла бы ему, к тому же в его доме хранился унаследованный от предков меч с золочёной рукоятью – подарок самого Токугавы Иэясу! Как хотелось юному Мабуни перенять древнюю мудрость боя с мечом, постичь живую душу оружия, приобщиться к святости духа древних буси! Но время было уже другое, и отец Мабуни наотрез отказался учить его самурайскому искусству, справедливо полагая, что это вызовет негативный отклик у соседей, а ссориться с ними он не хотел. Поэтому Кэнве пришлось ограничиться традиционными окинавскими нунтяку, парными серпами-кама, палкой-бо и другими подобными инструментами.

Тренировался он отважно, а порой даже отчаянно – дело в том, что сначала хорошего наставника у него не было. Мабуни опасался, что над ним, хилым и малорослым даже по окинавским меркам, начнут насмехаться товарищи по школе. Тренировался он один, обычно по вечерам, когда никто не мог его увидеть. Сколько раз он приходил домой в ссадинах и кровоподтёках из-за неудачного обращения с нунтяку. Его руки были изрезаны серпами, а однажды он вбежал в дом, истекая кровью, – так пропорол себе бок серпом, что едва не погиб.

Матаёси Синко (1888-1947), основатель стиля Матаёси кобудо. Провел 13 лет в Китае, обучаясь бою с оружием и медицине, был великим мастером боя с саи, шестом-бо, серпами-кама, нунтяку. Участвовал в показательных выступлениях вместе с Фунакоси Гитином в Токио в 1916 г, а с 1921 г. обучался в Шанхае шаолиньской школе боя с оружием

После этого случая Мабуни-старший стал по вечерам куда-то уходить, ничего не говоря сыну. Как оказалось потом, он подолгу беседовал с местным мастером Арагаки – лучшим знатоком кобудо на Окинаве. Арагаки согласился взять Мабуни Кэнву к себе в ученики. И ему никогда не пришлось жалеть об этом. Обучаясь у Арагаки, Мабуни быстро осознал принцип «живого оружия», который объяснял ему наставник: «Подумай, почему ты так часто ранишь себя? Ты полагаешь, что это приучает тебя терпеть боль, но на самом деле – это от глупости. Ты же никогда не поранишь себя своей рукой или ногой, ты никогда не станешь колотить сам себя так, что разобьёшь своё тело в кровь. Потому что ты не видишь разницы между собой и твоей рукой, всё это – одно целое, всё это – твоё тело. Так же и с любым оружием – сделай его частью самого себя. И тогда оно никогда не поранит тебя» [118].

По мнению Арагаки, самая большая ошибка заключается в том, что многие последователи кабудо боятся своего оружия, опасаются, что нунтяку заденут их по голове, а цепь обмотается вокруг шеи. Бойцы замедляют движения, пытаются мысленно просчитать

траекторию, сомневаются в себе. Всё это происходит из-за того, что их оружие отделено от тела.

Этот принцип Мабуни запомнил навсегда. Уже позднее, открыв в Японии свою школу, он в качестве обязательной части тренировки ввёл занятия кобудо. Правда, он расширил философию «продолжения бойца в его оружии». Мабуни учил своих последователей рассматривать весь мир как продолжение себя самого, будто человек врастает в природу, в сам Космос. Не случайно в его школе бойцы проводили долгие часы в сеансах дзэнской медитации, вбирая в себя мощь Вселенной.

Закончив обучение у Арагаки, Мабуни решает продолжить учиться у мастеров кулачного искусства, не прекращая при этом ежедневно заниматься кобудо. Сначала он обучается стилю Наха-тэ у знаменитого Хигаонны, перенимая у него многие китайские принципы тренировок, а затем идёт к Итосу Анко, чей авторитет на Окинаве в то время был непререкаем.

Так Мабуни оказывается продолжателем сразу двух направлений тодэ: школы Хигаонны Канрио (Наха-тэ) и Итосу Анко (Сюри-тэ), которые в ту пору вместе назывались Сёрин-рю.

Успех первых показательных выступлений окинавцев, удачная деятельность Фунакоси в Японии заставили и потомка самурая несколько по-другому взглянуть на боевые искусства. В 1930 г. Мабуни Кэнва приезжает в Осаку. Мабуни оказался благодарным учеником, соблюдавшим дух самурайской традиции (конечно, ровно настолько, насколько это было возможно в новую эпоху). Почти сразу после приезда в Осаку он открывает свой додзё и называет школу Сито-рю. Название школы было составлено из первых двух иероглифов имён его учителей, Хигаонны и Итосу (в китайском чтении), а сам Мабуни неизменно подчёркивал верность традиции своих наставников. Одновременно с Мабуни своё направление Сито-рю основывает его друг и собрат по обучению у Итосу Сирома Синпан (1890 – 1954 гг.). Обучение у Итосу началось с того, что мастер заставлял его в течение двух месяцев рубить дрова и убирать дом, проверяя терпение ученика. Позже он стал преподавать боевые искусства в Первой средней школе. Большинство его учеников погибли во время бомбардировок Окинавы, но в преклонном возрасте он возобновил свою деятельность в Наха.

Преподавание в Сито-рю на первых порах значительно отличалось от преподавания в школах Сётокан и Годзю-рю. Прежде всего в додзё Мабуни активно обучали не только тодэ, но и кобудо – методам боя с традиционным окинавским оружием. Мабуни практически сразу же отказался от запрета на ведение свободных поединков. Более того, через несколько лет Мабуни вообще подогнал всю технику своего стиля под особенности боя против одного соперника, что было уступкой чисто спортивным требованиям и нарушало традиционные окинавские принципы, согласно которым каратэ должно быть рассчитано на ведение боя с несколькими противниками.

Мабуни стал широко использовать стойку нэкоаси-дати для блоков и уходов от ударов – в этом сказывалось влияние манеры ведения боя Хигаонной. Тактика была достаточно проста и эффективна: сначала уход в сторону от удара с переносом центра тяжести на отставленную назад ногу (в стойку нэкоаси-дати), отводящий блок ребром ладони сюто-укэ. Затем – резкий прыжок вперёд в стойку дзэнкуцу-дати и прямой удар кулаком гьяку-цки в голову или живот.

Всё это значительно отличалось от базовой концепции Фунакоси, предусматривавшей, с одной стороны, акцент на «железный блок и стальной удар», а с другой – отсутствие свободных поединков. Многие ценители каратэ признавали, что система Мабуни была более зрелищной, изящной, нежели Сётокан. Правда, в те времена Сито-рю никакой конкуренции школе Фунакоси составить не могло: слишком велико было влияние «создателя каратэ». К тому же Фунакоси преподавал в столице и, несомненно, обладал более значительными связями.

Но, кажется, Мабуни даже и не стремился проникнуть в Токио. Он открывает сеть школ на юге Японии, в частности в Киото и Кобе. Одним из немногих продолжателей окинавской традиции Сито-рю становится Уэти Канэй (дальний родственник основателя стиля Уэти-рю), который начинал своё обучение с сумо, а в 1926 г. пришел к Мабуни. В свою школу он привносит много бросков из дзюдо. Он как бы чувствует, что сам вектор развития Сито-рю должен быть другим, хотя его стиль оказался технически весьма близок к Сётокану. В отличие от Фунакоси, который всю жизнь боролся именно за духовное лидерство, Мабуни мало занимают исторические и идеологические аспекты каратэ. Правда, в 1934 г. Мабуни издаёт свой труд «Госин-дзюцу каратэ кэмпо» («Искусство самозащиты каратэ кэмпо») – своеобразную «библию» Сито-рю, которая ознаменовала собой завершение технического оформления стиля [55]. Мастер упорно использует китайский термин «кэмпо» и, излагая историю развития кулачного искусства, ни слова не пишет о «создателе каратэ» Фунакоси Гитине. Небольшая, но острая шпилька в адрес патриарха...

УЭТИ-РЮ: ЭХО КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ БОЯ

В родном городе Уэти Канбун (1877 – 1948 гг.) слыл замкнутой и загадочной личностью. Он почти ни с кем не общался, учеников у него долгое время не было. О его мастерстве ходили легенды, причём, как выяснялось позже, многие оказывались правдой. У кого он учился, где сумел овладеть своим удивительным мастерством, никто не знал. Утверждали лишь, что окинавских учителей у него не было, зато он являлся одним из старших учеников китайской школы ушу.

Уэти Канбун родился на Окинаве 5 мая 1877 г. Пожалуй, он был единственным из окинавских мастеров, не принадлежавшим к благородной семье, хотя о его юношеских годах почти ничего не известно. Как и многие жители Окинавы, он с детства увлекался кулачным искусством, но по каким-то причинам так и не сумел найти себе учителя. Оставался лишь один выход – совершить паломничество в Китай. И вот 20-летний Уэти присоединяется к торговой экспедиции и в 1897 г. оказывается в провинции Фуцзянь. (Руководитель направления Уэти-рю каратэ в США Дж. Мэтсон, обучавшийся на Окинаве, называет другую дату прибытия Уэти Канбуна в Фуцзянь – 1900 г. [142]. Однако в исторической части его книги столько ошибок, что мы больше доверяем версии Р. Хаберзетцера и М. Бишопа [118]. Вероятно, Уэти привёз с собой рекомендательные письма, возможно от самого Хигаонны. Это позволяет предположить, что Уэти поступил в ту же школу, где когда-то обучался сам Хигаонна. Уэти обучался у мастера Шу Шива или Цюй Цио (возможно, его имя звучало несколько иначе, китайских иероглифов его имени мы не знаем), который сам именовал свою школу «жоуганцюань» (в другом чтении – пангайнун) – «школа жёсткого и мягкого». Вероятно, Шу Шива был монахом (его именовали «сосэй» – «монах») из небольшого буддийского монастыря к югу от г. Фучжоу. Уэти помогал монаху в сборе лечебных трав и изготовлении бальзамов, часть которых обычно шла на продажу. Связь этих двух людей подтверждали многие окинавцы, приезжавшие в Фуцзянь, например, мастер Годзю-рю Гокэнки, который занимался частным бизнесом в Нара, неоднократно встречал Шу Шива и Уэти вместе [118].

Уэти Канбун (1877-1948), основатель стиля Уэти-рю. Основы своей школы принес из китайской провинции Фуцзянь

Здесь нам придётся сделать небольшое, но важное отступление. Практически все окинавские мастера, которые совершали паломничество к истоку ушу – Мацумура, Хигаонна, Мияги, Уэти, – обучались в одном и том же уезде Путянь и, возможно, даже в родственных школах ушу. Это предопределило разветвление окинавского тодэ на два больших направления. Первое было представлено теми людьми, которые обучались в Китае и несли соответственно «истинную традицию» боевых искусств, в том числе их духовное содержание. Другое направление – это те мастера, которые обучались на Окинаве, хотя нередко и у китайских наставников – ведь «не китайского» окинава-тэ никогда не существовало. Однако вне контекста китайской культуры целостно воспроизвести традиционное обучение бойца было практически невозможно. Не случайно те, кто никогда не покидал Окинаву и не соприкоснулся с традицией китайского ушу, ратовали за более широкое, практически повсеместное обучение тодэ, например Азато, Итосу Анко, Функакоси Гитин. Именно от этого направления и пошло распространение каратэ в Японии. Таким образом, на Окинаве китайское тодэ разделилось на традицию закрытого, тайного преподавания, где передавались как многие секреты, так и духовные основы боевых искусств, и на традицию открытую, светскую, общедоступную. Уэти Камбун был последним великим носителем закрытой традиции тодэ.

Около тринадцати лет безвыездно проводит он в провинции Фуцзянь. Не связанный ни семьёй, ни своим делом на Окинаве, он имеет возможность целиком посвятить себя боевым искусствам. Уэти обучается в одной из школ южного ушу. Эта школа называлась «жоуганцюань» или «хухэлунцюань» – «стиль тигра, журавля и дракона»; она существует в уезде Путянь и до сих пор. Именно поэтому в стиле, который позднее преподавал сам Уэти, первоначально мало использовались удары кулаком, зато значительно чаще встречаются удары «лапой тигра» – кончиками немного раздвинутых и согнутых пальцев, «клювом журавля» – кончиками пальцев, собранных в щепоть (*васидэ* или *кэйко*), внутренней частью открытой ладони (*хиратэ*), тыльной стороной согнутого запястья (*какуто* или *кокэн*), «гребнем петуха» – внешней боковой поверхностью предплечья, ближе к запястью, когда ладонь отогнута вниз (*кэйто*).

В Китае Уэти овладел и тайной техникой атаки по болевым точкам, а точнее, сочетаниями ударов по различным точкам. Например, удар лишь по одной такой точке не даст никакого эффекта, и противник даже не обратит на него внимания, но если используется схема атаки сразу по нескольким активным точкам, то можно не только временно обездвижить конечность, но и «отложить» наступление болевого эффекта на несколько часов. Для этого надо хорошо знать меридиональную систему организма и время активизации того или иного энергетического канала, когда энергия «ки» наиболее активно циркулирует в нём.

Для таких атак Уэти использовал в основном удары второй фалангой согнутого и выставленного вперёд пальца – указательного (*иппон-кэн*) или среднего (*хакадака-кэн*). Ими также наносились удары в шею, под ухо, под нос, в глаза, в живот.

Все удары ногами, как и было принято в традиционном ушу, наносились не выше уровня паха. Чаще всего они были направлены в голень, подъём стопы, внутреннюю часть бедра, а для атаки в основном использовалось внешнее ребро стопы (*сокуто*). В частности, схема атаки строилась примерно таким образом: захват руки противника, после чего следовали резкое надёргивание соперника на себя – в сторону и мощный удар ребром стопы в голень. В результате нападающий должен был потерять способность нормально передвигаться. До сих пор такие удары отличают классический окинавский стиль Уэти-рю, хотя в его японском и американском вариантах (школа Дж. Мэтсона) мы сегодня встретим практически все удары каратэ – прямой маэ-гэри, боковой ёко-гэри, круговой маваси-гэри, которые наносятся не только в живот, но и в голову.

Однако воспоминания о китайском ушу в Уэти-рю сильны до сих пор. Например, широко используется прямой удар ногой маэ-гэри пяткой (*маэ -гэри-кэкоми*), в то время как во всех других стилях каратэ в подавляющем большинстве случаев в качестве ударной поверхности применяется подушечка стопы. Именно пяткой наносится большая часть ударов ногой в китайском ушу (прямой удар ногой *дэн туй*).

Самым существенным, что он обрёл в Китае, Уэти считал постижение внутреннего смысла базовой стойки *сантин-дати* (одна нога выставлена, носок повёрнут внутрь, колени сведены). Когда Уэти начинает преподавать на Окинаве, он требует от своих последователей в течение первого года изучать лишь стойку сантин-дати, а остальные три года посвящать только одному ката Сантин (тому же, что и в Годзю-рю, но с небольшими техническими различиями).

Отработка позиции сантин-дати, а точнее, уяснение того внутреннего смысла, который она заключала в себе, становится для Уэти основой тренировки. Все его последователи рассказывают, что с 1911 по 1948 гг., после возвращения Уэти из Китая, не проходило ни дня без отрабатывания ката Сантин. Уэти объяснял своим ученикам основной принцип передвижения в позиции сантин-дати: передвижения должны быть лёгкими и незаметными. Кажется, человек стоит на месте, а на самом деле он стремительно приближается к противнику. При этом стопа ставится на землю столь осторожно, что боец должен суметь почувствовать малейшую песчинку под ногой. Здесь сочетаются два принципа: с одной стороны, следует идти осторожно, «будто ступаешь по тонкому льду», а с другой – надо как бы врастать в землю, «пускать в неё корни» и напитываться соками земли.

Окинавские ученики Уэти долгое время не могли понять внутреннюю суть сантин-дати. Однажды он решил продемонстрировать им то, что может дать правильная позиция. Всё это происходило во дворе перед домом его. Уэти попросил жену вынести из дома шесть пиал из тончайшего китайского фарфора. Мастер поставил пиалы на землю на небольшом расстоянии друг от друга и попросил одного из самых лёгких своих учеников, вес которого был не больше 40 кг, встать на двух чашечках в стойку сантин-дати. Ученик осторожно поставил ногу на хрупкую пиалу, попытался принять позицию, и... тончайший фарфор разлетелся на мелкие кусочки.

«Существует искусство облегчения веса тела – «лёгкое искусство», – объяснил Уэти. – И совершенствоваться в нём необходимо именно в стойке сантин-дати. Всё зависит от силы вашего волевого посыла: захотите – врастёте в землю, захотите – окажетесь привязанными за макушку к небу и станете подниматься вверх, забыв о своём весе» [142].

С этими словами Уэти легко вспрыгнул на фарфоровые пиалы и начал быстро передвигаться по ним, сохраняя стойку сантин-дати. При этом он спокойно и неторопливо объяснял тонкости правильного дыхания и говорил о точках концентрации сознания.

В другой раз Уэти решил наглядно объяснить искусство увеличения своего веса. Он выбрал своих двух самых крепких учеников и дал им в руки огромный бамбуковый шест. Затем Уэти встал в стойку сантин-дати, а ученики упёрлись ему шестом в живот и попытались сдвинуть с места, но Уэти даже не шелохнулся.

Уэти готов был доказать любому: всё, что он делает, – не фокусы, не трюки. Тот огромный бамбуковый шест, которым Уэти так и не смогли сдвинуть с места, мастер поставил рядом с дверью своего дома – любой, кто не верил в силу боевых искусств, мог сам попытаться сдвинуть Уэти с места этим шестом.

Но вернёмся ко времени пребывания Уэти в Китае. Обучаясь стилю хухэлунцюань, он прогрессировал столь быстро, что иногда мастер Шу Шива позволял ему объяснять начинающим базовые элементы техники. А в 1907 г. Уэти был удостоен высочайшей чести, которая выпадала лишь на долю великих Мацумуры и Мияги, – он был включён в генеалогическую книгу школы ушу.

Это давало Уэти право самому начать в Китае преподавание, что он и делает, набирая весьма небольшую и закрытую школу в уезде Путянь. Тренировки в его школе – а она не имела никакого названия, кроме обычного «цюань» (кулачное искусство), – отличались

крайней сложностью. Часами ученики Уэти укрепляли конечности, нанося удары по горячей золе, речному песку, гальке. Они набивали себе предплечья, нанося удары наотмашь изо всех сил по стволам деревьев. Уэти порой требовал, чтобы его ученики просто «вырубали» руками просеку в бамбуковых зарослях.

Отрабатывая меткость удара, сам Уэти мог попасть пальцем точно в глаз юркой ящерице и того же требовал от своих учеников. Особое внимание он уделял отработке ката Сантин. Вообще его стиль в области ката значительно отличается от других стилей каратэ и несёт на себе заметный отпечаток влияния ушу. В стилях Сётокан, Сито-рю, Вадо-рю набор ката практически один и тот же (что не исключает технических различий в выполнении движений); к ним близко примыкает даже далёкий от них на первый взгляд стиль Годзю-рю. А вот в Уэти-рю отрабатываются лишь три основные ката, представляющие собой ступени прогресса, причём не столько в технике, сколько в совершенствовании сознания. Это Сантин («три атаки», или «три продвижения вперёд»), Сэйсан («13 движений») и Сандзюроку («36 движений»), они имеют чисто китайский исток и являются формой активной медитации. Три ката Уэти изучил в Китае, а вот четвёртое ката Супаринпэ выучить не успел, поскольку должен был уехать.

В Сэйсан, втором ката в Уэти-рю, в отличие от Сантин больший упор делается на прикладной технике защиты и контратаки, в него включены помимо базовых круговых блоков предплечьями изнутри-наружу удары локтями, коленями, а также хитроумные движения ладонями в стороны, благодаря которым можно как бы «раздвинуть» защиту противника.

И всё же практическая ценность техники этого ката весьма относительна. Самое

главное – научиться откликаться, как эхо, на изменения внешней ситуации, «уподобить свой разум гладкой поверхности озера» и «открыть третий глаз», что будет означать чисто мистическое видение реальности.

Наконец, третье и высшее ката – Сандзюроку до сих пор можно встретить в Китае, в уезде Путянь (провинция Фуцзянь) под названием «саньшилю лу» – «36 связок». Оно включает достаточно сложную боевую технику захватов и заломов.

Для Уэти боевое искусство превращалось в сложный космический ритуал, который он выполнял каждый день, например, отрабатывая стойку сантин-дати или занимаясь дыхательными упражнениями. Его мастерство естественным образом проникало в повседневность.

Но однажды произошёл случай, который круто изменил жизнь самого Уэти. Многим хотелось посмотреть на его реальное боевое мастерство, но он наотрез отказывался демонстрировать своё искусство перед публикой, тем более вступать в поединки. Запрещал он это и своим ученикам, пытаясь объяснить, какое страшное оружие таится не только в их телах, но даже в их очищенном сознании. И всё же однажды столкновения избежать не удалось. Одного из учеников Уэти спровоцировали на жестокий поединок. Ходили слухи, что местные бандиты-туфэи в присутствии ученика и множества зевак долго насмехались над Уэти (он сам был в это время в отъезде), а затем вчетвером попытались избить бойца. Ученик Уэти отреагировал мгновенно – трое нападавших получили серьёзные травмы, а четвёртый был убит.

Для Уэти это было страшным ударом: ученик убил человека, использовав его искусство! Ушу – не способ нанесения вреда; наоборот, это метод предотвращения поединков и вообще прекращения всякой вражды. Сам же Уэти в будущем никогда больше не вступит в поединок, одолевая противника ещё до его начала и заставляя отказаться от боя. Но сейчас он чувствует свою вину за то, что не смог правильно обучить воспитанника и не передал ему самое главное – духовное состояние бойца, который должен уметь уходить от поединка, побеждая.

Уэти прекращает преподавание, считая, что не достоин и не способен передавать истинное ушу. В грустных раздумьях в 1909 г. он возвращается на Окинаву и живёт там жизнью затворника...

Год возвращения Уэти на Окинаву почитается его последователями как год основания стиля Уэти-рю, хотя в действительности это произошло значительно позже, а своё характерное название школа приобрела лишь после смерти мастера в 1948 г.

Он стремится стать обычным средним окинавцем – поселяется на малолюдной северной оконечности острова, женится; в 1911 г. у него появляется сын Канэи.

Но вот однажды из Китая на Окинаву, в Наха, приезжает продавец чая, который оказывается учеником Уэти. Этот человек к тому времени стал известным мастером южного ушу и был известен даже на Окинаве. Приезжий прежде всего навещает своего наставника и выражает ему глубочайшее почтение. Слухи об этой встрече быстро разносятся среди молодых окинавских бойцов, и китайцу предлагают принять участие в нескольких турнирах. Каково же было удивление окинавцев, когда приезжий одержал верх над всеми местными чемпионами (великие мастера вроде Мияги и Мотобу не участвовали в этих развлечениях), причём китаец заявил, что такого мастерства он смог достичь лишь благодаря занятиям у Уэти. Нетрудно догадаться, что после этого случая слава Уэти стала почти легендарной.

Время шло, старая рана затягивалась, и Уэти всё чаще появлялся на людях, хотя кэмпо по-прежнему не преподавал. И вот в начале 10-х гг. на Окинаве проводится крупнейший фестиваль боевых искусств, на котором должны были присутствовать все официальные лица острова и даже высокая делегация из Японии. Все школы окинава-тэ собирались показать своё искусство. Предложили участвовать и Уэти, хотя надежда на то, что он согласится, была невелика. Но после долгих уговоров Уэти внезапно дал согласие, правда подчеркнул, что выполнит лишь одно ката – Сэйсан. Что заставило его согласиться? Скорее всего желание продемонстрировать истинное китайское ушу.

Когда Уэти вышел в центр площадки, все затихли. Ещё бы! Перед публикой стоял великий затворник, загадочная личность, человек-легенда. А не окажутся ли все рассказы о мастерстве Уэти лишь сказками, обычным преувеличением, которое нередко встретишь в мире боевых искусств, живущем мифами и преданиями?

Но вот Уэти сделал первые движения ката – публика в восхищении: такого потрясающего умения окинавцы не видели даже у известных китайских мастеров! Эффект от его выступлений получился самым неожиданным – после демонстрации Уэти почти все бойцы отказались выступать. Сравнение с ним не выдержал бы никто.

Потрясённый таким мастерством, встречи с Уэти стал добиваться сам Итосу Анко, который, как уже упоминалось, в то время активно работал над системой преподавания тодэ в школах и институтах и был профессором Сёрин-рю в одном из престижных колледжей. Итосу сумел уговорить мастера возобновить преподавание, дабы те знания, которыми обладал Уэти, не умерли вместе с ним. Уэти Камбун вновь преподает китайское ушу, на этот раз уже на своей родине.

Но здесь Уэти поджидали свои трудности. Его жесточайшие тренировки могли выдерживать лишь очень немногие и, во всяком случае, никак не учащиеся средних школ. К тому же многим далеко не всем было доступно сложнейшее духовное воспитание, которое нёс Уэти.

По сути Уэти столкнулся с той же проблемой, что и Мияги, – его обучение оказалось слишком сложным, слишком элитарно-мистическим для современного человека. Примечательно, что Уэти и Мияги обучались практически в одной школе ушу, их концепции духовного воспитания были идентичны.

Первые неприятности начались у Уэти ещё на Окинаве. После смерти в 1916 г. влиятельного Итосу на Уэти начинается давление, и мастера постепенно выживают из колледжа, куда когда-то пригласил его сам Итосу.

Дальнейшая судьба Уэти удивительным образом похожа на судьбу Мияги, но разочарований в жизни Уэти было ещё больше. Уэти понимает, что настоящую школу на Окинаве создать уже невозможно, нравы молодёжи безвозвратно испорчены. Он прекращает преподавание и в январе 1924 г. отправляется в Японию, в город Вакаяма.

Портовый город Вакаяма, куда переселяется Уэти со своим сыном, является центром одноимённой префектуры. Однако он значительно меньше Осаки и Киото, где тогда открывались первые окинавские клубы каратэ, и, конечно же, несопоставим по своим масштабам с Токио, где преподавал Фунакоси. Но Уэти первоначально не собирался преподавать боевые искусства, а намеревался жить мелкой торговлей.

Предания донесли до нас примечательную историю о том, как Уэти познакомился в Японии с человеком, ставшим его лучшим учеником, и вновь вернулся к преподаванию. Как-то раз к Уэти зашёл некий Томоёзэ Рюю – его соотечественник, также проживавший в Вакаяме. (Томоёзэ одно время тренировался на Окинаве под руководством учителей Наха-тэ, но потом, перебравшись в Японию, стал упражняться самостоятельно). Незадолго до того Томоёзэ был атакован на улице несколькими бандитами, и, как он ни защищался, окинавца всё же ограбили и избили. Томоёзэ был поражён – неужели искусство Наха-тэ ничего не стоит перед лицом обычных грабителей?

И вот Томоёзэ решил спросить у Уэти, как следует в такой ситуации поступать настоящему бойцу. Уэти дал понять собеседнику, что тот проиграл не потому, что имел слабый удар или действовал недостаточно быстро, но из-за того, что не обладал истинным бойцовским сознанием. Мастер пояснил, как можно было уйти от нападения, даже не вступая в бой. Томоёзэ заинтересовали рассуждения Уэти, и он стал уже чисто теоретически усложнять ситуацию, придумывая всё новые и новые обстоятельства. И всё равно Уэти, не задумываясь, тут же объяснял, какой приём следовало применить, чтобы избежать потасовки. Томоёзэ был потрясён: такой ясности сознания ему ещё не приходилось встречать. Его, правда, расстроило то, что Уэти не собирался широко преподавать.

Древние окинавские искусства включали в себя броски с одновременным удушением и в этом были похожи на самурайское дзю-дзюцу (выполняет Уэти Канэй, Сито-рю)

Через пару месяцев Томоёзэ удалось убедить Уэти открыть небольшой додзё в Вакаяме, а сам он стал ближайшим учеником мастера. В 1932 г. он открывает клуб Пангайнун-рю каратэ-дзюцу в Вакаяме.

Но Уэти по-прежнему не видит рядом с собой никого, кто смог бы осознать всю глубину его стиля. Поэтому он и не считает необходимым открывать большую школу. Единственным достойным продолжателем Уэти Камбуна оказывается его сын, Уэти Канэи. Правда, отец долгое время не хотел передавать ему свои знания, считая, что молодой Уэти ещё не дорос до них. И лишь когда Канэи исполняется шестнадцать лет, начинается традиционное китайское воспитание бойца. Канэи становится достойным своего отца; именно ему предстоит в будущем создать Окинавскую Ассоциацию каратэ.

Уэти-младший ввёл классическую схему тренировок, которая сохранилась в Уэти-рю до сих пор. Важнейшей её частью является раздел «какэ» – упражнения на координацию. Особым образом укрепляются руки, например парным набиванием предплечий друг о друга. Затем следуют короткие боевые связки – *якусоку-кумитэ* .

Уэти Канэи стремился расширить преподавание школы своего отца. Он открыл додзё в более крупном городе Осака, который находится недалеко от Вакаямы, а позже – ещё

несколько залов в соседней префектуре Хиого. И всё же Япония весьма вяло реагировала на Уэти-рю, во многом из-за того, что этот стиль больше других тяготел к китайскому ушу. Ведь Уэти Камбун стал продолжателем китайской школы, что и сыграло с ним злую шутку. Китайская школа в стране, которая находилась в состоянии войны с Китаем, казалась по меньшей мере странной. К тому же были и окинавские конкуренты. Напомним, что уже с 1930 г. в Осаке преподавал создатель стиля Сито-рю мастер Мабуни Кэнва, а с 1928 г. в Киото – патриарх Годзю-рю Мияги Тёдзюн.

Уэти-старший и не стремился превращать свою школу в сеть массовых клубов; не случайно в Японии у него было лишь два непосредственных ученика – его сын Канэи и Томоёэ Рюю. Правда, эти двое в свою очередь приложили много сил, чтобы рассказать японцам об истинных формах кэмпо и каратэ.

Но время было весьма неблагоприятным: в середине 30-х – начале 40-х годов массовая воинская мобилизация, милитаризация мышления вряд ли способствовали успеху сложной духовной проповеди Уэти Канбуна.

В 1947 г. Уэти Канбун решает покинуть Японию. Там он не встретил такого отклика в сердцах последователей, как когда-то в Китае. Вскоре после возвращения на Окинаву, в 1948 г., Уэти Канбун умирает.

Официальным преемником Уэти Канбуна был объявлен его сын Канэи. Он вернулся на Окинаву ещё раньше отца, в 1942 г., чтобы воссоздать в целостном виде школу великого Уэти Канбуна. Ему помогает сын Томоёэ Рюю – Томоёэ Рюкю. И в 1948 г. они вдвоём открывают на Окинаве, на высоком плато в местечке Фантэнма, первый официальный зал, где начинают преподавать свою школу, дав ей официальное название Уэти-рю. К тому времени уже была выработана чёткая концепция преподавания вне традиционной китайской среды. Это позволило устранить многие недоразумения, возникавшие из-за того, что Уэти Канбун излишне усложнял стиль для японских последователей. Сегодня Уэти Канэи является президентом Ассоциации Уэти-рю каратэ.

Новые руководители стиля не стали возвращаться к полузакрытой системе преподавания, за которую ратовал Уэти-старший. Например, они неоднократно демонстрировали свои навыки перед американскими солдатами – после войны на Окинаве была создана военная база. Как уже упоминалось, выступлениями перед «джи-ай» не брезговал тогда и пожилой Фунакоси, причём сохранились многочисленные фотографии, на которых он показывает своё мастерство перед американскими солдатами.

Среди этих солдат оказывается будущий руководитель стиля Уэти-рю в США Джордж Мэтсон. Он создаёт в США сначала «Академию каратэ Мэтсона», а затем и Ассоциацию окинава-тэ в США. Именно он стал фактически первым человеком, который в середине 60-х годов сумел рассказать европейцам и американцам о том, что помимо японского каратэ существует и его чисто окинавская разновидность, которая древнее и концептуально глубже, чем все японские стили. Его книга «Путь каратэ» долгое время считалась лучшей работой о философии каратэ, хотя она полна ошибок и сегодня кажется весьма поверхностной [142]. К началу 90-х годов эта книга выдержала около тридцати изданий. На фоне литературы того времени она была настоящим откровением. Мэтсон рассказал в ней о внутреннем «космическом» значении ката, о духовных аспектах тренировки, которые знал не понаслышке, так как обучался у самого Уэти Канэи. Правда, и здесь не обошлось без упрощений – знаменитые три ката стиля Уэти-рю на Западе стали изучать, затрачивая на каждое не три года, а три месяца. Это больше соответствовало психологии американцев.

Американское признание Уэти-рю сделало китайско-окинавский стиль широко известным во всём мире. Парадокс заключался в том, что распространяться он начал благодаря американцам, а не японцам. Но сегодня зал Уэти-рю в Фантэнма является настоящей Меккой поклонников окинавских традиций кэмпо. По сути Уэти-рю стала одной из немногих школ, которые реально сохранили принцип сочетания боевой практики и духовного развития, присущий когда-то ранним окинавским боевым искусствам.

Но и Уэти-рю претерпела изменения, во многом поддавшись запросам современного

общества, в особенности западных поклонников. Увеличилось число ката: теперь помимо трёх классических комплексов Сантин, Сэйсан, Сандзюроку изучаются также Кансива, Дайни сэйсан, Кантин, Серю (создана самим Уэти Канэи), Кансю.

По примеру японского каратэ была введена система поясов и данов, которая сегодня целиком совпадает с системой званий, принятой Окинавской Ассоциацией каратэ. Всего в Уэти-рю существует десять ученических ступеней (кю) и десять инструкторских, или мастерских (дан), хотя высшие 8 – 10-й даны присуждались лишь патриархам стиля. Все «кю» считаются временными: если ученик прекращает тренировки до того, как он получит чёрный пояс, и не возобновляет их в течение шести месяцев, его звание аннулируется.

Степень	Цвет пояса	Минимальное время занятий	Звание
10 кю (дзюкю)	Белый	Два месяца	Ученик
9 кю (кюкю)	Белый с одной зелёной нашивкой	Четыре месяца	Ученик
8 кю (хатикю)	Белый с двумя зелёными нашивками	Шесть месяцев	Ученик
7 кю (ситикю)	Белый с тремя зелёными нашивками	Восемь месяцев	Ученик
6 кю (роккю)	Белый с одной широкой зелёной нашивкой	Одиннадцать месяцев	Ученик
5 кю (гокю)	Зелёный	Пятнадцать месяцев	Ученик
4 кю (енкю)	Зелёный с коричневой нашивкой	Двадцать месяцев	Ученик
3 кю (санкю)	Коричневый с одной чёрной нашивкой	Тридцать месяцев	Ученик
2 кю (никю)	Коричневый с двумя чёрными нашивками	Сорок месяцев	Ученик
1 кю (иккю)	Коричневый с тремя чёрными нашивками	Пятьдесят месяцев	Ученик
1—7 дан (седан, нидан, сандан, едан, годан, рокудан, ситидан)	Чёрный с соответствующим числом нашивок	—	Инструктор
8—10 дан (хатидан, кюдан, дзюдан)	Чёрный	—	Мастер каратэ

Сегодня Уэти-рю вместе с окинавским стилем Годзю-рю представляет в современном мире боевых искусств отдельное направление, называемое Сёрэй-рю или Наха-тэ. Традиционный стиль пангайнун был реформирован в 1978 г. группой учеников, отколовшихся от Уэти во главе с Итокадзу Сэйко и Киндзё Такаси. Отличий от направления Уэти-рю немного, здесь лишь больше изучается приёмов с оружием (Кобудо).

РАЗВЕДЧИК И МАСТЕР КАРАТЭ

Возражают иногда, что, убивая противника в открытом поединке, я имею за собой то оправдание, что и он старается убить меня, и что, с другой стороны, мой вызов ставит его в положение необходимой обороны. Указывать на необходимую оборону – значит, в сущности, придумывать благовидный предлог для убийства.

Артур Шопенгауэр

«ГРУБИЯН ЯМАГУТИ» И ГОДЗЮ-РЮ

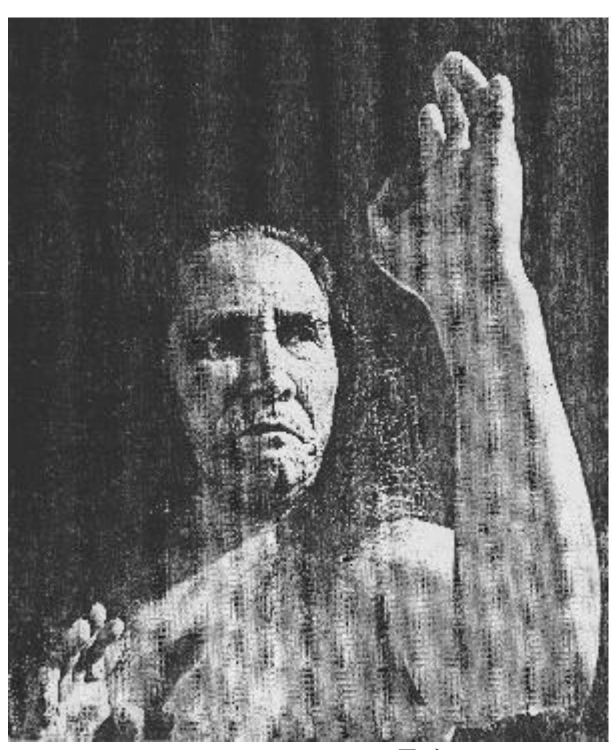
Этого невысокого человека с длинными волосами, ниспадающими на плечи, пронзительным взглядом и вежливыми манерами в мире боевых искусств называли Котом – за пристрастие к «кошачьей стойке» нэкоаси-дати, лёгкие стремительные движения и несколько демоническую внешность. Его знают как великого каратиста и мистика. Значительно меньше он известен как разведчик, один из руководителей японских спецслужб на территории Маньчжурии во время Второй мировой войны, организатор широкой агентурной сети и целого ряда провокаций против движения сопротивления китайцев, маньчжуров и корейцев.

Ямагути Гогэн – одна из самых необычных и ярких фигур современного каратэ, да и вообще японских боевых искусств XX в.

О событиях его жизни известно прежде всего по его автобиографической книге. Самое удивительное в ней – то, что большая её часть посвящена политическим взглядам Ямагути и его борьбе с «левыми» и коммунистами. (Один экземпляр этой явно антисоветской книги был в 1969 г. преподнесён в подарок Институту востоковедения АН СССР. Но там сочли, что книга посвящена каратэ, и на её содержание и идеологическую подоплёку никто, по-видимому, не обратил внимания).

Ямагути родился 20 января 1909 г. в многодетной семье торговца из города Кагосима, Ямагути Токутаро, который чуть позже открыл небольшую частную школу для соседских детей. Семья была небогата – содержать десятерых детей нелегко.

Гогэн уже в детстве попадает в атмосферу синтоистских мистерий, переплетающихся с боевыми искусствами. Каждое воскресенье он присутствует на церемониях в местном храме Гансидзи, пытается даже самостоятельно беседовать с Буддой и духами. Мистицизм, ощущение соприкосновения с тайными силами космоса Ямагути пронёс через всю жизнь, отразив это и в своей версии Годзю-рю.



Ямагути Гогэн, патриарх японского направления Годзю-рю, мастер боевых искусств и разведчик. Утверждал, что именно он впервые официально зарегистрировал название «каратэ» в Японии

Боевые искусства в том кругу, где вращалась семья Ямагути, были делом привычным. Гогэн и несколько его братьев быстро познакомились с основами дзюдо и кэн-дзюцу. Гогэн обучается в школе Дзигэн, которой руководил знаменитый мастер кэн-дзюцу Тосиаки Кирино. Он считался одним из лучших бойцов на мечах эпохи Мэйдзи, и о нём рассказывали такие же истории, как и о знаменитом Миямото Мусаси, – например, говорили, что Кирино способен разрубить своим мечом пополам капельку дождя.

В кэн-дзюцу Гогэн не был ни первым, ни последним. Он честно признавался, что не раз оказывался бит бамбуковым мечом (*синай*) старшего товарища по школе, а сам ни разу не мог его даже задеть. Кстати, такое признание собственного бессилия представляет собой особый символ традиционного выражения мужества, к тому же намекает на то, каким слабым был человек вначале и в какого прекрасного мастера он превратился благодаря упорным тренировкам.

А Ямагути тренировался действительно упорно. Вскоре он познакомился со своим первым учителем каратэ. Им стал скромный плотник Марута, выходец с Окинавы, который и приобщил его к основам окинавского кулачного искусства.

Примечательно, что занятия каратэ помогли молодому Ямагути и в кэн-дзюцу. Например, вскоре он благодаря отличной реакции сумел одолеть в бою на мечах своего товарища, которого раньше не мог ни разу задеть.

Жёсткий и довольно тяжёлый характер Ямагути Гогэна стал проявляться ещё в молодости. Уже тогда он получил прозвище Грубиян Ямагути. Его исключили из престижного университета Кансай в Осаке, и ему пришлось вновь поступать на первый курс университета Рицумэйкан в Киото, причём о своём исключении Гогэн благоразумно умолчал.

Никакого клуба каратэ в университете Рицумэйкан не было – об этом виде боевых искусств ещё мало кто знал. Зато здесь почитали сумо, и Ямагути отважно идёт заниматься в клуб «больших людей». Но денег на жизнь не хватало, семья не могла поддерживать Гогэна, а за учёбу надо было платить. Он поступает на работу в качестве секретаря к одному из местных адвокатов и одновременно открывает небольшую секцию каратэ для своих товарищей. Занятия не были регулярными, ибо оставалась проблема с залом. В конце концов

Ямагути присоединяется к группе Синсэн-гуми, занимающейся частной охраной, и преподаёт каратэ для её членов.

Но судьба улыбнулась ему. Через своих товарищей он выходит на Сэйдзабуро Фукусиму, руководителя направления дзюдо в Будокукае, и тот разрешает ему пользоваться своим прекрасным додзё. Это была победа. Открыть клуб каратэ при Будокукае не удавалось даже Фунакоси!

Теперь надо было делать следующий шаг, ибо простая секция каратэ уже не удовлетворяла амбиций Ямагути. В то время в Японии существовал лишь один университетский клуб каратэ – при университете Кэйо. Этим клубом руководил сам Фунакоси Гитин. Ямагути понимал, насколько перспективным может стать внедрение каратэ в университетах. Интересно, что хотя в своих воспоминаниях Ямагути Гогэн ни разу не упомянул имя Фунакоси, сам он в основных чертах повторил его путь: Фунакоси сумел утвердиться как «патриарх» лишь благодаря правильно выбранной тактике.

Ямагути начал добиваться открытия секции в университете Рицумэйкан. Ему отказали. Это ничуть не смутило Ямагути, он заручился поддержкой Будокукая и вновь обратился к руководству университета. И вновь получил резкий отказ.

Но через несколько дней руководство довольно консервативного университета Рицумэйкан было поражено беспрецедентной выходкой Ямагути: он со своими друзьями прибил у главного входа в университет десять макивар. Теперь юные каратисты целыми днями молотили кулаками по макиварам, чем весьма смущали как студентов, так и преподавателей. Даже увещевания руководителя университета их не остановили.

Ситуацию разрешил случай, в котором была замешана некая группа «левых». Она доставляла немало неприятностей руководству университета, и Ямагути со своими товарищами выставил членов этой группы с территории Рицумэйкана.

Победу над представителями «левых» (пусть и физическую) президент Рицумэйкана оценил, решив, что Ямагути может сослужить неплохую службу в борьбе с многочисленными социалистическими кружками, которые быстро множились в университете. Так или иначе, в 1930 г. официальный клуб каратэ в Рицумэйкане был создан.

Таким образом, Ямагути стал руководить сразу двумя группами каратэ: одна существовала при Будокукае, другая – при университете Рицумэйкан. Обе группы пользовались большой популярностью не только у поклонников искусства «пустой руки». К Грубияну Ямагути обращались даже с просьбами разрешить конфликты между бандами, которые контролировали различные районы города. По сути первый клуб Ямагути при университете был некоей «охранной структурой», которая частично охраняла честных граждан, а частично подчиняла себе новые территории.

Следующим значительным шагом Грубияна Ямагути было установление контроля над знаменитым ещё с самурайских времён и весьма доходным кварталом «красных фонарей» Симабара, где испокон веков располагались многочисленные увеселительные заведения. По просьбе своего хозяина (в то время Ямагути продолжал служить в адвокатской конторе) он, набрав более 50 человек из другой «охранной структуры», сумел весьма строго «предупредить» группировку Хасимото-гуми, которая уже в течение нескольких поколений царствовала в квартале «красных фонарей». Предупреждение оказалось столь недвусмысленным, что лидер Хасимото-гуми умолял Ямагути «выселить» его группу из квартала без шума, опасаясь «потерять лицо». Ямагути проявил благородство и решил вопрос мирным путём.

Ямагути продолжал учиться в университете на факультете права, а деньги на обучение зарабатывал в адвокатской конторе преподаванием каратэ и охранными услугами.

Но вот в 1931 г. происходит встреча, которая круто меняет отношение Гогэна к самой сути боевых искусств. Именно после этой встречи, по словам самого Ямагути, он «стал осознавать свою жизненную миссию». Один из его университетских преподавателей представил Гогэна великому Мияги Тёдзюну, основателю Годзю-рю, который с 1928 г. преподавал в Киото в Императорском университете.

В своих воспоминаниях Ямагути неоднократно подчёркивал, что изучение Годзю-рю каратэ он начал за десять лет до встречи с Мияги, в родной Кагосиме, у плотника Маруты. А это приблизительно 1921 г. Но никакого стиля Годзю-рю тогда ещё не существовало. В 1921 г. не было ещё ни Ассоциации окинавского искусства каратэ, созданной Мияги, ни какой-либо другой организации, где он вёл бы открытое преподавание. Поэтому история с «плотником Марутой» кажется по крайней мере странной.

Откуда такая путаница? Объяснений может быть несколько, но вот самое вероятное: за счёт своей версии Ямагути «добирал стаж» изучения именно Годзю-рю. Окинавские последователи Мияги вообще ставят под сомнение притязания Ямагути на титул преемника школы и руководителя отделения Годзю-рю в Японии. Сколько вообще мог обучаться Ямагути у Мияги? Последний прибывает в Киото в 1928 г., в 1932 г. руководит клубом в университете Кансай в Осаке, а в конце 1932 – начале 1933 г. возглавляет секцию в университете Рицумэйкан, где и контактирует с Ямагути. Сам Ямагути, как упоминалось ранее, называет весьма приблизительную дату своей встречи с Мияги – 1931 г. В 1934 г. Мияги отбывает на Гавайи и больше в Японию не возвращается.

Итак, Ямагути мог учиться у Мияги, если исходить из его собственной версии встречи с учителем, три года либо, если следовать биографии Мияги, не более двух лет. В любом случае не настолько долго, чтобы стать преемником школы. Зная характер Мияги, который получил жёсткое классическое воспитание у Хигаонны и в Китае, сам учился почти двадцать лет, можно предположить, что он не изменил бы традиции и не назначил бы недоучку прямым преемником школы Годзю-рю.

Так или иначе, после приобщения к Годзю-рю изменяется не только взгляд Ямагути на боевые искусства, но и сами методы его тренировки. Они становятся ближе эзотерической традиции Китая и Окинавы. Теперь Ямагути по нескольку часов медитировал, а в свободное время приезжал в горы Курама, где проводил долгие дни в размеренных тренировках и созерцании. Практиковал он и такой метод занятий: вставал в позицию сантин-дати под холодные струи водопада и выполнял мощные дыхательные упражнения (*э-но-ибукэ*), чередуя их с ударами руками и ногами.

Здесь же в горах Ямагути сближается с группой синтоистов, которые многому учат его, от эзотерических способов общения с духами до практических методик медитации. Например, у них он узнаёт, что во время периодов поста надо пить отвар из сосновых иголок или просто жевать их – что прекрасно стимулирует организм.

Они же научили его тренировке под водопадом и объяснили мистический смысл потока воды. Вскоре они были удивлены тем, что Гогэн мог пробыть под ледяными струями намного дольше, чем они сами. Тренировки в горах Ямагути сочетал с жесточайшей самодисциплиной. Он не курил, не употреблял спиртного и воздерживался от всех развлечений. Дабы преодолеть искушение «отправиться отдохнуть», Ямагути выбривал себе брови, по его собственному признанию, «походил на сумасшедшего» и не мог в таком виде вернуться в город.

Именно в то время выработался характерный для Ямагути Гогэна стиль боя. Он предпочитал высокую стойку нэкоаси-дати – «стойку кошки». В этой стойке 90 % веса тела приходится на ногу, отставленную назад, а другая нога немного согнута в колене и касается земли лишь носком. Благодаря этому из нэкоаси-дати удобно наносить удары ногой, поставленной впереди, почти незаметно для противника. Ямагути был особенно изощрён в ударах в пах и живот и практически не бил ногами в голову, справедливо полагая, что соперник без труда заметит подготовку для такого удара. Использовал Ямагути и захваты за шею, заломы рук. Его предпочтительным оружием стали ребро ладони (*сюто*) и тыльная часть запястья (*какуто-укэ*), ладонью он ставил блоки и наносил удары, в основном по рёбрам.

На тренировках Ямагути проводит регулярную отработку силы и чувствительности запястий и предплечий (*котэ-китаэ*), что позволяло выполнять прочные захваты рук противника. При работе с партнёром котэ-китаэ заключалась в попеременном давлении

запястьем на запястье. Таким же образом отрабатывались блоки верхнего, среднего и нижнего уровня, когда оба партнёра ставили «блок на блок», скрещивая руки в ударах. Несколько позже из окинавского Годзю-рю в арсенал Ямагути приходят регулярные упражнения с трезубцами-саями, железным веером (тэссэн), металлической цепью (кусари).

Изменяется и его взгляд на жизнь. Ямагути считает, что ему не пристало работать секретарём и бросает эту службу, покончив, видимо, и с «охранной» деятельностью. Правда, тут же начались другие трудности – деньги расходовались с катастрофической быстротой, пока не кончились совсем. Теперь Ямагути просто лежал на кровати в своей комнате, ибо рационально высчитал, что движения увеличивают аппетит. Однажды он не ел целых три дня, и друзья, испугавшись за его жизнь, пристроили Гогэна к своему товарищу в ресторан, где его кормили бесплатно. Позже Ямагути признался, что недельный пост в горах Курама перенести было гораздо легче, чем те три дня вынужденного голодания.

В 1932 г. Ямагути Гогэн заканчивает университет Рицумэйкан и может теперь зарабатывать деньги как поверенный. Студенческие годы Грубияна Ямагути окончились, надо было начинать самостоятельное дело. Какой же путь выберет этот человек?

МЕЖДУ КАРАТЭ И РАЗВЕДКОЙ: ГОДЗЮ-РЮ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ

Может, так и остался бы Ямагути Гогэн скромным стряпчим, затем открыл бы своё дело, имел адвокатскую контору и параллельно обучал молодёжь искусству школы Годзю-рю. Однако дальнейшие события, связанные с войной на Дальнем Востоке, круто изменили его жизнь.

В сентябре 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию – обширный регион на северо-востоке Китая, где находятся такие крупные города, как Харбин, Цицикар, Мукден. В марте 1932 г. здесь было образовано государство Маньчжоу-го, находившееся под абсолютным контролем Японии, хотя формально во главе его стоял последний китайский император Пу И. Как считал сам Ямагути, в Маньчжурии должна быть создана некая «Небесная обитель», где в дружбе и абсолютном братстве жили бы японцы, китайцы, монголы и корейцы. В 1933 г. была принята «экономическая программа» Маньчжоу-го, которая предусматривала обеспечение японской Квантунской армии всем необходимым именно за счёт ресурсов Маньчжурии.

Главный идеолог модели Маньчжоу-го генерал Кандзи Исихара был другом Ямагути Гогэна, который откровенно признавался, что «вместе со своими двумястами учениками поддерживал его взгляды».

Именно Кандзи Исихара привлекает Ямагути Гогэна к весьма многообещающему проекту – созданию Высшей технической школы Нити-ман в городе Акита, в районе Ибарадзима-сё, где должны были готовить японских, китайских, монгольских и корейских специалистов в области технических наук. Не будет большой ошибкой сказать, что это была одна из многочисленных школ, которые действовали под контролем и в интересах японских разведслужб.

Рвение Ямагути было высоко оценено; ему уже поручают организацию целой системы подготовки специалистов для деятельности за рубежами Японии, и таким образом он поступает в распоряжение разведслужб. Теперь вся деятельность Ямагути направлена на создание научно-технического потенциала Маньчжоу-го. По специальному указу генерала Исихары он создаёт Технический институт в Киото, становится вхож в высшие политические круги Японии, посещает в Токио многих политиков и бизнесменов, связанных с операциями в Маньчжурии и на территории Китая.

Ямагути Гогэн на службе в Маньчжурии

Школа каратэ Ямагути росла по мере роста его статуса. Куда бы ни приезжал Ямагути, организуя учебные подразделения для Маньчжурии, всюду он открывал клубы Годзю-рю. Так возникли филиалы в городе Акита при Высшей технической школе и при Колледже горной промышленности. Президент университета Рицумэйкан Кодзюро Накагава, видя, каким влиятельным стал его бывший студент, всячески поддерживал клуб Годзю-рю в своём университете. К тому же многие учебные заведения, которые создавал Ямагути, открывались как подразделения университета Рицумэйкан, и таким образом эти два человека были задействованы в одной политической программе.

Школа Ямагути возобновила оказание охранных услуг. Например, когда генерал Исихара приезжал в Киото, его охраняли только люди Ямагути.

Ученики Ямагути переняли от своего мастера мощную национальную идею «нихонсюги». Например, один из его лучших учеников Нэйтю Соу, позже вице-президент Всеяпонской ассоциации каратэ-до Годзю-кай, активно работал в ультранационалистической Ассоциации Восточной Азии (То-а Рэнмэй), которую возглавлял всё тот же генерал Исихара.

В мае 1938 г. Ямагути получил приказ от генерала Исихары отправиться в Маньчжурию. Итак, Ямагути суждено было, как и многим мастерам традиционного каратэ, посетить Китай. Меньше всего Ямагути заботило обучение боевым искусствам – на территории Маньчжурии он должен был выполнять чисто разведывательные задачи.

Уже развернулись события начавшейся в июле 1937 г. китайско-японской войны, уже заняты Шанхай, Нанкин и другие крупнейшие города Китая. Обходными путями через Корею Ямагути забрасывают в Маньчжурию с особой миссией. Официально он был назначен специальным поверенным в организацию Кюва-кай, которая формально должна была налаживать связи между японской стороной и местными организациями и властями, трудясь над созданием в Маньчжурии «Небесной обители», а фактически представляла собой подразделение японской разведки. На эту же организацию позднее стала возлагаться и пропаганда среди местных жителей идеи «нового порядка» в Восточной Азии. Эта доктрина, провозглашённая Японией в 1942 г., предусматривала создание в Восточной Азии «сферы сопроцветания», в результате чего должен был возникнуть «равноправный союз» наций под

руководством Японии. Япония призвана была осуществить «историческую миссию» по освобождению народов Азии от гнёта «белых империалистов».

Кюва-кай действовала практически во всех регионах Маньчжурии, однако не везде дела её шли хорошо. Хуже они обстояли на севере, в городе Цицикаре. Туда и был первоначально направлен Ямагути. Он получил довольно высокий пост – председателя Муниципальной ассамблеи Цицикара, т. е. фактически стал главой местной администрации на оккупированной территории. Ямагути поручили наладить связь с местными бандитами и тайными обществами для сбора информации о деятельности коммунистов.

Было у Ямагути и другое официальное прикрытие. Он работал под видом предпринимателя средней руки, хотя, как известно, бизнесом никогда не занимался. Как тут не вспомнить, что одна из классических ролей, или «масок», ниндзя именовалась «торговец»!

По признанию Ямагути, советские шпионы были особенно активны в этом районе, так как он прилегал непосредственно к территории СССР и Монголии. У Гогэна вырабатывается стойкая ненависть ко всему, что связано с Россией, ибо всех русских он считал «коммунистами».

Для Ямагути каратэ всегда было прежде всего методом борьбы за торжество японской национальной идеи, причём идеи имперской, шовинистической. Например, отправляясь в Маньчжурию бороться с «русскими шпионами», он всю ночь выполнял ката Сантин и Тэнсё, «очищая сознание», чтобы как можно лучше выполнить приказ. Такие настроения безболезненно сочетались у него с пониманием каратэ как способа постижения мистической глубины мира. Но самурай должен уметь убивать своих врагов, и для Ямагути тренировки по каратэ стали равносильны обучению искусству войны.

В 1940 г. Япония отмечала 2600-летие. К этой дате руководство Маньчжоу-го решило послать в Японию специальную делегацию знатоков боевых искусств во главе с Ямагути. Гогэн сумел набрать более 70 человек – знатоков ушу, боя с палкой бо-дзюцу, китайского фехтования на мечах, монгольской борьбы. Выступления проходили в Токио, причём каратэ было представлено школой Годзю-рю, хотя в ту пору она была, пожалуй, самой малочисленной и, во всяком случае, значительно уступала Сётокану.

Приходилось Ямагути встречать в Маньчжурии и настоящих китайских мастеров ушу. Он довольно скептически относился к боевой ценности ушу, так как в основном сталкивался с мягким и плавным тайцзицюань и даже сам недолго обучался ему. Но всерьёз воспринимать боевое искусство китайцев – врагов, с которыми Ямагути боролся, – он не мог. Правда, однажды один из китайцев – агентов Ямагути – сообщил своему «хозяину», что в какой-то уединённой деревне живёт настоящий мастер ушу. И Ямагути, не пожалев времени, отправился к мастеру, который был, по его словам, патриархом стиля «Драконьего облака» (Лунъюнь). Мастер оказался уже стариком, однако пребывал в отличной форме. Ямагути как деловой человек сообщил, что у него не очень много времени, и тут же предложил померяться силами. Бой оказался очень жестоким. Ямагути метил в пах и пытался наносить удары локтями, китаец также нацеливался в пах японца. Ямагути пришлось признать: «Первый раз в жизни я встретил такого сильного соперника». Как принято в японских героических романах, оба противника, наконец, разошлись, и каждый из вежливости признал себя побеждённым.

Деятельность Ямагути высоко оценивало японское командование. Его посылали в самые опасные районы Маньчжурии, причём теперь его миссия в основном заключалась в организации борьбы, с одной стороны, против советской разведки, с другой – против отрядов местного сопротивления. Ямагути организовывал диверсионные отряды, перевербовывал местных жителей, кого-то подкупал, кого-то запугивал. Одним из самых ярких достижений в его карьере разведчика была успешно проведённая операция в провинции Канто, куда его перебросили в связи с усилившимся движением сопротивления. Местоположение провинции было чрезвычайно сложным: с одной стороны она прилегала к Корее, а с запада граничила с СССР. Более 80 % жителей Канто были корейцы, остальное население составляли

маньчжуры, причём те и другие в равной степени ненавидели японцев. Японская организация «Кюва-кай» находилась в плачевном состоянии, никто не хотел сотрудничать с ней.

Делегация мастеров боевых искусств из Маньчжурии. Первый слева сидит Ямагути

Именно для исправления этой ситуации сюда и был переведён Ямагути Гогэн. И на этот раз он провёл блестящую операцию. Приехав в Канто, он открыл группу Годзю-рю для сотрудников «Кюва-кай». Меньше всего его заботило воспитание учеников; смысл преподавания каратэ был в другом – Ямагути присматривался к людям, беседовал с ними о жизни и семье. Особенно его интересовали корейцы, которые, хотя и работали в структурах «Кюва-кай», никакой информации о движении сопротивления не сообщали. Наконец Ямагути нашёл корейца, который мог бы подойти на роль информатора. Это был скромный, слабый человек, которого не составило труда, с одной стороны, запугать, а с другой – пообещать ему быстрое продвижение по службе. Именно его Ямагути и внедряет в движение сопротивления. Примечательно, что Ямагути очень точно рассчитал психологию своего агента: он объяснил корейцу, что его задача заключается лишь в том, чтобы помочь избежать кровопролития. И вскоре усилия Ямагути принесли свои плоды. Когда движение сопротивления попыталось выступить, все планы были уже известны японской разведке. Корейских патриотов арестовали, многих из них расстреляли.

В декабре 1944 г. Ямагути оказался в провинции Нэкка, к которой с запада примыкала Монголия. На юге, за Великой стеной, начинался Северный Китай, в то время оккупированный японскими войсками. В Нэкка шла борьба между несколькими разведками; особенно активны были, естественно, китайцы и японцы. Причём война между разведками шла не столько «интеллектуальная», сколько физическая – шпионы убивали друг друга.

Однажды было совершено покушение и на Ямагути, который, по-видимому, возглавлял в этом регионе японские разведслужбы. На него напали три человека, с которыми он легко справился. Они оказались китайцами, и Ямагути решил прибегнуть к испытанному методу вербовки. Выбрав самого слабого – беднягу звали Цин, Ямагути объяснил, что того ждёт мучительная смерть. Но в обмен на сотрудничество он гарантировал Цину сохранение

жизни, даже пообещав женить и платить неплохое вознаграждение. Так Ямагути обзавёлся новым агентом, которого вскоре внедрил к китайским партизанам («бандитам», как он их называл). У Ямагути было около двадцати информаторов, но Цин оказался самым смышлёным и расторопным из всех. Он проникал к партизанам под видом торговца дефицитными товарами – одеждой и мукой, которыми его снабжал Ямагути.

Практически все мелкие группы китайского сопротивления были в поле зрения Ямагути, и наконец ему стало известно, что в июне планируется крупная партизанская операция в Нэкка у города У, где располагались продовольственные базы японской армии, но было мало охраны. Ямагути сообщил эту информацию на совместном заседании армейских чинов, военной полиции и «Кюва-кай», но ему не поверили.

И тогда он решает сам со своими людьми отбить атаку, в которой должно было участвовать около тысячи человек. Информация оказалась верной – вечером на город У обрушились китайцы, вооружённые, однако, довольно плохо – у многих в руках были лишь традиционные мечи.

События, которые произошли в дальнейшем, можно в равной степени отнести как к реальности, так и к «героическому эпосу» из анналов каратэ. Суть происходящего свелась к тому, что безоружный Ямагути Гогэн противостоял большому отряду рассвирепевших китайцев, в руках у которых были винтовки и мечи.

«Бандиты на лошадях остановились перед фасадом моего офиса. Из-за укрытия я начал стрелять в них через окно из двух пистолетов, пока в обоих не кончились патроны. Двадцать бандитов с винтовками и мечами сломили нашу оборону. Пять-шесть бандитов выбили дверь прикладами и ворвались в комнату.

Так как патроны у меня кончились, я решил использовать школу Годзю-рю каратэ для защиты. Я разогрел себя дыханием и был готов к бою.

В комнате было темно, и бандиты не могли свободно использовать винтовки, не рискуя ранить друг друга. Я же тренировал себя так, чтобы видеть при минимальном свете, и знал, что могу отразить атаку одновременно пяти или шести человек...

Я уклонился от первого бандита, который попытался ударить меня прикладом, и, быстро развернувшись вправо, нанёс ему между бёдер удар ёко-гэри (удар ногой в сторону). Он закричал и рухнул на пол. Другой выстрелил в меня, но промахнулся. Мой локоть с силой вонзился ему в живот. Окровавленный китайский меч полоснул меня, когда я наносил удар правым кулаком человеку, который сжимал этот меч в руках... Нападающие обрушились на меня в узкой комнате, которая облегчала мне бой. Когда они подходили близко, я отбрасывал их, используя нукитэ (колющий удар кончиками пальцев), сютo (удар ребром ладони) и сэйкэн (удар фронтальной частью кулака). Против винтовок я использовал тоби-гэри (удар ногой в прыжке) и ёко-гэри...

Я атаковал бандитов, целясь в глаза и в пах, двигаясь стремительно, я сражался как мог. Яростно ведя бой, я надеялся, что мы можем продержаться до прихода подмоги... Когда я понял, что бандиты ушли, силы внезапно оставили меня и я вынужден был сесть. Я сражался с ними врукопашную сорок минут» [212].

Надеюсь, что читателя не утомил столь обширный отрывок из воспоминаний Ямагути, – никто лучше самого мастера каратэ не сумеет объяснить, как ему удавалось уворачиваться от пуль и мечей в течение сорока минут. Впрочем, и он не смог это сделать достаточно убедительно, так как неясно, каким образом он противостоял винтовкам при помощи ударов ногами. Но эту мелочь, равно как и десятки других в его воспоминаниях, оставим на совести Ямагути. Смысл отрывка предельно ясен. Во-первых, подчеркнута эффективность Годзю-рю в боевой ситуации, а во-вторых, сам Ямагути вновь сумел показать свою силу и ловкость коммунистическим бандитам.

Дальнейшая история Ямагути связана с разгромом Японии во Второй мировой войне. Акт о капитуляции Японии в сентябре 1945 г. он считает позором. Хотя Ямагути не совершит публичное харакири, как сделали это десятки солдат императорской армии в подражание самураям древности, но, как истинный японский ниндзя, он продолжит войну в

ином обличье.

Советские войска вступили в Нэкка, где в то время находился Ямагути. Он был арестован и помещён в отдельную камеру.

Официально Ямагути занимал в то время пост Генерального директора компании «Тётоку-кэн» и отвечал за поставки угля в Японию. Мастер каратэ был весьма осторожен, и даже многие его агенты не догадывались, что имеют дело с резидентом японской разведки. Но вот какова гримаса судьбы: совсем рядом с Ямагути работал советский разведчик из маньчжуров, как потом оказалось, лейтенант госбезопасности. Он был одним из служащих в доме у Ямагути.

Поскольку было очевидно, что Ямагути связан с японской разведкой, его дело передали в ведение ГПУ. А через некоторое время выяснилось, что в руках советской госбезопасности оказался один из руководителей японской разведсети. От Ямагути требовали открыть шифрокоды и сеть агентуры в Маньчжурии. Он же утверждал, что ничего не знает и никакой шпионской работы против СССР не вёл, его миссия была лишь в том, чтобы действовать против китайцев. При этом он ещё и дерзко обвинял допрашивающих в том, что именно СССР нарушил договор о нейтралитете и напал на Японию. Казалось бы, судьба Ямагути предрешена. Но всё произошло иначе, нежели можно было бы предположить, – до странности иначе.

Ямагути не только остался жив, но позже ещё и был репатриирован в Японию. В известной степени это можно назвать парадоксом – ведь расстрел полагался за значительно меньшие преступления. Одно из двух: либо Ямагути своей информацией всё же заслужил прощение, либо ГПУ вообще не было причастно к его допросам, и для всех он так и оставался японским предпринимателем.

Ямагути предлагает собственную версию своего спасения, поразительную, если учитывать условия того времени. Якобы во время одного из допросов в ГПУ советский полковник поставил его лицом к грязной стене, направил на него пистолет и сказал:

Я выстрелю, если ты не дашь мне информацию.

Я не знаю ответа на ваши вопросы, – ответил Ямагути, – я говорю вам правду. Самураи не лгут. Если же вы намерены выстрелить, прошу вас, стреляйте.

Ямагути! – воскликнул полковник, поражённый мужеством японца. – Ваше поведение восхитительно! Сколь бы ни были величественны другие люди, никто не держался так спокойно, как вы в последний миг жизни. Вы действительно настоящий самурай!

Ямагути отмечает, что именно долгие тренировки по каратэ позволили ему сохранить хладнокровие перед лицом смерти. Он утверждает, что китайцы требовали его выдачи, но благородный советский полковник, потрясённый мужеством самурая, не выполнил требований китайцев и через три месяца допросов отправил Ямагути в лагерь для военнопленных, который располагался где-то в провинции Синьцзян на северо-западе Китая.

Там Ямагути сумел быстро войти в доверие к руководству лагеря, как того требовало искусство ниндзюцу. Однажды советский майор, начальник лагеря для военнопленных, во время автомобильной аварии выбил плечо, и Ямагути в несколько мгновений вправил ему сустав. Искусству врачевания, как утверждал Ямагути, он научился в школе Годзю-рю.

Вскоре весь лагерь перевели в Монголию, в район Улан-Батора. Через некоторое время пошли слухи, что Ямагути неплохо владеет каратэ. Впрочем, от заключённых лагеря он не только не скрывал своего умения, но и специально афишировал его, запугивая тех, кто хотел сотрудничать с советскими властями. Вместе с выходцами из провинции Сацума (именно там родился сам Ямагути) он создал подпольную организацию и держал в страхе весь лагерь. Как видим, японский разведчик-ниндзя Ямагути и здесь продолжал свою миссию.

Слухи о Ямагути докатились до руководства лагеря. Как-то раз к Ямагути подошли советские солдаты из охраны и попросили его показать каратэ. Ямагути тотчас согласился. Зачем человеку, ненавидящему коммунистов, устраивать перед солдатами показательные выступления? Разве это не унижает его самурайское достоинство? Но Ямагути действовал как ниндзя, а не как самурай. Правило ниндзя – выжить любой ценой, чтобы продолжить

борьбу.

Он продемонстрировал перед советскими солдатами упражнения с цепью и серпом – *кусари-гама* , короткой палочкой – *дзё* , показал удары руками и ногами. Но солдаты потребовали от него большего – расколоть рукой огнеупорный кирпич. Ямагути указал на стену, ограждавшую лагерь: «Я скорее сломаю эту стену, чем такой кирпич». Позже он признался, что не имел уверенности в успехе, но отступать было некуда. С громким криком «киай» он нанёс удар локтем в стену и проделал в ней дыру шириной почти в метр. И советские солдаты, и японские пленные закричали «Ура!».

Кажется, данный случай можно назвать историческим, ибо это было, пожалуй, первое показательное выступление каратиста перед советскими людьми (происходившее, однако, в странной обстановке...).

Ямагути, став фактически лидером среди заключённых лагеря, терроризировал тех, кто не испытывал такой ненависти, как он сам, к русским и китайцам – «коммунистам», как он их называл. Ямагути набирал себе в помощники отчаянных людей. Одна из японских организаций, некий «Демократический двор», которая действовала в лагере и была лояльна по отношению к администрации, прямо обвинила Ямагути в издевательствах и запугивании соотечественников. Дело едва не дошло до резни, однако тут пришло сообщение о репатриации пленных.

ГОДЗЮ-РЮ В ВЕРСИИ ЯМАГУТИ

Корабль «Коан-мару», на борту которого был и Ямагути, в ноябре 1947 г. прибыл в японский порт Хакодате. У Гогэна было много планов, однако прежде всего он собирался возобновить деятельность Годзю-рю, причём абсолютно самостоятельно. О создателе школы окинавце Мияги Тёдзюне он словно забыл – самолюбивому Ямагути ещё один патриарх был не нужен. Годзю-рю он уже считал собственной школой.

Советский лагерь остался позади, однако у Ямагути сохранилась патологическая ненависть ко всему так или иначе связанному с Россией. Каратэ и возрождение японского национализма для него были неразделимы.

Ямагути не мог смириться с переменами в послевоенной Японии. Ему не нравились молодые японки, которые начали употреблять косметику и предлагать свои услуги американцам; он презирал голодных японцев, помогавших оккупационным силам, чтобы прокормить себя. Он не выносил красных флагов на улицах, его выводила из себя активность компартии. «И эта голодная, бесстыжая Япония потеряла всю гордость своих славных традиций», – напишет позже Ямагути [212].

Однажды его переживания достигли предела. Ямагути решил совершить сэппуку. Дальнейшее пребывание на этой земле после поражения Японии в войне он считал бессмысленным и даже нечестным.

Ямагути, написав завещание, отправился в дзэнский храм Того в местечке Харадзюку. Там, как только взошла луна, он по традиции вознёс молитву духам, сел, скрестив ноги и положив рядом меч для сэппуку. Но вдруг произошло неожиданное – ему открылось Небо. Вот как описывает этот момент сам Ямагути:

«Я молился, чтобы сделать свой разум ясным и чистым, как незамутнённое зеркало. Я хотел умереть с честью. Через некоторое время я потерял все свои ощущения и лишь чувствовал, будто я гуляю по облакам и лечу по небу, утратив самого себя. Эти ощущения находятся выше моих возможностей описать их. Все прошлые неприятности были забыты, и я почувствовал, как моя душа парит в мире славы и умиротворения. Мне казалось, что я слышу голос, который что-то нашёптывал мне. Он звучал абсолютно ясно. Слова, что пришли ко мне, были следующими: «Предположим, ты умрёшь сейчас, а что же будет с твоей семьёй? Разве ты не осознал той миссии, которую ты должен исполнить в будущем? Ты должен серьёзно тренироваться и принадлежать миру боевых искусств» [212].

Это стало откровением для Ямагути. Кризис миновал, надо было продолжать традицию

каратэ.

В апреле 1948 г. Ямагути Гогэн открывает свой первый послевоенный додзё, причём свою первейшую задачу видит в том, чтобы «усилить хребет японского народа». Одновременно он создаёт две националистические организации – «Общество патриотов» («Кокуси-кай») и «Информационный департамент общественной безопасности» («Коан Косин-дзё»).

«Информационный департамент» фактически являлся подразделением японской разведки, которая по понятным причинам не могла действовать легально в условиях оккупации. «Департамент» провёл ряд совершенно секретных акций. Одной из тех, которые стали известны, было предотвращение вывоза за рубеж внутреннего настенного орнамента (*кэман*), украденного из монастыря Тюсондзи. Другие мероприятия, связанные с секретной деятельностью мастера каратэ, остаются тайной.

Одновременно Ямагути занимается перевоспитанием несовершеннолетних нарушителей, выполняя по сути полицейские функции. Некоторых из таких юношей он принимает в свою школу каратэ и прививает им любовь к боевым искусствам.

Ямагути постепенно приобретает всё большее влияние в сфере каратэ, его считают истинным воплощением самурайского духа. О нём уже ходит множество слухов. Например, рассказывали о том, как гоминьдановские власти Китая, схватив его, бросили в клетку с тигром, а Ямагути убил зверя одним ударом кулака. После этого подвига, как писали наши отечественные авторы, Ямагути «был отпущен на волю и с почётом препровождён на родину» [7]. Ямагути опроверг этот слух на страницах журнала «Каратэ», поскольку такое изложение событий целиком противоречило бы его версии о лагерях для пленных и допросах в ГПУ. Доподлинно известно, что освобождён он был, как и большинство японских военнопленных, вполне обыденным образом, без участия «поверженных тигров».

Ямагути пользовался немалой поддержкой государства, видимо, и благодаря своей тайной профессии. Если его учитель Мияги создавал на свои деньги первые секции Годзю-рю, преподавал в других странах мира и страдал, когда его ученики не видели за каскадами приёмов духовной сути каратэ, то Ямагути был другим человеком – одновременно самураем и ниндзя, столь же мужественным, сколь и хитрым. Для него каратэ стало одной из составных частей глобальной идеи – величия японского духа. Он мог радоваться, вспоминая победу японского флота над российским в Цусимском проливе, мог испытывать особое удовлетворение от того, что ударил коммуниста (обратим внимание – не хулигана, не нападающего, а именно идеологического врага). Все эти черты несовместимы с классическим образом мастера боевых искусств, хотя и близки самурайским идеалам.

Ямагути практически не поддерживал отношений с Окинавой, где было немало талантливых мастеров Годзю-рю. В свою очередь мир окинавского Годзю-рю, стоящий ближе к истокам истинного стиля, перестал признавать Ямагути, обвинив его едва ли не в самозванстве.

Это ничуть не смутило Ямагути Гогэна – человека весьма решительного. Он, не обращая внимания на Окинаву, самостоятельно создал в мае 1950 г. Всеяпонскую Ассоциацию каратэ-до Годзю-кай. Возникновение единой Ассоциации, президентом которой стал Ямагути Гогэн, положило конец всем «разночтениям» в Годзю-рю. Вскоре собралась комиссия, которая привела все ката к единому стандартному виду – тому, который практиковал сам Гогэн.

Сыновья Ямагути Гогэна продолжили дело отца. Старший сын Госэй и второй, Госэн, отправились в США, где открыли филиалы Годзю-кай, и сегодня Годзю-рю благодаря их деятельности особенно популярно в Калифорнии. А с 1963 г. начинают проводиться регулярные чемпионаты Японии по Годзю-рю.

Ямагути значительно меняет структуру Годзю-рю, вводя туда немало аспектов, являющихся абсолютно новыми для классического каратэ, но тем не менее проистекающими из самой сути духовного осознания Гогэном боевых искусств. Он объясняет, что в основе Годзю-рю – несколько составных частей: синтоизм, боевые искусства (собственно каратэ),

йога и дзэнское созерцание. В техническом плане японское Годзю-рю состоит из следующих частей: базовые упражнения (кихон), базовые движения и связки (кихон идо), формальные комплексы (ката), свободные поединки (дзю-кумитэ).

Ката в этом стиле заметно отличаются от ката в стилях Сётокан, Сито-рю и Вадо-рю. Все ката подразделяются на подготовительные (дзюнби ката), базовые (кихон ката) и высшие ката, или «ката открытой руки» (кайсу ката). К подготовительным ката относятся несколько ката Тайкиёку, к базовым – знаменитые комплексы Сантин и Тэнсё, а к высшим ката – Сайфа, Сэйсин, Сансэру, Сисотин, Сэйсан, Сэйпай, Курурунфа, Супарумпэй. Всего в стиле 22 ката.

В Годзю-рю были включены дзэнская медитация и совершение дзэнских ритуалов, например молений в храме. Другой не менее важной частью стала йога, на основе которой построены практически все дыхательные упражнения в Годзю-рю. Ямагути привлекает в йоге то, что, по его мнению, она может сделать совершенными тело и дух. Он в равной степени практиковал и хатха-йогу (йогу физического тела, базирующуюся на позициях-асанах), и духовно-созерцательную йогу – раджа-йогу. Особенно много внимания в Годзю-рю уделяется дыхательному аспекту йоги – пранаяме, которая выполняется в различных позах-асанах. Примечательно, что учителями самого Ямагути в йоге были как японцы, так и европейцы, получившие наставления от учителей в Индии, в частности норвежец Пер Винтер.

Последователь школы Годзю-рю должен преодолеть пять аспектов жизни: желание наносить вред другим; сексуальные желания и стремление к удовольствиям; стремление к богатству и изобилию; незнание истинной Реальности и истинного Я; гордость своим благородным происхождением, благосостоянием и учёностью.

Первые шаги на этом пути заключаются в следовании простейшим морально-этическим наставлениям, которые составил Ямагути; теперь их заучивают наизусть в школах Годзю-рю. Каратист должен:

1. Гордиться тем, что изучает Годзю-рю.
2. Всегда правильно соблюдать ритуалы.
3. Воспитывать в себе силу и чистоту духа.
4. Воспитывать в себе дух солидарности, основанный на взаимной поддержке.
5. Уважать моральные традиции японского будо.

Но самым главным для Ямагути стало учение синтоизма. Он трепетно верил в духов; его вера особенно усилилась после откровения в храме Того, когда он хотел совершить сэппуку. Он гордился тем, что свои религиозные воззрения вынес не из книг, а из жизненного опыта, прежде всего – из практики Годзю-рю. В 1963 г. Ямагути создал даже специальное преломление синтоизма для каратэ, назвав его Годзю Синто. Программный документ этого учения гласит: «Основой должен стать дух боевых искусств; Путь Богов, или синтоизм, должен быть центром поклонения тех, кто преисполнен веры» [212].

Ямагути часами медитировал, взирая на прозрачный хрустальный шар, усиливая своё «ментальное проникновение» в суть вещей. Безусловно, это был человек сильный и бескомпромиссный, однако его мистицизм сводился не к постижению божественного начала, а к общению с духами, что казалось ему абсолютно нормальным. Его мировоззрение, как и мировоззрение любого синтоиста, было не столько религиозным, сколько оккультным. Случаи, о которых он вспоминал, подтверждают это.

Эмблема стиля Годзю-рю каратэ-до

Однажды ему явился его предок, поведавший о страшном проклятии, которое властвовало над его родом. Когда-то давно вор забрался в их дом и был убит. С тех пор его дух преследовал семью Ямагути, отчего старший сын в семье всегда умирал. Интересно, что и старший брат Гогэна также умер молодым. Ямагути совершил древний обряд, который должен был избавить его от злого духа. Он вонзил спицу длиной почти в пятьдесят сантиметров в соломенную куклу и пустил её вниз по реке, а сам в это время распевал заклинание. Злой дух был побеждён.

Каждый день Ямагути вставал в четыре часа утра и совершал синтоистский ритуал вместе со своей женой. Он регулярно посещал и дзэнский храм, медитировал. До глубокой старости Ямагути, надев ритуальное кимоно после омовения, принимал позицию кэкафудза: садился, положив правую ногу на левое бедро, и так медитировал в течение нескольких часов. Лишь изредка он позволял своим ученикам принимать более простую позицию ханкафудза – правая нога не на бедре левой, а рядом. Но и это Ямагути считал уже отклонением от ритуала.

Сколько ипостасей сочеталось в этом человеке – мастер боевых искусств и дзэн-буддист, мистический философ и националист, синтоист и разведчик... Ямагути Гогэн, безусловно, яркая личность, весьма характерная для каратэ. Когда-то Фунакоси Гитин, дав толчок к развитию каратэ в Японии и не будучи особенно щепетилен в средствах, не подозревал, что мистическим образом он порождает и особую психологию таких людей, как Ямагути. Зёрна, посеянные «отцом каратэ», начали давать всходы.

ОБНОВЛЁННОЕ КАРАТЭ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НА ОКИНАВЕ...

Послевоенное время приносит на Окинаву новые нравы. Целостность трёх основных направлений (Сётокан, Сито-рю, Годзю-рю), которая сохранялась при жизни плеяды

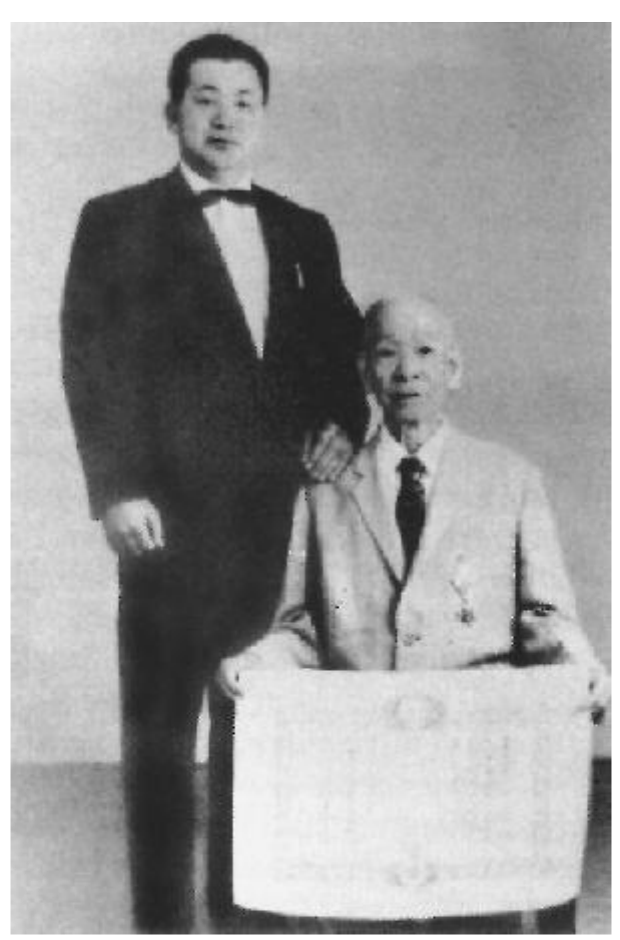
«великих окинавцев», начинает стремительно разрушаться. И даже разрыв Фунакоси с Окинавой теперь расценивается двояко. С одной стороны, мастер фактически повернулся спиной ко всей окинавской традиции и ко многим своим братьям по школе, повёл себя эгоистично и отнюдь не по канонам вежливости. Но, с другой стороны, он всё же принёс окинавское боевое искусство в Японию и проложил путь для бойцов с Окинавы.

Нельзя сказать, что поступок Фунакоси осуждался повсеместно. У мастера нашлось немало сторонников. Простым бойцам трудно было разобраться во всех хитросплетениях и интригах мира окинавских боевых искусств. Многие искренне считали, что Фунакоси славен уже хотя бы тем, что познакомил Японию с окинавской традицией.

Поскольку все на Окинаве знали, как быстро развивается каратэ в Японии, то у многих мастеров возникла понятная обида на то, что их детище «продаётся» без них. Но, с другой стороны, всё это побудило лидеров ряда школ переосмыслить и упорядочить окинавские боевые искусства, которые теперь они называли исключительно «окинава-тэ», дабы не смешивать их с «продажным» каратэ.

Особенно активны были ученики великого Итосу.

Одним из таких создателей своего направления стал знаменитый Тибана Тёсин (Куба Тёдзюн) (1885 – 1969 гг.). С 15 лет он начал обучение у Итосу и следовал неотступно за своим учителем вплоть до его смерти. После ухода патриарха из жизни Тибана претендовал на руководство всем направлением Сюри-тэ, или Сёрин-рю. Со временем он стал неофициальным лидером окинавских боевых искусств. В 1956 г. на базе своей личной школы он основал Ассоциацию Окинава каратэ-до Рэнмэй. Его слава уже шагнула далеко за пределы Окинавы, и в 1957 г. японский Будокан присуждает ему высшее звание, которое может получить мастер за большие заслуги в развитии будо, – «ханси».



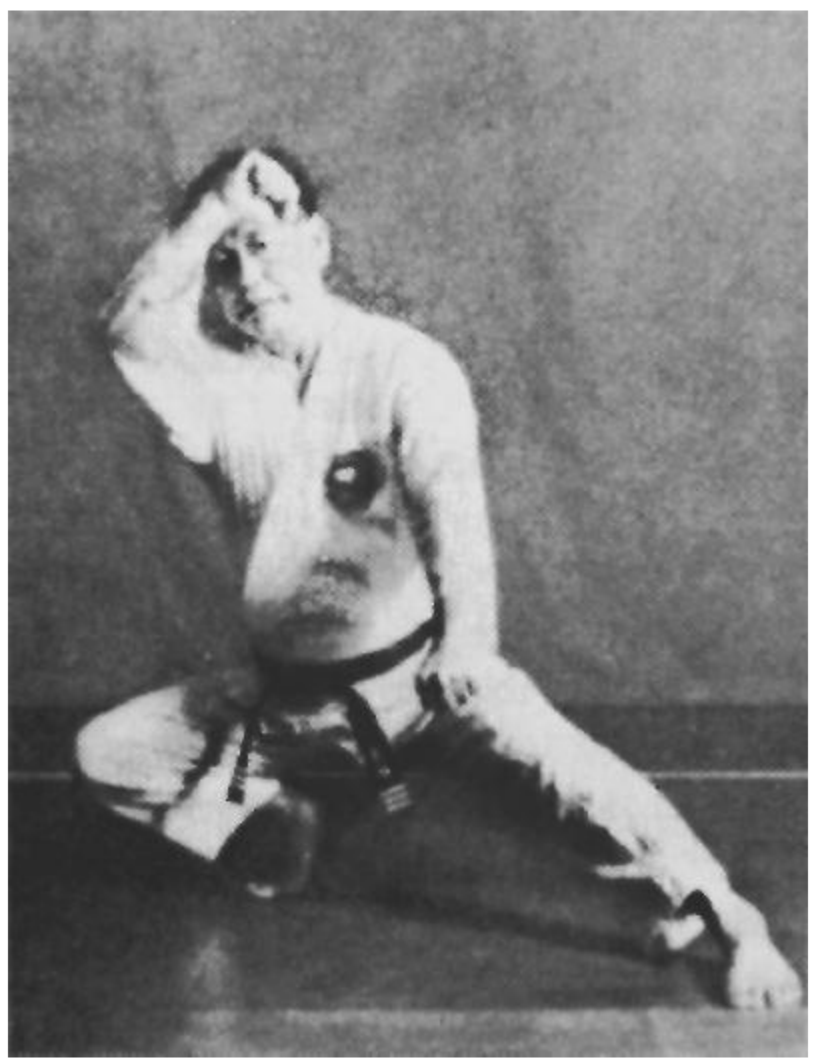
Тибана Тёсин (справа) и Накадзато Сюгоро, 1968

В 1961 г. Тибана основывает более крупную организацию, которую возглавляет вплоть до своей смерти, – Окинава Сёрин-рю Кёкай. На этот раз она сумела собрать под своей

крышей практически всех последователей Сёрин-рю. После смерти Тибаны его преемником на посту президента Ассоциации становится Накадзато Сюгоро, а руководителем школы Кобаяси-рю (так именовал свой стиль в последние годы Тибана) – Хироси Киндзё. Последний на базе ката Сэйсан создаёт два новых ката – Сихоцки и Сихогэри.

Ещё один преемник Тибаны – Нагаминэ Сёсин (родился в 1907 г.). Его учителями помимо Тибаны были Симабуку Тацуо, Арагаки Анкити, Киян Тётоку, Мотобу Тёки.

Прогресс Нагаминэ столь велик, что уже в 35 лет он становится инструктором (*рэнси*) по рекомендации самого Мияги Тёдзюна; это даёт ему право открыть собственный зал. В 1941 г. он создаёт первое ката Фукю Ити, которое позже легло в основу нового стиля, для того, чтобы начать преподавание среди детей в школе, а на следующий год он открывает свой первый зал в Томари. Его первый додзё, появившийся в Наха в 1953 г., носил несколько длинное, но гордое имя Кодокан каратэ-до кобу-дзюцу додзё (Зал постижения пути каратэ и кобу-дзюцу). Это означало, что Нагаминэ преподаёт не только каратэ, но и способы боя с традиционным оружием (кобу-дзюцу, или кобудо). Вообще его система значительно отличалась от японского каратэ того времени – здесь всё дышало старыми традициями Окинавы.



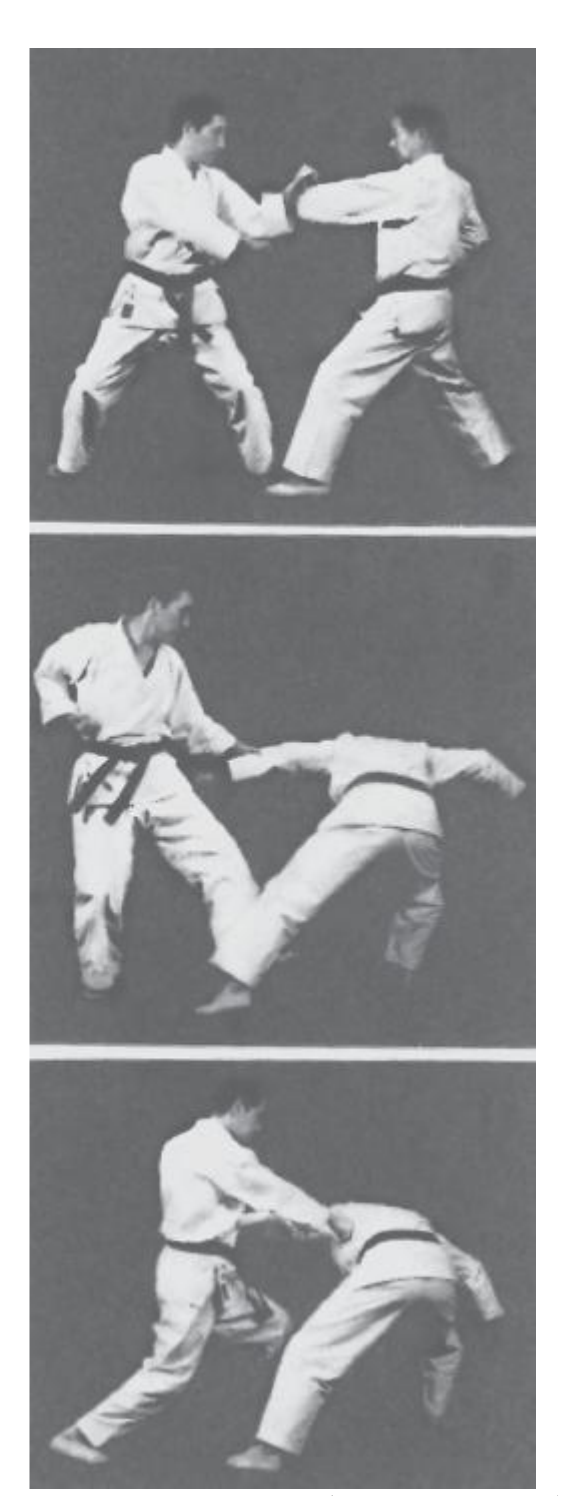
Нагаминэ Сёсин

Постепенно Нагаминэ приходит к мысли, что фактически в его школе родился новый стиль. Созданный им стиль Мацубаяси-рю сегодня считается одним из основных в окинавских боевых искусствах. Относится он к направлению Сёрин-рю, а своё название в 1947 г. получил по именам двух великих учителей. Первый из них, Мацумура Коруку (1829 – 1898 гг.), стоял у истоков Томари-тэ и обучал Мотобу Тёки, у которого в свою очередь

учился Нагаминэ. Другой учитель, чьё имя зафиксировано в названии стиля, Мацумура Сокон (1809 – 1896 гг.), считается патриархом и основателем стиля Сюри-тэ. Именно он обучал Кияна Тётоку (1870 – 1945 гг.), у которого также учился Нагаминэ.

Маиумура Сокон (1809-1896), известный ученый, каллиграф, последователь китайских мастеров южных боевых искусств в г. Фучжоу, основатель первого окинавского стиля Сёрин-рю

Так в самой структуре и даже в названии школы Мацубаяси-рю соединились два крупнейших направления местных боевых искусств – Томари-тэ и Сюри-тэ. Сегодня этот стиль включает 18 ката, а также бой на пяти видах оружия: бо (шест); нунтяку (двойной цеп), саи (короткие вилы), кама (серпы), тонфа. Сын основателя стиля Нагаминэ Такалёси восемь лет преподавал в Огайо, в США, а сегодня вновь перебрался в Наха.



Комбинация из ката стиля Сито-рю: блок наружу (ути-укэ) с захватом, надергиванием на себя и атакой прямым ударом гьяку-цки

Расширялись и другие стили. Казалось, окинавцы хотели восстановить свой «статус-кво» как «отцов каратэ». Постепенно усиливается «китайское» направление окинава-тэ – те школы, которые по происхождению изначально были непосредственно связаны с Китаем. Это прежде всего окинавские направления Годзю-рю и Уэти-рю.

Окинавские мастера Годзю-рю начали резко противопоставлять себя японскому направлению, которым единолично руководил Ямагути Гогэн, обвиняя последнего в отрыве от истоков, искажении истинного смысла учения Годзю-рю и многом другом. Этот спор позволил обособиться окинавскому направлению. Оно стало ощущать себя абсолютно независимым, утверждало собственные формы комплексов и аттестационные нормативы.

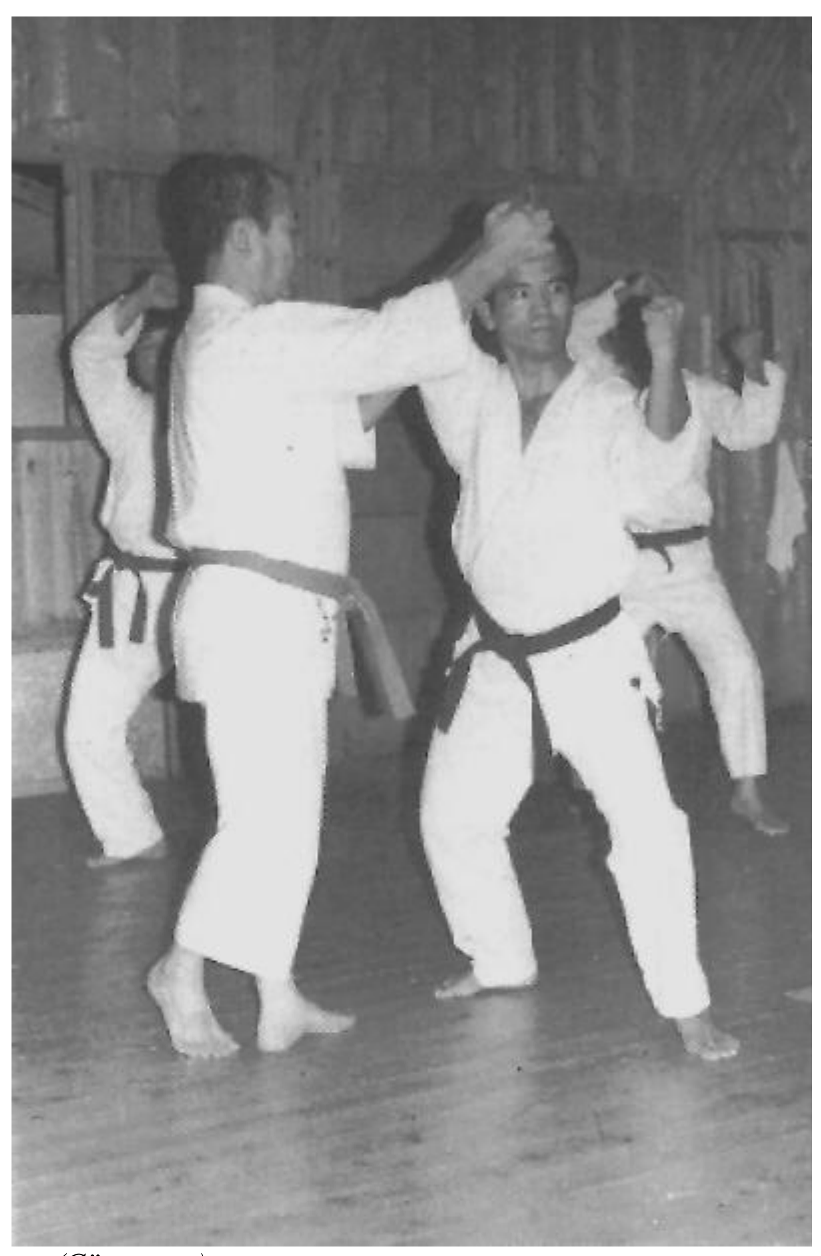
Нагаминэ Такаёси, принёс в США стиль Мацубаяси-рю

Патриарх и фактический основатель Годзю-рю Мияги Тёдзюн создаёт в 1952 г. Окинавскую ассоциацию каратэ Годзю-рю, по сути противопоставляя её организации, которую создал в Японии его бывший ученик Ямагути Гогэн. Позднее прямые последователи Мияги, которые провели с патриархом более десятка лет (отнюдь не пару лет, а то и месяцев, как Ямагути Гогэн), окончательно порывают связи с японским каратэ, называя свои школы, например, так: Сёрэйкай во главе с Тогути Сэйкити, Окинава-кэнкай во главе с Яги Мэйтоку.

Уэти Канэи – сын основателя Уэти-рю Уэти Камбуна – избирает другую тактику. Он никогда особенно не стремился в Японию, так как помнил: преподавание его отца в Японии провалилось из-за того, что тот пытался перенести довольно сложное китайское духовное учение совсем на иную почву. На Окинаве Уэти-рю, с одной стороны, продолжало строгую закрытую традицию, взятую из южных китайских стилей, а с другой – начало медленно и, как потом оказалось, не очень успешно продвигаться на Запад (результатом чего стало создание в США Академии Уэти-рю Дж. Мэтсона, а затем и Американской ассоциации Уэти-рю). Но на Западе уже существовала настоящая конкуренция. Зато на Окинаве авторитет Уэти Канэи был огромен – именно он становится президентом Окинавской федерации каратэ-до, созданной в мае 1956 г., что фактически ознаменовало собой окончательное отделение окинавских боевых искусств от японского каратэ. Окинавская федерация каратэ-до первоначально включала в себя стили Годзю-рю, Уэти-рю, Сёрин-рю (Коба-яси), Мацубаяси-рю. Первыми вице-президентами этой довольно аморфной организации стали Нагаминэ Сёсин, Хига Сэйко.

Самурайское искусство удерживания и связывания противника было необходимо для захвата пленных. Сегодня оно перешло в современный окинавский стиль Бугэйкай, основанный мастером Хига Сэйтоку

В 1956 г. возникает ещё одна крупная организация – Международная Федерация каратэ и кобудо, находящаяся под контролем последней школы Гайдзю-рю во главе с Хига Сэйко. В 1961 г. Хига Сэйтоку, мастер направления Бугэйнай («Зал боевых искусств») создаёт Окинавскую Ассоциацию кабудо, а в 1967 г. – Всеокинавскую объединённую Ассоциацию каратэ и кабудо. К тем окинавцам, которые вели преподавание в Японии, относились по меньшей мере скептически, порой обвиняя их в нечистоплотности, – ведь они пропагандировали не окинавские боевые искусства, а по сути вели речь о некоем абсолютно самостоятельном каратэ. И всё это – на фоне того, что Сётокан и Сито-рю практически полностью копировали Сюри-тэ, равно как и всё направление Годзю-рю было практически «матрицей» своего окинавского предка. Безусловно, здесь присутствовала и доля элементарной обиды людей, проигравших в конкурентной борьбе, но во многом их упрёки были справедливы.



Мастер Мияхира (Сёрин-рю) поправляет позицию ученика

ВАДО-РЮ – ИДЕАЛ ПУТИ МИРА

Вторая мировая война нанесла ощутимый удар по развитию каратэ. Ранее уже говорилось о том, какие несчастья выпали на долю Сётокана. Тем не менее рост национализма, который явился стержнем военной доктрины Японии, позволил начать создание чисто японских школ каратэ, не имевших окинавских корней. И первой из них стала Вадо-рю (Путь мира, или Путь гармонии), о возникновении которой объявил Оцука Хиронори (Хироси), бывший лучший ученик Фунакоси. Как уже упоминалось, Фунакоси расстался с ним, когда Оцука решил ввести в своём зале свободные поединки.

Оцука отлично понимал, что, пока у руля ныне существующих школ каратэ стоят окинавцы, искусство «пустой руки» вряд ли получит стопроцентную поддержку со стороны государства. И он первым в 1939 г. создаёт японскую школу.

К тому времени боевой багаж у Оцуки был уже весьма богатым. Он почти пять лет провёл у Фунакоси сначала в качестве ученика, потом – сэмпая одного из центральных залов Сётокана. До этого он обучался в школе Ёсин-рю дзю-дзюцу, где приобрёл блестящее мастерство бросков и заломов. На основе двух этих систем Оцука и решил создавать свою

концепцию каратэ.

Он отказывается от долгих рассуждений о духовном воспитании: если духовный аспект действительно изначально внесён в саму суть каратэ, то и не стоит рассуждать об этом. Через практику боевых искусств ученик сам придёт к совершенству собственного сознания. Пока же надо думать о том, как преодолеть консерватизм техники Сётокана, которая не позволяет вести корректные спортивные поединки.

И вот боевые позиции, в частности *дзэнкуцу-дати* (переднеопорная стойка) и *кокуцу-дати* (заднеопорная стойка), становятся более высокими, чем в Сётокане. Техника поединка базируется не на жёстких блоках, как того требовал Фунакоси, а на мягких отводах ладонью и уходах корпусом. Всё это делает Вадо-рю на первых порах значительно эффективнее в боевом плане, чем Сётокан. Правда, сразу же после ухода из жизни Фунакоси начались реформы и в Сётокане, что вновь поставило эти две школы на один уровень.

Многое пришло в Вадо-рю и из дзю-дзюцу, в том числе стремительные передвижения с поворотами корпуса (*таи-сабаки*), подсечка в сочетании с атакой кулаком в голову.

Все основные ката Оцука берёт из Сётокана, но сохраняет их традиционные окинавские названия: пинан, найханти, кусанку, сэйсан. С одной стороны, Оцука подчёркивал верность традициям кэмпо, с другой стороны, его – японца по происхождению и к тому же мастера дзю-дзюцу – вряд ли кто-то решился бы обвинить в недостатке патриотизма.

Концепция развития стиля, выбранная Оцукой, оказалась верной и как нельзя более своевременной. Уже в 1957 г., когда проводился первый Университетский чемпионат Японии по каратэ, техника бойцов Вадо-рю в дзю-кумитэ была несравненно выше, чем у представителей всех других школ. Студенты высоко оценили новую концепцию каратэ, представленную в Вадо-рю. Не случайно среди членов Всеяпонской ассоциации каратэ-до Вадокай оказалось 95 % студентов, в то время как в остальных стилях сегодня процент студентов и не студентов распределяется практически поровну. Но откуда такая популярность у стиля Вадо-рю, который по своей концептуальной глубине, безусловно, уступал и Сётокану и тем более Годзю-рю?

Этот стиль оказался достаточно прост в изучении, эффективен на соревнованиях, в нём не было засилья ритуального традиционализма, который так подавлял молодёжь в других школах.

Создатели Вадо-рю сумели уйти от рассуждений о небывалой внутренней силе, о мистических достижениях благодаря управлению «ки». Эффективность должна достигаться при минимуме усилий – благодаря рациональным движениям корпуса, мощному повороту бёдер во время удара, хлёстким атакам руками. Поскольку в Вадо-рю не уделяется столь много внимания медитативной и дыхательной практике, тренировки становятся менее жёсткими, чем в Сётокане и Сито-рю. Зато отработка психологических принципов и физическая подготовка отличаются современным рационализмом. Всё это заставило многих последователей Сётокана, в котором начались серьёзные разногласия после смерти патриарха, обратить свои взоры к Вадо-рю. В частности, в этот стиль переходит известный мастер Мосидзуки Хиро.

Вадо-рю быстро становится популярен в Европе, особенно во Франции. В 1964 г. целый ряд ведущих мастеров этого стиля, среди которых Судзуки, Мосидзуки, Коно, Ямасита, Тояма, приезжают на Запад, и через несколько лет их школы с современным уровнем преподавания начинают составлять серьёзную конкуренцию Сётокану. А Мосидзуки Хиро становится лидером Вадо-рю в Европе и создаёт здесь своё собственное направление Ёсэйкай-будо, в основу которого легли каратэ, дзю-дзюцу и айкидо.

ОЯМА: ПАТРИАРХ «АБСОЛЮТНОЙ ИСТИНЫ»

Совершенно новые тенденции в каратэ были связаны с деятельностью Оямы Масутацу (1923 – 1994 гг.), создателя школы **Кёкусинкай** , насчитывающей сотни тысяч последователей во всём мире. Настоящее имя человека, который прославился как Ояма

Масутацу, – Ёнг И-Чой, и, по ряду версий, он появился в Японии лишь в 1938 г.

У Оямы имелся особый стимул, побуждающий совершать самые невероятные поступки, находящиеся порой за гранью нравственности. По национальности Ояма был корейцем, что несколько принижало его статус в глазах японцев. Возможно, именно поэтому Ояма стремился стать большим японцем, чем сами японцы, активно пропагандируя «дух национального величия Японии». (В некоторых странах, где открывались филиалы Кёкусинкая, это вызвало даже недовольство и политическую реакцию.) Немалая доля шовинизма в его проповеди «нихонсюги» – «японизма» и «кокусуйсюги» – превознесении национальной японской специфики – объясняется тем же фактором. Правда, от «кокусуйсюги» пришлось постепенно отказаться, так как Ояма всеми силами стремился вывести своё детище за пределы Японии. И всё-таки поклонение японскому флагу перед каждой тренировкой, поклоны на восток в сторону Японии сохранились в ритуале тренировок Кёкусинкай во многих странах мира.

Имя Ояма (Высокая гора) он принимает, конечно, не случайно. Оно вызывает в сознании японцев образ чего-то могучего, необоримого, неподвластного ветрам и годам.

Однако с этим именем произошёл небольшой конфуз. В синтоистском пантеоне существовал дух горы Ояма. Как-то раз могучее, но заносчивое божество выступило против храброго воина царевича Ямато Такэру, наслав на него страшную болезнь. Перед царевичем оно появилось в облике белого оленя, надеясь тем самым смутить его, но Ямато, известный своей решительностью и нелюбовью к долгим раздумьям, схватил стебель чеснока, ударил им оленя в глаз и сразил Ояму наповал. История эта, изложенная в анналах «Нихон сёки», была широко известна. Думается, Ояма Масутацу не вполне хорошо помнил её, зато его имя дало повод оппонентам Оямы время от времени припоминать, как бесславно окончил свои дни «белый олень», мнивший себя самым хитрым и умным, а погибший всего лишь от удара чесночным стеблем.

Как и некоторые другие мастера каратэ, Ояма немало поработал над тем, чтобы создать о себе представление как о патриоте Японии, свято верящем в национальную идею. Например, в анналах Кёкусинкая есть сведения о том, что молодой Ояма поступил в специальную лётную школу камикадзе, но по каким-то причинам свой роковой вылет сделать не успел.

В ранней молодости Ояма недолго занимается дзюдо, а затем переходит в Сётокан. Но и классика каратэ не удовлетворяет Ояму, пока он, наконец, не попадает в школу Годзю-рю. Сильно трансформированная техника Годзю-рю и станет в будущем основой школы Кёкусинкай. Ранняя история обучения Оямы каратэ сильно запутана, вероятно, не без деятельного участия самого мастера. Официальная версия гласит, что в 1943 г. он начинает заниматься Годзю-рю, а затем сам Ямагути Гогэн берёт его в свою личную группу, где передаёт ему не только классическую технику Мияги Тёдзюна, но и ряд секретов, которые он вынес из путешествий по Северному Китаю. Уже в 1940 г., т. е. в 17 лет, Ояма получает 2-й дан по каратэ, а в 1946 г., в 23 года, – 4-й дан и становится в первые ряды молодых мастеров каратэ.

Но стоит напомнить, что разведчик Ямагути Гогэн с мая 1938 г. находился в Маньчжурии, затем попал в плен и был репатриирован лишь в ноябре 1947 г., а преподавание начал только в апреле 1948 г. Таким образом, весьма сомнительно, что Ояма обучался лично у Ямагути и тем более получал мастерские звания из его рук.

В 1943 г., в разгар войны, Масутацу поступает в не очень престижный Институт колоний – вероятно, из-за своего корейского происхождения. В 1947 г. состоялись первые после окончания войны крупные соревнования по каратэ – Всеяпонский фестиваль боевых искусств, где Ояма побеждает всех своих соперников.

Представитель нового поколения Ояма, не получивший ни хорошего традиционного воспитания, ни фундаментального образования, смотрел на многие традиционные вещи в каратэ как на отжившую чепуху. Если каратэ – это боевое искусство, то надо драться, считал он. Надо всячески доказывать свою силу, мощь удара, мужество в поединках. Надо ломать

ударами кирпичи, черепицу, глыбы льда, подожжённые доски. Разве всё это не является весомым доказательством силы человеческого духа и эффективности каратэ?! В общем каждому дано понимать суть боевых искусств в соответствии с глубиной собственного сознания.

Теперь нужен подвиг духа, который должен выделить Ояму из общей массы последователей каратэ. Одной лишь победы на соревнованиях было явно недостаточно, к тому же он крайне негативно относился к поединкам по правилам Сётокана или Годзю-рю. И Ояма Масутацу решает повторить путь древних бойцов ямабуси – уйти в горы для упорных тренировок. Расчёт был сделан правильно – именно этот факт биографии приносит ему большую известность.

Уход Оямы в горы, с одной стороны, как бы воспроизводил практику Ямагути Гогэна, а с другой – являлся её противоположностью: ведь ни о каких фундаментальных религиозных воззрениях Оямы говорить не приходится. Все многочисленные книги Оямы по каратэ, досконально проработанные в техническом плане, отличаются крайней примитивностью в области теории. Для Оямы уход в горы – прежде всего «подвиг силы», часть того, чем он занимался всю жизнь.

В отличие от Ямагути, который в зрелом возрасте проводил по сто дней в горах каждый год, срок добровольного заключения Оямы ограничился, по разным источникам, тремя или шестью месяцами. В воспоминаниях о жизни в горах он подробно описывал свои тренировки. Его день начинался в четыре часа утра, после подъёма следовала десятиминутная медитация, а затем – двухчасовой бег по горам. Если последним можно лишь восхититься, то придётся признать, что десять минут сидения с закрытыми глазами для мастера каратэ, претендующего на глубокую духовность, – не очень много. Стоит вспомнить, что Фунакоси Гитин и Ямагути Гогэн медитировали по нескольку часов, переживая при этом за своё «духовное несовершенство». Ояму же такие тонкости не волновали – он просто выполнял очередной «пункт» в расписании тренировок.

Его день состоял из многочисленных отжиманий, сотен ударов по макиваре, лазания по канату, подъёма штанги, упражнений для брюшного пресса – и так до шести часов вечера, когда Ояма отходил ко сну (в горах темнеет рано). Он ввёл эффективный и жёсткий способ отработки ката: каждый день повторял новый комплекс по сто раз. Например, в первый день – сто раз Хэйан-тюдан (первый комплекс Хэйан), во второй день – Хэйан-нидан (второй комплекс) и т. д., а затем всё начиналось снова.

Физическая и боевая подготовка Оямы была отменной, он обладал поистине пушечными ударами. И хотя многие считали его технику «не классической», желающих спарринговаться в контактном поединке с Оямой не находилось.

Ояма постоянно работает над созданием технического арсенала новой школы, который уходит своими корнями в Годзю-рю, о чём мастер предпочитает не упоминать. Зато в его учебниках неоднократно появляются некие приёмы «из техники китайского кэмпо», что создавало иллюзию, будто бы Ояма тщательно штудировал китайские методы боя. На самом же деле в Китай Ояма никогда не заезжал, но приёмы в Годзю-рю действительно имели китайское происхождение.

В технике Оямы начинают проступать контуры будущего Кёкусинкай. Стойки – значительно выше, а позиции нацелены непосредственно на ведение поединка. Из Годзю-рю он выносит предпочтение «кошачьей стойки» – *нэкоаси-дати* . Из классики Годзю-рю приходят и круговые блоки предплечьями и ладонями, которые Ояма впоследствии стал выдавать за итог тщательного изучения китайских школ, а также базовые дыхательные ката Сантин и Тэнсё.

Талантливый мастер Ояма берёт из техники Годзю-рю наиболее эффективные способы внутренней тренировки, в том числе и особые методы дыхания, регулирующие сознание. Из большого количества дыхательных упражнений он отбирает два – *ибукэ* и *ногарэ* , символизирующие как бы два начала. Выдох в ибукэ выполняется при напряжении мышц живота во время разведения скрещённых рук в стороны. Этот тип сонорного (т. е. звукового)

дыхания, как считается, активизирует работу сознания, возбуждает боевой дух и приучает к концентрации энергии «ки». Ему логически противостоит мягкий и спокойный тип дыхания ногарэ, применение которого сопровождается движениями ладоней. Ногарэ успокаивает и как бы «охлаждает» сознание, приводя организм в состояние равновесия.

По сути Ояма разрабатывает новый подход к тренировкам в каратэ. Его составляющие можно встретить в Сётокане, особенно в Годзю-рю, но комплексно они воплотились именно в системе Оямы. Многие формы тренировок, например отжимания на кулаках и пальцах, отработка всех приёмов в паре с партнёром, стали сегодня каноническими для целого ряда стилей каратэ.

Спустившись с гор, Ояма решает продолжить собственную популяризацию. Он намеревается воспроизвести один из излюбленных окинавских «подвигов», которые к тому времени уже канули в прошлое. Речь идёт о знаменитых боях с быками – частом зрелище на окинавских народных праздниках начиная с XVII в.

Как ни силён был молодой Ояма, он решает сначала тщательно изучить повадки быков, найти слабые точки в их организме. Для этого он в 1949 г. даже снимает небольшой домик неподалёку от городской бойни и в течение семи месяцев внимательно наблюдает за забойщиками скота. Теперь можно выходить на бой с животным.

Реальность оказалась более жестокой, чем мог предвидеть мастер каратэ, – несколько раз он был ранен, бык даже пропорол ему бок. Но публика регулярно собиралась посмотреть на удивительное зрелище: в загоне для скота разъярённый бык носился за обнажённым по пояс могучим человеком. Ояма ловко уворачивался от острых рогов, стараясь находиться сбоку от быка, и наносил ему тяжёлые удары кулаком в нос и шею.

Об Ояме уже пишут в газетах; несколько его поединков с быками сняты на киноплёнку, которая отправлена в рекламных целях в Европу и США. Руководители каратэ с недоумением и некоторой опаской взирают на стремительный рост популярности Оямы. Были даже сделаны заявления о «дешёвом» характере такой популярности, о нарушении многих традиционных принципов каратэ, в том числе элементарной гуманности. Но симпатии публики, падкой именно на внешние эффекты, уже принадлежали Ояме. В Японии появился новый герой.

Теперь успех надо было закрепить. Вскоре у Оямы возникают новые планы – и в 1952 г. он отправляется в США, справедливо считая их самым крупным западным рынком.

Конечно, в США Ояма не был пионером каратэ, но он знал, чем можно поразить публику. Перед его приездом газеты наперебой сообщали о скором появлении «человека, который убивает кулаком быков»; была обещана демонстрация на показательных выступлениях неких невероятных возможностей каратэ.

Именно выступления Оямы и рекламная кампания вокруг него способствовали тому, что в США и Европе по-настоящему узнали о каратэ. Правда, каратэ того типа, который пропагандировал Ояма. На показательных выступлениях он и его ученики крушили груды кирпичей и черепицы, разбивали ударом лба огромные глыбы льда, отрубали ребром ладони горлышко у бутылки, причём столь стремительно, что вода в ней не успевала расплескаться. На животе у Оямы раскалывали молотом огромные камни, по нему ездил легковой автомобиль – всё это вызывало у западной публики восхищение, близкое к шоку.

Японское каратэ сразу стало как-то понятнее и ближе американцам, не особенно склонным к глубоким рассуждениям о философии. Ояма неоднократно демонстрировал и чисто прикладные аспекты своего направления – защиту от нападения с ножом, пистолетом, от двух и даже трёх нападающих. Позже он вводит в показательные выступления и в свои учебники: способы защиты зонтиком, тростью, портфелем, самозащиты женщины от нападения мужчины и многие другие приёмы, которые приближали каратэ к повседневным заботам человека о своей безопасности. В такой практической направленности и в масштабах рекламы ни один из стилей каратэ не мог конкурировать с направлением Оямы.

Ему поклоняются уже как «великому учителю» (Ояме едва перевалило за тридцать!), ему предлагают писать книги, приглашают преподавать во многие страны Европы и США.

Но он не торопится: сначала надо оформить в виде стиля те методические наработки и теоретические рассуждения, на которых базировались его тренировки.

Эмблема Кёкусинкай

И в 1957 г., через некоторое время после возвращения из США, Ояма объявляет о создании нового стиля каратэ. Он называет его с большой долей претензии на обладание высшей истиной не только в каратэ, но и в жизни вообще, – Кёкусинкай (Ассоциация абсолютной истины). Это название, больше подходившее какой-нибудь религиозной секте, нежели стилю каратэ, уже само по себе как бы отвергало все достижения других стилей. Ояма не случайно использует в названии стиля иероглиф «кай» – «общество», «ассоциация», а не «рю» – «направление», подчёркивая тем самым строго корпоративный характер своего стиля.

Находясь на волне популярности, Ояма теперь не боится открыто противопоставлять себя всем другим стилям каратэ и целому ряду ассоциаций, в которые объединялись различные школы.

Ояма начинает проводить соревнования по своим правилам, разрешая наносить жёсткие удары ногами по ногам, удары по корпусу в полный контакт, причём бойцы дрались без всякой защитной экипировки, не считая тонких накладок на руках, которые едва ли могли защитить от травм. Запрещались лишь прямые удары в лицо, в шею и пах. Теперь на поединках случались тяжёлые нокауты, травмы, что лишь подогревало интерес публики к Кёкусинкай.

Судя по самому названию стиля – «Абсолютная истина», он задумывался как квазирелигиозное учение с претензией на всеобъемлемость и с особым упором на дух поединка. Ояма претендует на статус патриарха и проповедника нового духовного учения,

причём основными его адресатами должны были стать не японцы, а европейцы и американцы. Он уже выступает не столько как блестящий знаток техники каратэ, сколько как крупный теоретик истории боевых искусств и дзэн-буддийский мастер. В двух последних ипостасях его заслуги весьма сомнительны; тем не менее именно взгляды Оямы благодаря его многочисленным книгам оказали решающее влияние на познания западной публики в области истории боевых искусств.

Многие утверждения Оямы объяснялись лишь стремлением во что бы то ни стало заявить «нечто новое». Например, он убеждал, что многие методы боевых искусств зародились в Индии, откуда пришли сначала в Китай, а затем и в Японию. Более того, многие методы боя могли быть принесены в Индию и Китай в результате походов Александра Македонского, и, таким образом, существовал некий «мост» между Древней Грецией и китайским ушу. Нимало не сомневаясь, он пересказывал как весьма достоверную версию о том, что именно в стенах Шаолиньского монастыря патриарх чань-буддизма Бодхидхарма в VI в. создал самую большую школу ушу, которая через много веков превратилась в каратэ [164]. Подобных идей у Оямы было великое множество, причём некоторые из них демонстрировали отсутствие элементарных познаний в истории.

Но методистов техники каратэ, равных Ояме, в то время не было. Он издаёт ряд книг, где шаг за шагом объясняет принципы приёмов каратэ, начиная от простейших стоек до ката высшего уровня и методов боя. Так одна за другой появляются на английском языке книги, которые завершают создание его концепции нового боевого искусства: «Это – каратэ» (1965 г.), «Жизненное каратэ» (1966 г.), «Что такое каратэ?» (1968 г.). Затем появляются «Каратэ для продвинутого уровня» и даже специальные учебники каратэ для детей. Примечательно, что все эти книги издавались для западной аудитории, в то время как работ на японском языке по Кёкусинкай было крайне мало.

Ояма явно «тянул одеяло на себя», утверждая, что лишь его стиль несёт истинный дух каратэ, и даже пытался рассуждать о дзэн-буддизме, которому он никогда систематически не учился. Он подчёркнуто не присоединялся ни к одной ассоциации каратэ, открыто конфликтуя с ними. Кёкусинкай не был принят во Всеяпонскую федерацию каратэ, членами которой состояли все крупные школы.

Но западная публика многих его огрехов не замечала; к тому же сказывался блестящий организаторский талант Оямы. Стремительно увеличивается число групп Кёкусинкай в США, Голландии, Франции. Деятельностью этих групп управляют личные представители патриарха.

Ояма постепенно создавал небольшое авторитарное государство, построенное на жёстком подчинении себе как харизматическому лидеру. На тренировках уже поклонялись его портрету, его каллиграфия ценилась как святыня – Ояма при жизни превратился в божество, что характерно лишь для лидеров религиозных сект.

Именно Ояма начинает преподносить публике каратэ как Путь жизни. Правда, претензий здесь было больше, чем возможностей, но, как ни странно, западной публике импонировали жёсткая дисциплина и иерархия, царившие во многих залах Кёкусинкай. Людям нравилось подниматься со ступеньки на ступеньку, отдавать указания младшим и подчиняться старшим по степеням мастерства. Удивительно, что в США и странах Запада успешно воспроизводилась та система, которая была органична лишь для дисциплинированного и несколько механистичного японского сознания.

Правда, ряд групп стал со временем выражать недовольство жёстким авторитаризмом Оямы. Постепенно наметился раскол, в результате которого от «империи» Оямы стали отпадать некоторые её части. Так оформились самостоятельная Ассоциация Асихара-каратэ, в свою очередь разделившаяся на несколько региональных направлений, Дайто-дзюку каратэ и ряд других организаций.

КОНЕЦ ОКИНАВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

Кончина великих патриархов каратэ пришлась практически на одно и то же время. В октябре 1953 г. из жизни уходит Мияги Тёдзюн, в апреле 1957 г. умирает легендарный «отец каратэ» Фунакоси Гитин, а меньше чем через месяц, в мае того же года – создатель Сито-рю, последний «самурай в каратэ» Мабуни Кэнва. Эпоха «великих окинавцев» закончилась, а вместе с ней ушло в прошлое особое время – противоречивое, но тем не менее наполненное дивным ароматом тонкой эстетики и благородной духовной традиции, дзэнского миропереживания. Последнее дыхание мастеров стало и последним вздохом традиции. Начиналось новое время.

Уход из жизни патриархов словно открыл шлюзы – новые направления стали создаваться одно за другим.

Долгое время в каратэ царствовал «местный протекционизм»: многие школы возглавлялись выходцами с Окинавы. Хотя окинавцы, прибывшие в Японию, нередко спорили и конфликтовали между собой, клановость всё же давала о себе знать. У руководства каратэ к началу 50-х гг. стояло «окинавское лобби», набирал силу кореец Ояма Масутацу, японцы же были лишь на вторых ролях. Всё это создавало дополнительное напряжение в мире боевых искусств.

Да и сам знаменитый Сётокан оказался далеко не столь монолитным, как считалось при жизни Фунакоси. Сразу после ухода из жизни мастера начались бурные дебаты. В основном они касались споров о соревновательных аспектах каратэ (а именно этого стала требовать логика развития) и о тонкостях исполнения ката, хотя нередко фактически всё сводилось к борьбе за лидерство в Сётокане. Возобладало крыло модернизаторов. В противоположность этому крылу один из лучших учеников патриарха, Эгами Сигэру, создал в Токио закрытый стиль *Сётокай* , который рассматривает в основном метафизические аспекты каратэ, почти не признаёт соревнований, но лишь «пестует дух». Его последователь Аоки основал чисто мистическое направление Согобудо, уделяющее большое внимание «тайной» практике. Тех же взглядов придерживался другой прямой последователь Фунакоси, Ногути Хироси, ученик которого Осима Цутому считается истинным продолжателем традиций старого Сётокана.

Был и другой важный аспект деятельности Всеяпонской ассоциации каратэ, которая по сути представляла собой официальную организацию Сётокан. Это могучий прорыв в Западную Европу, а позже и в США. Во Франции начинает преподавать мастер Касэи. Становятся классическими учебники по каратэ мастеров Нисиямы, Масатоси Такаги. Свои школы открывают Осима, Харада, Окуяма и многие другие. Именно Нисияма вместе с американцем Ричардом Брауном издаёт в 1960 г. на английском языке первый фундаментальный труд по технике каратэ Сётокан, на котором воспитывалось не одно поколение учеников в США и Европе: «Каратэ. Искусство боя пустой руки» [159]. В известном смысле в этой книге впервые рассказывается об истории каратэ как явлении культуры, хотя и здесь мы найдём немало легендарного и мифологического: например, возникновение каратэ напрямую связывается с Шаолиньским монастырём.

Огромную роль в деятельности Сётокана начинает играть бывший личный ученик Фунакоси, Накаяма Масатоси (родился в 1913 г.). Именно Накаяма одним из первых познакомил западную публику с фундаментальными основами техники и теории Сётокан, издав целый ряд книг. Бестселлером стала «Динамика каратэ: наставления Мастера» [156].

Накаяма уже при жизни Фунакоси становится фактически «законодателем мод» в Сётокане, являясь шеф-инструктором, который регулирует все технические разночтения, особенно связанные с выполнением ката. Именно ему в 1949 г. Фунакоси поручает уладить проблему, связанную с тем, что всё большее число последователей каратэ считало возможным проведение поединков. Фунакоси в принципе уже был согласен на тренировочные бои в залах, и Накаяма взялся за разработку самых первых правил спортивных поединков, которые через много лет в трансформированном виде легли в основу ныне известных международных правил по каратэ.

В это время Накаяма уже считался лучшим методистом в области ката Сётокана и обладал высшим 10-м даном. Руководя стилем, Накаяма методично привёл все ката Сётокана

к единой схеме. Эта работа закончилась выпуском нормативных учебников по ката и специальных видеофильмов, где канонические формы демонстрировал первый чемпион по каратэ Канадзава Хирокадзу.

Примечательно, что большинство книг по каратэ хотя и печаталось в Токио, но издавалось на английском языке и, естественно, распространялось в США и странах Западной Европы. Это было не случайно – руководители каратэ, не без решающей поддержки политических кругов, упорно ориентировались на западные рынки. Продвигая каратэ к международным соревнованиям, они старались возглавить все существующие в мире движения каратэ, что должно было принести немалую прибыль.

Импульс к усилению соревновательного и показательного аспектов затронул и стиль Сито-рю, где был подхвачен последователями Мабуни. В 1960 г., всего лишь через три года после смерти патриарха, от Сито-рю отделяется направление Сюкокай, руководимое одним из лучших учеников Мабуни, Тани Тёдзиро, и нацеленное исключительно на соревнования. Первоначально Тани называет новое направление своим именем – «Тани-ха Сито-рю», но потом, вероятно вспомнив о присущей истинным каратистам скромности, переименовывает его в Сюкокай. Вся тренировка в школе Тани направлена на соревновательный поединок, поэтому многие чисто традиционные приёмы, которые запрещено использовать на турнирах, просто не изучаются, например рубящие удары ребром ладони – сюто-ути (хотя встречаются блоки ребром ладони), открытой ладонью (тэйсё) и ряд других.

Стиль Сюкокай привозит в Европу Намбу Ёсинао – ученик Тани и последователь Мабуни. Но уже через несколько лет, в 1969 г., Намбу создаёт собственное направление – Санкюкай, которое отличается большим разнообразием техники, яркой и зрелищной манерой ведения поединка, множеством нырков, уклонов и обманных действий.

Многие стили боевых искусств постепенно перерастают собственно каратэ. Так, на стыке айкидо и каратэ возникает направление Хакко-рю (Школа восьми лучей). Её создал в 1938 г. Рюхо Окуяма, который в течение какого-то времени изучал айкидо у Уэсибы Морихэи, а затем, как он сам утверждал, и у Фунакоси Гитина.

Вместе с этим в мире боевых искусств начинаются споры об «истинности» и чистоте каратэ. Дело в том, что быстрый рост школ и их ветвление привели к расколу многих стилей на независимые клубы. Естественно, каждое из таких направлений утверждало, что ближе всего стоит к истоку каратэ.

Одним из пропагандистов «традиционного каратэ» стал известный мастер Хисатака Кори, окинавец, родившийся в городе Сюри. Его учителем в каратэ был Кяму Тёдзюн, связанный с Фунакоси Гитином многолетней дружбой.

Судьба Хисатаки была связана с Китаем – сначала он в течение нескольких лет обучался у тайваньских мастеров, а затем оказался в Маньчжурии. Официально он был начальником железнодорожной станции, хотя в Китай его привело то же, что и Ямагути Гогэна, – разведывательная деятельность.

В Японии Хисатака создал школу Сёрин-рю кэнкокан каратэ-до, связывая её с древнейшими окинавскими традициями. На Окинаве уже существовала школа Сёрин-рю, принадлежность Хисатаки Кори к ней была сомнительна, и окинавцы не признали его носителем традиции. Хисатака утверждал, что пропагандирует именно традиционное каратэ в его чистоте и истинности, чем весьма задевал такие стили, как Сётокан, Сито-рю и Годзю-рю. К тому же Хисатака начал именовать свой стиль Косики-каратэ (Традиционное каратэ, или Старинное каратэ). Само по себе это название как бы отбирало у других стилей возможность претендовать на «истинность» и создавало дополнительный конфликт в мире японского каратэ.

Каратэ оказалось окружено чисто доктринальными и нередко просто конъюнктурными спорами о том, какой стиль стоит ближе к истоку. Порой дело доходило до парадоксов, свидетелем одного из которых явился, например, отечественный мир боевых искусств. В СССР в 70-е годы был создан стиль Санэ, который, по утверждениям его пропагандистов, является корейской разновидностью каратэ, что само по себе уже невероятно.

Справедливости ради заметим, что на Западе таких «собственных» стилей каратэ, о которых никогда не знала Япония, изобретён не один десяток.

Но и в самой Японии сегодня существует несколько десятков стилей каратэ, считающих себя абсолютно самостоятельными. Кроме «большой пятёрки» (Сётокан, Сито-рю, Годзю-рю, Вадо-рю, Кёкусинкай) активно действуют клубы Асихара-каратэ, Косики-каратэ, Дайто-дзюку («Великий Путь») во главе с мастером Адзумой, Тэнсин-каратэ («Сердце Неба») и многие другие.

СПОРЫ ОБ ИСТОКАХ – СПОРЫ О ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ

В сущности «философии каратэ» нет и быть не может; ведь идеология каратэ – это далёкий и к тому же довольно искажённый отголосок самурайского взгляда на мир, сформированного буддизмом, синтоизмом, конфуцианством. Все классические принципы каратэ, например требование «сохранять своё сознание незамутнённым, подобно гладкой поверхности озера» и т. п., пришли из самурайских тренировок в мастерстве кэн-дзюцу и кю-дзюцу. Но в каратэ всё это звучит уже очень глухо и искажённо, нередко сводится к простым словесным формулировкам.

Многие мастера каратэ пытались самостоятельно нащупать эту глубину духовности, а точнее – создать её заново, ибо изначально она не была присуща каратэ. Надо было шагнуть за внешнюю технику, за каскады ударов и разбивание досок. Например, патриарх японского стиля Годзю-рю Ямагути Гогэн создал даже некий синтез своего стиля и синтоизма, так и назвав его – «Годзю Синто».

Но всё же большинство групп каратэ, особенно в послевоенной Японии, сводило всю философию и духовную практику к неким нормативным методам тренировки. Нередко вся подобная практика – это несколько минут сидения на коленях с прикрытыми глазами перед тренировкой (классический пример «осовремененной» дзэн-буддийской медитации, на самом деле длившейся часами и включавшей десятки методов концентрации сознания и регуляции дыхания).

Каратэ, правда, нашло более характерную для боевых искусств «нишу» тренировки сознания, где в равной степени можно сочетать совершенствование духовного настроя и боевого мастерства. Речь идёт о формальных комплексах, или «формах», – ката. Вопрос о ката оказался сегодня довольно сильно запутан, с одной стороны, западными авторами, с другой – самими японцами.

Можно встретить утверждение, что в ката отрабатываются наиболее эффективные связки приёмов, что ката оптимальным образом тренируют сознание и позволяют наладить в организме циркуляцию жизненной энергии «ки» и многое другое. Но необходимо отделить чисто традиционное и ритуальное осмысление ката от того, чем они являются в реальности.

Напомним, что на Окинаве ката в большинстве своём не носили сложного ритуального подтекста и представляли собой просто способ отработки приёмов. Лишь в одной школе – Наха-тэ, которая напрямую была связана с китайским ушу и где все ката имели свой аналог в Китае, они сопровождались приёмами регуляции дыхания, концентрации сознания. Отголоски этого можно встретить в ката Сантин, Тэнсё и некоторых других.

Однако Фунакоси Гитин решил значительно усилить роль ката не просто как метода отработки приёмов (в сущности приёмы, входящие в ката, в чистом виде неприменимы в бою), но как символически-ритуального воплощения сути каратэ. Вот как разъясняет смысл ката шеф-инструктор Всеяпонской ассоциации каратэ, прямой ученик Фунакоси, Накаяма Масатоси: «Каратэ не является и никогда не являлось техникой нападения. С того времени, когда способы и методы боя голыми руками и ногами были развиты и формализованы в виде искусства каратэ, оно преподавалось и изучалось именно как метод самозащиты. И пока каратэка (последователь каратэ. – *Прим. авт.*) не будет никем спровоцирован, он не применит своё искусство для того, чтобы дать отпор нападающему. Оборонительная суть этого искусства выражена в том, что все ката начинаются с «укэ», т. е. с блока» [155]. Итак,

ката – символ защитной сути каратэ.

Для каждого ката существует своя траектория выполнения (*эмбусэн*). Для начальных ката она представляет собой линию в форме «Т»; для ката среднего и высшего уровня эмбусэн имеет вид сложного «серпантина», полного резких разворотов и изменений направления движения.

Важнейший принцип, который отрабатывается в ката и который каратист должен соблюдать в течение всей тренировки да и повседневной жизни, называется «дзантин». Это вечно бодрствующее сознание, которое не даёт противнику напасть на бойца врасплох. Данный принцип пришёл из старой самурайской практики: «Великого мастера не достать мечом даже во сне». Дзантин означает готовность всегда отреагировать на малейшее движение соперника и даже его мысль. Это реальное воплощение того состояния, которое именуют «разум, подобный гладкой поверхности озера» («мицу-но-кокоро»). В момент удара надо сосредоточить всю свою волю, всё сознание в точке удара и этот сгусток энергии, силы и волевого импульса выбросить в противника. Такое состояние называется «кимэ» и нередко сопровождается коротким гортанным выкриком («киай» – «единство энергии-ки»), причём понятия «кимэ» и «киай» также пришли из самурайской практики боя на мечах.

По окончании выполнения ката боец возвращается на то место, откуда начинал движение, но при этом он не должен расслабляться и уменьшать своё внимание. А вдруг противник ещё не добит и может продолжить нападение? Такое состояние называется «дзансин» – «мастерское окончание». Боец не расслабляется, но всегда готов к продолжению боя. Это вечно бодрствующее сознание, «дух, подобный луне» («цуки-но-кокоро»): как луна освещает неярким ровным светом всё вокруг, так и сознание бойца должно чётко и ясно фиксировать все предметы, не задерживаясь ни на чём конкретно.

Таким образом, ката не представляет собой ни вид духовной практики, ни отработку боевых комбинаций. Оно учит тому особому состоянию сознания, которое должно быть присуще настоящему воину и обеспечить ему победу в бою. В отличие от традиций Китая практика боевых искусств в Японии далеко не всегда сопровождается именно духовными или нравственными поисками, которые по своей сути значительно глубже и сложнее. Тренировку психики в современном каратэ нередко ошибочно принимают за духовное совершенствование, секреты которого исторически никогда не существовали в отрыве от религиозного контекста.

Некий след религиозности, скорее в психологическом плане, нежели в собственно духовном, в большинстве стилей современного каратэ сохраняют отдельные ритуалы, исконный смысл которых нередко забыт. Всякий ритуал каратэ начинается с особого поклона, который выражает прежде всего уважение ко всей школе. Функоси часто повторял: «Дух каратэ утрачивается без вежливости». Эта вежливость имеет в каратэ метафизический характер и нередко связана со старыми культами синтоизма. Например, войдя в додзё, надо обязательно поклониться залу, ибо в нём присутствуют духи тех мастеров, которые здесь тренировались. Следует приветствовать своего учителя, старших учеников, братьев по школе. Такой же поклон выполняется в начале и конце ката, что символизирует приветствие духу создателя этого комплекса, а также всем тем, кто когда-либо выполнял данное ката. За счёт этих поклонов, которые неискушённому взгляду могут показаться чисто механическими ритуалами, достигается мистическое единство всех тех, кто когда-либо занимался каратэ или вообще кулачным искусством.

В ПОИСКАХ ЕДИНСТВА КАРАТЭ

История распространения каратэ в Японии невероятно запутанна, хотя в этом нет ничего странного – каждый из руководителей школ считал, что именно у него «делалось настоящее дело». Ясно одно: сколь бы ни была велика роль Фунакоси Гитина в пропаганде каратэ, официальное признание этого боевого искусства произошло отнюдь не при его решающем влиянии. Это заслуга многих энтузиастов, как окинавцев, так и японцев.

Мастера вместе. Слева-направо: Оцука Хироси (Вадо-рю), Ивата Мандзо (Сито-рю), Ямагути Гогэн (Годзю-рю)

Что же можно считать моментом официального признания каратэ как полноценного и, главное, самостоятельного вида боевых искусств? Точка отсчёта здесь очевидна – создание в Будокукае секции (направления) каратэ. Будокукай, где основную роль играли мастера дзюдо, благодаря личности Кано Дзигаро действовал при решающей поддержке государства. Таким образом, вхождение каратэ в Будокукай было равносильно его официальному признанию на государственном уровне.

Но кто сыграл в этом главную роль? По одной из версий, человеком, способствовавшим вхождению каратэ в Будокукай, был известный мастер Сэйдзабуро Фукусима, который в то время возглавлял здесь направление дзюдо. На него сумела выйти группа энтузиастов каратэ, которой руководил Ямагути Гогэн. Как утверждает сам Ямагути, именно их контакты и сыграли решающую роль. Фукусиме понравилось каратэ; он хотел ввести некоторые приёмы из него в арсенал дзюдо. Он позволил Ямагути пользоваться своим додзё Гихо-кай для преподавания каратэ [212]. Фактически это была первая признанная государством группа каратэ.

Развитие каратэ требовало создания единой всеяпонской организации. Но обстановка в сфере каратэ значительно отличалась от ситуации в дзюдо, айкидо или кэндо. Прежде всего нигде не было такого количества школ, направлений и разногласий, как в каратэ. Патриархи школ «пустой руки» не очень активно общались друг с другом, стремясь монополизировать каратэ, как когда-то Кано Дзигаро монополизировал дзю-дзюцу и дзюдо, создав Кодокан. Но каратистского Кодокана ни у кого не получилось.

И всё же объединяться каким-то образом было необходимо, ибо интерес к каратэ на Западе сулил немалые прибыли и возможность пропаганды японской культуры. С инициативой создания единой организации выступили не школы каратэ, а Ассоциация боевых искусств Будокан. К кому из патриархов каратэ представители Будокана обратились прежде всего, сказать сложно. Фактически переговоры велись одновременно со всеми. Правда, Ямагути Гогэн, вообще не отличающийся особой скромностью, упоминает, что именно к нему в начале 1964 г. генеральный директор Будокана Мацутаро Сёрики обратился за помощью.

Так или иначе, вскоре встреча лидеров крупнейших школ состоялась. За одним столом теперь сидели Накаяма Масатоси (Сётокан), Оцука Хироси (Вадо-рю), Ивата Мандзё (Сито-рю), Ямагути Гогэн (Годзю-рю). Правда, единой федерации сначала не получилось. В июне 1964 г. была создана организация – «Ассоциация каратэ членов парламента» (коккай), так как многие его представители не только благосклонно относились к каратэ, но и практиковали его. Очевидно, что Ассоциация и обеспечила лобирование создания единой всеяпонской организации каратэ. И наконец, при поддержке Министерства образования (не спорта!) в октябре 1964 г. была создана Всеяпонская федерация каратэ-до.

Споры между сторонниками соревновательного и традиционного подхода к каратэ по-прежнему не утихали. Но в них участвовали уже не только японские мастера, но и западные последователи каратэ. Европейцы требовали турниров, причём настаивали на соревнованиях по поединкам. Кстати, сами японцы в тот момент ещё не осознавали, что развитие каратэ уже не подвластно им и через несколько лет они навсегда утратят лидирующее положение в этом виде боевых искусств.

Может быть, решающим фактором послужило то обстоятельство, что турниры по каратэ уже активно проводились в США, причём дело доходило до комичных ситуаций. Например, фактически любая крупная организация могла объявить о проведении «чемпионата мира» по каратэ. Обычно на такие чемпионаты никто, кроме самих американцев, не приезжал, зато находились счастливчики, которые становились «чемпионами мира» по два-три раза в год. Например, один из известных поклонников боевых искусств, а ныне прославленный киноактёр Чак Норрис ухитрился стать семикратным чемпионом мира по каратэ ещё до первого официального чемпионата мира!

Технический уровень соревнований того времени был крайне низок. Но существовал и положительный момент – представители Запада воспринимали каратэ прежде всего как искусство ведения поединка. Связи с национальным духом и историческими корнями, чему особое внимание уделяли японские патриархи каратэ, представители западного каратэ, конечно же, не ощущали. И спор о том, можно ли проводить свободные поединки, был для них некоей «азиатской странностью».

Итак, пока японцы старались осознать грань между каратэ – боем и каратэ – духовным искусством, пока сторонники традиционной линии Фунакоси пытались доказать всю дикость выяснения глубины духовности посредством кулаков, европейцы и американцы активно разрабатывали методы ведения боя на татами.

Наконец японцы понимают, что нельзя дольше медлить невозможно, и действуют по принципу: если не можешь совладать с ходом событий, стань во главе его.

И 10 – 13 октября 1970 г. в Токио проходит первый официальный чемпионат мира по каратэ, на который приезжают 178 участников из 33 стран. Бесконтактные поединки (удар следовало останавливать за доли сантиметра до тела противника) проходили по правилам «иппон-сёбу»: победа присуждалась за один «иппон» или за два «вадза-ари». «Иппон» – бесконтактный мощный удар, нанесённый из правильной позиции, когда было ясно, что противник не сумел защититься. Столь же сильный удар, но нанесённый с небольшим огрехом, считался «половиной победы» – «вадза-ари». При такой системе оказывалось достаточно нанести один точный удар без контакта сопернику в голову, и бойцу присуждалась победа. Но разумно ли это? Ведь из опыта бокса хорошо известно, что даже сильный удар не обязательно свалит противника с ног; здесь многое зависит от физиологии, вектора направления удара, точки контакта. И всё же никакого видимого противоречия не было: японцы всячески подчёркивали, что таким образом соблюдается древнейший принцип боевых искусств – «достичь победы одним ударом».

Правда, существовала здесь и небольшая хитрость – правила «иппон-сёбу» разрабатывались Всеяпонской ассоциацией каратэ (JKA), и, естественно, все японские бойцы были прекрасно подготовлены в расчёте на тактику «одного удара». Во многом благодаря этому первый чемпионат мира показал однозначное лидерство японцев – в командном первенстве три первых места заняли японские команды.

Но вот факт, на который японцы не обратили внимания, а напрасно... Хотя в личном состязании первое место занял японец К. Вада, второе досталось американцу Дж. Карнио, а третье место поделили француз Доминик Валера и американец Т. Телленер.

Второй чемпионат мира в Париже (21 – 22 апреля 1972 г.) обернулся полным провалом японцев. Первое место в командном первенстве заняла Франция, а бойцы из «колыбели каратэ» не получили призовых мест ни в командном, ни в личном зачёте. Это был настоящий шок. Несколько лучше оказалась ситуация на третьем чемпионате мира (4 – 5 октября 1975 г., Лонг-Бич, США), но всем стало ясно: японцы утратили монополию на каратэ.

Надо было срочно пересматривать концепцию подхода к каратэ. Каратэ как система, выражающая японский национальный дух, каратэ Фунакоси и первых окинавцев изжило себя, оно оказалось неуместно на спортивных аренах, где всё устроено по западному образцу.

Основатель стиля Вадо-рю Оиука Хироси и Ямагути Гогэн (Годзю-рю) в 1964 г. на торжестве в честь основания Всеяпонской Федерации каратэ-до

Уже на первом чемпионате мира по каратэ в Токио в 1970 г. был создан Всемирный союз организаций каратэ (WUKO), который активно взялся за координацию деятельности национальных организаций каратэ и разработку единых правил соревнований. Параллельно с этим шла перестройка в руководстве каратэ в Японии.

Долгое время Сётокан выступал на международной арене от имени всего японского каратэ. Ведь даже название центральной ассоциации Сётокана звучит как «визитная карточка» японского каратэ – Всеяпонская ассоциация каратэ (JKA). До сих пор это является отголоском той монополии, которую держал Сётокан в течение нескольких десятилетий благодаря усилиям Фунакоси. Но, естественно, представителей других стилей не могло устроить такое положение вещей.

И вот после долгих споров была создана Ассоциация японских организаций каратэ (FAJKO), президентом которой стал известный мастер Тагаки Фусахиро. В Ассоциацию вошли практически все японские организации: Сётокан в лице JKA, Вадо-кай, Годзю-кай, Сито-кай; своими основными задачами она объявила «поддержание чистоты духа каратэ», экспертные функции, а также воспитание и образование молодого поколения. До сих пор форма основных ката каратэ определяется именно FAJKO.

Здесь начинается современный этап развития каратэ – этап спорта, соревнований,

массовых групп коммерции и рекламы.

СЁРИНДЗИ-КЭМПО: БУДДИЙСКАЯ СЕКТА БОЕВЫХ ИСКУССТВ

Если ты сомневаешься, хорошо или дурно какое-то дело, откажись от него.

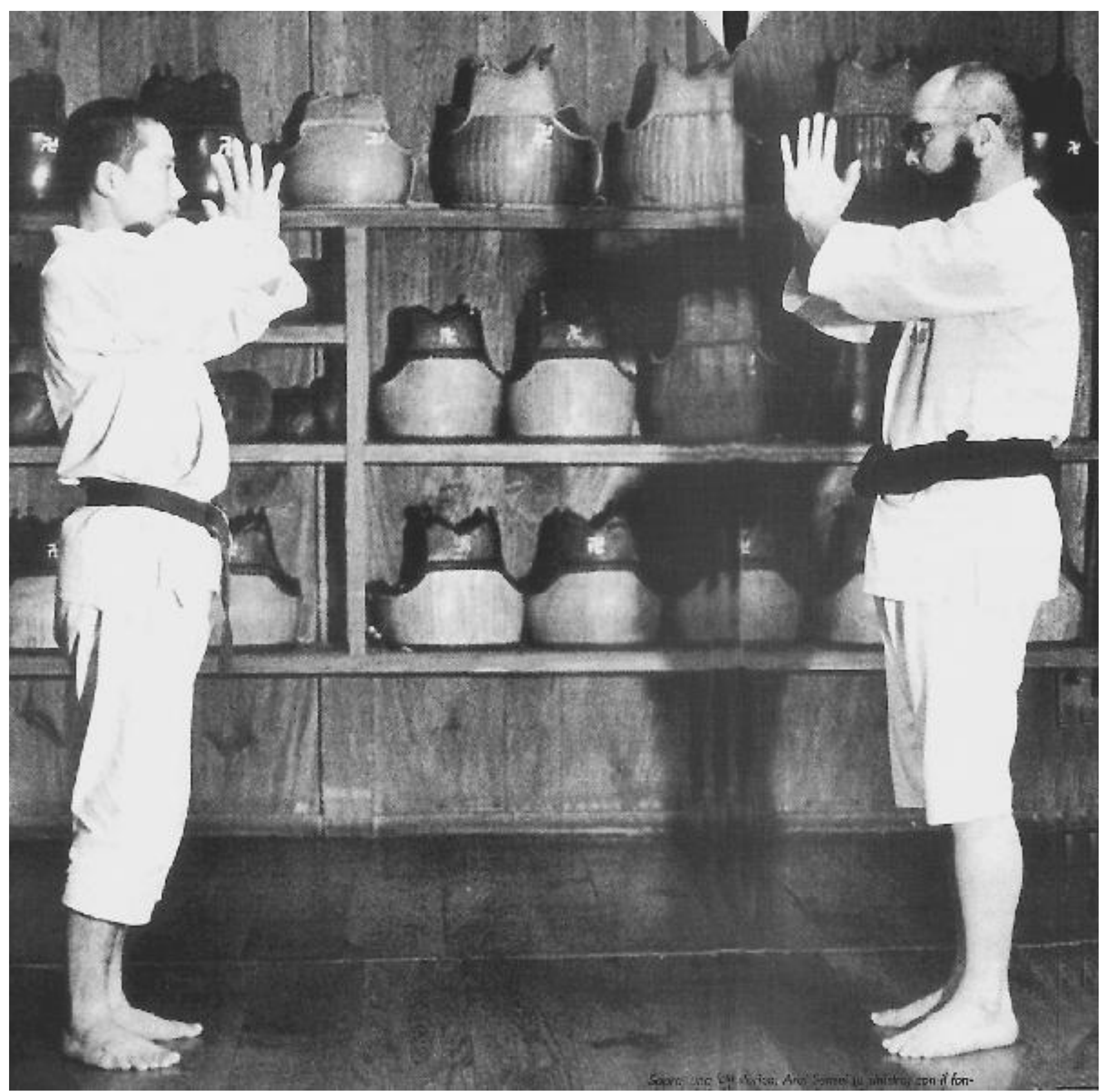
Фраза, которую Вольтер приписывает Зороастру

СЁ ДОСИН: ПУТЬ ОТ БОЙЦА К БУДДИСТУ

В послевоенный период на подмостки истории боевых искусств выступает личность, во многом являющая собой противоположность патриархам каратэ. Если последние мягко, но упорно открещивались от Китая, то японец Сё Досин (1911 – 1980 гг.) проповедует в Японии именно китайское боевое искусство. Он создаёт целое направление, которое недвусмысленно называет Сёриндзи-кэмпо (Кулачное искусство Шаолиньского монастыря), и разрабатывает особый тип философии боевых искусств – Конго-дзэн. (Сегодня Сёриндзи-кэмпо зарегистрировано в Японии не как школа боевых искусств, но как буддийская секта.) Сам же Сё Досин называет своё детище не иначе как «ответвлением дзэн» и «тайным искусством, пришедшим из Китая» [72].

Судьба этого человека необычна. Кем он только не был в своей жизни: буддийским монахом, сотрудником разведки, членом китайских и японских тайных обществ, патриархом одного из китайских стилей ушу. Выходец из бедной семьи, обладавший необычайными способностями и талантом проповедника, он сумел к концу жизни основать собственный храм и даже создать новое философское учение Конго-дзэн. Биографии Сё Досина крайне противоречивы, и в них много недоговорённостей.

Сё Досин, в миру Нагано Митико, родился в небогатой семье из префектуры Окаяма, на юго-западе Японии. В дальнейшем мы по традиции будем называть его монашеским именем Сё Досин, что дословно означает «Предок, служащий Пути», хотя получил он это имя лишь в 70-е годы.



Приветствие в Сёриндзи-кэмпо пришло, вероятно, из китайских тайных обществ, связанных с буддизмом. Справа – Сё Досин

Уже в раннем возрасте Сё Досин потерял отца, который был мелким таможенным чиновником, и с тех пор воспитанием молодого Митико занимался дед, неплохо разбиравшийся в боевых искусствах. Многое в жизни Сё Досина в дальнейшем окажется связано с этим человеком, и не будь его, мир вряд ли узнал бы о новом философском учении боевых искусств. Именно у деда Сё начинает изучать сначала дзюдо, затем искусство боя с копьём. Вскоре дед перебрался на северо-восток Китая, где, по некоторым сведениям, работал в японском исследовательском бюро Мантэцу (представлявшем собой не что иное, как подразделение японской разведки).

Естественно, вместе с дедом в 1928 г. в Китай приезжает и юный Сё Досин. Он желает во чтобы то ни стало разыскать истинных мастеров китайского ушу, о которых так много рассказывал ему дед.

И вот наконец благодаря стараниям своего деда он знакомится с легендарным человеком, участником знаменитого восстания ихэтуаней 1898 – 1901 гг. Чэнь Ляном. Тот приобщает Сё Досина к одному из стилей, исток которого, по словам мастера, – в Северном Шаолиньском монастыре. Чэнь Лян имел огромную практику реальных боёв – ведь он в течение нескольких лет был одним из инструкторов в отрядах ихэтуаней и сам неоднократно ходил в атаки против пушек и ружей иностранцев, надеясь только на своё мастерство.

В его стиле было мало ритуальных движений, Чэнь Лян даже не практиковал столь привычные для китайского ушу комплексы-таолу, но предпочитал отработку коротких парных связок в пять-шесть движений. Именно такую структуру тренировки позже взял за основу Сё Досин, создавая собственный стиль Сёриндзи-кэмпо.

Существует один интересный эпизод, о котором нередко умалчивают официальные биографии Сё Досина. В начале 30-х гг. Сё Досин на короткое время возвращается в Японию, где вступает в тайное общество «Коку-рю-кай» – «Чёрный дракон». Эта организация была по сути дела ответвлением одного из китайских тайных обществ, действовавших на северо-востоке Китая, в частности в провинции Хэйлунцзян (название последней так и переводится – «река чёрного дракона»; имеется в виду река Амур). Но злые языки поговаривали, что это общество находится под контролем японской разведки и его деятельность непосредственно направляется и даже финансируется спецорганами.

Итак, в Китай Сё Досин возвращается уже как член тайного общества, а возможно, и как японский разведчик.

Часто можно встретить утверждение, что Сё Досин стал в Китае буддийским монахом. Это не совсем верно: при содействии своего учителя Сё Досин становится членом еретической пробуддийской (но не чисто буддийской!) секты, связанной со знаменитым учением Белого лотоса (*кит.* Байляньцзяо), которое распространилось в Китае ещё в XV в. В сектах Белого лотоса практиковались некоторые стили ушу и сложные методы психотехники и медитации, по происхождению связанные с еретической буддийской традицией. Обобщённое их название – «Кулак Белого лотоса» (*кит.* Байляньцюань; *яп* . Бакурэнкэн).

Здесь следует пояснить, что ихэтуани (напомним, что в их восстании участвовал и Чэнь Лян, учитель Сё Досина) принадлежали к учению Белого Лотоса. Они поклонялись Будде и Нерождённой Праматери (Ушэн Лаому), которая живёт в Западном раю на небесах и печётся лишь о том, как спасти своих «детей», заплутавших на земле, в мире страстей. Многие последователи учения Белого лотоса, как и буддисты, не ели мясной пищи, собрания свои проводили в так называемых «вегетарианских залах» (чжайтан), соблюдали целибат – обет безбрачия. Учение Белого лотоса представляло собой причудливое переплетение буддийских постулатов с народными верованиями и культами. Например, в некоторых сектах почитали помимо Будды также легендарного основателя даосизма Лао-цзы и Конфуция.

По некоторым чертам ритуала в Сёриндзи-кэмпо можно понять, что Сё Досин обучался именно в неортодоксальной буддийской секте. Именно в народных буддийских сектах, которые нередко становились в Китае школами ушу, использовалось то приветствие, которое сегодня можно встретить в Сёриндзи-кэмпо: руки складываются ладонями друг к другу на уровне лица (пальцы немного разведены, кончики пальцев – на уровне глаз), в то время как адепты ортодоксального буддизма приветствуют друг друга, складывая ладони на уровне груди.

Дальнейшее приобщение Сё Досина к тайной традиции ушу мы передадим в его же собственной версии, хотя её точность вызывает большие сомнения.

Чэнь Лян, весьма довольный успехами своего ученика, лично приводит его в одну из самых закрытых школ ушу в Пекине, руководил которой мастер Вэнь Тайцзун. Полное имя этого мастера неизвестно, до нас дошло лишь прозвище Вэнь «Великий Предок». Вероятно, так называли его ученики, и именно это имя запомнил Сё Досин.

Школа Вэнь Тайцзуна именовалась ихэмэньцюань – «Школа врат Справедливости». По рассказам, она была тесно связана с традицией Шаолиньского монастыря, а иероглиф «мэнь» («врата») в её названии говорил о закрытом характере школы. Вполне вероятно, что Ихэмэньцюань имела какое-то отношение и к восстанию ихэтуаней.

Примерно с 1928 г. в Китае начали в большом количестве появляться официальные ассоциации ушу. Многие из них представляли собой некогда закрытые, а затем легализованные школы ушу. В Шанхае уже с 1909 г. активно действует ныне знаменитая Ассоциация традиционного ушу Цзинъу, которая привлекает к себе немало японцев (кроме ушу здесь преподавалось и дзюдо); в Нанкине в 1928 г. открыта Центральная академия

национального искусства (т. е. ушу). В Китае происходила официализация традиции, но при этом количество школ, которые несли истинную традицию ушу, уменьшалось, а попасть в них становилось всё труднее. И лишь рекомендация бывшего участника восстания ихэтуаней Чэнь Ляна, а также большие связи в среде китайских тайных обществ позволили японцу Сё Досину стать адептом тайной школы ушу. Сё Досину повезло: знакомство с Вэнь Тайцзуном предопределило всю его дальнейшую судьбу.

В 1936 г., после многих лет обучения, мастер Вэнь Тайцзун привёл Сё Досина в Шаолиньский монастырь и в этом святом месте объявил его своим официальным преемником. Таким образом японец стал 21-м патриархом китайского стиля ихэмэньцюань.

В источниках встречается расхождение по поводу того, в каком поколении наследником стиля был объявлен Сё Досин. Японские последователи Сёриндзи-кэмпо утверждают, что в 32-м. Однако нынешний старший монах, исполняющий обязанности настоятеля, Шаолиньсы Суси (носитель традиции в 30-м поколении, лучший знаток шаолиньского ушу и Президент международной Академии шаолиньского искусства – монах Дэцянь) считает, что в 31-м. Трудно предположить, что традиция малоизвестной школы Вэнь Тайцзуна и соответственно Сё Досина более древняя, чем история Шаолиньского монастыря, которая отсчитывает поколения от настоятеля Фуюя (XIII в.).

Такого история китайских боевых искусств ещё не знала. Нам известны имена нескольких талантливых окинавцев, которые были объявлены официальными преемниками ряда школ ушу, но никто из них никогда не становился патриархом китайского стиля! Ведь это означало, что истинная линия ихэмэньцюань навсегда уходит из Китая в Японию вместе с её патриархом.

Обратим внимание на дату этого события – 1936 год. Японцы уже несколько лет как оккупировали Маньчжурию, через год начнётся семилетняя китайско-японская война, и, естественно, отношение китайцев к японцам было далеко не самым тёплым. И вот именно в это время по Китаю свободно разгуливает японец, обучается в закрытых китайских школах и к тому же становится патриархом одной из них! Это почти фантастика...

Что же на на самом деле происходит с японцем Сё Досином во время китайско-японской войны? Сие покрыто мраком тайны: официальные биографии Сё Досина об этом молчат. Некоторые источники утверждают, что в последний период войны он был арестован и попал, как Ямагути Гогэн, в один из советских лагерей на территории то ли Маньчжурии, то ли Монголии. По другим, менее правдоподобным сведениям, благодаря связям в тайных обществах ему всё же удалось бежать в Японию. В любом случае об этом периоде своей жизни он предпочитал не распространяться. А вот дальнейшая его судьба известна намного лучше, ибо это история триумфа Сё Досина как духовного проповедника и мастера кэмпо.

Весной 1946 г. репатриированный Сё Досин возвращается в Японию, которая лежит в руинах. Сейчас трудно сказать, какие мысли обуревали несостоявшегося монаха и воина Сё Досина, но сэппуку, в отличие от Ямагути, он совершать не собирался. Сё Досин решает посвятить себя возрождению японского духа на основе тех знаний, которые он почерпнул в течение своей полной приключений жизни.

Сё Досин считает себя прежде всего буддийским проповедником (хотя формально буддийским монахом не является) и стремится приобщить молодёжь к вечным истинам Будды. Он принимает решение проповедовать особый тип буддийской доктрины, внешней стороной которой является боевое искусство. Осенью 1947 г., всего лишь через год после возвращения на родину, он провозглашает создание нового направления будо, которое называет Сёриндзи-кэмпо «Кулачное искусство Шаолиньского монастыря». Полностью его школа называлась гордо и несколько вызывающе по отношению к китайцам: «Японское общество истинного северного шаолиньского кулачного искусства».

Японцы были поражены. Прежде всего Сёриндзи-кэмпо было зарегистрировано не как школа боевых искусств, но как религиозная организация. Все последователи Сё Досина должны быть упасаками, т. е. теми, кто, не принимая монашеский постриг, остаётся в миру и почитает три «буддийские драгоценности»: Будду, его учение (дхарму) и принципы

монашеской общины (сангха).

Немалое удивление вызывало и то, что Сё Досин возрождал китайскую традицию, от которой так упорно в течение двух десятилетий отказывалось каратэ. Ведь Япония проиграла Вторую мировую войну, в том числе и Китаю. Естественно, что отношение к Китаю да и вообще ко всему китайскому в то время было далеко не самым благожелательным. Но Сё Досин убедил власти, что речь в данном случае идёт не о Китае как политической силе, но о древнейшем сплаве боевых искусств и буддизма, т. е. о культурной и духовной традиции, органично вошедшей в культуру Японии. Сё Досин возвращался к изначальным, незамутнённым истокам трансцендентной мудрости.

Сё Досин выступает не столько как мастер боевых искусств, сколько как духовный проповедник. Его могучая фигура, наголо обритая голова и чёрная борода запоминались многим, равно как на многих действовала чарующая сила его проповедей. Активно используя мифологическую версию рождения чань-буддизма и боевых искусств от единого истока – от Бодхидхармы, Сё Досин объяснял, что именно Бодхидхарма принёс в мир три принципа, на которых базируется Сёриндзи-кэмпо. Тремя принципами, или по аналогии с буддизмом «тремя сокровищами», являются крепкое здоровье, твёрдый дух и миролюбивый характер. И чтобы постичь всю глубину этой мудрости, необходимо параллельно следовать двумя путями. Первый путь – овладение духовным учением Конго-дзэн, которое разработал сам Сё Досин на основе правил китайской боевой морали и буддийских заповедей. Второй – изучение особого типа физического воспитания, или гимнастики «физического тела» (*эккингё*), важнейшей частью которой и являются боевые искусства. Кстати, на первых порах, когда во времена американской оккупации Японии преподавание будо не поощрялось, боевое искусство Сё Досина фигурировало именно под названием гимнастики Эккингё.

Настоящим монахом Сё Досин не был, и это могло помешать успеху его проповедей. Но в 1951 г. он принимает монашеский сан в токийском храме Дамо – Дамодзи (Бодхидхармы) и становится личным учеником известного дзэнского учителя Иямы.

С ростом популярности Сёриндзи-кэмпо в небольшом городке Тадоцу (префектура Кагава на острове Сикоку) началось строительство грандиозного дзэнского храма Сёриндзи – японского «Шаолиньского монастыря», который он во многом и копировал. Здесь же расположились четыре огромных тренировочных зала, вмещающих полторы тысячи учеников. Именно в храме Сёриндзи и располагается сегодня штаб-квартира (хомбу додзё) Сёриндзи-кэмпо.

Как же относились к деятельности Сё Досина родоначальники шаолиньской традиции – китайцы? Не смущало ли их, что Сё Досин пытался монополизировать преподавание шаолиньского стиля, пока в Китае в 1966 – 1976 гг. шла «культурная революция» и китайцам было не до ушу?

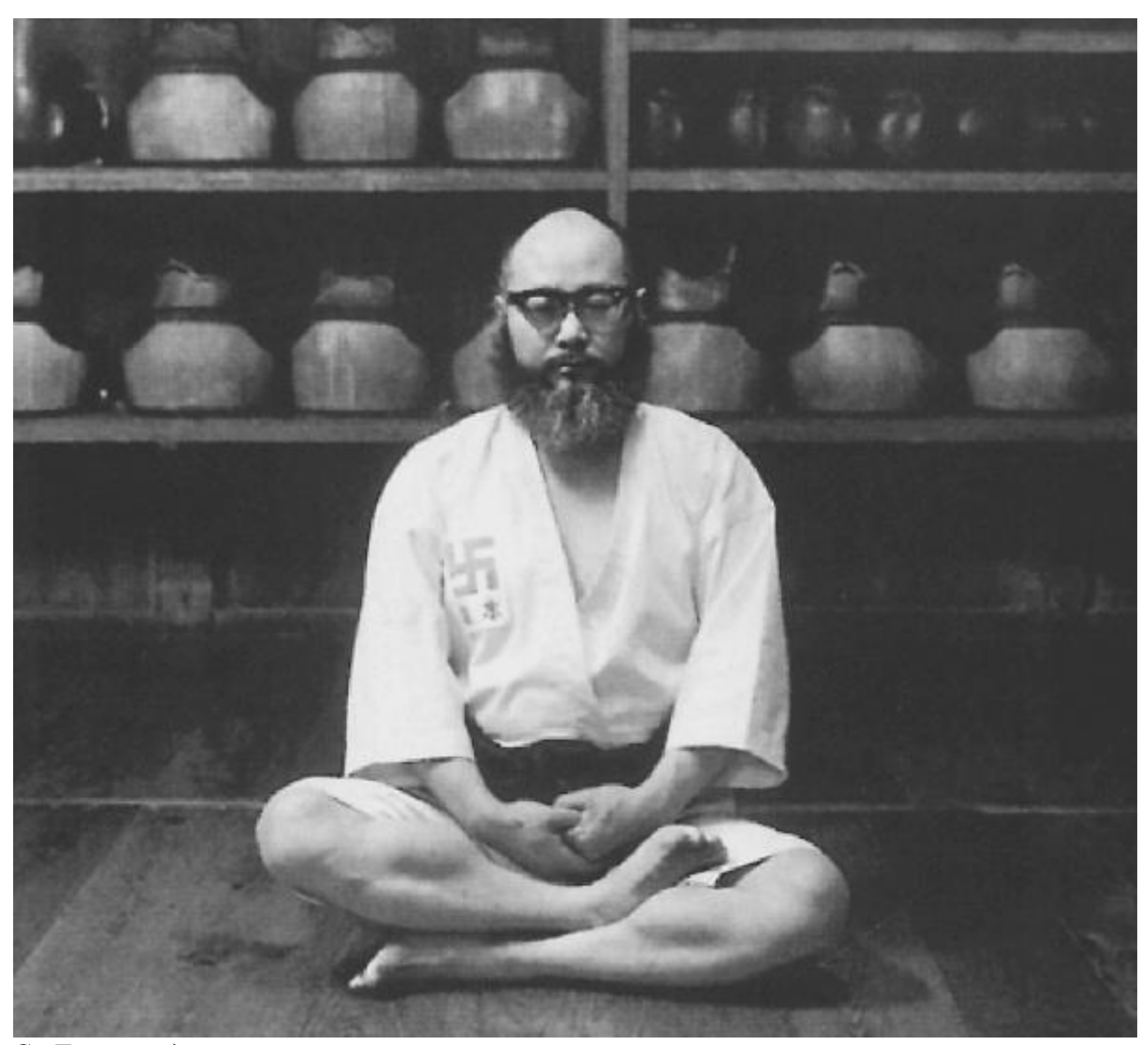
В 1969 г. Сё Досин совершил поездку по странам Запада, где активно пропагандировал шаолиньское искусство, правда, его японскую версию. Разумеется, не все китайские мастера шаолиньской традиции готовы были согласиться с таким положением вещей. Да и сама биография Сё Досина, составленная с его слов, вызывала немало сомнений. В частности, упоминаний о мастере Вэнь Тайцзуне не нашли в китайских анналах. Была и ещё одна претензия: его стиль мало напоминал то шаолиньское искусство, которым занимались монахи в монастыре. Вероятнее всего, связь школы, в которой занимался Сё Досин, с Шаолинем была скорее мифологической.

Но как Вэнь Тайцзун, не являясь шаолиньским монахом, мог в 1936 г. привести японца в Шаолиньский монастырь, где тот якобы получил посвящение? Да и о каком посвящении в шаолиньские монахи могла идти речь, если Сё Досин ни дня не обучался в Шаолине, к тому же монастырь тогда наполовину лежал в руинах, так и не оправившись после пожара 1928 г.?

И тем не менее Сё Досин страстно желает получить официальное признание от китайских патриархов шаолиньского ушу. С 1975 по 1979 гг. он три раза приезжал со своими учениками в Китай и демонстрировал искусство Сёриндзи-кэмпо. Но патриархи Шаолиньсы

молчали и, насколько известно автору этих строк, хорошо знали истинную историю обучения Сё Досина в Китае.

В конце концов сыграли свою роль чисто политические мотивы: Китай стремился наладить дружественные отношения с Японией, а Сё Досина поддерживала токийская политическая верхушка. И через некоторое время Сё Досину разрешили провести показательные выступления на площадке перед Шаолиньсы (но не внутри его!).



Сё Досин медитирует

К приезду Сё Досина Шаолиньский монастырь был специально отреставрирован, в нём вновь поселилась монашеская братия во главе с Дэчанем, одним из самых талантливых настоятелей за всю историю этой обители. Именно Дэчань и принимал Сё Досина как первого посланника боевых искусств Японии в Китае.

Непривычно было видеть перед воротами Шаолиньского монастыря японцев, одетых в белые кимоно с чёрными поясами и свастиками на левой стороне груди (знак Сёриндзи-кэмпо), слаженно демонстрирующих японскую версию китайского искусства. Весьма поразила китайцев и та удивительная жёсткость, с которой японские бойцы выполняли свои парные комбинации. Как уже говорилось, в Сёриндзи-кэмпо не существует столь милых китайскому сердцу комплексов; всё обучение построено на коротких, в основном парных, связках, изобилующих бросками и заломами рук. В то время в Китае спортивные поединки ещё не поощрялись; не проводились даже официальные соревнования по контактному ушу (*саньда*), запрещённые во времена коммунистической реформы ушу в середине 50-х гг. Нетрудно догадаться, сколько восхищения вызывали эти короткие яростные схватки у

китайцев, хотя, признаться, их видел лишь крайне ограниченный круг высокопоставленных лиц.

За несколько лет до этого подобные поединки поразили французов и американцев. Увидев новый для них вид боевых искусств, западные зрители по привычке причислили его к каратэ. Необходимо специально отметить, что ни Сё Досин, ни его последователи не признавали и не признают применения понятия «каратэ» по отношению к Сёриндзи-кэмпо, а к самой системе каратэ относятся довольно скептически.

Бойцы Сёриндзи-кэмпо проводят бой в одеждах, имитирующих рясу странствующего буддийского монаха-воина: на белое кимоно надевается некое подобие чёрной рясы без рукавов, длиной до середины голеней, и особым образом подвязывается толстой белой верёвкой. Такое монашеское одеяние выглядит весьма эффектно во время показательных выступлений, хотя на тренировках бойцы упражняются в обычных белых кимоно.

В Китае Сё Досин выступает не столько как патриарх, сколько как прилежный ученик и талантливый преемник именно китайской шаолиньской традиции. Почти десять лет Сё Досин добивается официального признания со стороны истинной шаолиньской школы. Он понимает: по восточной традиции, пока не получено такое признание, его школу могут всегда обвинить в самозванстве.

Сё Досин избирает довольно хитрую тактику: он выступает не только как носитель китайского кэмпо в Японии, но и как создатель некоего «моста дружбы» между двумя странами, что для Китая тогда было немаловажно – страна после «мрачного десятилетия смуты» оказалась практически в полной культурной изоляции.

И наконец долгожданный день наступил. 21 апреля 1980 г. в Северном Шаолиньском монастыре в горах Суншань была установлена «памятная стела возвращения в горы». Под «возвращением в горы» символически подразумевалось принятие человека «истинной школой» ушу в своё лоно. Текст для стелы был составлен лично настоятелем Дэчанем, а монах-боец Дэцянь, будучи прекрасным каллиграфом, выполнил надпись. Воспроизведём полностью текст на этой стеле, которая стоит сегодня в первом дворе Шаолиньсы, одна из последних в левом ряду подобных ей, – ведь эта надпись является своеобразным «символом веры» Сёриндзи-кэмпо:

«Он вошёл в чаньское братство в горах Суншань и обрёл совершенство в шаолиньском кулачном искусстве. Вернувшись на родину, он создал японское Сёриндзи-кэмпо для того, чтобы традиционная китайская культура пустила корни в Японии, дала цветы и плоды. Учитель Дхармы (почётное обращение к буддийскому наставнику. – *А. М.*) преподавал в Японии шаолиньский метод кулачного искусства, а также служил развитию дружбы между Китаем и Японией, к тому же он повёл за собой людей и в практической деятельности (т. е. в занятиях кэмпо. – *А. М.*). В апреле 1979 г. Учитель Дхармы, после того как более сорока лет назад спустился с гор (т. е. покинул Шаолиньский монастырь. —

А. М.), вновь посетил это место. Ради сотен тысяч японских бойцов шаолиньского искусства он горячо стремился содействовать подъёму китайско-японской дружбы».

Итак, Сё Досин был официально признан носителем истинной шаолиньской традиции, он назван «фаши» – Учителем Дхармы, а значит, китайские мастера признали его и как последователя дзэн-буддизма. Важно и другое – в надписи на стеле несколько раз упоминается его роль в укреплении дружбы между Китаем и Японией. Поэтому не будем сбрасывать со счетов и политическое значение такого мероприятия. Школа Сёриндзи-кэмпо ликовала; с установлением памятной стелы Сё Досина поздравили восемь членов японского кабинета министров во главе с его руководителем.

Сегодня Сё Досин внесён в официальные хроники монахов-бойцов Шаолиньского монастыря, в раздел «миряне – последователи Шаолиньского монастыря» наряду с тремя японскими монахами, которые около ста лет назад учились в Шаолине. Правда, сам Сё Досин считал себя «монахом в миру» (*нодо*).

Увы, Сё Досин не успел насладиться своим триумфом. 12 мая 1980 г., меньше чем через месяц после установления памятной стелы, основателя Сёриндзи-кэмпо не стало. Но

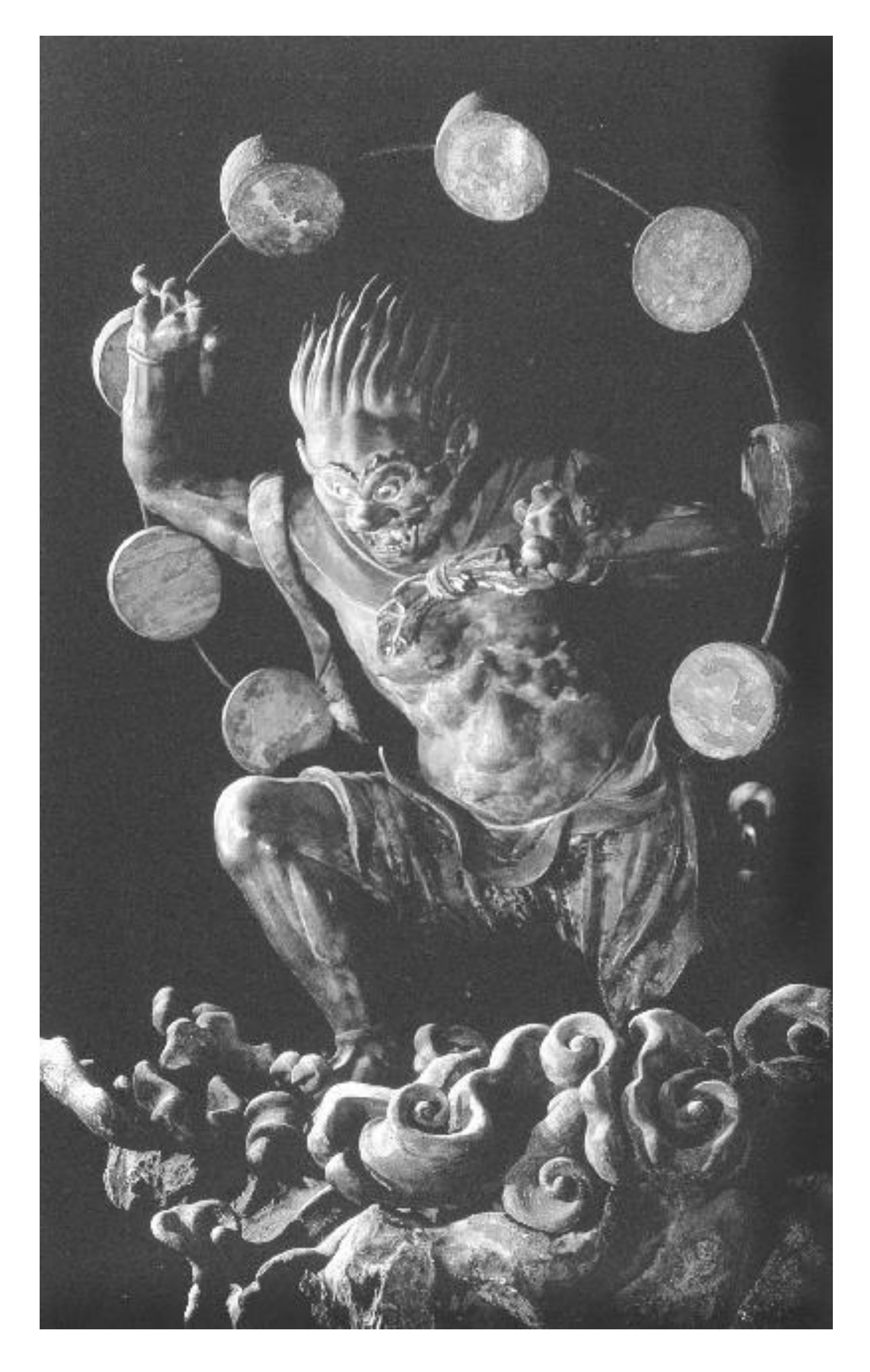
он успел сделать многое – больше, чем полагается человеку его судьбы.

Во время своей последней поездки он договорился с прежним настоятелем Шаолиня Дэчанем, что тот возьмёт дочь Сё Досина – Сё Юки-сан в приёмные дочери. И настоятель выполнил своё обещание. Сегодня руководитель Сёриндзи-кэмпо Сё Юки-сан является официальной приёмной дочерью настоятеля Шаолиньсы преподобного Суси. Каждый год, в годовщину отбытия Сё Досина в Японию после установления памятной стелы, госпожа Сё Юки-сан посещает Шаолиньский монастырь и возжигает благовония в честь своего отца.

УЧЕНИЕ КОНГО-ДЗЭН: ЕДИНСТВО СИЛЫ И ЛЮБВИ

Сё Досин унаследовал не только китайский стиль, но и во многом тот духовный климат, который присущ китайскому ушу. Однако, следуя чисто японской традиции, Сё Досин сводит духовные, философские и практические принципы своей школы в стройную систему, которую называет Конго-дзэн. Она и стала духовной основой Сёриндзи-кэмпо, и сегодня обучение боевым искусствам этого направления немыслимо без понимания философских истин Конго-дзэн.

Термин «Конго-дзэн» можно перевести как «алмазная медитация», «алмазный дух». Сами последователи Сёриндзи-кэмпо при переводе на европейские языки дают следующую трактовку термина: «Разум, твёрдый как алмаз». Хотя термин «дзэн» (медитация, самопогружение, духовное подвижничество) мало сопоставим с европейским понятием «разум», тем не менее на самом примитивном уровне можно признать такой перевод допустимым.



Сам Сё Досин объяснял суть Конго-дзэн так: ««Конго» означает «алмаз», а «дзэн» – школу Бодхидхармы. Это учение, которое преимущественно основывается на том, что царствие небесное лежит внутри человека... Конго-дзэн – это новая философия, направленная как внутрь, так и наружу, совмещающая мягкость с твёрдостью, сострадание – с силой» [182].

Конго-дзэн – это прикладная философия боевых искусств, которую сегодня нельзя встретить ни в каратэ, ни в дзюдо. Её трудно назвать оригинальным философским учением, ибо все принципы Конго-дзэн представляют собой набор постулатов из китайской школы чань-буддизма и частично из конфуцианства. И тем не менее это ничуть не умаляет заслуги Сё Досина; он никогда не скрывал, что Конго-дзэн – по сути переработанные правила «боевой морали» (*удэ*) китайских школ ушу, где он обучался.

Существует несколько базовых постулатов Конго-дзэн. Кратко они формулируются следующим образом: ответ на все вопросы заключён в самом человеке; соблюдение единства кулачного искусства и духовной практики; соблюдение единства силы и любви; жить наполовину для себя, наполовину – для других.

Конго-дзэн утверждает, что лишь сам человек – только он один – и прямо, и косвенно

ответствен за своё счастье и благополучие. В мире, где живёт каждый из нас, существуют три взаимодействующих начала: индивид, природа и общество. Их взаимодействие и определяет выживание человека. Многие люди обвиняют во всех своих несчастьях общество, социальную среду, неумелых политиков и бездарных правителей, т. е. винят общество и именно от него ждут улучшения своего существования. Другие же, наоборот, склонны видеть исток всех своих бед, равно как и удач, в природном мире или в надприродном начале, например в Боге.

Всё это лишь бегство от самого себя, боязнь взвалить на себя ответственность за решение своих проблем. Сёриндзи-кэмпо утверждает, что каждый человек сам себе судья, сам несёт ношу своих хороших и дурных поступков. «Индивидуум должен прежде всего отвечать перед самим собой», – учил Сё Досин.

Если человек осознал свою личную роль и миссию в этом мире, он может постичь и другой принцип учения Конго-дзэн, который постулирует древнейший лозунг боевой и чань-буддийской практики о единстве тела и духа. В трактовке Сёриндзи-кэмпо он звучит так: «Кулачное искусство и духовная практика едины» («кэн дзэн но ити»). Кулачное искусство (*кэн*) в данном случае представляет собой как бы внешнее начало в человеке; благодаря ему достигается телесное здоровье. Внутреннее начало (*дзэн*) совершенствует дух человека, очищает и успокаивает его сознание, сводя воедино, таким образом, боевую практику и духовное учение внутри одного человека.

Сё Досин проповедовал, что существует две крайности, которые в равной степени страшны как для тела, так и для духа. Первая – это невыдержанность, вседозволенность, желание получить максимальное удовольствие, когда наслаждение от действия или какого-то времяпрепровождения становится целью жизни. В боевых искусствах это может проявляться в желании нанести вред партнёру или даже в мысли о том, чтобы «стать самым сильным и одолеть всех». Здесь плоть побеждает дух, а тонкое чувствование и духовное мировосприятие уступает место силе, грубости и невоспитанности.

Но существует и другая крайность – аскетизм, истощение физического начала. В конечном счёте человек сильно ослабевает, и далеко не очевидно, что он сможет реально прийти к очищению своего сознания. А это значит, что надо придерживаться важнейшего правила «Золотой середины», или «Срединной гармонии», которое является продолжением уже известного нам принципа единства тела и духа.

Во время занятий боевым искусством следует одновременно работать и над своим телом, и над своим духом. Это и есть истинное «единство внешнего и внутреннего», помысла и действия, духа и тела.

Наша жизнь значительно сложнее, чем любая теория. В ней разрушительное начало сочетается с творческим, созидательным. Деструктивное и творческое начала идут не поочерёдно, не друг за другом, но проявляются одновременно. За счёт этого в мире и устанавливается «Срединная гармония», которую проповедует шаолиньская школа боевых искусств.

Например, когда боец защищает слабую женщину от нападения насильника, он действует и как разрушитель (по отношению к бандиту), и как созидатель (по отношению к женщине). Он может одновременно нести и добро и зло – важно, чтобы они уравновешивали друг друга.

Отсюда вытекает и следующий принцип: «Сила и любовь не противоречат друг другу» («рики ай фуцзи»). Трактуя его, Сё Досин упоминает об изначальном значении иероглифа «бу» (боевой, военный) в словах «будо» и «бу-дзюцу». В древности в Китае он состоял из двух частей, или графем: «остановить» (*чжи*) и «клевец» (*гэ*). Это обнаруживает некое «защитное» начало в самой сути боевых искусств, некую внутреннюю гуманность и любовь к людям. Правда, отметим, что в Древнем Китае никакого философского значения иероглиф «бу» (в китайском чтении «у») не нёс, а трактовался просто как «защитить себя».

Понятие «любви» (*ай)* в философии Конго-дзэн весьма многогранно и неоднозначно. Не вдаваясь во все подробности (на эту тему и в Шаолиньском монастыре, и в штаб-квартире

Сёриндзи-кэмпо читают лекции несколько недель), заметим, что речь идёт о глобальной, вселенской любви к людям. И нередко высшим проявлением любви может стать не только самопожертвование, но и умение решительно оградить людей от насильника. Поэтому «любовь» должна всегда сочетаться с «силой». Шаолиньские монахи читают специальную молитву; в ней они благодарят Будду за трудности и злых людей, которых встречают монахи на своём пути, – это позволяет им научиться воистину любить людей независимо от того, злые те или добрые. Монах-боец должен уметь в каждый момент жизни делать нравственный выбор, чтобы, находясь в мире самых разнообразных чувств, пороков и мелочных желаний, не дать замутиться своему сознанию и всегда относиться к людям с любовью, состраданием и милосердием.

Из постулата о союзе силы и милосердия вытекает ещё один важнейший принцип – «жить наполовину для себя, наполовину – для других». Человеку следует относиться ко всем окружающим людям как к партнёрам, как к друзьям. «Сёриндзи-кэмпо учит, что человек должен научиться думать о благополучии других, осуществляя свои собственные интересы», – заметил Сё Досин [182]. Человек, ослабленный неудачами, бедностью, близкий к отчаянию, вряд ли сумеет полноценно помогать другим людям. А следовательно, надо обнаружить тонкую грань бытия, не скатываясь ни к эгоизму, ни к беспочвенному альтруизму.

Из буддийской доктрины приходит основной символ Сёриндзи-кэмпо – «*мандзи* », который представляет собой свастику. Первоначально в Индии она была солнечным символом, «колесом солнца». В буддизме свастика начинает символизировать «колесо дхармы», т. е. бесконечность учения Будды. Придя в Китай, она понимается как в обычный иероглиф – «ва». Он означает бесконечную добродетель и милосердие Будды, сверхъестественную доброту, достичь которую может человек, следуя буддийскому учению.

Было бы неправильно считать, что именно сам Сё Досин решил ввести свастику в качестве символа Сёриндзи-кэмпо. В той китайской школе, где он обучался, свастика являлась магическим символом и имела весьма сложную трактовку. Именно её и повторил в своей проповеди Сё Досин.

В китайском понимании свастика является производным от изображения монады инь и ян, которая представляет собой круг, разделённый по вертикали изогнутой линией в форме «S» на две равные части – тёмную и светлую, символизирующие два противоположных начала мира. Эта символика двуединства мира присутствует и в свастике. К вертикальной изогнутой линии в круге прибавляется такая же горизонтальная линия, в результате чего образуется свастика, плавными линиями вписанная в круг.

Вертикальная линия в данном случае обозначает взаимосвязь Неба и Земли, которая проходит через человека. Горизонтальная – взаимодополнение инь и ян, а следовательно, силы и любви, жестокости и милосердия, физического и духовного начал в человеке.

Существует два типа свастики – с концами линий, загнутыми влево и вправо. В японских додзё Сёриндзи-кэмпо используются оба варианта. Концы линий, загнутые влево, символизируют мягкость, милосердие, буддийское сострадание, т. е. пассивное начало инь. Если же концы линий загнуты вправо, это обозначает твёрдость, движение, разум, силу.

Философия Конго-дзэн предполагает существование высшей, запредельной реальности, которая символически обозначается непрерывным кругом. Она не может быть выражена в обычных человеческих категориях – наш разум просто отказывается постичь её. Человек привык рассуждать о реальности в своих, привычных ему категориях. Он как бы насыщает её своими образами, мыслями, предметами и порой считает, что это и есть конечная реальность. Но, говорит Сё Досин, «конечная истина – это отнюдь не то, чего мы добились, она пребывает в самой себе. Хотя развитие знаний сделало человека способным открыть некоторые секреты Вселенной, но так же как из ковра нельзя выделить пригоршню нитей, так и абсолютная реальность всего сущего находится вне сферы человеческого познания» [182].

В этой истинной реальности не существует такого Бога, который говорит с людьми по

правилам, ими же созданными. Вообще нет никакой высшей силы, которая требует от человека повиновения, страха или поклонения.

Так что же должен делать человек, если не поклоняться высшему началу? Ответ один – постигать, познавать его через познание самого себя и окружающего мира. На это и направлена вся практика Сёриндзи-кэмпо.

КЭМПО – ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ УЧЕНИЯ КОНГО-ДЗЭН

Сё Досин смотрел на кэмпо как на практическое воплощение своего философского учения, которое должно проявляться не только в додзё, но и в каждый момент жизни бойца. Патриарх активно выступал против всяких «фокусов» в боевых искусствах, которыми так увлекались каратисты. Он считал, что всё это лишь отвлекает бойца от духовного развития, создаёт ненужную иллюзию силы и непобедимости, а самое главное – изменяет ценностную ориентацию человека. Он замечал, что «вместо того, чтобы бить черепицу, лучше уж ею покрыть крышу», а «из кирпичей лучше построить хороший дом, а не ломать их». Нетрудно понять, почему многие лидеры каратэ недолюбливали ироничного Сё Досина.

Современное Сёриндзи-кэмпо включает более 600 базовых технических действий и использует для атаки 142 жизненно важные точки тела. Весь технический арсенал Сёриндзи-кэмпо также построен по принципу взаимодополнения противоположностей. Он разделён на два больших направления: *гохо* – «жёсткое учение», или «жёсткие методы», и *дзюхо* – «мягкое учение», или «мягкие методы». Этот древнейший принцип взаимодополнения податливого и твёрдого, жёсткого и мягкого как воплощения начал инь и ян встречается во многих стилях каратэ, связанных с Китаем, например в Годзю-рю (здесь он даже отразился в названии стиля) и Уэти-рю. Сё Досин же подчинил этим двум началам всю структуру стиля.

К разделу гохо, т. е. к «жёстким методам», относятся удары и блоки, уходы корпусом, уклоны и нырки, а также десятки защитных действий. В Сёриндзи-кэмпо практически не встречаются жёсткие блоки «кость на кость». Сам принцип защиты здесь строится иначе: боец должен уйти корпусом с линии удара, а рукой лишь подстраховать свой уход. Существует около десятка таких уходов от ударов, например *кайсин* (уход вперёд – в сторону). Удары же наносятся в основном фронтальной стороной кулака, внутренней стороной сжатого кулака («лапа медведя» – *кумадэ-ути*), тыльной стороной кулака (*уракэн-ути*). Характерной особенностью является хитрый подбив кулаком снизу вверх во время соприкосновения с телом противника. Считается, что человеческое тело менее устойчиво к такому воздействию, чем к «ввинчиванию» кулака, которое практикуется во многих стилях каратэ.

Существуют и другие технические отличия Сёриндзи-кэмпо от каратэ. Например, прямой удар ногой, вынесенной вперёд (в Сёриндзи-кэмпо он называется не «маэ-гэри», как в каратэ, а «цзун-гэри»), выполняется не абсолютно по прямой, но немного вовнутрь, что эффективнее с точки зрения «обхода» защиты соперника. При любом ударе ногой особое внимание обращается на положение рук, которые должны полностью прикрывать корпус от возможной контратаки. Нет здесь и чисто «теоретических блоков». Например, верхний блок агэ-укэ, который в каратэ выполняется подъёмом предплечья над головой под прямым углом, здесь заменён резким отводящим движением под углом 45° вверх и в сторону. Это позволяет не открывать челюсть для удара противника, чем и опасен блок агэ-укэ, который в реальном бою практически не применяется.

Раздел дзюхо – «мягкие методы» базируется на многочисленных бросках, удержаниях, освобождениях от захватов и контрзахватах.

Характерной особенностью Сёриндзи-кэмпо является большое количество бросков, которые в основном выполняются за счёт мощного залома или выкручивания кисти противника. Все броски, а также связанные с ними захваты и удержания относятся к «мягким методам» кэмпо. В отличие от дзюдо, где противник падает за счёт потери равновесия, в Сёриндзи-кэмпо падение обусловлено чисто болевым эффектом: если противник не упадёт, у

него окажется сломана рука или вывихнуто запястье. Такие же болевые приёмы с броском могут выполняться за счёт воздействия не только на лучезапястный сустав, но и на локтевой и плечевой суставы.

Техника бросков в Сёриндзи-кэмпо разработана досконально и целиком базируется на китайской технике шаолиньских бросков. При её изучении прежде всего тщательно отрабатывается захват конечности противника. Любой бросок сочетает в себе несколько воздействий, например выкручивание запястья с вытягиванием противника на себя (*окури-гатэ*), давление на локоть (*дзюдзи-готэ*). Обычно перед каждым броском следует выполнять резкий удар пальцами по глазам, чтобы отвлечь противника.

Далее следует техника болевого удержания, дабы противник не смог встать и продолжить атаку. Существует несколько десятков таких удержаний.

Идеальным удержанием считается болевое удержание одной рукой, дабы иметь возможность вести бой с другими противниками. Бросок может заканчиваться также добиванием.

Другой важный раздел Сёриндзи-кэмпо составляет практика саморегуляции, называемая *сэйхо* . Она включает прежде всего дзэнскую медитацию в сидячем положении и регуляцию дыхания, что позволяет наладить в организме циркуляцию «ки». Дыхание в такой позиции обычно сопровождается небольшими задержками на вдохе, чтобы волевым импульсом опустить «ки» в центральную точку живота – *тандэн* . Обычный ритм дыхания сочетается с сердечным ритмом и может быть выражен формулой 7-3-4 (вдох – задержка – выдох), хотя встречаются и другие методы.

Помимо дзэнской медитации в сэйхо входят массаж «аммо», самомассаж, дыхательные упражнения в положении стоя и в движении, а также базовые навыки иглоукалывания и прижигания. Важнейшей целью сэйхо является не только регуляция здоровья бойца, но и выработка у него сверхчувствительности, способности заметить противника даже с завязанными глазами. В частности, проводится такой тест: боец, завязав глаза, садится в позу лотоса. Сзади него стоит второй боец, подняв над головой тяжёлую палку. Выждав несколько мгновений, он резко опускает палку на голову сидящего. Тот должен почувствовать удар и моментально отклониться в сторону. Раньше времени двигаться нельзя – это будет свидетельствовать о слабой воле, отсутствии выдержки и просто о трусости. Почувствовать такой удар можно, лишь достигнув предельной чистоты сознания, когда из него уходят все отвлекающие мысли.

В техническом плане Сёриндзи-кэмпо также сохранило структуру стиля ихэмэньцюань. Прежде всего в Сёриндзи-кэмпо отсутствует то, что и китайские, и японские мастера называли «осью, на которую насаживается колесо всей системы», – здесь нет формальных комплексов-ката. Они заменены короткими связками, выполняемыми в паре, в очень высоком темпе и порой в полный контакт. Называются эти связки *куми-эмбу* и могут включать от трёх-четырёх до нескольких десятков приёмов.

Куми-эмбу всегда воспроизводит следующую схему боя: атака со стороны нападающего (*сэмэтэ*), защита со стороны защищающегося (*маморитэ*) и его же контратака. Нападение может включать от одного удара (например, рукой в голову) до пяти-шести ударов руками и ногами, а контратака базируется на мощном ударе рукой в голову или ногой в живот либо на болевом приёме с броском. После этого противники расходятся, кланяются друг другу, складывая руки на уровне лица, и выполняют куми-эмбу в другую сторону.

Классические формы связок обязательно включают броски и удержания. Считается, что нападающий должен атаковать в полную силу, ясно представляя, куда направляется каждый удар. А вот защищающийся должен контролировать свою контратаку, в противном случае он может очень серьёзно травмировать нападающего.

Здесь проявляется один из базовых принципов Конго-дзэн: «Сила и любовь не противоречат друг другу». Важно смотреть на нападающего не как на врага, а как на человека, который помогает тебе совершенствоваться в боевых искусствах. Такова

важнейшая черта традиционного кэмпо, которая была присуща ушу, но практически утрачена в каратэ. Она заключается в том, что цель боевого искусства – воспитание уважения и любви к людям, ощущения высшей духовной ценности человеческой жизни. Это и есть внутреннее начало – «ай» («любовь»). А методом его воспитания, чисто внешней его оболочкой являются боевые искусства, или «рики» («сила»). Так, согласно философии Конго-дзэн, получающей практическое воплощение и в связках куми-эмбу, и в повседневной жизни, достигается единство воспитания тела и духа «кэн дзэн но ити».

Хотя большая часть технического арсенала Сёриндзи-кэмпо пришла из Китая, вряд ли сегодня можно найти китайский стиль ушу, который точно воспроизводил бы этот вид японского кэмпо. Система Сё Досина несколько изменилась по сравнению со своим китайским прототипом и представляет собой уже не его копию, но вполне самостоятельное, оригинальное направление. По признанию самого патриарха, сегодня в Сёриндзи-кэмпо можно встретить приёмы из каратэ, дзюдо, кэндо и даже сумо.

В Сёриндзи-кэмпо введены приблизительно такие же пояса и обозначения ступеней мастерства, как и в каратэ. Правда, и здесь есть заметное отличие, которое обусловлено большим тяготением к традиционному осмыслению мастерства. Дело в том, что вначале в каратэ и в дзюдо было меньше поясов. Использовались три цвета: чёрный – для обозначения мастерских степеней (*сэнсэи*), коричневый – для инструкторов и старших учеников (*сэмпаи*), белый – для простых учеников. Сегодня такая градация сохраняется лишь в Сёриндзи-кэмпо; от неё как от слишком простой и не стимулирующей учеников к продвижению вперёд отказались даже окинавские школы каратэ. Но Сёриндзи-кэмпо меньше всего считает себя просто школой боевых искусств, а поэтому здесь стараются не отвлекать своих последователей на такую чепуху, как стремление к чисто внешним атрибутам вроде званий и поясов.

Но вот детям в Сёриндзи-кэмпо предлагается система поясов (более разнообразных по цвету), в основном совпадающая с системой цветных поясов в каратэ. Это неудивительно – детям трудно постичь духовные тонкости и осознать эзотерическую сущность мастерства в Сёриндзи-кэмпо, а поэтому на первых порах их надо просто приобщить к занятиям боевыми искусствами и стимулировать детский интерес.

Существует ещё одно важнейшее отличие градации мастерства в Сёриндзи-кэмпо, обусловленное самой логикой этого направления. Дело в том, что цвет пояса здесь означает только технический уровень мастерства, а вот уровень духовного развития и теоретической подготовки обозначается цветом нагрудной свастики. Сама структура Сёриндзи-кэмпо нацелена на то, чтобы воспитывать как блестящих бойцов, так и теоретически «подкованных», духовно гармоничных людей.

Градация мастерства в Сёриндзи-кэмпо (в скобках – цвета детских поясов)

Степень	Цвет пояса	Цвет нагрудной свастики	Звание
6-й кю	белый	зелёный	ученик
5-й кю	белый (жёлтый)	зелёный	ученик
4-й кю	белый (зелёный)	зелёный	ученик
3-й кю	белый (синий)	зелёный	ученик
2-й — 1-й кю	коричневый	зелёный	старший ученик
1-й — 2-й дан	чёрный	чёрный	инструктор
3-й — 4-й дан 5-й — 6-й дан	чёрный чёрный	красный жёлтый	мастер мастер
7-й — 9-й дан	чёрный	оранжевый	мастер

От сочетания цвета пояса и цвета свастики, а точнее, от сочетания технического, теоретического и духовного уровня адепта Сёриндзи-кэмпо зависит и его «продвижение по служебной лестнице» в этом стиле. Например, вести тренировки разрешается лишь обладателям 1-го или 2-го дана и чёрной свастики, а руководить филиалом разрешается лишь тому, кто имеет дан не ниже 4-го и красную свастику.

Степени эволюции кэнси (кулачного бойца) от простого ученика до мастера в основном повторяют китайскую градацию мастерства в монастырском шаолиньцюань (существует и светская традиция шаолиньцюань). Путь этот долог и требует немалого терпения. В частности, для получения 4-го дана требуется по крайней мере 12 лет занятий, а 5-го дана – более 15 лет. Если в классическом каратэ считается, что уже с 4-го дана мастер овладел всеми премудростями техники, а остальные звания присуждаются лишь за «большие заслуги в развитии каратэ», то патриархи Сёриндзи-кэмпо утверждают, что только с 5-го дана последователя можно посвящать в настоящие тайны техники кэмпо. Так воспроизводится древнейшая черта традиции боевых искусств – закрытая передача Истины лишь на высших этапах занятий.

Присуждению новой степени сопутствует строгий экзамен. Вплоть до 2-го дана аттестацию могут проводить руководители филиалов Сёриндзи-кэмпо. Но начиная с 3-го дана, экзамены сдают только в штаб-квартире Сёриндзи-кэмпо в Тадоцу.

Экзамен состоит из нескольких частей. Прежде всего демонстрируется базовая техника ударов, блоков, движений корпусом и передвижений (*кихон*). Затем следует работа в паре, которая состоит из заданных и заранее подготовленных связок куми-эмбу и свободных связок дзюкуми-эмбу, фактически представляющих собой свободный поединок.

К началу 70-х годов в Японии насчитывалось всего лишь около 300 тыс. последователей Сёриндзи-кэмпо при нескольких миллионах занимающихся каратэ.

Но затем происходит настоящий прорыв – количество занимающихся в некоторых додзё Сёриндзи-кэмпо возрастает в десятки раз. Этот феномен можно объяснить не только активной пропагандой, но и тем, что японские, а вслед за ними и западные энтузиасты боевых искусств начали убеждаться в том, что в каратэ отсутствует реальная духовная глубина.

В 1984 г. была создана Всемирная федерация Сёриндзи-кэмпо (Сэкай Сёриндзи-кэмпо

рэнго). И всё же в ней представлено пока гораздо меньше стран, чем в других ассоциациях боевых искусств. Сегодня в неё входят более 20 национальных организаций, объединяющих 360 отделений, в том числе организации Сингапура, Индонезии, США, Германии, Италии и других стран. Для сравнения: созданная в 1994 г. Международная ассоциация шаолиньских боевых искусств со штаб-квартирой в Шаолиньском монастыре включает около 50 национальных организаций.

На сегодняшний день Сёриндзи-кэмпо насчитывает около 1,5 млн последователей. Примечательно, что в Японии насчитывается 2600 отделений – в несколько раз больше, чем во всех других странах мира вместе взятых. Штаб-квартира Сёриндзи-кэмпо по-прежнему располагается в Тадоцу, на острове Сикоку, а руководит Всемирной федерацией Сёриндзи-кэмпо дочь патриарха Сё Досина госпожа Сё Юки-сан. Здесь же издаются специальная газета «Сёриндзи-кэмпо», журнал «Архан» (т. е. «Архат» – ближайший ученик Будды), выходит множество книг и методических пособий.

Сегодня филиалы Сёриндзи-кэмпо действуют в 27 странах мира. Открытие такого филиала связано с определёнными сложностями, что объясняется жёсткой структурой самой организации. Последователь должен сдать экзамен на 3-й дан в Хобму (штаб-квартире), после чего получает звание «сибутё» – «руководитель филиала». Одним из современных лидеров Сёриндзи-кэмпо является Накано – один из лучших специалистов и ближайший ученик Сё Досина. Центром преподавания по-прежнему считается Академия, которую возглавляют Ямадзаки, генеральный секретарь Федерации Сёриндзи Кэмпо и технический директор Мацуда.

...Мы входим в святыню японского Сёриндзи-кэмпо – храм Сёриндзи. Перед входом нас встречает бронзовый памятник Сё Досину, чей прах покоится в глубине монастыря под надгробием, выполненным из дорогого чёрного мрамора. Хотя считается, что храм представляет собой точную копию китайского Шаолиньского монастыря, это не совсем так – воспроизведён лишь принцип планировки.

Посетитель проходит семь врат, символизирующих семь этапов восхождения Будды к просветлению. На территории монастыря располагаются музей истории Сёриндзи-кэмпо, учебное заведение для старших учеников и инструкторов, четыре огромных зала, молельни, кумирни. В храме Сёриндзи всё оборудовано по последнему слову техники, чего нельзя сказать о его китайском «старшем брате», где традиция довлеет над модернизацией.

Проповедь Сё Досина и его философия Конго-дзэн быстро переступили границы чисто боевых искусств. Сам патриарх считал, что его философия может стать универсальным учением, которое ведёт к установлению гармонии и мира на всей планете. Одним из важнейших постулатов Конго-дзэн является уважение людей друг к другу. Оно может проявляться как в малом – допустим, на тренировке по отношению к партнёру, – так и в глобальном, например, по отношению к людям других наций и вероисповеданий. В конце жизни Сё Досин, оперируя буддийскими терминами, перешёл к принципам экуменической философии, «единой религии человечества».

В поздний период жизни Сё Досина волновало то, что само развитие общества, его урбанизация в конечном счёте могут привести к утрате самого главного, что есть в человеке, – человечности. Индивидуальность, духовная свобода человека оказываются подчинены государству, а точнее – безликой бюрократии. Это создаёт угрозу появления «человека без лица». И всё же люди по-прежнему способны создать лучший мир, и никто не сможет воспрепятствовать им, если только они сами не захотят утратить свою духовную свободу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Видение исчезло, но при мне осталась чистая совесть.
Вольтер

Боевые искусства в Восточной и Юго-Восточной Азии – в Китае, Японии, Корее, Вьетнаме – сформировали особый тип культуры со своими героями, философскими понятиями, нравственными категориями, литературой, ритуалами и культами. Подобного явления мы не встретим на Западе – ни в той цивилизации, истоки которой в античности, ни в той, что покоится на византийской духовности.

Стоит задуматься: что осталось, допустим, в современном дзюдо от японской традиции? Стилизованные кимоно, японская терминология – вот, в сущности, и всё. То, что многие считают «философским учением», «дзэнской практикой в боевых искусствах», на поверку оказывается явными передержками, нередко предназначенными специально для людей Запада.

Современный мир японских боевых искусств оказался полон ритуалов, которые давным-давно утратили своё внутреннее духовное содержание. Это «опустошение» нельзя однозначно назвать ни положительным, ни отрицательным, так как оно обусловлено логикой развития культуры.

Примечательно, что для японцев занятия древними бу-дзюцу (например, боем на мечах кэндо или стрельбой из лука кюдо) символизируют непосредственное приобщение к своей традиции. История показала, что многие направления и китайского ушу, и японского бу-дзюцу становились некими «типовыми формами» ритуала. Уже с XVII в. самураи обращали большее внимание на то, чтобы движения мечом были «сообразованы с ритуалом», чем на прикладную, практическую ценность этих движений. Не случайно, что во многих современных школах каратэ и айкидо больше всего внимания уделяется соблюдению ритуалов и дисциплине, и лишь доверчивые западные поклонники ищут здесь «самое эффективное искусство боя».

Обратим внимание: многие приёмы в каратэ, айкидо, традиционном дзюдо превращены в символы – например, в символическое исполнение блока, залома руки или броска. И в конечном счёте для японского последователя бу-дзюцу всё это становится символом приобщения к культурной традиции предков-самураев, а не обучением реальному бою. Именно поэтому столь популярны в Японии древнейшие виды боевых искусств – кэндо, сумо, кюдо, хотя, казалось бы, реальной сферы применения у них нет. На самом же деле для сознания японца их эффективность вполне ощутима – только в сфере метафизической, символической, как мост в своё прошлое.

При этом о духовном и нравственном совершенствовании речь не идёт, поскольку достижение ощущения общности с традицией и духовное подвижничество – явления абсолютно разного порядка. А вот европейцы, для которых японская история никак не может быть родной, ищут в бу-дзюцу именно духовную глубину. Порой забавно выглядит то, как на Западе люди тщательно копируют строгие ритуалы иай-дзюцу («искусства одного удара мечом»), в сущности не понимая, что те означают. Ещё более забавным может выглядеть увлечение, допустим, ниндзюцу, традиционные формы которого включали, как уже упоминалось в этой книге, искусство штурма замков и отравления. Если первое скорее всего вряд ли понадобится современному человеку, то второе явно вступает в противоречие с законом и нравственностью. А поэтому под видом ниндзюцу преподают всё что угодно, мало задумываясь о том, соответствует ли это традиции. Впрочем, такую картину можно наблюдать и в ушу, и в каратэ, и в дзюдо, которые превратились просто в виды спорта.

Восточные боевые искусства в отличие от западного бокса или кикбоксинга не

сводимы к голому техницизму и живут именно за счёт ауры, образованной мифами и историческими преданиями. В этом их суть и внутренний смысл. Правда, здесь же находится и ловушка, в которую попадают многие энтузиасты. Мифы и легенды дают иллюзию вступления на путь духовных открытий, хотя в реальности это далеко не всегда так – прежний иэмото (мастер) как живое воплощение традиции явно отличается от современного тренера.

В конечном счёте боевое искусство всегда таково, каковы его носители, какова культура их сознания и дисциплина тела. Если раньше внутренняя традиция, царившая в Китае и Японии, позволяла каким-то образом отсекать людей случайных и чуждых миру ушу или бу-дзюцу, то сегодня приходится рассчитывать лишь на личную нравственность и духовную гигиену.

Ушли в прошлое звон самурайских доспехов и хитроумные уловки ниндзя. Но боевые искусства не умирают – они трансформируются, обретают новые формы. Многое кануло в Лету, что-то стало достоянием спорта и коммерции. И всё же боевые искусства – не только прошлое восточной традиции, но и её будущее. Путь Воина – мудреца и носителя традиции продолжается.

ГЛОССАРИЙ

Периодизация истории Японии

Асука (также Суйко) (552 – 645 гг.)
Нара (646 – 794 гг.)
Ранний период (646 – 710 гг.)
Ранний Хэйан (также Дзеган или Конин) (794 – 898 гг.)
Хэйан (898 – 1185 гг.)
Камакура (1185 – 1333 гг.)
Муромати (1333 – 1573 гг.)
Наньбокусё (Южного и Северного двора) (1333 – 1392 гг.)
Сэнгоку цзидай (Годы Воин) (1467 – 1573 гг.)
Момояма (1573 – 1615 гг.)
Эдо (1615 – 1867 гг.)
Мэйдзи (1868 – 1912 гг.)
Тайсё (1912 – 1926 гг.)
Сёва (1926 г. – до настоящего времени)

Мастера восточных боевых искусств

Азато Анко (Ясузато) – 1827–1906 – окинавец, один из руководителей школы Сюри-тэ, учитель Фунакоси Гитина.

Акаяма Сиробэи (XVII в.) – врач из Нагасаки, обучавшийся в Китае, предположительно создатель школы Ёсин-рю дзю-дзюцу.

Араки Матаэмон (начало XVII в.) – мастер дзю-дзюцу, основатель школы Араки-рю.

Асакура Тосикагэ (XV в.) – известный самурай, создатель одного из кодексов Бусидо «Уложение в семьдесят статей» (1480 г.).

Бокудэн Цукахара (XVI в.) – знаменитый мастер фехтования на мечах.

Гима Макото – ученик Фунакоси Гитина, первый обладатель чёрного пояса в каратэ, стиль Сётокан.

Дзэндзюбо Сугитани (XVI в.) – ниндзя, прославившийся меткой стрельбой из аркебузы. Казнён после неудачного покушения на Оду Нобунагу.

Икубо Цунэтоси (конец XIX в.) – мастер по школам Кито-рю и Ёсин-рю дзю-дзюцу, учитель основателя дзюдо Кано Дзигаро.

Исокаи Дзиродзаэмон (XVII в.) – по преданию, ученик китайского мастера Чэнь Юаньюня, основатель школы дзю-дзюцу Исокаи-рю в г. Эдо.

Итосу Анко (Ясуцунэ) – 1832–1916 – один из патриархов окинава-тэ, патриарх Сюри-тэ (Сёрин-рю), учитель Фунакоси Гитина; ввёл преподавание боевых искусств в программу средних школ на Окинаве.

Кано Дзигаро (1860–1939) – создатель дзюдо, президент Японского олимпийского комитета.

Кано Рисэи – сын Кано Дзигаро, руководитель Кодокана после смерти отца.

Касэ Таидзи – учитель каратэ во Франции (стиль Сётокан).

Кацуя Мияхара – окинавец, ученик Тибаны Тёсина (стиль Кобаяси-рю Сёрин-рю).

Китабатакэ Томонори (1528–1576) – мастер фехтования на мечах, ученик знаменитого Цукахары Бокудэна, правитель провинции Исэ; его убийство послужило поводом к крупному восстанию ниндзя в Исэ и Ига.

Кукай (774–835) – первый японский патриарх буддийской секты Сингон (Истинного слова), доктрина которой оказала влияние на верования и магическую практику ниндзя.

Кусунуки Масасигэ (1294–1336) – аристократ, стратег, воин, сторонник императорской власти в войне с сёгунатом, основатель школы Кусунукэ-рю, которую сегодня иногда причисляют к искусству ниндзюцу.

Мацумора Коруку (Косаку) – 1829–1898 – патриарх и один из основателей окинавского стиля Томари-тэ.

Мацумура Сокон (1809–1896) – патриарх и основатель окинавского стиля Сюри-тэ.

Маэда Тосицунэ (1539–1658) – богатый даймё, владелец ряда замков в районе Канадзавы, прославился своим умением уходить от покушений ниндзя.

Миура Ёситацу (Ёдзи) – XVII в. – по преданию, ученик китайского мастера Чэнь Юаньюня, основатель школы дзю-дзюцу Миура-рю в г. Эдо.

Мияги Тёдзюн (1887–1953) – окинавец, последователь традиции Наха-тэ, основатель стиля Годзю-рю.

Момода Тобэй (XVI в.) – один из руководителей крупнейшего клана ниндзя в провинции Ига, мастер кэн-дзюцу, погиб в 1581 г. во время подавления восстания ниндзя в провинции Ига.

Моринага (XIV в.) – принц, сын императора Го-Дайго, мастер боевых искусств, знаток китайских воинских канонов, отличался знанием тайных воинских искусств, в частности искусства «становиться невидимым».

Мосидзуки Хиро – основатель направления Ёсэйкай-будо, в основу которого положен стиль Сётокан каратэ; учитель каратэ во Франции.

Мотобу Тёки (1871–1944) – окинавец, прозванный Мотобу-зари (Мотобу-обезьяна) за свою гибкость и подвижность, ученик Мацумуры Коруку по стилю Томари-тэ, имел 11-й дан (присвоил себе сам).

Набасима (XVII в.) – самурай из провинции Хидзэн, которому приписывается составление самого известного кодекса Бусидо «Хагакурэ» («Сокрытое в листве», 1615 г.).

Нагаминэ Сёсин (1907–?) – окинавец, ученик Кияна Тётоку (Сюри-тэ), Мотобу Тёки (Томари-тэ) и Арагаки Анкити (Сюри-тэ), создатель стиля Мацубаяси-рю Сёрин-рю; имел 10-й дан.

Накагава Сэсюндзин (XVI в.) – знаменитый ниндзя, создатель одной из самых умелых групп синоби *хаямити-но-моно*, находился на службе у даймё Цугару Гэмбана.

Накасонэ Сэю (1896–?) – окинавец, один из патриархов стиля Томари-тэ на Окинаве.

Накаяма Масатоси (род. в 1913 г.) – шеф-инструктор Всеяпонской ассоциации каратэ (стиль Сётокан), личный ученик Фунакоси Гитина.

Нара Тосинага (1667–1736) – известный мастер по изготовлению гард для самурайских мечей из г. Нара.

Обата Исао – ученик Фунакоси Гитина, шеф-инструктор Сётокана.

Огосоку Тёго – окинавец, ученик Азато Ясузато (стиль Сюри-тэ).

Отиро – прямой наследник окинавского стиля Сёрин-рю (школа Кобаяси-рю) после его создателя Тибаны Тёсина.

Роккаку Ёсиката (XVI в.) – правитель области Оми, блестящий воин, активно использовавший методы ниндзя.

Сасаки Кодзиро (?–1612) – мастер боя на мечах из провинции Бунзэн, основатель школы Цубамэ-гаёси («Кувырок ласточки»).

Сё Досин (1911–1980) – основатель направления Сёриндзи-кэмпо и философии боевых искусств Конго-дзэн.

Сё Хаси – правитель Окинавы (1421–1439), впервые установивший централизованную власть на острове; ввёл запрет на ношение оружия.

Сё Юки-сан – руководитель Всемирной федерации Сёриндзи-кэмпо, дочь Сё Досина.

Симадза Иэхиса (XVII в.) – руководитель клана Сацума, захвативший Окинаву в 1609 г. и ставший первым японским правителем острова.

Сокэн Хохан (1889–1973) – окинавец, ученик Мацумуры Набэ по стилю Сюри-тэ (Сёрин-рю), основатель направления Сукунаи Хаяси-рю (стиль Сёрин-рю).

Сугиюра Дзэй (1700–1761) – известный мастер по изготовлению гард для самурайских мечей из г. Нара.

Сэйкити Тогути – руководитель Сёрэйкай Годзю-рю в Наха (Окинава) и в Токио.

Сэн-но Рикю (1522–1591) – самурай, великий мастер чайной церемонии, разработавший кодекс правил «Пути чая», наставник сёгуна Хидэёси; совершил харакири после ложного обвинения в измене.

Тагаки Сэйтё – ученик Фунакоси Гитина (стиль Сётокан).

Тагаки Фусахиро – президент Ассоциации японских организаций каратэ (FAJKO).

Такигава Сабурохэй Кадзумасу (XVI в.) – старший военачальник Оды Нобунаги, руководил борьбой с восставшими кланами ниндзя в Исэ и Ига.

Такэда Сокаку (начало XX в.) – руководитель школы Дайто-рю айки-дзюцу, учитель основателя айкидо Уэсибы Морихэи.

Тёто Ямагава – окинавец, прямой ученик Итосу Анко (стиль Сюри-тэ –Сёрин-рю).

Тётоку Киян (1870–1945) – окинавец, ученик Мацумуры Сокона по стилю Сюри-тэ.

Тибана Тёсун (1885–1969) – окинавец, ученик Итосу Анко, создатель стиля Сёрин-рю (школа Кобаяси-рю).

Тоби Като (XVI в.) – настоящее имя – Като Дандзё по прозвищу «Летающий», один из самых известных ниндзя своего времени, которому приписывались необычайные магические способности.

Тода Такатора (1556–1630) – самурай и последователь школы Ига-рю ниндзюцу, сражался против войск Оды Нобунаги; в его замке в Уэно сегодня расположен крупнейший музей ниндзя.

Томоёэз Рюю – окинавец, ученик и близкий друг Уэти Камбуна, продолжатель стиля Уэти-рю.

Тосиаки Кирино (начало XX в.) – знаменитый мастер кэн-дзюцу, патриарх школы Дзигэн в провинции Кагосима.

Тэндзо Хацисука (XVI в.) – известный ниндзя, некоторое время состоял на службе у Оды Нобунаги.

Уэсиба Киссемару – мастер айкидо, один из руководителей Айкикая, сын Уэсибы Морихэи.

Уэсиба Морихэи (1883–1969) – великий мастер дзю-дзюцу, философ, основатель айкидо.

Уэти Камбун – окинавец, ученик Хигаонны, обучался в Китае, продолжатель направления Наха-тэ, создатель направления Уэти-рю.

Уэти Канэи – сын Уэти Камбуна, патриарх окинавского направления Уэти-рю.

Фукуда Хатиноскэ (конец XIX в.) – патриарх школы Тэнсин синъё-рю дзю-дзюцу, учитель основателя дзюдо Кано Дзигаро.

Фукуно Масакацу (Ситиро) – XVII в. – по преданию, ученик китайского мастера Чэнь Юаньюня, основатель школы Фукуно-рю дзю-дзюцу в г. Эдо.

Фунакоси Гитин (1869–1957) – окинавец, называемый «отцом каратэ», создатель стиля Сётокан.

Фунакоси Ёситака – третий сын Фунакоси Гитина, мастер и один из создателей технического арсенала стиля Сётокан.

Хаттори Масанари (XVII в.) – один из руководителей ниндзя провинции Ига, находился на службе у сёгуна Токугавы Иэясу.

Хигаонна Канрио (около 1845–1916) – окинавец, обучался в Китае, один из величайших мастеров окинава-тэ, патриарх стиля Наха-тэ.

Хикосукэ Тоцука (?–1886) – один из величайших мастеров и патриархов школы Ёсин-рю дзю-дзюцу (направление Рёи синто-рю – «Истинное искусство боя и воплощённой добродетели»), соперник Кано Дзигаро в борьбе за официальное признание дзю-дзюцу.

Хироси Киндзё (Канагусуку) – окинавец, продолжатель окинавского стиля Кобаяси-рю Сёрин-рю, создатель ката Сихогэри и Сихоцки.

Ходзё Дзинсукэ (XVII в.) – мастер боя на мечах, которому приписывается создание(иай-дзюцу) «искусства одного удара мечом».

Цутия Ясутика (1670–1744) – известный мастер по изготовлению гард для самурайских мечей из г. Нара.

Чэнь Юаньюнь (1587–1671) – китайский учёный, каллиграф, поэт и мастер боевых искусств, преподававший в г. Эдо и положивший начало одной из японских школ дзю-дзюцу.

Эн-но Гёдзя (634 – после 700) – основатель синкретической религиозной секты Сёгэндо, последователями которой были монахи-отшельники ямабуси; согласно легенде – один из первых ниндзя.

Ютёки Хига – окинавец, ученик Тибаны Тёсина школы Кобаяси-рю (стиль Сёрин-рю).

Ябу Кэнцу (Норимити) – окинавец, прямой ученик Итосу Анко по стилю Сюри-тэ.

Ямагути Гогэн (1909 – 1989) – патриарх японского направления Годзю-рю, мистик.

Ямагути Госэй (род. в 1940 г.) – старший сын Ямагути Гогэна, шеф-инструктор направления Годзю-рю в США.

Ямада Хатиэмон (XVII в.) – ниндзя школы Ига-рю, прославившийся искусством незаметно выкрадывать мечи у самураев и техникой саммэн-дзюцу.

Ямамото Цунэтомо (XVIII в.) – один из предполагаемых составителей известного кодекса Бусидо «Хагакурэ» («Сокрытое в листве»).

Ямаока Кагэцугэ (XVII в.) – один из руководителей ниндзя провинции Кога, находился на службе у сёгуна Токугавы Иэясу.

Краткий глоссарий

Агэ – верхний уровень (например, блока, атаки).

Агэ-укэ – верхний блок предплечьем, при котором рука согнута в локте, а предплечье почти горизонтально поднимается на уровень головы.

Агэ-цки – удар кулаком снизу вверх.

Аси – нога.

Аси-бараи – подсечка в каратэ.

Атэми – удар по жизненно важной точке.

Ба-дзюцу – вольтижировка как метод боевой самурайской подготовки.

Бараи – «сметающий» блок.

Бива – бродячий актёр, одна из семи классических «ролей» или типов маскировки ниндзя.

Бу – военный, боевой воин.

Бугэй («искусство войны») – воинское искусство, включавшее кроме индивидуальной подготовки воинов стратегию, фортификацию, изучение ритуалов.

Бугё – специальный уполномоченный (например, клана ниндзя при самурае).

Бу-дзюцу («боевое искусство») – обобщённое название боевых искусств Японии.

Будо («боевой путь») – обобщённое название боевых искусств Японии.

Буси – воин.

Бусидо – «Путь воина», самурайский кодекс чести и свод правил поведения.

Гири – долг как высшее моральное состояние, закон чести.

Го – жёсткость, твёрдость (в том числе как философский принцип).

Гохо – «учение твёрдости» в Сёриндзи-кэмпо: защитные действия, выполняемые в ответ на атаку противника, в том числе уклоны, уходы, блоки, удары.

Гьяку-гэри – прямой удар ногой, первоначально расположенной позади другой ноги, в Сёриндзи-кэмпо (аналог маэ-гэри).

Гьяку-цки – 1) прямой удар «разноимённой» рукой (например, удар правой рукой из левосторонней стойки); 2) прямой удар рукой, находящейся сзади, при вертикальном положении кулака и с небольшим подбивом кистью снизу-вверх в завершение в Сёриндзи-кэмпо.

Гэдан – нижний (например, нижний блок).

Гэй – искусство, в том числе боевое.

Гэри (кэри) – удар ногой.

Дан – мастерская степень в современных будо.

Дати – стойка.

Дзадзэн – 1) медитация в положении сидя; 2) позиция для медитации в положении сидя со скрещёнными ногами.

Дзедан – верхний уровень.

Дзёдан-но-ма – главная комната дома, место приёма почётных гостей, обычно с приподнятым полом.

Дзё-дзюцу – способы владения короткой дубинкой.

Дзэн – 1) буддийское учение об интуитивном просветлении; 2) обозначение внутреннего духовного начала в будо.

Дзэнван – запястье.

Дзэнкуцу-дати («стойка лука и стрелы») – стойка в каратэ, при которой 70% веса тела приходится на выдвинутую вперёд ногу, другая нога полностью выпрямлена.

Дзю – мягкость, податливость (в том числе как философский принцип).

Дзюдзи-укэ – блок скрещёнными запястьями.

Дзюдоги – кимоно для занятий дзюдо.

Дзю-кумитэ – свободный поединок в каратэ.

Дзюкуми-эмбу – свободные связки в Сёриндзи-кэмпо.

Дзюсин – главный вассал самурая.

Дзюхо – «учение мягкости» в Сёриндзи-кэмпо: броски, удушения, болевые удержания, освобождения от захватов.

Додзё – тренировочный зал.

Дхарма (*санскр* .) – 1) мельчайшие частицы сознания, из которых, согласно буддийской доктрине, складывается весь мир; 2) «закон», буддийское учение.

Дяньсю (*кит* .) – китайское искусство воздействия на жизненно важные точки организма как в медицинских, так и в боевых целях; повлияло на становление японского атэми.

Иай-дзюцу – «искусство одного удара», способ стремительного обнажения меча с мгновенным последующим ударом.

Ига-рю – собирательное название многих школ ниндзюцу, возникших в провинции Ига в XVI – XVII вв.

И жоу чжи ган (*кит.*) – «контролировать силу через податливость», «преодолевать

силу через слабость» – один из принципов китайского ушу и дзю-дзюцу.

Икэбана – композиция из цветов, одно из дзэнских искусств.

Инь цигун (*кит* . «жёсткий цигун» – комплекс упражнений *цигун* , направленных на обретение крепости тела, нечувствительности к ударам, в том числе и оружием.

Кагимоно-хики – «вынюхивающие и подслушивающие» – одно из названий ниндзя.

Какэмоно – живописные или поэтические свитки, которые вешают на стену.

Какэ-укэ – блок тыльной частью ладони изнутри наружу.

Кама – сельскохозяйственный серп, используется как парное оружие.

Кампо – традиционная медицина.

Кандзе – почётная грамота, рекомендательное письмо, выдаваемое самураям или ниндзя в знак высшего признания заслуг, преданности и воинского мастерства.

Кансе – шпион; синоним «ниндзя».

Каратэ – 1) «пустая рука»; 2) «танская рука» – японское прочтение слова «тодэ», в котором Фунакоси Гитин в 1936 г. заменил иероглиф «кара» («тан») на одинаковый по звучанию иероглиф, означавший «пустой».

Каратэги – кимоно для занятий каратэ, обычно белого цвета.

Каратэка – последователь каратэ.

Киба-дати («стойка наездника») – фронтальная стойка в каратэ, при которой ступни расположены параллельно друг другу, а центр тяжести проецируется на центр линии, соединяющей обе стопы.

Киёку – то же, что кико.

Кико (*киёку*) – методы управления внутренней энергией «ки».

Кинбу – запрет на ношение, хранение и изготовление оружия.

Кобудо – работа с традиционным оружием и подручными средствами, например с серпами, нунтяками.

Кога-рю – собирательное название многих школ ниндзюцу, возникших в провинции Кога в XVI – XVII вв.

Кокуцу-дати – стойка в каратэ, при которой 60 – 70 % веса тела приходится на «заднестоящую» ногу, а «переднестоящая» нога немного согнута в колене.

Комусо – бродячий монах, обычно с флейтой и особой корзиной-шапкой на голове, закрывающей лицо; также одна из семи классических «ролей» или типов маскировки ниндзя.

Кон – длинный посох, оружие в кобудо.

Конго-дзэн – философская доктрина в стиле Сёриндзи-кэмпо.

Кумитэ – обобщённое название для нескольких типов поединка в каратэ (см. *дзю-кумитэ* , *сиай*).

Куми-эмбу – короткие типовые связки блоков, бросков и ударов в Сёриндзи-кэмпо.

Кусари (гусари) – металлическая цепь, оружие в кобудо.

Кэккафудза – формальная позиция для дзэн-буддийской медитации, при которой правая нога лежит на левом бедре, а кисти ладонями вверх сложены на уровне нижней части живота.

Кэмпо – 1) кулачное искусство (в отличие от работы с оружием); 2) обобщённое японское название китайского ушу.

Кэн – кулак; также обозначение внешнего, физического аспекта боевых искусств.

Кэн-дзюцу («искусство меча») – обобщённое название методов боя с мечом.

Кэндо («Путь меча») – техника работы с мечом, в основном с катаной.

Кэсси («готовые умереть») – отряды смертников из ниндзя.

Кю – ученическая степень в современных будо.

Кю-дзюцу – стрельба из лука как способ самурайской подготовки.

Кюдо – стрельба из лука.

Мааи – в айкидо оптимальное расстояние от партнёра (расстояние вытянутой руки).

Маваси-цки – крутой удар («крюк») кулаком в голову.

Мандзи – свастика, буддийский символ добродетели и счастья, знак духовного

совершенства в Сёриндзи-кэмпо.

Миги – правый.

Моротэ-укэ – двойной блок предплечьем изнутри наружу, кулак другой руки находится у локтя блокирующей.

Монгай фусюсу («не выносить за ворота школы», «не передавать вовне») – традиционный принцип преподавания будо в закрытых школах.

Нагаси-укэ – отводящий блок тыльной частью ладони к противоположному плечу.

Нагината – алебарда.

Нагината-дзюцу – способы владения алебардой.

Нимпо – кодекс поведения ниндзя.

Ниндзе – гуманность, человеколюбие, справедливость.

Нодо – монах в миру.

Нэкоаси-дати («стойка кошки») – стойка в каратэ, при которой 90% веса тела приходится на отставленную назад ногу, а выдвинутая вперёд нога касается пола лишь носком.

Ои-цки – прямой удар «одноимённой рукой» (например, удар правой рукой из правосторонней стойки).

Окинава-тэ – собирательное название различных направлений боевых искусств, практикуемых на Окинаве.

Он – священный долг воздаяния за милость, например верность самурая императору, моральная плата.

Осаи-укэ – давящий блок сверху вниз ладонью.

Рицудзэн – 1) медитация в положении стоя; 2) позиция для медитации в положении стоя.

Року-сяку-бо – классический окинавский посох-оружие, чуть выше человеческого роста.

Рэнси – инструктор (звание).

Рю – школа, направление.

Рюкэн – техническое действие двумя руками одновременно (например, крестообразный блок).

Саи – короткий, длиной не более предплечья, металлический трезубец, обычно используемый как парное оружие.

Сангха (*санскр* .) – буддийская община.

Сантин («три атаки», или «три продвижения вперёд») – дыхательно-медитативное ката в стилях каратэ Годзю-рю, Уэти-рю.

Сантин-дати – стойка в каратэ, при которой стопа стоящей впереди ноги повёрнута внутрь.

Саругаку – танцор, одна из семи классических «ролей» или типов маскировки ниндзя.

Сасумата – трезубец, оружие на длинном древке с острым концом и двумя направленными в разные стороны металлическими крюками.

Сасумата-дзюцу – способы владения трезубцем.

Седзи – деревянные рамы-стены в японском доме, оклеенные гладкой бумагой, пропускающей свет.

Сеин – главный кабинет дома или комната для интеллектуальных занятий, в том числе дзэнскими искусствами.

Сеин-дзукури – архитектурный стиль, существующий с XV в., связанный с эстетикой дзэн-буддизма и символизирующий естественность жизни, единство человека и природы.

Сёриндзи (*яп* .) – Шаолиньский монастырь.

Сиай – свободный поединок в каратэ на соревнованиях.

Сидзэн-тай – «естественная позиция».

Синоби – шпион, лазутчик, другое чтение термина «ниндзя».

Сихогэри – ката, созданное Хироси Киндзё на базе ката Сэйсан и практикуемое в

окинавском стиле Сёрин-рю (школа Кобаяси-рю).

Сихоцки – ката, созданное Хироси Киндзё на базе ката Сэйсан и практикуемое в окинавском стиле Сёрин-рю (школа Кобаяси-рю).

Содэгарами – клевец, оружие на длинном древке с острым концом и металлическим крюком.

Содэгарами-дзюцу – способы владения клевцом.

Сутэкамари-но-дзюцу («искусство лежать недвижно и не подавать признаков жизни») – один из приёмов тактики ниндзя.

Сэйхо – метод саморегуляции, в основном в Сёриндзи-кэмпо, включающий массаж, медитацию, дыхательные упражнения и т. д.

Сэммэн-дзюцу – особый приём, который имитировал наличие трёх голов у человека, что должно было запутать противника.

Сэмпай – старший ученик.

Сэнсэй – учитель, мастер.

Сэппуку – ритуальное самоубийство посредством вспарывания живота.

Сюсокукан – дыхательная методика в дзэн-буддизме: медленный вдох и выдох без задержки на десять счётов каждый.

Тайкиеку-но-ката – базовый комплекс (ката) каратэ «Великий предел» в стиле Сётокан.

Тигаидана – ниша с декоративными полками на разных уровнях.

Тикара-иси («камень силы») – традиционные гантели в виде молота с деревянной рукоятью.

Тодэ («рука династии Тан») – собирательное название боевых искусств, практикуемых на Окинаве.

Токонома – ниша в стене дома, где вешали художественные свитки или ставили композиции икэбаны.

Тонфа – оружие, представляющее собой палку с прикреплённой к ней под прямым углом рукоятью; в древности – рукоять для ручной мельницы.

Туйфа – то же, что тонфа.

Тэ («рука») – традиционное краткое обозначение кулачного искусства, распространено на Окинаве.

Тэйсацу – разведчик, синоним понятия «ниндзя».

Тэн-но-ката – базовый комплекс (ката) «Небесная форма» в стиле Сётокан каратэ.

Тэссэн – железный веер, традиционное ритуальное и боевое оружие самураев, перешедшее в каратэ.

Тюдан – средний уровень (удара или блока) относительно туловища противника.

Тяси – каменные или железные гантели в виде параллелепипеда с продетой в него рукоятью.

Удзумэ-би – особые мины, используемые в традиционной воинской практике.

Укэ – блок.

Упасака (*санскр* .) – мирянин, признающий положения буддийского учения.

Ушу (*кит* .) – обобщённое название всего комплекса боевых искусств Китая.

Фусума – раздвижные бумажные перегородки в японском доме.

Хайван – тыльная часть руки или кулака.

Хакама – широкие самурайские чёрные штаны; сегодня – ритуальная одежда у мастеров айкидо и каратэ.

Ханкафудза – формальная позиция для дзэн-буддийской медитации, при которой левая нога лежит перед правой; считается более простой позицией по сравнению с кэккафудза.

Ханси – высшее звание, присуждаемое обычно Будоканом за большие заслуги в будо.

Харакири – то же, что сэппуку.

Хаямити-но-моно («люди короткого пути») – одна из самых тайных групп ниндзя в

XVII в. (около 20 человек), созданная Накагавой Сэсюндзином и находившаяся в распоряжении даймё Цугару Гэмбана; славилась своим умением незаметно пробираться в любые жилища.

Хидари – левый.

Хомбу додзё – центральный зал или штаб-квартира стиля (направления) боевых искусств.

Хэйсоку – дати-стойка, при которой ступни поставлены параллельно и касаются друг друга.

Цзун-гэри – прямой удар выставленной вперёд ногой в Сёриндзи-кэмпо (аналог маэ-гэри).

Цзун-цки – прямой удар рукой, находящейся впереди, с вертикальной позицией кулака и небольшим подбивом кистью снизу-вверх в конце в Сёриндзи-кэмпо.

Цигун (*кит* .) – «достижение мастерства в управлении энергией ци» – комплекс дыхательных, медитативных упражнений, направленных на регулирование циркуляции ци в организме.

Цки – прямой удар рукой.

Цумасаки-гэри – прямой удар кончиками пальцев ноги.

Цюань (*кит* .) – 1) кулак; 2) краткое обобщённое название кулачного искусства; 3) школа, стиль ушу, иногда не имеющие своего названия.

Цюаньфа (*кит* .) – «методы кулачного искусста» – обобщённое название методов боя и тренировки без оружия; в японском чтении – кэмпо.

Цюаньшу (*кит* .) – кулачное искусство (в отличие от боя с оружием), то же, что цюаньфа.

Шуайцзяо (*кит* .) – китайское искусство борьбы или проведения бросков.

Эмбусэн – траектория выполнения ката.

Энпи – локоть.

Энпи-ути – удар локтем.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

1. Анарина Н. Г. Японский театр Но. М.: Наука, 1984.

2. Арутюнов С. А., Щербаков В. Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.: Восточная литература, 1992.

3. Буддизм в Японии /Под ред. Т. П. Григорьева. М.: Восточная литература, 1993.

4. Горегляд В.Н. Страна за захлопнутой дверью /Кирквуд К. Ренесанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. М.: Наука, 1988.

5. Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры. М.: Наука, 1986.

6. Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV-XVI вв. /Пер. с яп. М. В. Торопыгиной. СПб.: Академический проект, 1994.

7. Долин А. А., Попов Г. В. Кэмпо – традиция воинских искусств. М.: Наука, 1990.

8. Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984.

9. Ихара Сайкаку. Новеллы /Пер. с яп. Т. Редько-Добровольской. М., 1981.

10. Иэнага Сабуро. История японской культуры. М.: Наука, 1972.

11. Кодзаи Ёсисигэ. Современная философия. Заметки о «духе Ямато». М.: Наука, 1974.

12. Конрад Н. И. Японская литература, М.: Наука, 1991.

13. Кулешов А. П. Познакомьтесь – дзю-до. М.: Советский спорт, 1963.

14. Лукашев М. Н. Родословная самбо. М.: Советский спорт, 1986.

15. Маслов А. А. Небесный путь боевых искусств: духовное искусство китайского ушу. СПб.: Тэкс, 1995.

16. Маслов А. А. Удел терпеливых. //Техника-Молодежи. 1990, №№ 11, 12.
17. Международные отношения на Дальнем Востоке 1840-1949. М.: Политическая литература, 1956.
18. Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Наука, 1988.
19. Нихон рёики. Японские легенды о чудесах. СПб, 1995.
20. Нихон сёки. Анналы Японии. СПб, 1997.
21. Очерки новой истории Японии (1640-1917). М.: Наука, 1958.
22. Повесть о доме Тайра. М.: Наука, 1982.
23. Подпалова Г. И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в. М.: Наука, 1960.
24. Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М.: Наука, 1984.
25. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. Этнопсихологические очерки. М.: Наука, 1985.
26. Свод законов «Тайхорё» 702-718 гг. /Пер. и ком. К. А. Поповой.
В 2 т. М.: Наука, 1985.
27. Сказание о Ёсицунэ /Пер. А. Стругацкого. М., 1984.
28. Спеваковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М.: Наука, 1981.
29. Томацу Ивадо. Хагакурэ Бусидо (Книга воина) //Восточное обозрение. 1943. Т. XVI.
30. Хамадан А. Японский шпионаж. М., 1937.
31. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
32. Юсупова А. И. Три века японской гравюры. М., 1993.

На китайском языке

33. Дэцянь. Шаолинь усэн чжи (Хроники монахов-бойцов Шаолиньского монастыря). Пекин, 1988.
34. Ли Цзифан, Чжоу Сикуан. Чжунго гудай тиюй ши цзяньбянь (Краткая история физического воспитания Китая). Пекин, 1984.
35. Си Юньтай. Чжунго ушу ши (История китайского ушу). Пекин, 1985.
36. Чжунго дабайкэ цюаньшу. Тиюй (Китайская энциклопедия. Спорт). Шанхай, 1982.
37. Чжунго ушу дацыдянь (Большой словарь китайского ушу) /Под ред. Ма Сянда. Пекин, 1990.
38. Шаолиньсы юй шаолиньцюань (Шаолиньский монастырь и шаолиньский кулак). Гуанчжоу, 1984.
39. Шаоши шаньжэнь (Дэцянь). Шаолиньсы ушу дацюань (Большая энциклопедия ушу монастыря Шаолинь). В 4 т. Пекин, 1995.

На японском языке

40. Ватанабэ. Кэиити Кэнсин но нана фусиги //Рэйкиси Докюхон. 1969. Сентябрь.
41. Вататани Киёси. Бугэй рюха хякусэн (Обзор школ боевых искусств). Токио, 1972.
42. Вататани Киёси, Ямада Тадаси. Бугэй рюха дайдзитэн (Большой энциклопедический словарь школ боевых искусств). Токио, 1972.
43. Дзэнгаку дайдзитэн (Большой словарь по дзэн). Токио, 1978.
Т. 1-3.
44. Ёкояма Сакудзиро, Эйсукэ Осима. Дзюдо кёхон (Пособие по дзюдо). Токио, 1908, 1939.
45. Икэгути Экан. Миккё-но химицу (Секреты тайного учения). Токио, 1993.
46. Имамура Ёсио. Нихон будо дзэнсю (Историописание японских боевых искусств). Токио, 1962.
47. Иноуэ Тэцудзиро, Арима Сукэмасу. Бусидо сёхо (Материалы по истории Бусидо). Токио, 1911.

48. Кано Дзигаро. Дзюдо кёхон (Пособие по дзюдо). Токио, 1931.
49. Кано Дзигаро. Сэйрёку дзэнъё кокумин тайику (Принципы наибольшей эффективности и всеобщего благоденствия в физическом воспитании нации). Токио, 1922.
50. Като Кодзиро. Сотё ка ботё ка (Разведка или контрразведка). Токио, 1941.
51. Киёвара Садао. Бусидо си дзю ко (Десять лекций по истории Бусидо). Токио, 1934.
52. Кобэ Садзаэмон. Сэйсу Хэйранки / Каитэй сисэки сюран. Токио, 1902. Т. 25.
53. Кониси Ясухиро. Каратэ-до нюмон (Введение в каратэ-до). Токио, 1959.
54. Кондо Сэйитиро. Гунси Санада Юкимура (Наставник боевых искусств Санада Юкимура). Токио, 1985.
55. Мабуни Кэнва. Госин-дзюцу каратэ кэмпо (Искусство самозащиты каратэ кэмпо). Токио, 1934.
56. Мацура Рэй. Ансацу (Тайные убийства). Токио, 1983.
57. Миятака Гайкоцу. Мэйдзи миттэй кэнкю (История шпионов эпохи Мэйдзи). Токио, 1929.
58. Момосэ Мэйдзи. Гуно-но кэнкю (Исследования о наставниках боевых искусств). Токио, 1983.
59. Миура Акио. Миккё цуси (Общая история миккё – эзотерических учений). Токио, 1939.
60. Мифунэ Кудзо. Дото дзюцу (Путь и искусство борьбы). Токио, 1956.
61. Нава Юмио, Хикита Тэнко, Хираива Сиракадзэ. Ниндзюцу тэдзина-но химицу (Секреты ниндзюцу и хитростей). Токио, 1993.
62. Нарамото Тацуя. Бусидо-но кэйфу (Истоки Бусидо). Токио, 1974.
63. Нисияма Мацуноскэ. Гэндай-но иэмото (Иэмото современности). Токио, 1962.
64. Нисияма Мацуноскэ. Иэмото моноготари (Повествование об иэмото). Токио, 1971.
65. Одзэ Хоан. Тайко-ки /Под ред. Ёсида Ютака. Токио, 1979.
66. Окинагуса Нихон дзуйхицу дзэнсю (Прекрасные писания о Японии) /Сост. Накацука Эйдзиро. Токио, 1928. Т. 15.
67. Окусэ Хэйситиро. Ниндзюцу. Соно рэкиси то ниндзя (Ниндзюцу. Его история и ниндзя). Токио, 1963.
68. Оцука Тадахико. Каратэ нюмон (Введение в каратэ). Токио, 1973.
69. Ояма Масутацу. Каратэ о хадзимэру моно-но тамэ ии (Пособие для начинающих практиковать каратэ). Токио, 1971.
70. Сакаи Тэцуо. Нихон сумо си (История японского сумо). Токио, 1964.
71. Сё Досин. Мицудэн Сёриндзи-кэмпо (Секреты Сёриндзи-кэмпо). Токио, 1972.
72. Сё Досин. Сёриндзи-кэмпо дзэн-но гэнрю, тюгоку дэнпай-но госин дзюцу (Шаолинькое кулачное искусство – ответвление дзэн и тайное китайское искусство). Токио, 1963.
73. Сё Досин. Сёриндзи-кэмпо нюмон (Введение в Сериндзи-кэмпо). Токио, 1986.
74. Сугиура М. Уэсуги Кэнсин-но си ин (История смерти Уэсуги Кэнсина) //Кэнко Кюсицу. 1969. Апрель.
75. Сугияма Хироси. Нихон-но-Рекиси Сэнгоку даймё (История японских сэнгоку-даймё). Токио, 1971.
76. Фудзи Райсай. Кансай хикки /Нихон дзуйхицу дзэнсю (Прекрасные писания о Японии) / Сост. Накацука Эйдзиро. Токио, 1928. Т. 10.
77. Фунагецу Сэнтин. Рентан госин каратэ-дзюцу (Искусство каратэ для воспитания мужества и самозащиты). Токио: Кобундо, 1925.
78. Фунагецу Сэнтин. Рюкю кэмпо каратэ (Кулачный метод каратэ с островов Рюкю). Токио, 1922.
79. Фунакоси Гитин. Каратэ нюмон (Введение в каратэ). Токио: Кокубо Будо Кюкай, 1943.
80. Фунакоси Гитин. Каратэ-до итиро (Метод каратэ-до). Токио, 1956.
81. Фунакоси Гитин. Сёто ёва (Ночные беседы Сёто) //Каратэ-до. 1967. № № 1-8.

82. Хацуми Масааки. Има ниндзя (Я – ниндзя). Токио, 1981.
83. Хираками Нобуюки. Гокун содэн. Корю будзюцу сосё (Передача высших секретов. Боевое искусство древних школ). Токио, 1992. 2 т.
84. Цубоути Юдзо. Эн-но гёдзя. Токио, 1917.
85. Юдани Юки. Бугэй рюха дайдзитэн (Энциклопедия боевых искусств). Токио, 1963.
86. Ямагути Масаюки. Ниндзя-но-сэйкацу (Жизнь ниндзя). Токио, 1969.
87. Ямада Дзирокити. Нихон кэндо-си (История японского фехтования на мечах). Токио, 1960.

На западных языках

88. A complete Guide to Judo, its Story and Practice /Comp. by R. Smith. Tokyo, 1958.
89. A Tale of Mutsu /Tr. by McCullough H.C. // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1964-1965. № 25.
90. Adams A. A curriculum for assassins //Black Belt. 1967. January.
91. Adams A. Ninja // The Invisible Assassins. Los Angeles, 1973.
92. Arima Sumimoto. Judo: Japanese Physical Culture. Tokyo: Mitsumura & Co. Ltd, 1906.
93. Beissner C., Birod M. Judo: Training, Technik, Taktik. GmbH. 1982.
94. Bellah R. N. Tokugawa Religion. Boston, 1970.
95. Blacker C. Initiation in the Shugendo: the passage through the ten states of existence //Initiations (ed. C. J. Blacker). 1965.
96. Blith R. H. Zen and Zen Classics. Tokyo, 1980. V. 1-5.
97. Bottomley I., Hopson A. Arms and Armor of the Samurai. London, 1989.
98. Collcutt M. Daimyo and daimyo culture /Japan. The Shaping of Daimyo Culture (1185-1868) /Ed. by Yoshiaki Shimizu. Washington, 1988.
99. Collcutt M. The Legacy of Confucianism in Japan /The East Asian Region. Confucian Heritage and its Modern Adaptation /Ed. by Gilbert Rozman. Princeton, New Jersey, 1991.
100. Cook H. Samurai. The Story of Warrior Tradition. London, 1993.
101. De Visser M. W. The Tengu //Transactions of the Asiatic Society of Japan. Yokohama, 1908. V. 2. Part 2.
102. Delcourt J. Technique du karate. Paris, 1966.
103. Demura Fumio. Shito-ryu Karate. Los Angeles, 1973.
104. Dore R. Education in Tokugawa Japan. Berkeley and Los Angeles, 1965.
105. Draeger D. F. Classical Bujutsu. Tokyo, 1977. V. 1-3.
106. Draeger D. F. Ninjutsu. The Art of Invisibility. Phoenix, 1977.
107. Draeger D. F., Smith R. W. Asian Fighting Arts. Tokyo, 1973.
108. Egami S. The Way of Karate: Beyond Techniques. Tokyo-New York-San Francisco, 1978.
109. Etig W. Schwertkampf Training der Samurai und der Ninja. Bad-Homburg, 1992.
110. Farris W. Heavenly warriors. The evolution of Japan’s Military. London: Harvard University press, 1992.
111. Feldenkrais M. Judo pour centure noires. Edition Chiron. Paris, 1951.
112. Funakoshi Gichin. Karate-do Kyohan. The Master text. Tokyo, 1975.
113. Funakoshi Gichin. Karate-do //A complete Guide to Judo, its Story and Practice. Compl. by Robert W. Smith. Tokyo, 1958.
114. Funakoshi Gichin. Karate-do, My Way of Life. Tokyo, 1978.
115. Funakoshi Gichin. Karate-do Kyohan. Tokyo, 1975.
116. Garbutt M. Military Works in Old Japan //Transactions and Proceedings of the Japan Society. London, 1907.
117. Geesink A. Mijn Judo //Sprendlingen: Budo-Verlag, 1967.
118. Habersetser R. Karate de la Tradition //Maitres et Ecoles de l’Okinawa-te. Paris:

Amphora, 1978.
119. Habersetser R. Ko-budo, les techniques d’armes d’Okinawa. Paris, 1977.
120. Habersetser R. Le nouveau guide Marabout de karate. Paris, 1980
121. Haines B. Karate’s History and Traditions. Rutland–Tokyo, 1968.
122. Halford S. & G. The Kabuki Handbook. Rutland–Vermont, 1956.
123. Hatsumi Masaki. Hanbo-jutsu. Bad-Homburg, 1992.
124. Hatsumi Masaaki. Ninjutsu. History and traditions. In 9 v. Tokyo, 1991.
125. Hayes S. Ninja Combat Method. Atlanta, 1975.
126. Hayes S. Ninja: Spirit of the Shadow Warrior. Los Angeles, 1980.
127. Hayes S. The Deadly Ninja Are Alive and Well in Japan //Official Karate. V. 11. 1979. April.
128. Hayes S. The Mystic Arts of the Ninja. Chicago, 1985.
129. Hayes S. The Ninja and Their Secret Fighting Art. New York, 1981.
130. Hayes S. The Ninja Mind //Black Belt. 1980. January.
131. Herrigel E. Zen and the Art of Archery. New York: Pantheon, 1953.
132. Hillier J. The Japanese Print: A New Approach. Rutland-Vermont– Tokyo: Charles E. Tuttle Co., 1979.
133. Itoh Teiji. The Essence of Japanese Beauty. Tokyo, 1993.
134. Japan. The Shaping of Daimyo Culture (1185-1868) /Ed. by Yoshiaki Shimizu. Washington, 1988.
135. Jasarin J. Le Judo, ecole de vie. Paris, 1974.
136. Kaisen Iguchi. Tea Ceremony. Osaka: Hokusha Publishing Co, 1982.
137. Kano Jigoro. Judo: The Japanese Art of Self-Defense //A complete Guide to Judo, its Story and Practice /Comp. by R. Smith. Tokyo, 1958.
138. Koichi Tohei. Introdaction in: Maruyama Koretoshi. Aikido with Ki. Tokyo: Ki No Kenkukai H.Q, 1985.
139. Kuno M. Die Samurai. Duesseldorf-Wien, 1981.
140. Lamotte M., Marcelin J. R. Manuel Complet de Judo et Jiu-Jitsu. Paris, 1951. T. 1-4.
141. Lu D. Sourses of Japanese History . In 2 v. New York, 1974.
142. Mattson G. The Way of Karate. Rutland, Vermont, Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1963.
143. Maruyama Koretoshi. Aikido with Ki. Tokyo: Ki No Kenkukai H.Q, 1985.
144. McCullough H. The Taiheiki /A Chronicle of Medieval Japan. Colombia University Press. New York, 1959.
145. McMullen I. J. Rulers or Fathers? A Casuistical Problem in Early Modern Japanese Thought //Past and Present 116. 1987. August.
146. Miazato Eiichi. Okinawan Goju-ryu Karate-do. Tokyo, 1978.
147. Mifune K. Canon of Judo. Tokyo, 1960.
148. Mochizuki Hiroshi. Manuel complet de Ai Ki-do. Paris, 1956.
149. Morris I. The Nobility of Failure /Tragic Heroes in the History of Japan. London, 1975.
150. Munsterberg H. The Arts of Japan: an Illustrated History. Rutland-Vermont-Tokyo: Charles E. Tuttle Co, 1981.
151. Murdoch J. A History of Japan. London, 1925.
152. Murakami Katsumi. Karate-do Ryuku Kobudo. Tokyo, 1977.
153. Musashi Miyamoto. A Book of Five Rings /Ttr. by V. Harris. Woodstock – New York, 1974.
154. Nagamine Shoshin. The Essence of Okinawan Karate-do. Tokyo, 1976.
155. Nakayama M. Karate Kata. Demonstrated by Kanazawa Hirokazu. Official Manual of the Japan Karate Association. In 12 books. (Heian 1-5, Tekki 1-3, Bassai Dai & Sho, Kanku Dai & Sho). Tokyo-New York-San Francisco, 1969-1970.
156. Nakayama Masatoshi. Dynamic Karate: Instructions by the Master. Tokyo, 1966.
157. Newsweek. Japan – a good cocktail. 1964. 3 August.

158. Nish I. A Spy in Manchuria: Ishimitsu Makyo //Proceedings of the British Association for Japanese Studies, 1985.
159. Nishiyama H., Brown R. Karate: The Art of Empty Hand Fighting. Tokyo, 1960.
160. Obata Toshiro. Aiki-jutsu of Samurai.Tokyo, 1988.
161. Onoda Hiroo. No surrender //My Thirty-Year War. tr. by Charles S. Terry. London, 1975.
162. Nitobe I. Bushido, the Soul of Japan. New York, 1905.
163. Ogasawara N. Japanese swords. Tokyo, 1970
164. Oyama Masutatsu. Advanced Karate. Tokyo, 1974.
165. Oyama Masutatsu. This is Karate. New York-Tokyo, 1965.
166. Oyama Masutatsu. Vital Karate. Tokyo, 1967.
167. Oyama Masutatsu. What is Karate? New York-Tokyo, 1968.
168. Papinot E. Historical and Geographical Dictionary of Japan. Tokyo, 1972.
169. Parker E. Secrets of Chinese karate. Prentice-Hall, 1963.
170. Peterson K.S. Mind of the Ninja. Chikago-New York, 1986.
171. Ratti O., Westbrook A. Secrets of the Samurai. Rutland, 1979.
172. Reid H., Croucher M. The Way of the Warrior. London, 1995.
173. Reischauer E. O. The Japanese. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
174. Reishauer E. Japan //The Story of a Nation. New York, 1970.
175. Reishauer E. O. The Japanese. Cambridge, 1977.
176. Renondeau G. Histoire des moines guerriers du Japon //Melanges publies par l’Institut des Hautes Etudes Chinoises. V.1/ Paris, 1957.
177. Rotermund H.O. Die Yamabushi. Hamburg, 1968.
178. Robert L. Le guide Marabout de Judo. Paris, 1981.
179. Rotermund H.O. Die Yamabushi. Hamburg, 1968.
180. Shambala J.S. Abundant peace: the Biography of Morihei Ueshiba. Boston-London, 1987.
181. Shidachi T. «Ju-jutsu», the Ancient Art of Self-Defense by Sleight of Body /A complete Guide to Judo, its Story and Practice /Comp. by R. Smith. Tokyo, 1958,
182. Sho Dochin. What is it Shorinji Kempo? Tokyo, 1973.
183. Soulie B. Japanese Art of Loving. Fribourg– Geneve: Liber SA, 1983.
184. Sources of Japanese Tradition /Ed. by Tsunoda Ryusaku. New York: Columbia University Press, 1958.
185. Sources of Japanese Tradition /Ed. by Tsunoda Ryusaku, Wm. Theodor de Bary, Donald Keene. 2 v. New York, 1964.
186. Steenstrup H. Hojo Shigetoki (1198-1261) and his Role in the History of Political and Ethical Ideas in Japan. London-Malmo, 1979.
187. Sugawara Makoto. Lives of Master Swordsmen. Tokyo, 1985.
188. Suzuki Daisetz Teitaro. The Training of Zen Buddhist Monk. Kyoto: The Eastern Buddhist Society, 1934.
189. Swanson P. Shugendo and the Yoshino-Kumano Pilgrimage //Monumento Nipponica. V. 36. No. 1.
190. Tale of Mutsu //Ttr. by McCullough H.C. //Harvard Journal of Asiatic Studies. 1964-1965. № 25.
191. Tetsu Najita. Japan: The Intellectual Foundation of Modern Japanese Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
192. The Book of the Discipline (Vinaya-Pitaka) /Tr. by I. B. Horner. London: Pali Text Society, Luzac & Co., Ltd,1949. V 1.
193. The East Asian Region. Confucian Heritage and its Modern Adaptation /Ed. by Gilbert Rozman. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.
194. The Tale of Heike /Tr. by Kitagawa H. & Tsuchida B. Tokyo, 1975. V. 1-2.
195. They came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543-1640. /Ed. by

M. Cooper. Berkeley-Los Angeles, 1965.
196. Turnbull S. Battles of the Samurai. London, 1987.
197. Turnbull S. Lone Samurai and the Martial Arts, Arm and Armour. London, 1991.
198. Turnbull S. Ninja: The True Story of Japan’s Secret Warrior Cult. London: Firebird Books,1991.
199. Turnbull S. The Samurai. A Military History. Surrey: Curzon press, 1996.
200. Turnbull S. The Samurai //A Military History. London, 1977.
201. Ueshiba Kisshomaru. Aikido. Tokyo: Hodzasha, 1972.
202. Warrior rule in Japan /Ed. By M. Jansen. Cambridge: University press, 1995.
203. Watts A. The Spirit of Zen. London: Murray, 1955.
204. Watts A. The Way of Zen. London: Penguin Books, 1957.
205. Weinstein S. Rennyu and the Shinshu Revival //Japan in the Muromachi Age. Berkeley, 1977.
206. Weiss A., Philbin T. Ninja: Clan of Death. London, 1981.
207. Westbrook A., Ratti O. Aikido and the Dynamic Sphere. Tokyo, 1970.
208. Wilson William R. The Way of Bow and Arrow. The Japanese Warrior in Konjaku Monogatari //Monumenta Nipponica. V. 28. No. 2.
209. Winderbaum L. The Martial Arts Encyclopedia. Washington, 1977.
210. Wolf Horst. Judo fur Fortgeschrittene. Berlin: Sportverlag, 1981.
211. Wolf Horst. Judokampfsport. Berlin: Spotverlage.,1981.
212. Yamaguchi Gogen. Karate Goju-ryu by the Cat. Tokyo, 1976.
213. Yamaguchi Gosei. Goju-ruy Karate. San Francisco, 1970.
214. Yamamoto Tsunetomo. Hagakure. Tokyo, 1979.
215. Yasuji Toita, Chiaki Yoshida. Kabuki. Osaka: Hoikusha Publishing Co., 1967.
Yokoyama Sakujiro, Eisuke Oshima. Manuel de Judo de l’Ecole Kano de Tokyo. Paris: Berger Levrault, 1911.